4
К-89

И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко

СИНТАКСИС ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В РУССКИХ ГОВОРАХ

РЯ - диалект. Характерные
и геогр. размещ. письменных
ном. - Синтаксис

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

65377

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко

СИНТАКСИС ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В РУССКИХ ГОВОРАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1971

4
К-89
ИН-ТА ... ЯЗЫКА
ИН-ТА ... СССР
65377

Работа основана на богатейшем фактическом материале и представляет собой значительный вклад в русскую диалектологию. Характеризуя факты современных говоров, авторы показывают степень продуктивности отдельных конструкций и намечают, где это возможно, тенденции их развития. Причастные формы изучаются как с точки зрения их функционирования в предложении, так и с точки зрения территориального распространения.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Р. И. АВАНЕСОВ

7-1-2
192-71 (I)

ВВЕДЕНИЕ

1. Предмет нашего изучения — употребление в русских говорах форм, восходящих к причастиям древнерусского языка, за исключением образований на *-чий* (*горючий*...), рано ставших именами прилагательными, и образований на *-л*, также рано вошедших в систему спрягаемых форм глагола (к последним мы обращаемся только в плане сравнения с предикативно функционирующими формами типа *ушотчи*, *поставивши*). Соответствующие образования составляют в литературном языке два разряда форм — причастия и деепричастия. В силу того, что они «лежат в смешанной глагольно-именной или глагольно-наречной зоне»[1], вопрос об их месте в системе частей речи может решаться по-разному[2], однако

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947, стр. 429.

[2] Как известно, двойственность природы причастия понимали грамматисты еще античного времени, что нашло отражение и в соответствующих греческом и латинском терминах. Характеристика причастий и деепричастий как таких форм, которые «причастны» и имени и глаголу, проходит через все грамматики русского языка, в том числе и относящиеся к XVI—XVII вв.; но при этом в одних трудах данные формы рассматриваются внутри класса имен (включая наречие), в других — внутри класса глаголов, в третьих — как самостоятельные части речи (ср., напр.: Смотрицкий Мелетий. Грамматика. М., 1648, стр. рчи; М. В. Ломоносов. Российская грамматика.— В кн.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7. М.— Л., 1952, стр. 407 и след.; «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная». СПб., 1831, стр. 107 и след.; И. Ф. Калайдович. Грамматика языка русского. Ч. I. Познание слов. М., 1834, стр. 21—22; И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Изд. 2. СПб., 1853, стр. 70; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 102 и след.; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 81 и след.; Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. 1. М., 1956, стр. 157 и след.; Д. Н. Овсяников-Куликовский. Синтаксис русского языка. Пг., 1917, стр. 32; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 470—471; Н. Н. Дурново. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.— Пг., 1924, стр. 33, 139—140; В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, стр. 104—105; Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. «Русская речь». Новая серия, II. Л., 1928, стр. 14—15; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 209 и след., В. В; Виноградов. Указ. соч., стр. 272—284, 384 — 392, 429; «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 504, 520;

отграниченность разряда форм, называемых деепричастными, по совокупности их морфологических, синтаксических и семантических признаков от причастных форм не подлежит сомнению. По соотношению данных двух групп форм говоры (одни в меньшей, другие в большей степени) существенно отличаются от литературного языка. Изучение соответствующих диалектных материалов привело нас к выводу о том, что выделение разряда деепричастий для говоров не имеет достаточных оснований. Не представляется также целесообразным выделять терминологически предикативно употребляющиеся формы типа *ушотчи*, *поставивши* [3]. — Применительно ко всем описываемым в работе образованиям используется один термин — «причастная форма». Причастные формы рассматриваются нами внутри класса глаголов.

2. В настоящей работе мы ставим перед собой две основные задачи. Первая задача состоит в том, чтобы дать характеристику функционирования всех причастных форм в современных русских говорах и попытаться определить, ка́к с позиций семантико-синтаксических может быть представлено их место в грамматической системе. Если воспользоваться положением Н. Ю. Шведовой о существовании в области синтаксиса пяти сфер исследования (синтаксис слова, словоформы, простого предложения, сложного предложения и контекста) [4], то можно отметить, что в центре внимания авторов находится круг вопросов, относящихся к двум сферам исследования — синтаксису словоформы и синтаксису простого предложения. Вторая задача работы — основываясь на теории диалектных различий, разработанной в русской диалектологии Р. И. Аванесовым [5], показать общие и различительные признаки современных говоров, связанные с употреблением причастных форм, и соотносительность говоров по соответствующему кругу явлений. Харак-

М. В. П а н о в. О частях речи в русском языке. «Филологические науки», 1960, № 4, стр. 5; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, см.: «Построение раздела «Морфология»).

По-видимому, наиболее распространенным является рассмотрение причастий и деепричастий как именных форм глагола.

[3] В ряде работ о причастиях, в том числе и современных исследователей, по отношению к предикату в конструкциях типа *все в лес ушотчи* употребляются термины «отпричастная форма» или «предикативное деепричастие» (см. об этом в Заключении).

[4] См.: Н. Ю. Ш в е д о в а. Вопросы синтаксиса простого предложения в его отношении к синтаксису слова и словоформы. «Zeitschrift für Slavistik», № 5. Берлин, 1969.

[5] См.: Р. И. А в а н е с о в. Проблемы лингвистической географии русского языка.— В кн.: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957; Р. И. А в а н е с о в. Лингвистическая география и структура языка.—В кн.: «Вопросы теории лингвистической географии». Ред. Р. И. Аванесов. М., 1962, стр. 7—27; и др.

теризуя территориальную приуроченность диалектных явлений, мы пользуемся тем членением русских говоров, которое представлено в книге «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой (М., 1964 и М., 1965)[6]. Работа имеет, таким образом, синхронный характер. Однако, описывая факты современных говоров, мы старались показать степень продуктивности тех или иных синтаксических построений и наметить — там, где это представлялось возможным,— тенденции в их развитии (как видно из приведенного ниже перечня использованных материалов, к исследованию были привлечены и свидетельства, относящиеся к концу XIX — началу XX в.) [7].

3. В работе использованы следующие источники:

1) Материалы, собранные для составления диалектологических атласов русского языка, хранящиеся в Институте русского языка АН СССР,— были использованы ответы на вопросы «Вопросника для составления диалектологического атласа русского языка» (М.—Л., 1940 — № 133, 134, 136, 138—139) и «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Ярославль, 1945; М.—Л., 1947 —№ 114, 115, 118—122, 126), а также тексты-приложения. Данный источник является для нас основным, и именно им была определена территория, представленная на всех имеющихся в работе картах и картах-схемах. Как известно, к настоящему времени материалы, собранные для составления диалектологических атласов, охватывают всю территорию наиболее древнего заселения русских (количество обследованных на этой территории населенных пунктов — около 6000). К сожалению, «Программой» предусматривается обязательная фиксация только части из тех образований, которым посвящена настоящая работа,— это формы с суффиксом *-ши* и краткие формы с суффиксами *-н-*, *-т-* (*заболевши*; *хожено*, *взят*). Естественно, что материалы атласов могли быть использованы прежде всего в разделах о названных формах. Несмотря на то, что ответы на синтаксические вопросы «Программы» в большей мере, чем ответы на вопросы других ее разделов, характеризуются всеми недостатками данных, собранных экстенсивным методом, имеющиеся в настоящее время материалы по употреблению причастных форм типа *заболевши*; *хожено*, *взят* позволяют определить как круг синтаксических структур, в которых они употребляются, так и диалектную приуроченность этих структур. Необходимо заметить, что наиболее плохие ответы на «Программу» — ответы, состоящие из тех предложений, которые повторяют приведенные в вопросе иллюстрации (*отец заболевши...*;

[6] См.: Указ. соч., ч. II. Диалектное членение русского языка (авторы К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова).

[7] Ср. сформулированное Л. В. Щербой положение о том, что описание данного языка в данный момент времени само по себе должно давать понятие о ближайшем его прошлом и возможном будущем (Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915, стр. XIX).

перешли вброд не разувши...; *у него нога сломавши...*; *нигде не бывано...*; *руку поранено...*; *сено свезен...*), не были приняты нами во внимание ни при характеристике территории распространения явлений, ни при статистической обработке материалов [8].

2) Рукописные ответы на вопрос об отличительных особенностях наречия жителей России, включенный в этнографическую программу Русского географического общества (1847); печатные и рукописные ответы на вопросы программ для собирания особенностей русских народных говоров, составленных А. А. Шахматовым (изд. ОРЯС, СПб., 1895 или см.: «Изв. ОРЯС», 1896, т. I, кн. 1; «Изв. ОРЯС», 1896, т. I, кн. 3); печатные ответы на программы Московской диалектологической комиссии (см.: «Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. I. Южновеликорусские говоры».— РФВ, 1909, т. 61, № 2 или «Труды Московской диалектологической комиссии», 1910, вып. 2; «II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры».— РФВ, 1911, т. 66, № 3—4 или «Труды Московской диалектологической комиссии», 1914, вып. 3).

3) Материалы, имеющиеся в некоторых печатных и рукописных диалектологических работах разного типа, относящихся к XIX—XX вв., а также в отдельных источниках фольклорного характера (см. соответствующие ссылки в работе) [9].

4) Записи диалектной речи, сделанные для данной работы И. Б. Кузьминой в следующих 17 населенных пунктах (в скобках дается их огрубленная географическая приуроченность): Пск. обл.: Гдовск. р-н — Колоколово (27—28° в. д., 58—59° с. ш.), Замежничье (28—29° в. д., 58—59° с. ш.), Кроксово (там же), Пушкиногорск. р-н — Редковцы (28—29° в. д., 57—58° с. ш.); Лен. обл.: Лодейнопольск. р-н — Гимрека (35—36° в. д., 61—62° с. ш.), Красный Бор (там же), Щелейки (там же), Шамокша (33—34° в. д., 60—61° с. ш.), Лавиничи (34—35° в. д., 60—61° с. ш.), Чидово (там же), Ефремково (34—35° в. д., 59—60° с. ш.); Новг. обл.: Новгородск. р-н — Ямок (31—32° в. д., 58—59° с. ш.); Арх. обл.: Пинежск. р-н — Малетино (43—44° в. д., 64—65° с. ш.); Карел.

[8] Авторам очень хочется думать, что их работа хотя бы в какой-то мере опровергнет высказываемую иногда крайне скептическую оценку собранных для составления диалектологических атласов материалов по синтаксическим вопросам. См.: В. И. Трубинский. Об изоглоссе предикативного деепричастия и некоторых особенностях его развития в советскую эпоху (по материалам русских народных говоров.) «Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции». Л., изд-во ЛГУ, 1967, стр. 82.

[9] Все рукописные материалы XIX— начала XX вв., изученные для работы, хранятся в Ленинграде; были использованы (в большей или меньшей мере) фонды следующих учреждений: Архива Академии наук, Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, Архива Русского географического общества, Словарного сектора Института русского языка АН СССР (картотека, рукописный фонд).

АССР: Медвежьегорск. р-н — Типиницы (36—37° в. д., 61—62° с. ш); Орл. обл.: Мценск. р-н — Счастливка (36—37° в. д., 52—53° с. ш.), Торкуновка (там же), Озеривле (там же). Записи производились в 1962—1963 гг. В большинстве населенных пунктов наблюдения велись в течение 5—8 дней, в пяти населенных пунктах — Кроксове, Щелейках, Лавиничах, Торкуновке, Озеривле — один день.

Среди приведенных в книге иллюстраций наименьшее место занимают материалы из печатных работ (особенно последнего времени), так как эти работы отличаются от всех остальных большей доступностью для любого читателя.

При цитировании примеров принят следующий порядок: материалы атласов сопровождаются развернутыми географическими пометами (название деревни, района и области); при иллюстрациях, взятых из записей И. Б. Кузьминой, указываются только названия деревень; примеры, заимствованные из всех остальных источников, имеют при себе пометы как географического, так и библиографического характера [10].

В тех случаях, когда приводятся примеры из печатных работ, сохраняются принятые в цитируемом издании написания. Основная же масса материала — примеры, взятые из рукописных источников, — для упрощения набора дается в орфографическом написании с сохранением морфологических и словообразовательных особенностей говоров. Поскольку мы не учитываем фактов, связанных с произносительными системами говоров, не отмеченным в примерах остается и произношение заударных гласных. Допущена следующая унификация написаний: примеры типа *лёгши*, *лёгша*, *лёгше*, *лёгшаъ*, *лёгшеч* передаются как *лёгши* [11]; примеры типа *лёгший*, *лёгшай*, *лёгшей* (если они обозначают форму им. падежа ед. числа муж. рода) передаются как *лёгший*; примеры типа *стакан разби́то*,... *разби́та*, *разби́тъ*,... *разби́тоъ*,... *разби́таъ* за единичными исключениями

[10] Названия деревень даются без сокращения, в названиях районов (уездов) сокращаются окончания, в названиях областей (губерний) частично сокращается и основа (список сокращений см. в конце работы). Деление на административные единицы, принятое в работе, дается таким, каким оно зафиксировано в соответствующих материалах диалектологических атласов.

Материалы, собранные авторами до 1962 г., во время экспедиций, имевших целью получение данных для составления диалектологических атласов, из прочих материалов атласов не выделяются.

[11] В литературе высказывалось мнение о том, что образования типа *лёгша* представляют собой результат согласования предикативной причастной формы с подлежащим — именем жен. рода (см.: В. С. Овчинникова. Очерки по синтаксису поозерского говора. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. ун-та», 1957, т. 52. Труды ист.-филол. фак-та, вып. 5, стр. 58). Как кажется, массовые материалы атласов данную точку зрения не подтверждают: образования типа *лёгша* выступают в сочетании с именами всех трех родов в ед. числе, а также с именами во мн. числе. Впрочем, и в материале В. С. Овчинниковой, наряду с *ты фся фспотефша*, приведено *он... начафша*.

передаются как *стакан разбито* (о невозможности использования части материала с последней формой, см. ч. I, гл. 1).

4. При описании диалектного материала авторы широко пользуются разного рода количественными показателями (в книге имеется ряд схем, а также четыре карты-схемы, представляющие собой результат статистической обработки материалов,— о принципах их составления см. ч. I, гл. 1). Это обстоятельство обусловлено как особенностями рассматриваемых явлений, так и характером использованного материала. Что касается особенностей самих явлений, то здесь следует прежде всего отметить, что различия русских говоров по употреблению причастных форм в значительной мере являются различиями количественными. Как уже говорилось, основным источником для нашей работы послужили материалы, собранные для составления диалектологических атласов. Три характерные особенности делают их очень удобными для статистической обработки: большой общий объем, значительная однородность с точки зрения заключенной в них информации (они являются ответами на одну и ту же программу), в принципе регулярное распределение по территории [12].

5. Книга состоит из трех частей; в каждой из них рассматривается употребление определенной группы форм: кратких форм, образованных от основы глаголов прош. времени; кратких форм, образованных от основы глаголов наст. времени; полных форм. Каждая из частей делится на две главы: первые главы посвящены предикативному употреблению причастных форм, вторые — полупредикативному и непредикативному. П р е д и к а т и в н ы м мы называем употребление причастных форм в таких случаях, когда они входят в предикативную основу предложения, являясь единственной глагольной формой или сочетаясь с формами глагола *быть* (*земля вспахана*; *в комнате было убрано*; *немного каши есть оставши*; *летом она будет приехавши*; *река впадаючи в озеро*; *отец был погибший*; *сарай будет покрытый*); п о л у п р е д и к а т и в н ы м — такое употребление, когда причастные формы, во-первых, являются предикативным атрибутом, образуя в сочетании со знаменательным или полузнаменательным глаголом предикативную основу предложения (*она пришла уставши*; *дверь стоит отворя*; *они живут не расписанось*; *изба осталась открыта*; *сын сделался выпивший*) или определяя прямой объект (*корову нашли заломавши*; *его видели идучи*), и, во-вторых — когда причастные

[12] Статистическая обработка материалов диалектологических атласов нашла отражение и в других наших работах, см.: И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. III. М., 1962; О н и ж е. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., изд-во «Наука», 1964.

формы являются предикативным обстоятельством: распространяя предикативную основу предложения, они выражают обстоятельственный признак предикативного признака как процесс (*взоравши начинают сеять*; *поют едучи*); непредикативным — употребление причастных форм в составе именных словосочетаний (*заваливши дерево называется колодой*; *ходили по скошенному лугу*), а также в предложении, когда они, распространяя предикативную основу, выражают обстоятельственный признак как сопутствующее предикативному признаку состояние предмета (*она спит укутавши*; *косит наклоня*).

Синтаксические части работы предваряются небольшим разделом морфологического характера — замечаниями об образовании причастных форм.

* * *

Авторы очень благодарны О. Г. Гецовой, Е. В. Красильниковой, Ф. П. Филину и Н. Ю. Шведовой за ценные замечания, сделанные при чтении книги в рукописи.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

Перед настоящим разделом ставится весьма ограниченная задача: показать, с помощью каких суффиксов и от каких именно глагольных основ образуются причастные формы, составляющие в диалектном языке особый глагольный разряд словоформ, в той или иной степени характерных для разных говоров [1].

От основы прошедшего времени в диалектном языке (как и в литературном) образуются краткие и полные формы, от основы настоящего времени — только краткие. Ниже, характеризуя образование форм от основы прош. времени, мы в основном обращаемся к кратким формам, которые в этом отношении ничем существенным не отличаются от полных.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ ОТ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

1. Формы типа *сделано*, *обут*, *съедено*, *отвезён*, *принесены* в говорах (и литературном языке) образуются, как правило, от основы прош. времени: с помощью суффиксов *-н-*, *-т-*, *-ден-* — от основы на гласный (см. первых три примера), с помощью суффикса *-он-/-ен-* от основы на согласный (см. последних два примера). Исключение составляют глаголы II спряжения на *-ить* и некоторые глаголы I спряжения (типа *привести*, *заплести*, *напрясть*): и в диалектном и в литературном языке у этих глаголов причастные формы образуются присоединением суффикса *-он-/-ен-* к основе наст. времени, ср.: *брошен*, *хожено*, *выращены* и т.п.; *приведен*, *заплетены*, *напрядено...*, но при этом в диалектном языке значительно более распространены образования с вариантом *-он-*.

Образование причастных форм с помощью суффикса *-он-/-ен-* — как от основы прош., так и наст. времени — в говорах почти всегда сопровождается тем же чередованием согласных в исходе основы прош. времени и причастной формы, которое свойственно и лите-

[1] Более подробно этот круг вопросов освещен мной в статье «Образование причастных форм в русских говорах», подготовленной в настоящее время к печати. Территорию распространения диалектных образований от основы глаголов прош. времени см. в кн.: «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965, стр. 170 и след.

ратурному языку [2]. Но наряду с этим во многих говорах, самых разных по своей территориальной приуроченности, в причастной форме может употребляться тот же согласный, что и в основе прош. времени, ср.; напр.: *огороден* Орлово Лежск. Вол.; *купено* Судаково Большесельск. Яр.; *испеконо*, *запрягона* Андреиха Пестяковск. Ив.; *разбомбёна* Петрово Псковск. Пск.; *накосено* Озерня Маловишерск. Новг.; *приготовен* Лосинино Кармановск. Смол.; *заплатёно* Прилепы Сосновск. Орл.

Одни и те же для диалектного и литературного языка формообразовательные суффиксы в говорах могут по-иному, чем в литературном языке, распределяться между глагольными разрядами [3]. С этим фактом связаны, с одной стороны, отличия диалектного языка в целом от литературного, с другой — дифференциация между собой говоров внутри системы диалектного языка. Рассмотрим кратко диалектное образование причастных форм с помощью суффиксов *-т-*, *-н-*, *-ден-*, *-он-* [4].

Иное, чем в литературном языке, образование форм с суффиксом *-т-* в диалектном языке относится к глагольному разряду, характеризующемуся чередованием в основах прош. и наст. времени элементов *-а-/-ай-*,—ср.: *замара́та*, *вскопа́та*, *помеша́ты* и т.д.— и к другим глагольным разрядам с основой инфинитива на *-а-*, ср., напр.: (*со*)*бра́то*, (*обо*)*дра́та*, (*ото*)*рва́ты*, (*за*)*се́ято* или *засе́то* (со стяжением гласных) [5]. Формы типа *вскопа́та*, *собра́ты* выделяются из числа других широтой распространения по говорам.

Значительной части среднерусских говоров и особенно говорам южнорусским свойственно явление, обратное указанному выше, а именно — расширение сферы употребления суффикса *-н-* за счет *-т-*. Наиболее последовательно данное явление реализуется при образовании в этих говорах форм типа *полона*, *распороный*, *наколоны* — от глаголов с разрядной характеристикой *-о-/-ø-*. Образование диалектных форм с суффиксом *-н-* возможно и от других глагольных разрядов, но представлено оно в разных говорах весьма нерегулярно.

[2] См., напр.: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 216.

[3] Глагольные разряды — понятие, которым мы пользуемся,— установлены для диалектного языка С. В. Бромлей. Исходным в характеристике разрядов является соотношение основы прош. и наст. времени (в такой последовательности и показываются конечные элементы этих основ при их соотношении), см.: «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, стр. 136 и след.

[4] Подробное описание см.: Л. И. Макарова. Некоторые особенности образования страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах. «Уч. зап. Балашовского гос. пед. ин-та», т. II. Ист.-филол. серия. Балашов, 1957, стр. 304—335 (здесь же см. библиографию работ, в которых рассматриваются соответствующие вопросы).

[5] Сам факт образования в народном языке форм типа *знато*, *звать* был известен уже в середине прошлого века (см., напр.: Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858, стр. 96).

Некоторое расширение сферы употребления суффикса *-он-/-ен-* в диалектном языке, по сравнению с литературным, происходит отчасти за счет того, что в ряде говоров северного наречия, а также в ряде владимирско-поволжских говоров с этим суффиксом могут быть образованы причастные формы от основы наст. времени глаголов с разрядной характеристикой *-у-/-ø-*, ср., напр.: *стряхнён* Кононовская Сямженск. Вол; *воткнён* Заболотье Нюксенск. Вол.; *тронены* Акулово Сусанинск. Костр.; *согнёная* Михайлово Ковернинск. Горьк.; *воткнёна* Благовещенье Лухск. Ив.

Суффикс *-ден-* в диалектном языке участвует в образовании причастных форм от основы прош. времени не только глагола *есть* ('принимать пищу', как и в литературном языке), но и глаголов *дать*, *брать* (а также их приставочных образований), *взять*.

Далее в нашей работе при описании синтаксических конструкций с рассмотренными формами мы определяем последние обобщенно — как причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* (имея при этом в виду образования с любым из указанных выше суффиксов).

2. Образования типа *засохши*, *принесши* и т. п., с одной стороны, и типа *засохший*, *-ая*, *-ее*, *-ие*... — с другой, различаются между собой суффиксами: первые образуются с помощью суффикса *-ши*, вторые —с помощью суффикса *-ш-*. Но при этом данные два ряда форм — краткая и полные — не имеют существенных различий в способах присоединения суффиксов к глагольной основе и не различаются по структуре последней. В связи с этим, а также учитывая тот факт, что формы на *-ши* в системе диалектного языка занимают значительно более важное место, чем формы на *-ший*... (ср. соответствующие разделы об употреблении их по говорам в ч. I и III настоящей работы), основное внимание мы уделяем образованию форм на *-ши*.

Причастные формы на *-ши*, как правило, образуются от основы глаголов прош. времени. К основе на согласный суффикс *-ши* присоединяется непосредственно, давая образования типа *заросши*, *лёгши*, *привыкши*, которые распространены повсеместно; к основе же на гласный суффикс *-ши* присоединяется с помощью разных интерфиксов [6]: *-в-* (как и в литературном языке), *-м-*, *-т-*, *-л-* (ср.: *обувши*, *обумши*, *обутши*, *обулши*; *вставши*, *встамши*...), которые имеют разную территориальную приуроченность.

В отличие от лексически не ограниченных образований с суффиксом *-ши* в диалектном языке существуют причастные формы с суффиксами *-т*, *-тчи/-ччи*, *-тци/-цци*, *-тсы*, которые образуются от основы прош. времени глагола *идти* и однокоренных приставочных

[6] В понимании интерфикса как элемента, не входящего в состав морфемы, мы следуем Е. А. Земской (см.: Е. А. Земская. Интерфиксация в современном русском словообразовании. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964).

глаголов. По образцу форм *пришотчи*, *-тци* нередко образуются причастные формы от семантически близких глаголов — *ехать* и однокоренных приставочных.

Помимо наличия специфически диалектных образований на *-ши* с интерфиксами *-м-*, *-т-*, *-л-*, а также ряда своеобразных суффиксов у соответствующих форм глагола *идти*, диалектный язык значительно отличается от литературного в области рассматриваемых явлений еще тем, что ему известно образование данных форм — для грамматически ограниченного круга глаголов — от основы наст. времени: в части говоров на территории распространения форм с интерфиксом *-м-* у глаголов II спряжения на *-ить* (с разрядной характеристикой *-и-/-ø-*) причастные формы могут быть образованы от указанной основы с помощью суффикса *-омши* или — реже — *-овши*, которому обычно предшествует мягкий согласный, ср., напр.: *колотёмши* Николо-Пустынь Погорельск. Калин.; *отделёмши*, *схоронёмши*, *помолёмши* Мамоново Кировск. Калуж.; *городёмши*, *возёмши*, *молотёмши* Рамоны Темкинск. Смол.; *окотёмши*, *ходёмши*, *объединёмши*, *вздыбёмши*, *спросёвши* Алексеевка Екимовичск. Смол. Согласный в исходе основы причастной формы, как правило, не отличается от соответствующего согласного основы прош. времени.

Обычно образования с суффиксом *-омши* от основы наст. времени глаголов II спряжения употребляются наряду с образованиями на *-мши* от основы прош. времени этих же глаголов (типа *женимши*, *сваримши*). Спорадически суффикс *-омши* участвует в образовании причастных форм и у глаголов I спряжения. Есть, однако, небольшая группа глаголов — с разрядной характеристикой *-а-/-н-* и *-а-/-м-*, а также глагол *взять*,— у которых в диалектном языке причастные формы, по нашему мнению, образуются от особой основы — с гласным *о* в исходе. Тот факт, что словоформы *сжомши*, *снёмши*, *взёмши* представляют собой особый тип с точки зрения глагольного формообразования, подтверждается и их территориальным распространением: они характерны не для говоров, в которых употребляются формы на *-омши*, образуемые от основы наст. времени, а в основном для части псковских и некоторых севернорусских.

Образование форм на *-ши* от основы инфинитива отмечается у глаголов с разрядной характеристикой *-ø-/-н-*: словоформы типа *засохнувши*, *погибнувши* свойственны преимущественно некоторым севернорусским говорам.

Наконец, необходимо упомянуть об известном факте почти регулярного отсутствия у форм на *-ши* в диалектном языке *-ся* — в тех случаях, когда они образуются от глаголов с данной частицей.

Употребление в говорах причастных форм на *-ши* с *-ся* следует, по-видимому, квалифицировать как результат влияния литературного языка.

Относительно полных форм с суффиксом *-ш-* следует заметить, что они образуются присоединением данного суффикса к основе прош. времени на согласный непосредственно (и эти образования территориально не ограничены), а к основе на гласный с помощью интерфиксов *-в-*, *-м-*, *-т-*, *-л-* (каждое из этих образований характерно для тех же говоров, в которых употребляются формы на *-ши* с соответствующим интерфиксом).

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ ОТ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

В ряде говоров (см. предварительные замечания ко второй части нашей работы) употребляются краткие причастные формы на *-а* и на *-учи-*, образуемые от основы глаголов наст. времени [7].

1. Формы типа *варя́*, *уча́*, *отдохня́*, *спрося́*, *прийдя́* в диалектном (и литературном) языке образуются от основы наст. времени с помощью суффикса *-а*, которому предшествует мягкий согласный или шипящий. Но при этом в диалектном языке у глаголов II спряжения с разрядной характеристикой *-и-/-ø-* мягкому зубному или губному основы наст. времени в основе причастной формы может соответствовать шипящий или сочетание губного с мягким *л*, ср., напр.: *спроша́* Бобяково Садовск. Вор.; *си́жа* Малеево Вашкинск. Вол.; Летнево Лысковск. Горьк.; Беловолжск Козловск. Чуваш.; *топля́* Никольское Белгородск. Белг.; Александровка Панинск. Вор.; *торопля́* Силаев Ржанинск. Тамб. Это явление изредка отмечается в говорах, разных по своей территориальной приуроченности.

[7] Отсутствие в говорах причастий типа *делающий*, *разбираемый* отмечается во многих работах в связи с характеристикой употребления глагольных форм по говорам. Укажем лишь на некоторые из них — более или менее общего характера: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 376; М. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878, стр. 251; Д. Н. Овсяников-Куликовский. Синтаксис русского языка. Изд. 2. СПб., 1912, стр. 66; Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.— Л., 1924, стр. 338; Он же. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903, стр. 188; И. М. Калинин. Материалы турчасовского говора (бывш. Онежск. уезд Арх. губ.). Рукопись, 1933, стр. 82—83.— Картотека Словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, папка 33, рук. 181; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 147; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 294; Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.— Л., 1949, стр. 199; И. Д. Самойлова. Система глагольных форм в говоре Городецкого района Горьковской области. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Кафедра рус. языка, вып. 9. М., 1959, стр. 171.

2. Формы типа *идучи*, *жалеючи*, *ковючи*, *лежучи*, *ходючи/ходучи* образуются посредством суффикса *-учи*, который находится всегда в заударном положении и выступает, как правило, у глаголов не только I, но и II спряжения. Мягкий согласный основы наст. времени по преимуществу сохраняется и в основе причастной формы.

Оба ряда образований в диалектном языке характеризуются тем, что формы, образуемые от глаголов с *-ся/-сь*, нередко выступают в говорах без данной частицы.

Часть I

УПОТРЕБЛЕНИЕ КРАТКИХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Свою работу я посвящаю
дорогой для меня памяти родителей—
Клавдии Николаевны Голубевой
и Бориса Александровича Голубева

И. Кузьмина

Глава 1

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

Краткие причастные формы, образованные от основы прош. времени, составляют две группы: 1) формы с суффиксами *-н-*, *-т-* (*поставлен*, *хожено*, *разбита*, *взятость*...) и 2) формы с суффиксом *-ши* (*выросши*, *разбивши*...) [1]. Представляется целесообразным сначала охарактеризовать употребление каждой группы форм отдельно, а затем остановиться на вопросах, касающихся всех причастных образований от основ глаголов прош. времени и, в частности, на вопросе о месте предикативных причастных форм в грамматической системе. Поскольку часть конструкций с предикативными формами 1-й группы представляет собой факт общерусский (*чашка разбита*; *ничего еще не куплено*; *сколько раз сюда было хожено*), а конструкции с причастными формами 2-й группы являются элементом только диалектных систем русского языка [2], удобнее начать главу разделом об употреблении форм с суффиксами *-н-*, *-т-*.

[1] В настоящей работе допущено нестрогое употребление термина «форма»: группой форм здесь называется в сущности группа словоформ с определенными суффиксами.

[2] В литературном языке — точнее, в определенных стилях литературного языка — допустимо предикативное употребление только формы *выпивши*.

В каждом конкретном случае мы рассматриваем прежде те вопросы, которые связаны со структурой конструкций, включающих в свой состав определенные причастные формы, и только потом делаем попытку охарактеризовать их значение и синтаксическую сущность. Предварительно же о значении предикативно употребляющихся причастных форм скажем лишь в самой общей форме: причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* и *-ши* называют состояние предмета (лица), вызванное предшествующим действием, которое было совершено либо им самим, либо каким-то другим предметом (обычно лицом), ср.: *герань расцвевши вся* Шамокша; *сейчас все озеро разбушевавши* Ямок; *срам какой — лошадь была в церковь заведена* Малетино; *все иконы у финов увезены* Типиницы. (О значении безличных конструкций с причастными формами, определение значения которых представляет известные трудности, см. ниже).

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ КРАТКИХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ С СУФФИКСАМИ *-н-*, *-т-*

Конструкции, включающие в себя причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, делятся на две большие группы — в зависимости от состава их предикативной основы — наличия в ней одного или двух организующих центров [3]. Одну группу составляют предложения, в предикативную основу которых, помимо причастной формы со значением состояния, вызванного предшествующим действием, входит имя в им., вин. или род. падеже или предложно-падежное сочетание с предлогом *по* — типа *по кусочку*, *по два дня*. Как правило, в этих случаях употребляются причастные формы, образованные от переходных глаголов, и имя называет здесь тот предмет, который послужил объектом действия, вызвавшего данное состояние, ср.: *кокошники сожены золотом* Лагиревка Комаричск. Брян.; *та иконочка была куплена* Счастливка; *дом сожжено* Даймище Гатчинск. Лен.; *с магазина принесен масло* Редковцы; *оторано картошку* Черная Грязь Себежск. Вел.; *половиков-то было наткано* Илатовская Велико-Устюжск. Вол.; *угару напущен* Ямок; *по кусочку хлеба взято* Чидово; *заработано у них по два дня да по три* Шамокша. Очень редкими, единичными являются такие конструкции с двумя организующими центрами, которые состоят из причастной формы с суффиксом *-н-* или *-т-*, образованной от непереходного глагола, и имени в именительном или — при партитивном

[3] Термин «предикативная основа» употребляется нами несколько иначе, чем это принято в работах по литературному русскому языку (см., напр.: «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., изд-во «Наука», 1966): как предложения с разной предикативной основой здесь рассматриваются те частные типы конструкций с причастными формами, которые мы считали целесообразным выделить исходя из своего материала (напр., типы *чашка разбита*; *чашка разбито*; *чашку разбито*; *чашка разбит*).

65377

значении — родительном падеже, называющего субъект действия, т. е. конструкции типа *я не привыкнута* Марлыково Кадуйск. Вол.; *я в больнице не бывано* Поток Ефимовск. Лен.; *у их приехано гостей* Раменье Белозерск. Вол.; *тут наехано всякого народу* Самотовино Константиновск. Моск.

В другую группу входят предложения, имеющие один организующий центр — причастную форму, называющую состояние (действие, вызвавшее данное состояние, было или представлено безобъектным), ср.: *бежано со сковородкой да все каплено, каплено, да через хлеб* Новая Кошутина Вельск. Арх.; *осенью, в заморозки, было теленось* Новая Деревня Петрозаводск. Карел.; *когда уже высватан, тогда невеста несет платок* Люботеж Середкинск. Пск. В предложениях этой группы употребляются причастные формы от глаголов непереходных (*бежано, каплено, теленось*) или от переходных, но выступающих без объекта (ср. *высватан* в приведенном выше примере).

Во всех конструкциях с рассматриваемыми причастными формами, за исключением конструкций типа *я не привыкнута, приехано гостей*, может выступать имя в род. падеже с предлогом *у* или *от* или в тв. падеже, называющее предмет, который был субъектом действия, вызвавшего данное состояние, ср.: *все платья разделены и при живности у ей розданы* Павшино Тихвинск. Лен.; *у меня поросенка закрыто* Игнашино Чагодощенск. Вол.; *мне у латышов надаван хлеба* Ямок;—*а у большухи куда убежано?—на собранье* Песчаное Пудожск. Карел.; *унесено у робят-то было по коробку* Никулино Капшинск. Лен.; *мне это от большого колдуна показано* Красные Горы Тартуск. Эст.; *ей адрес был дано от Вани Гришкина* Колоколово; *я думаю: как от бога положено, так и буду ходить* (с таким носом) Гверестка Гдовск. Пск.; *не нами господень храм поставлен* Счастливка; *молоду женщину схвачено медведицей* Ануфриево Белозерск. Вол.; *так судом присужоно* Шамокша. Это имя или предложно-падежное сочетание, употребительное в конструкциях различных типов, с нашей точки зрения, не входит в предикативную основу предложения — является факультативным членом, распространителем предикативной основы (детерминантом)[4].

Конструкции, относящиеся к выделенной выше первой группе, в свою очередь, делятся на две части —по характеру отношений между компонентами предикативной основы—на конструкции с координацией компонентов и без координации. Конструкции первого типа включают в себя имя в им. падеже и причастную форму, совпадающую с ним по признаку числа, а для ед. числа — и рода, ср.: *лупи*

[4] В понимании термина «детерминант» мы полностью следуем Н. Ю. Шведовой, см.: Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения.— ВЯ, 1964, № 6; Она же. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения?— ВЯ, 1968, № 2 и другие работы.

хоть (кота) — *рыба съедена дак* Ямок; *застрахована жизнь* Большая Боевка Долгоруковск. Лип.; *он был у котов царапнут* Дымовья Любытинск. Новг.; *кольцо потеряно* Волхонщина Ржаксинск. Тамб.; *это у староверов были взяты женщины* Кивуя Новоладожск. Лен.; *вон стаканы у меня поданы вам* Ефремково. Конструкции второго типа состоят из причастной формы на *-н*, *-т* или *-но*, *-то* и имени в им., вин. или род. падеже, ср.: *молоко-то у меня уже принесен* Редковцы; *немцы-то выгнан* Ямок; *у меня песочку всыпан* Погорелица Пеновск. Вел; *кастрюля в подпол спущено* Чидово; *яму выкопано* Осиновка Подберезинск. Вел.; *лесу навалено* Троицкое Захаровск. Ряз.; *постояльцев напущено* Шамокша. К числу конструкций второго типа относим также конструкции типа *по дубине взят у всех от мышей отбиваться* Редковцы; *у девки по два яичка взято* Тургош Ефимовск. Лен.

Материал, относящийся к конструкциям второго типа (без координации компонентов предикативной основы) подлежит дальнейшему распределению: представляется целесообразным подразделить его сначала в зависимости от формы причастного образования (на *-но*, *-то* или *-н*, *-т*), а внутри соответствующих групп — по форме имени. При группировке материала по признаку падежной формы имени за основное противопоставление принято противопоставление конструкций с род. падежом конструкциям с падежами им. и вин. (о причине такого подхода см. ниже).

Конструкции, предикативная основа которых состоит из одного организующего центра, распределяются в соответствии с тем, от какого глагола — непереходного с частицей *-ся*, непереходного без *-ся* или переходного, выступающего без объекта,— образована причастная форма.

Стремясь придерживаться при распределении материала максимально отчетливых и определенных признаков, мы отказались от противопоставления личных и безличных конструкций (или двусоставных и односоставных): дело в том, что не все предложения с рассматриваемыми причастными формами могут быть с этой точки зрения однозначно квалифицированы (ср., например, предложения *налог там уплочено* Кроксово; *дак эва каки ямья-то выделано* Замежничье). Возможна, конечно, и другая классификация конструкций, включающих в себя причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* [5].

[5] См., в частности: B. Havránek. Genera verbi v slovanských jazycích, т. I. Praha, 1928; т. II. Praha, 1937 (данная классификация в части, касающейся безличных предложений, принята В. А. Матвеенко, см.: В. А. Матвеенко. Страдательно-безличный оборот в восточнославянских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1962); А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., Изд-во АН СССР, 1953. (Такой же классификации придерживается Л. И. Макарова, см.: Л. И. Макарова. Некоторые особенности предикативного употребления страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах. «Уч. зап. Балашовского гос. пед. ин-та», т. I. Ист.-филол. серия. Балашов, 1956).

КОНСТРУКЦИИ, ПРЕДИКАТИВНАЯ ОСНОВА КОТОРЫХ СОСТОИТ ИЗ ДВУХ КОМПОНЕНТОВ

Конструкции, в которых причастная форма и имя координируют между собой

1. Как уже было отмечено, координация имени и причастной формы, являющихся компонентами предикативной основы предложения, предполагает совпадение их по одному или двум признакам: по признаку числа или числа и рода. Приведем еще несколько примеров: *отец глянул, а там весь пол залит* Торкуновка; *мешок напитат сахаром* Троицкое Вихляйское Сосновск. Тамб.; *у меня из Москвы радио проведено* Счастливка; *изба-то как сделана, так и спалена, и не живано в ней* Патрово Псковск. Пск.; *картофель там не сыпана?* Горки Пеновск. Вел.; *яма вырыта* Сапино Воротынск. Горьк.; *мои огурцы достаны с подвалу* Окороки Молвотицк. Новг.; *все пирожки скушаны — горькие и сладкие* (о жизни) Гимрека.

Если в предложении с причастной формой, координирующей с именем, имеется связка прош. времени, то она, как правило, характеризуется теми же грамматическими признаками, что и причастная форма, ср.: *шкаф был в багаж сдаден* Счастливка; *постлат был ковер* Сластенка Изучинск. Вор.; *дак сломано окошко-то у ребят было* Малетино: *у ней была приведена сноха* Вишневое Ст. Юрьевск. Тамб; *сапоги были сплетены у меня из лык* Малетино; *у меня две супруги было взято, Иринья-то от первой* Коварзино Кирилловск. Вол. Нам встретилось, однако, несколько предложений со связкой в форме среднего рода при координирующем с именем причастном образовании в другой форме (типа *рука свихнуто было давно* Глутно Маловишерск. Новг.) — эти предложения, представляющие собой контаминацию конструкций разных типов, приводятся ниже, в разделе о конструкциях без координации компонентов предикативной основы.

2. К числу конструкций с координацией компонентов предикативной основы уверенно могут быть отнесены далеко не все предложения, которые на первый взгляд кажутся таковыми. Во-первых, так как причастные формы на *-н*, *-т* и на *-но*, *-то* выступают по говорам и в качестве предикатов, не координирующих с именем (ср.: *пещерка така сделан* Ямок; *недавно куплено сапоги* Ортино Ковжинск. Вол.), предложения типа *дом поставлен*; *окно вымыто*; *двое ребят принято...* являются показательными в данном отношении только для тех говоров, где не распространены конструкции типов *пещерка сделан*; *сапоги куплено*. Во-вторых, для говоров, характеризующихся явлениями редукции заударных гласных, нельзя надежно интерпретировать предложения с причастными формами, в окончании которых представлены написания *-а*, *-ъ*, *-а*^{ъ} и т. п., если именной компонент в этих предложениях выражен именем женского рода. Последнее обстоятельство существенно, однако, в основ-

ном только для части среднерусских говоров, поскольку для севернорусских нехарактерна редукция заударных гласных, а для южнорусских — возможность употреблять причастные формы без координации с именным компонентом предикативной основы.

3. Конструкции с координацией компонентов предикативной основы однозначно определяются как личные с им. падежом подлежащего: состояние, выраженное причастной формой, непосредственно приписано здесь тому предмету, который назван именем в им. падеже, ср.: *церковь сделана и топор брошен — больше такой красоты не будет* (о Кижах) Типиницы; *земля создана* Росташи Аркадакск. Сар.; *цела тетрадка у тебя написана* Гимрека; *жердочки настланы* Хлебницы Ильинск. Ив.; *юбки-то сношены у девок* Боровые Чагодощенск. Вол. Таким образом, имя в им. падеже обозначает в данных конструкциях не только объект действия, вызвавшего определенное причастной формой состояние, но и субъект этого состояния.

В конструкциях с координацией компонентов предикативной основы имя всегда называет предмет, который весь целиком подвергся действию и поэтому полностью охвачен соответствующим состоянием, ср.: *коса завита* Дуплято-Маслово Знаменск. Тамб.; *навоз ценней каждого удобрения: в нем все азотские витамины положены* Озеривле; *согнёна палка* Ермолиха Тейковск. Ив.; *пироги были напечены* Ямок; *умру — одежа справлена уж* Типиницы; *откудато привезена рожь* Малетино.

4. Как показывают материалы, собранные для составления диалектологических атласов, конструкции с координацией имени и причастной формы распространены во всех говорах, хотя, повидимому, интенсивность их употребления оказывается различной [6]. К этому утверждению, однако, должно быть сделано одно примечание. Как будет показано в разделе о предикативном употреблении причастных форм на *-ши*, есть небольшая территория, где формы на *-ши*, образованные от переходных глаголов, широко используются в конструкциях, выражающих состояние предмета, вызванное предшествующим действием какого-либо другого предмета, ср.: *кони поставивши* Фролево Фировск. Калин.; *теперь свобода давши* Альпаково Фировск. Калин.; *у меня шторы были долги купивши* Пень Спировск. Калин.; *коровы не были пригнавши* Сысоево Молвотицк. Новг. (имена *кони*, *свобода*, *шторы*, *коровы* называют предметы, которые послужили объектами соответствую-

[6] К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы недостаточны для того, чтобы подтвердить это положение убедительными статистическими данными: «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Ярославль, 1945, или М.— Л., 1947) не предусматривает обязательной фиксации конструкций с координацией компонентов предикативной основы (см. формулировку вопроса № 122), и мы можем привести поэтому лишь некоторые сведения об относительной частоте употребления по говорам конструкций типа *одежа справлена*, *пироги напечены* (см. стр. 68).

щих действий). Конструкции с формами на *-ши* в одной части данных говоров успешно конкурируют с конструкциями типа *кони поставлены, у меня шторы куплены*, в другой — почти совершенно вытеснили последние. Эта территория, совпадающая в значительной своей части с селигеро-торжковскими среднерусскими говорами, очерчивается примерно следующим образом: оз. Селигер — г. Боровичи — г. Бежецк — г. Калинин — оз. Волго — оз. Селигер (см. об этом подробнее в разделе о формах на *-ши*, стр. 142—143).

5. Конструкции с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, могут включать в себя, как уже было отмечено, факультативный элемент — имя или предложно-падежное сочетание, называющее субъект того действия, которым вызвано указанное в предложении состояние. В конструкциях, характеризующихся координацией компонентов предикативной основы, используются все три распространенных в русских говорах способа выражения субъекта действия: «*у*+имя в род. падеже», «*от* + имя в род. падеже» и имя в тв. падеже, ср.: *колдун сказал: твоей коровушки нету, одни косточки оставлены у волков* Ямок; *вот у этого мужика иконы и пропиты* Малетино; *но все-таки мы все созданы от бога* Красные Горы Тартуск. Эст.; *она обижена от вас* Сырт-Смоленка Федоровск. Сар.; *очки были из Ленинграда высланы врачом* Колоколово; *барином была подарена перина резиновая* Рославлево Петровск. Яр.

Творительный падеж субъекта действия — явление общерусское; следует, однако, заметить, что предложения типа *очки высланы врачом* во всех говорах употребляются достаточно редко (то же можно сказать и о разговорной речи владеющих литературным языком людей). Случаи выражения субъекта действия сочетанием предлога *от* с именем в род. падеже зафиксированы как совершенно единичные на территории северно- и среднерусских говоров. Выражение субъекта действия при помощи род. падежа с предлогом *у* распространено в западных среднерусских говорах и во всех севернорусских, кроме костромских и южной части вологодских, причем везде здесь, за исключением говоров вологодской группы, соответствующие конструкции достаточно широко употребительны. Подтвердим это положение цифровыми данными, для чего воспользуемся материалом нескольких обследованных нами населенных пунктов, расположенных на территории следующих говоров: архангельских (Малетино), онежских (Типиницы, Гимрека, Красный Бор, Щелейки), ладого-тихвинских (Шамокша, Чидово, Ефремково), гдовских (Колоколово), псковских (Замежничье, Кроксово, Редковцы), новгородских (Ямок)[7]. В приведенной ниже табл. 1 количество предложений с сочетанием «*у* + род. падеж» соотнесено со всей суммой предложений, характеризующихся

[7] О географической приуроченности названных деревень см.: Введение, стр. 6—7.

Таблица 1

Населенный пункт	Все количество предложений	Количество предложений с сочетанием «*у* + род. падеж»	Населенный пункт	Все количество предложений	Количество предложений с сочетанием «*у* + род. падеж»
Малетино	150	25	Ефремково	68	16
Типиницы	148	31	Колоколово	50	19
Гимрека	57	8	Замежничье	28	5
Красный Бор	36	12	Кроксово	10	5
Щелейки	13	3	Редковцы	23	6
Шамокша	109	38	Ямок	157	40
Чидово	42	13			

координацией компонентов предикативной основы (учитывались только предложения с именами жен. рода или мн. числа[8]).

Если сопоставить данные табл. 1 с приведенными ниже цифрами, характеризующими употребление сочетания «*у* + род. падеж» для выражения субъекта действия в двукомпонентных безличных конструкциях (см. стр. 36, 40, 43, 75), то можно констатировать, что относительная частота случаев, когда в конструкциях с рассматриваемыми причастными формами указывается субъект действия, примерно одинакова для личных и безличных предложений[9]. Тот факт, что выражающее субъект действия сочетание «*у* + род. падеж», которое генетически связано, как известно, с так называемыми страдательно-безличными оборотами, в современных говорах широко используется и в личных конструкциях, следует специально подчеркнуть.

Приведем иллюстративный материал, относящийся к разным говорам: *вот тут такие дерева, они у мазуриков спилены* Красные Горы Тартуск. Эст.; *тюбетейка здесь: как у него с обеда положена, так и лежит* Редковцы; *теперь уж нет карточки: у них, у девок, забрана* Середки Пеновск. Вел.; *у него своя изба поставлена* Боровская Сандовск. Калин.; *а у его, конечно, была мебель у самого сделана — топорной работы диваны и всё* Каменка Любытинск.

[8] Здесь, как и в некоторых других случаях, мы не приняли во внимание того обстоятельства, что для части говоров предложения типа *чашка разбита* в силу возможной редукции заударных гласных только с известной вероятностью могут интерпретироваться как конструкции, характеризующиеся координацией компонентов предикативной основы. (Как будет показано ниже, последние во всех говорах количественно преобладают над конструкциями типа *чашка разбито*).

[9] Для безличных конструкций, фиксация которых предусмотрена «Программой собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (см. вопрос № 121), подсчеты проводились на гораздо более широком материале.

Новг.; *святые все замучены у людей* Ямок; *стекла накиданы у ребят* Нокола Каргопольск. Арх.; *шапка-то у парня в окно брошена* Типиницы; *ладят идти, а у самих кони не убраны* Никулино Каппинск. Лен.; *брюква насажена у меня* Раменье Большесельск. Яр.; *не у нас эдак деревня названа* Шикши-Остров Кадуйск. Вол.; *он брошен у меня* Осташевский Починок Подосиновск. Кир. (см. также примеры выше .

Такого типа конструкции отмечались исследователями и в говорах более раннего времени — конца XIX — начала XX в., ср.: *у кого-то рыба ужена и весло сломано* [10]; *у кого-то разбиты большие грибы*; *у рыбака был схвачен медвежий язык* [11]. Ряд подобных примеров приводится в работах Мансикки о говорах Пудожского и Грязовецкого уездов [12].

Существует мнение о том, что употребление сочетания, состоящего из предлога *у* и род. падежа имени, в личных конструкциях является специфической чертой псковских говоров, противопоставляющей их, в частности, говорам севернорусским [13]. Имеющиеся у нас материалы — как собранные для составления диалектологических атласов, так и наши личные записи, а также некоторые данные печатных работ — свидетельствуют против этого мнения (см. приведенную выше таблицу и иллюстрации).

6. Предложения, предикативная основа которых состоит из имени в им. падеже и координирующей с ним причастной формы, образованной с помощью суффиксов *-н-*, *-т-*, имеют в говорах следующую систему форм, или парадигму (понятие парадигмы предложения и ее схему заимствуем у Н. Ю. Шведовой [14]).

Синтаксический индикатив

Наст. время *вода поставлена* или *вода есть поставлена*
Прош. время *вода была поставлена*
Будущ. время *вода будет поставлена*

[10] Ответ на диалектологическую программу 1895 г. (см. Введение, стр. 6). Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 154.

[11] А. А. Шахматов. Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. (Рукопись). Архив Акад. наук, ф. 134, оп. 1, № 225, л. 21 об. Предложение с именем муж. рода можно квалифицировать здесь как конструкцию с координацией компонентов предикативной основы, поскольку предложений типа *вода принесен* в соответствующих материалах не приводится.

[12] В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. «Изв. ОРЯС», т. 19, кн. 4. СПб., 1914, стр. 166. О н ж е. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии. «Труды МДК», вып. 3. Варшава, 1914, стр. 78.

[13] См.: З. М. Петрова. Посессивный перфект в псковских говорах. «Псковские говоры», II. (Труды Второй псковской диалектологической конференции 1964 г.). Псков, 1968.

[14] Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). «Русский язык. Грамматические исследования». М., изд-во «Наука», 1967.

Сослагат. накл. *вода была бы поставлена*
Условн. накл. *была бы вода поставлена*
Желат. накл. *только бы (хоть бы...) вода была поставлена*
Повелит. накл. *чтоб была вода поставлена.*
(Примеров долженствовательного наклонения в наших материалах не встретилось.)

Проиллюстрируем данную парадигму конкретным материалом, опустив,однако, предложения в форме наст. времени без связки и в форме прош. времени, поскольку они уже приводились выше.

Предложения со значением реальности: *там и закрыта есть одна церковь совсем* Малетино; *цыплята-то е закрыты* Шамокша; *— закрыт магазин? — закрыт естя* Щелейки; *цветки сажоны е под окном-то* Гимрека; *уж она* (церковь) *срублена есть — как яйцо* Чидово; *дрова есть заправлены — натопишь печку дак* Ефремково; *калитки е кладены* (на стол) Типиницы; *ему что же дана есть комнатка?* Ямок; *две рамы сняты е* Давыдовская Винницк. Лен. [15]; *купи банку* (варенья) *— сахар-то будет спасен* Шамокша; *все дрова будут убраны* Красный Бор; *две-то склала, еще копна будет накладена* Чидово; *дверь закрыта будет* Ефремково; *будет ли суп еден?* Дымовья Любытинск. Новг.; *грибы не будут хлебаны и у самой-то* Вязовка Маловишерск. Новг.; *одним миром будем помазаны* Ямок; *змея выкопали, в бутылку посаженный*; *там жаба целая*; *я говорю: не перестанешь охать, так будешь достата* Драготин Полновск. Пск.; (она) *у этой сестре будет прописана* Денисово Калининск. Калин.; (коса) *затуплена будет* Кочетовка Каменск. Пенз.; *окна будут открыты* Гладское Навлинск. Брян.

Предложения со значением ирреальности: *у меня бы ни один не был отпущен* (если бы были сыновья, ни одного не отпустила бы жить в город) Ямок; ... *тогда взята была бы она* Торкуновка; *если б он был куплен, то другое дело* Счастливка; *кабы дана была жизнь путная, тогда бы...* Замежничье; *кабы были сенцы справлены, дак бы пошире, побольше* (то можно было бы у двери положить камень) Озеривле; *вот удочка у тебя была бы взята, вот бы наловил тогда* Шамокша; *только была бы обута да одета* Типиницы; *она бы уж хоть найдена была да похоронена* (об утонувшей девочке) Типиницы; (в рассказе о том, как мочить яблоки): *гнеток не тяжелый — только бы они скрыты* Счастливка; *чтобы была корова отдана!* Ямок; *чтобы накормлены были телята — иди накорми*

[15] Употребление связки наст. времени, известное северно- и среднерусским говорам на северо-западе РСФСР, — явление, которое имеет место в конструкциях с предикатом, выраженным словами различных грамматических классов, и в том числе — всеми причастными формами (см. об этом подробнее на стр. 191 и след.).

телят! Ефремково; *чтобы были достаты гусли-самоигры* турчасовский говор [16].

7. В конструкциях с координацией компонентов предикативной основы, как и во всех двукомпонентных конструкциях, в абсолютном большинстве случаев употребляются (что́ уже отмечалось выше) причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, образованные от переходных глаголов (таковы, в частности, все приведенные выше примеры). Предложений, где при имени — подлежащем выступает совпадающая с ним по признаку числа и рода причастная форма от непереходного глагола, всего в наших материалах 27. Приводим их все: *ведь у вас не одная ночь* (в дороге) — *редко какая ночь и спана* Ямок; *не одна ночь плакана* там же; *у меня одна зима* (в школу) *хожена* Быково Боровичск. Новг.; *уж у нас, гражданка, век жит* Шамокша [17]; *царская дочерь завладана нечистой силой* Сунево Пыталовск. Пск.; *дьякон был приехан* Крутца Новоржевск. Пск.; *все уеханы были* Давыдово Кашинск. Калин.; *девушка уехана была в Ленинград, теперь вернулась* Глубокое Пудожск. Карел.; *сестра в войну выехана была к нам* там же; *я не привыкнута* Марлыково Кадуйск. Вол.; *пришла — уж нету: убежаны куда-то* Балмасово Бабаевск. Вол.; (все) *зарастёно хворостом* Новоспасовка Терновск. Бал.; (мы) *не спаты ночь* Щепотьево Белинск. Пенз.; *лопнута пружина* Первая Старая Ведуга Ведугск. Вор.; *печь отступлена* Ср. Карачан Верхне-Карачанск. Вор.; *глаза заплыты* Богословка Рассказовск. Тамб.; *корова захожена* Уты Выгоничск. Брян.; *всё у меня треснуто* Торкуновка; *окны потресканы* Пушкарное Суджанск. Кур.; *лицо полуплено* Скоровка Прохоровск. Белг.; *она лопнута* Коньшино Доброво-Дворск. Белг.; *я-то замазанась* Типиницы; *вся оборванась была* там же; *а это вот практикантки снятысь* Деменское Пришекснинск. Вол.; *я уже снятась* Рогмуй Шольск. Вол.; *я очень в вас влюбленась! а я очень в вас влюбленась!* псковск. говор [18].

Как видно из сопровождающих примеры географических помет, данное явление отмечается в различных русских говорах. В части случаев (в шести) причастная форма выступает с частицей *-ся*. (В наших материалах встретился также случай, когда частица *-ся* употреблена в составе причастной формы, образованной, по-видимому, от основы переходного глагола: *у их, где я оставленась, искинута чурочка* Львов Двор Чагодощенск. Вол.) Подробнее о конструкциях с причастиями от непереходных глаголов представ-

[16] И. М. К а л и н и н. Материалы турчасовского говора (бывш. Онежск. уезд Арх. губ.). Рукопись, 1933. Картотека словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, папка 33, рук. 181, стр. 82.

[17] В данных четырех предложениях в роли подлежащего выступают имена, называющие отрезок времени, в течение которого осуществлялось действие (ср. ниже предложение [мы] *не спаты ночь*).

[18] «Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 217 и 219.

ляется целесообразным сказать ниже, после рассмотрения таких конструкций, как *у вас много надетось* Георгиевское Белозерск. Вол., с одной стороны, и таких, как *он привыкнувши* Валя Тихвинск. Лен.,— с другой (см. раздел, посвященный сравнению предикативно употребляющихся причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* и форм на *-ши*).

Конструкции, в которых причастная форма и имя не координируют между собой

Конструкции с причастными формами на -но, -то

При участии причастных форм на *-но*, *-то*, не координирующих с именем, образуются следующие группы конструкций: 1) с именем в им. падеже: *у лисицы унесено курочка* Низино Новоладожск. Лен.; *теленочек навязано на горы* Фетинино Новосокольническ. Вол.; *кони набаловано полями* Макаровская Харовск. Вол.; *он* (амбар) *оттуда перевезено* Ямок; 2) с именем в вин. падеже: *это у невестки печку складено кое-как* Льзень Мстинск. Новг.; *корову дадено на три семьи* Тухомичи Холмск. Вел.; 3) с именем в форме род. падежа: *у меня пробовано аспиринту этого* Подоспа Гдовск. Пск.; *танцев не проведено* Павловская Тарновск. Вол.; *денег в мешок напрато* Ефимовка Сосковск. Орл.; 4) с именем в омонимичной форме им.— вин. падежей:—*билет дано, бабка? — дано, дано!* Замежничье; *у ласточки таки гнездечки налажено* Ямок; *разорено церковь* Анхимово Вытегорск. Вол.; 5) с именем в омонимичной форме род.— вин. падежей: *брата взято в армию и слыху нет* Чертены Дновск. Пск.; *всяко поено детей у нас* Новоселье Лужск. Лен.; *у Аришки куриц напущено целые сени* Горка Мгинск. Лен.; *сестра?— ее уж схоронено* Илатовская Велико-Устюжск. Вол.; *трех сынов убито* Ботово Череповецк. Вол.; 6) с предложно-падежным сочетанием, включающим в себя предлог *по*: *по корзинке в руки дано* Ямок; *у девки по два яичка взято* Тургош Ефимовск. Лен.

Как видно из приведенного материала, две группы конструкций включают в себя формы имени, являющиеся омонимичными для падежных пар: именительного — винительного и родительного — винительного. Между конструкциями с им. и вин. падежами, с одной стороны, и род. падежом, с другой, есть семантическое различие: имя в им. или вин. падеже называет предмет, который целиком подвергся тому действию, которое вызвало выраженное причастной формой состояние (ср.: *выкошено трава дак* Шогда Борисово-Судск. Вол.; *у нас сахар взято* там же; *яровые посеяно* Липовица Биряковск. Вол.; *картошку закопано в ямья было* Кленно Кингисеппск. Лен.; *салаку-то не привезено* Струнино Тихвинск. Лен.[19],

[19] Как было показано выше, то же значение присуще именам в им. падеже и при употреблении их в конструкциях с координацией компонентов предикативной основы.

конструкции же с род. падежом, как правило, имеют партитивное значение, ср.: *киселя варено вчера у меня было* Ефремково; *дождевой воды было налито* Драготин Полновск. Пск; *картошки-то посажено* Фролево Фировск. Калин.; *у ней всякого варенья наварено* Вишневое Ст. Юрьевск. Тамб.; *хлеба куплено* Михалево Белозерск. Вол. (подробнее см. ниже). Благодаря тому что между конструкциями с род. и вин. падежами существует семантическое различие, в большинстве случаев возможно однозначное определение падежной принадлежности словоформ типа *ее, детей...*, употребляющихся в сочетании с причастными образованиями на *-но, -то*, тогда как конструкции с им.— вин. падежами разграничиваются только при употреблении в них имен тех грамматических групп, которые характеризуются наличием разных форм для этих падежей. В соответствии с данным обстоятельством мы и рассматриваем ниже конструкции с причастными формами на *-но, -то*, подразделив их на две части — с им.—вин. и с род. падежами имени.

Конструкции с им. и вин. падежами, совершенно отсутствующие в современном литературном языке [20], в говорах характеризуются определенной локализацией: они отмечаются (с разной частотой) в пределах говоров западных среднерусских—новгородских, псковских и западной части селигеро-торжковских—и севернорусских—всех групп, за исключением костромских и южной части вологодских. Территория распространения данных конструкций представлена на карте 1. Употребление с причастными формами на *-но, -то* род. падежа имени, возможное при определенных условиях и в литературном языке, не локализуется в той мере, как конструкции с им.— вин. падежами, однако характерны они в первую очередь для тех же самых середне- и севернорусских говоров, что и эти последние. Таким образом, очерченная на карте 1 территория распространения конструкций типа *курочка унесено, печку складено, билет дано* одновременно может быть определена и как территория широкого употребления конструкций с именем в род. падеже.

Прежде чем приступить к анализу отдельных групп конструкций с формами на *-но, -то*, приведем таблицу, на которой показан весь имеющийся у нас материал (собранный для составления диалектологических атласов и заключенный в наших личных записях) с точки зрения его количества и географического распределения.

[20] Употребление предложений типа *украдено неведомо кем мешок сухарей* (из письма Державина) было возможно в литературном языке еще конца XVIII— начала XIX в.— См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., изд-во «Наука», 1964, стр. 318—319.— Во всех приведенных Н. Ю. Шведовой примерах — омонимичная форма им.— вин. падежей. Употребление формы вин. падежа имеет место в басне Крылова: *советов тысячу надавано полезных*. Насколько исключительным является данный пример, видно уже из того факта, что он переходит из одной грамматики русского литературного языка в другую.

В табл. 2 представлена территория, очерченная на карте изоглоссой. Для каждого географического квадрата (часть карты, заключенная между двумя соседними проведенными через один градус меридианами и двумя соседними проведенными с той же частотой параллелями) в таблице приводятся следующие данные: количество обследованных населенных пунктов и количество предложений с разными формами имени, встретившееся в соответствующих материалах. Звездочкой помечены те квадраты, которые входят в очерченную изоглоссой территорию нецолностью. При подсчете были учтены все двукомпонентные конструкции с формами на *-но*, *-то*, кроме конструкций, включающих в себя имена им.—вин. падежей ср. рода в ед. числе (типа *там всё вытоптано* Колоколово; *наше местечко было не сожжено* там же), количественно-именные сочетания типа *две лодки*, *много песен...* (*две лодки привезено* Красный Бор; *много песен знато* Б. Толбицы Псковск. Пск.; *шестеро ребят было принесено* Типиницы) и сочетания с предлогом *по* (*по корзинке в руки дано* Ямок), поскольку здесь невозможно определить, координирует причастная форма с именным компонентом основы или нет.

На табл. 2 (стр. 30) мы будем опираться в дальнейшем при описании характера распространения конструкций каждой группы.

Конструкции с именем в форме именительного — винительного падежей

По признаку, существенному для рассматриваемых конструкций, имена делятся на две группы: 1) имена, имеющие для им. и вин. падежей две различные формы и выступающие соответственно в предложениях двух типов — с им. и с вин. падежами (ср.: *печка затоплено и уйдено* Язвицево Череповецк. Вол. и *ну, печку складено* Старищи Порховск. Пск.; *в армию твой сын не взято* Вершина Лычковск. Новг. и *отправлено было сына* Конецкая Ковжинск. Вол.), и 2) имена, характеризующиеся наличием одной формы для им. и вин. падежей и употребляющиеся, следовательно, в конструкциях, которые не могут быть квалифицированы иначе, чем конструкции с омонимичной формой им.— вин. падежа (ср.: *гроб уже слажено* Городище Печорск. Пск.; *товары завезено разные* Кленно Кингисеппск. Лен.). К 1-й группе относятся имена на *-а* (при наличии определения также имена жен. рода на согласный), имена одушевленные муж. рода не на *-а*, имена одушевленные во мн. числе, количественно-именные сочетания типа *два* (*три*, *четыре*) *сына*, *два* (*три*, *четыре*) *ежа*, *две* (*три*, *четыре*) *девочки*, *двое* (*трое*, *четверо*) *детей*, личные местоимения, а также местоимения других групп — но только при отношении их к одушевленным предметам. В группу 2 входят имена жен. рода на согласный, неодушевленные имена муж. рода не на *-а*, неодушевленные имена во мн. числе и неличные местоимения, если они относятся к неодушевленным предметам.

Таблица 2

Географические координаты территории	Количество нас. п.	Количество конструкций			
		с именем в им. падеже	с именем в вин. падеже	с именем в омонимичной форме им. — вин. падежей	с именем в род. падеже
27—28° в. д. 59—60° с. ш.	6	1	—	6	5
27—28° в. д. 58—59° с. ш.	13	3	1	14	15
27—28° в. д. 57—58° с. ш.	11	1	—	10	7
28—29° в. д. 59—60° с. ш.	16	8	6	15	14
28—29° в. д. 58—59° с. ш.	24	19	6	42	28
28—29° в. д. 57—58° с. ш.	24	2	1	14	9
28—29° в. д. 56—57° с. ш.	26	1	3	5	2
29—30° в. д. 59—60° с. ш.	18	4	—	13	4
29—30° в. д. 58—59° с. ш.	25	13	3	21	7
29—30° в. д. 57—58° с. ш.	23	14	7	23	7
29—30° в. д. 56—57° с. ш.	28	2	1	6	4
30—31° в. д. 59—60° с. ш.	15	—	—	1	—
30—31° в. д. 58—59° с. ш.	22	3	1	7	7
30—31° в. д. 57—58° с. ш.	20	6	—	3	—
30—31° в. д. 56—57° с. ш.	26	3	2	12	1
31—32° в. д. 59—60° с. ш.	17	1	—	5	7

Таблица 2 (продолжение)

Географические координаты территории	Количество нас. п.	Количество конструкций			
		с именем в им. падеже	с именем в вин. падеже	с именем в омонимичной форме им. — вин. падежей	с именем в род. падеже
31—32° в. д. 58—59° с. ш.	23	10	4	12	23
31—32° в. д. 57—58° с. ш.	26	3	2	8	3
31—32° в. д. 56—57° с. ш.	26	3	2	10	1
32—33° в. д. 60—61° с. ш.	5	2	—	2	2
32—33° в. д. 59—60° с. ш.	23	4	3	7	22
32—33° в. д. 58—59° с. ш.	22	—	1	5	11
32—33° в. д. 57—58° с. ш.	25	6	3	13	4
32—33° в. д. * 56—57° с. ш.	13	—	3	4	—
33—34° в. д. 60—61° с. ш.	16	3	3	6	16
33—34° в. д. 59—60° с. ш.	22	4	1	1	5
33—34° в. д. 58—59° с. ш.	23	1	—	1	8
33—34° в. д. 57—58° с. ш.	23	8	3	24	14
33—34° в. д. * 56—57° с. ш.	8	3	1	1	—
34—35° в. д. 61—62° с. ш.	7	—	2	2	4
34—35° в. д. 60—61° с. ш.	16	2	1	6	20
34—35° в. д. 59—60° с. ш.	19	—	3	3	26

Таблица 2 (продолжение)

Географические координаты территории	Количество нас. п.	Количество конструкций			
		с именем в им. падеже	с именем в вин. падеже	с именем в омонимичной форме им. — вин. падежей	с именем в род. падеже
34—35° в. д. 58—59° с. ш.	26	—	1	5	11
34—35° в. д. * 57—58° с. ш.	11	—	1	4	3
35—36° в. д. 61—62° с. ш.	3	3	1	2	14
35—36° в. д. 60—61° с. ш.	9	1	—	2	2
35—36° в. д. 59—60° с. ш.	19	3	3	12	15
35—36° в. д. 58—59° с. ш.	20	6	—	7	14
36—37° в. д. 61—62° с. ш.	9	4	2	3	22
36—37° в. д. 60—61° с. ш.	23	4	2	11	16
36—37° в. д. 59—60° с. ш.	24	7	4	13	26
36—37° в. д. 58—59° с. ш.	27	4	1	8	6
37—38° в. д. 61—62° с. ш.	6	7	—	2	12
37—38° в. д. 60—61° с. ш.	17	4	4	6	17
37—38° в. д. 59—60° с. ш.	25	5	8	6	20
37—38° в. д. * 58—59° с. ш.	2	3	—	—	2
38—39° в. д. 61—62° с. ш.	10	—	—	1	3
38—39° в. д. 60—61° с. ш.	20	3	—	6	7

Таблица 2 (продолжение)

Географические координаты территории	Количество нас. п.	Количество конструкций			
		с именем в им. падеже	с именем в вин. падеже	с именем в омонимичной форме им. — вин. падежей	с именем в род. падеже
38—39° в. д. 59—60° с. ш.	25	1	2	11	13
38—39° в. д. * 58—59° с. ш.	6	—	—	1	5
39—40° в. д. 61—62° с. ш.	8	—	—	—	7
39—40° в. д. 60—61° с. ш.	17	2	—	5	2
39—40° в. д. * 59—60° с. ш.	16	2	—	1	9
40—41° в. д. 61—62° с. ш.	6	1	1	2	3
40—41° в. д. 60—61° с. ш.	20	1	—	3	3
40—41° в. д. * 59—60° с. ш.	12	1	—	—	5
41—42° в. д. 61—62° с. ш.	6	2	1	1	6
41—42° в. д. 60—61° с. ш.	17	—	—	—	5
41—42° в. д. * 59—60° с. ш.	12	1	—	4	5
42—43° в. д. 61—62° с. ш.	12	1	2	1	6
42—43° в. д. 60—61° с. ш.	19	2	1	3	7
43—44° в. д. 61—62° с. ш.	8	—	—	—	5
43—44° в. д. 60—61° с. ш.	12	1	—	3	9
43—44° в. д. 59—60° с. ш.	18	—	1	2	3

Таблица 2 (окончание)

Географические координаты территории	Количество нас. п.	Количество конструкций			
		с именем в им. падеже	с именем в вин. падеже	с именем в омонимичной форме им. — вин. падежей	с именем в род. падеже
44—45° в. д. 61—62° с. ш.	7	3	1	3	4
44—45° в. д. * 59—60° с. ш.	6	—	—	2	5
45—46° в. д. 61—62° с. ш.	8	1	3	2	6
46—47° в. д. 61—62° с. ш.	10	—	—	—	1
46—47° в. д. 60—61° с. ш.	18	—	—	5	3
47—48° в. д. 61—62° с. ш.	8	2	—	3	1
47—48° в. д. 60—61° с. ш.	13	—	—	—	5
47—48° в. д. * 59—60° с. ш.	6	—	—	1	3
Всего в пределах изоглоссы	1152	204	102	443	587

(Как уже отмечалось, имена ср. рода и количественно-именные сочетания типа *две лодки*, *много песен* не могут учитываться при анализе конструкций с причастными формами на *-но*, *-то*). Приведем сначала внешние факты, касающиеся употребления конструкций с разными падежными формами имен, а затем остановимся на вопросе об их синтаксической сущности и выражаемом ими значении.

I. 1. Конструкции с именем в им. падеже, как видно из приведенной выше табл. 2, употребляются на всей территории, очерченной изоглоссой; шире всего они представлены на западе — в новгородских говорах и совсем редко — к востоку от 38° в. д.— в говорах вологодской группы. Всего в пределах изоглоссы явление отмечено в 140 нас. п. (из 1152 обследованных). За пределами этой территории предложения типа *печка затоплено*, *сын в армию взято*, *лошади запряжено* встретились в материалах по 9 нас. п., которые расположены следующим образом: 3 — в квадратах 36—37° в. д., 62—63° с. ш. и 37—38° в. д., 62—63° с. ш., т. е. к северу

от обследованной по сетке атласа территории (онежские говоры) и 6 — к югу от Рыбинского водохранилища (костромские говоры). В материалах по южнорусским и восточным среднерусским говорам данные конструкции совсем не встретились [21].

2. Рассматриваемый тип предложений представлен в материалах для составления диалектологических атласов и наших личных записях 213 примерами, из которых примеров с именами на *-а* (и именами жен. рода на согласный при наличии определения) — 120 (они зафиксированы в 91 нас. п.), примеров с одушевленными именами муж. рода не на *-а* — 46 (зафиксированы в 38 нас. п.), с одушевленными именами во мн. числе— 15 (относятся к 14 нас. п.), с местоимениями — 32 (относятся к 27 нас. п.). Приведем иллюстрации: *мякина-то у нас попозже сажено* Кроксово; *батька в финскую убито* Взвад Старорусск. Новг.; *у Шурки приведено своя старая невеста* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *травинка сладено у поросят* Гатика Киришск. Лен.; *у вас не затоплено еще баня-то* Кратевно Киришск. Лен.; *к овину приделано прикуточка* Починок Рыбинск. Яр; *одна лощина скошено* Лебяжье Андомск. Вол.; *у меня поставлено лошадь больная, стой*! Илатовская Велико-Устюжск. Вол.; *написано грамотка не пером* Дороватка Биряковск. Вол.; *Степан Иванович похоронено на кладбище* Кроксово; *муж-то у ней убито* Замежничье; *петун променяно на куру* Кануновщина Гдовск. Пск.; *у нас взято от Ванькиных такой плохой кот* Заборовье Гдовск. Пск.; *слепень поймано* Козлово Новосокольническ. Вел.; *у ей хозяин-то взято в армию* Антушино Лесной Калин.; *второй сын отправлено в Калинин* Ермолино Фировск. Калин.; *все мужики расстреляно* Плещевка Дедовичск. Пск.; *врачи хороши в отпуск отпущено* Ямок; *и бабки-то все объезжено, не только доктора* Менюша Шимск. Новг.; *а там курицы и закрыто* Сабцы Лужск. Лен.; *у тебя приучено ребята — одни остались* Малахово Бабаевск. Вол.; *сдано кони в колхоз* Ботово Череповецк. Вол.; *коровы-то гонено* Куфтыревская Коношск. Арх.; *он разбужено-то рано* Заборовье Гдовск. Пск.; *оны все были заморено* Гоголево Подберезинск. Вел.; *крест снесли туда, где он убито* Ямно Поддорск. Новг.; *она не рассчитано* Веснино Дрегельск. Новг.; *мы отправлено* Даймище Гатчинск. Лен.; *долечено она е* Красный Бор; *он* (кот) *на коленях и вырощено* Типиницы; *они* (часы) *давно не сверяно* Замежничье; *оне все* (помидоры) *погублено* Лукинское Вельск. Арх.; *которы минеры, те в городе забрато* Верендаль Ашевск. Пск.; *эти все* (песни) *пеяно* Ременик Вируск. Эст.

3. В наших материалах имеется 38 предложений, в которых при им. падеже имени и не координирующей с ним причастной форме выступает связка — глагол *быть* в прош. времени. В данных кон-

[21] В южнорусских говорах и той части среднерусских, которые характеризуются редукцией заударных гласных, конструкции типа *печка затоплено*, естественно, и не могли бы быть отмечены.

струкциях для связки две возможности: уподобиться по форме или имени или причастной форме. В материалах представлены оба варианта, ср.:

1) *староста был выбрано* Верховое Лядск. Пск.; *была картошка сеяно* Антушино Лесной Калин.; *конфетка оставлено была* Язвицево Череповецк. Вол.; *а у меня свой ребенок был взято в Сланцы* Замежничье; *мертвец в часовне был положено* Старищи Порховск. Пск.; *мой брат был арестовано* Даймище Гатчинск. Лен.; *попрошено соседи были помочь дом строить* Быково Малвотицк. Новг.; *был он в гробу похоронено* Старищи Порховск. Пск.; *он* (бык) *не был и спутано* Плотично Пеновск. Вел.; *он был в эвакуации отправлено* Ермолино Фировск. Калин.; *я у быка была сбудано* Осташово Дрегельск. Новг.;

2) *было воля дано* Замошье Лядск. Пск.; *было взято коровенка* Взвад Старорусск. Новг.; *малинка было посожено* Лесково Лужск. Лен.; *переехано было дорога тут* Ратилово Тихвинск. Лен.; *соха было кладено* Холы Ковжинск. Вол.; *а он* (сын) *разбомблено было дорогой* Патрово Псковск. Пск.

Для дальнейшего изложения существенно заметить, что наблюдается определенная зависимость между характером употребления связки и грамматической принадлежностью имени, входящего в предикативную основу предложения; имеющиеся у нас 25 предложений со связкой, координирующей с именем, и 13 предложений со связкой *было* распределяются следующим образом:

Таблица 3

Состав конструкций	Количество случаев, где связка координирует с именем	Количество случаев, где связка координирует с причастной формой
Конструкции с именами на *-а*	4	12
Конструкции с одушевленными именами муж. рода не на *-а*	10	—
Конструкции с одушевленными именами во мн. числе	1	—
Конструкции с местоимениями	10	1

Обращает на себя внимание тот факт, что из 13 предложений со связкой, уподобляющейся по форме причастному образованию, 12 включают в себя имена на *-а*.

4. Количество предложений с выраженным субъектом действия в имеющихся материалах — 35 (из 213 предложений рассматриваемого типа); во всех случаях это — сочетание предлога *у* с именем в род. падеже (см. примеры выше).

II. 1. Конструкции с именем в вин. падеже отмечены по нашим материалам в 104 населенных пунктах (количество примеров —

131). Данные населенные пункты распределяются следующим образом: 89 приходится на говоры севернорусские и западные среднерусские [22], 3 — на говоры восточные среднерусские и 12 — на южнорусские. Однако вопрос об употребительности конструкций типа *подошву оторвано*, *сын в армию взято*, *лошадей запряжено* в говорах южнорусских представляется нам спорным. Прежде, чем пояснять это положение, приведем весь имеющийся материал: *гусей кормлено* [23] Истомино Издешковск. Смол.; *у нее мужа убито* Бабка Павловск. Вор.; *там коз моих затворено* Березовка Елань-Коленовск. Вор.; *его было назначено* Вязовое Краснояружск. Белг.; *сына порането* Двуречье Ровеньск. Белг.; следующий материал относится к западной части Брянской обл.: *его убито на войне*; *и злодеев не было и батьку украто*; *у его корову украто* Верхличи Красногорск.; *его на войне убито*; *в нас курицу убито*; *у их корову украто* Увелье Красногорск.; *согнато нас в стадо* Кулаги Суражск.; *ти ее отправлено на курорты*; *ее мужа убито на войне*; *ее убито на фронте* Челхов Чуровичск.; *сына убито* Азаровка Воронежск.; *их послано по селах* Хоромное Чуровск.; *ее засужено*; *вас послано* Каменский Хутор Чуровичск.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что все приведенные предложения зафиксированы на тех территориях, где русские говоры соприкасаются с говорами белорусского и украинского языков, для которых характерно употребление конструкций с вин. падежом [24] — по всей вероятности, эти предложения являются белорусизмами и украинизмами.— Таким образом, с нашей точки зрения, распространение конструкций типа *подошву оторвано...* в русском языке по существу ограничивается говорами северно- и среднерусскими. Заметим, что все предложения с вин. падежом, встретившиеся нам в диалектологических и фольклорных материалах конца XIX—начала XX в. (они очень немногочисленны), относятся к севернорусским говорам [25]. Несколько иначе — более

[22] 84 из этих 89 нас. п. разбросаны по разным участкам территории, очерченной изоглоссой (наиболее редко— в говорах вологодской группы, см. табл. 2), один расположен к востоку от 48° в. д. (вологодские говоры) и четыре — на территории, прилегающей к Рыбинскому водохранилищу в южной его части (костромские говоры).

[23] См. ниже о разграничении конструкций с омонимичной формой род.— вин. падежей.

[24] Ср. также вывод В. В. Титовской о частом употреблении конструкций с вин. падежом и формами на *-но*, *-то* в говорах на юге и юго-западе Воронежской обл.— см.: В. В. Титовская. Формы глагола в говорах юго-запада Воронежской области. (Канд. дисс., рукопись). Воронеж, 1955, стр. 309 и след.

[25] Ср., например: *тут не столько... шито, сколько плакано, свет-Ивана богатыря домой дожидано.*— И. Калинин. Песни онежан (записаны в Онежск. уезде Арх. губ. летом 1912 г.). Рукописный отдел БАН, шифр 45.8.256, стр. 78; *этого выпущено* Сыпучинск. волость Чердынск. уезд Перм. губерния («Сб. ОРЯС», т. 87. СПб., 1910, стр. 236, ответ № 258).

широко — определяет территорию распространения рассматриваемого явления В. А. Матвеенко. В ее монографии, посвященной страдательно-безличным оборотам, о распространении конструкций типа *руку поранено* говорится следующее: «Будучи рассеяны преимущественно в северных говорах, они встречаются в качестве единичных примеров также в пределах средне- и южнорусских говоров, а именно, к западу, юго-западу и юго-востоку от Москвы»[26].

2. В рассматриваемых конструкциях выступают имена тех же грамматических групп, что и в предложениях с им. падежом: имена на *-а* — 69 примеров (зафиксированы в 58 нас. п.), одушевленные имена муж. рода не на *-а* — 15 примеров (14 нас. п.), одушевленные имена во мн. числе — 15 примеров (15 нас. п.), местоимения — 29 примеров (29 нас. п.); кроме того, имеется 3 предложения с количественно-именным сочетанием (типа *трех сынов*).

Приведем иллюстрации: *по залежи запахано землю* Машарино Новосокольническ. Вел.; *у дедка-то мерёжу оставлено* Ямок; *у батьки у твоего сажено березку* Гостцы Мстинск. Новг.; *у девчонок у дороги вышарено ягоду* Самокража Мстинск. Новг.; *а он — еще армию не отслужено* Шамокша; *я не очень грамотна — семилетку кончено* Красный Бор; *гребенку сломато* Типиницы; *бабушку Офимью-то где похоронено?* Коровино Белозерск. Вол.; *два месяца поросеночка взято* Погорелица Пеновск. Вел.; *парня уведено* Князево Вытегорск. Вол.; *посажено племянника — и поехали* Плоское Борисово-Судск. Вол.; *у меня было теленка зарезано, так хранили в шайке* Судаково Большесельск. Яр.; *у деда было лисенят поймано* Фетинино Новосокольническ. Вел.; *собрано гостей* Полетаево Опочецк. Вел.; *сыновей убито* Астратово Пеновск. Вел.; *таких животных и напрасно создано* Логоза Тартуск. Эст.; *сынов, дети выращено* Березка Старорусск. Новг.; *всяко поено детей у нас* Новоселье Лужск. Лен.; *этих девок привезено откуль-то* Струнино Тихвинск. Лен.; *было коней пригнано* Лукино Капшинск. Лен.; *вытаскано у меня детей-то* Сомино Ефимовск. Лен.; *угнато коровто* Мартыновская Поповка Шольск. Вол.; *в войну-то было выслано оттуда всяких* (об эвакуированных) Перховта Белозерск. Вол.; *детей поднято было* Лискино Брейтовск. Яр.; *пожито было, погрешено, людей посмешено* Коровкино Сунск. Кир.; *сколько меня пересватано* Б. Сварец Лядск. Пск.; *вас сюды назначено* Пнево Сандовск. Калин.; *у меня уж ее было прошено — захвати парочку баранков* Долговка Лужск. Лен.; *всех было взято на войну* Карпово Белозерск. Вол.; *была во дворе, тебя во двор свожено, чего еще*

[26] В. А. Матвеенко. Указ. соч., стр. 7.— Поскольку В. А. Матвеенко так же, как и мы, использовала в своей работе материалы, собранные для составления диалектологических атласов русского языка, считаем нужным заметить, что мы пришли к несколько другому, чем она, выводу отчасти в силу исключения материалов, содержащих буквальные повторения данных в программе иллюстраций (см. об этом во Введении, стр. 5—6).

спрашивать — видала, где корова стоит Орехово Бабаевск. Вол.; *сестра? — ее уж схоронено* Илатовская Велико-Устюжск. Вол.; *двоих сынов убито у меня* Осташково Новоторжск. Калин.; *летось троих выращено* Дудачкино Новоладожск. Лен.; *трех сынов убито* Ботово Череповецк. Вол. [27]

Из тех грамматических групп имен, которые представлены в рассматриваемых конструкциях, только имена на *-а* характеризуются формой вин. падежа, квалифицируемой однозначно; для всех же остальных определение формы вин. (а не род.) падежа возможно лишь на основе семантического признака — отсутствия в предложении партитивного значения, что́ в одних случаях предопределено лексико-грамматическими признаками именного компонента предикативной основы, в других — семантикой глагола, от которого образована причастная форма, в третьих же — может быть установлено только на основе учета значений обоих компонентов предикативной основы и содержания контекста в целом.

Партитивное значение практически невозможно в конструкциях со следующими именными компонентами: одушевленными существительными в ед. числе, личными местоимениями 1-го и 2-го лица в ед. и мн. числе, количественно-именными сочетаниями, включающими в себя количественные числительные *два — четыре* или соответствующие им собирательные (типа *трех сынов, троих сынов*). Для конструкций со всеми остальными местоимениями в ед. числе партитивное значение исключается в том случае, если местоимение выступает вместо существительного одушевленного или такого неодушевленного, которое называет неделимый предмет (предложений, где бы местоимение заменяло неодушевленное существительное в ед. числе, в наших материалах не отмечено). Что же касается предложений с именами во мн. числе (за исключением личных местоимений 1-го и 2-го лица), то их квалификация нередко бывает затруднительной, поскольку сама по себе множественность называемых здесь предметов обычно допускает вычленение какой-то их части. Определить падеж имени как винительный представляется возможным по отношению к этим последним конструкциям в двух случаях: 1) когда глагол, от которого образована причастная форма, называет действие, по характеру своему предполагающее полный охват предмета (предметов), ср.: *создать, угнать, решить, убить, кормить, зарезать, выучить...* [28]; 2) когда из суммы значений имени и причастной формы и из всего контекста следует, что

[27] Отдельно отметим предложение с вин. падежом времени: *там проведено цему неделю* Марьинско Лядск. Пск.

[28] Правильность определения падежной формы можно, по-видимому, проверить в этих случаях по сочетанию данного глагола с именем в ед. числе: так, например, в предложении *гусей кормлено* следует, вероятно, видеть вин. падеж (ср.: *кормить ребенка, корову*), а в предложении *гусей куплено* форма имени однозначно определена быть не может (ср.: *купить муку* и *купить муки*).

указанные предметы рассматриваются как целостная группа, а не как часть более широкого целого (ср. выше предложения со словоформами *лисенят*, *девок*, *сынов*, *гостей*, *детей*) [29].

Ко всему сказанному должно быть сделано, однако, существенное примечание. В силу того, что указанный здесь семантический признак — партитивность — не является строгим критерием, выделение конструкций с вин. падежом для всех групп имен, кроме имен на *-а*, делается лишь с известной вероятностью. Наиболее спорно выделение конструкций с именами во мн. числе, поэтому мы считали необходимым привести все 15 предложений с этими именами, которые были отнесены нами к числу конструкций, включающих в себя вин. падеж имени (13 предложений было приведено только что и 2 — в предыдущем пункте, среди материалов по южнорусским говорам).

3. Среди предложений рассматриваемого типа 27 предложений со связкой — глаголом *быть* в прошедшем времени: связка во всех случаях уподобляется причастной форме на *-но*, *-то* и выступает в форме *было* (см. примеры выше).

4. Предложений с выраженным субъектом действия в наших материалах 24 (некоторые из них приведены выше), все они зафиксированы в севернорусских и западных среднерусских говорах. Дважды отмечен тв. падеж субъекта действия [30], в остальных случаях выступает сочетание предлога *у* с род. падежом имени [31].

III. 1. Предложения с омонимичной формой им.—вин. падежей имени при причастной форме на *-но*, *-то* отмечены, по нашим материалам, в 289 нас. п., которые распределяются следующим образом: 253 — в пределах территории, очерченной изоглоссой на карте 1, 7 — севернее обследованной по сетке атласов территории (онежские и архангельские говоры), 6 — к востоку от 48° в. д. (вологодские говоры), 16 — в пределах севернорусских говоров южнее изоглоссы (вологодская и костромская группы), 1 — на границе с Белоруссией (южнорусский говор) и 6 — в южно- и среднерусских говорах на юго-востоке европейской части РСФСР (последний материал спорен, см. ниже).

Предложение *у его гроши взято*, зафиксированное в населенном пункте на границе с Белоруссией (Увелье Красногорск. Брян.),

[29] Иначе — исходя из признаков только именного компонента — выделяет конструкции с вин. падежом имен во мн. числе В. А. Матвеенко. См.: В. А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. II. М., 1961, стр. 107—108.

[30] *Молоду женщину схвачено медведицей*; *нетелку волком схвачено у Марьи* — оба предложения зафиксированы в д. Раменье Белозерск. Вол.

[31] Данное сочетание присутствует и в некоторых предложениях из материалов по южнорусским и восточным среднерусским говорам, но оно везде здесь допускает двоякое толкование — может рассматриваться и как объектная форма — см. выше конструкции типа *у них копну сена украдено* Ковалевка Новопокровск. Сар.

по-видимому, является белорусизмом — конструкцией с вин. падежом (см. выше примеры с формой имени, однозначно квалифицируемой как вин. падеж, которые отмечены в том же населенном пункте) [32].

В материалах с юго-востока европейской части РСФСР приведены следующие предложения (как будет ясно из дальнейшего, для окончания причастных форм в данном случае должны быть сохранены те написания, которые даны в рукописных материалах): *потолок забранъ* Крученская Байгора Грачевск. Лип.; *у мене купленъ хлеб* Никоново Рождественск.-Хавск. Вор.; *рукав оторватъ* Сластенка Щучинск. Вор.; *сарай сделънъ* Поляна Терновск. Бал.; *такой свитилек сделанъ* Ивановка Николаевск. Ульян.; *в передней избе накрашенъ пол* Дуровка Николаевск. Ульян.; *у меня набранъ воз* Рассказань Балашовск. Сар. У нас нет уверенности в том, что во всех приведенных случаях действительно имеет место употребление не координирующей с именем причастной формы. По отношению к этому материалу — во всяком случае той его части, которая относится к южнорусским говорам,— представляется возможным допустить и другое объяснение — фонетическое: может быть, на конце причастных форм слышится здесь так называемый гласный назвук в положении после согласного в конце синтагмы [33].

2. Количество предложений рассматриваемого типа в наших материалах — 473 (не считая предложения *у его гроши взято* из д. Увелье и 7 спорных случаев, о которых только что шла речь). Здесь выступают следующие грамматические группы имен: неодушевленные имена муж. рода — 254 примера (зафиксированы в 171 нас. п.), неодушевленные имена во мн. числе—186 примеров (145 нас. п.), имена жен. рода на согласный — 33 примера (33 нас. п.).

Приведем иллюстративный материал: *налог там уплочено* Кроксово; *крючком вязено платок* Замошье Лядск. Пск.; *суп-то вам не накрыто* Козловка Торопецк. Вел.; *институт кончено у обеих* Могутово Молоковск. Калин.; *у кого-то хожено, а замок не сломано*

[32] Может быть, подобное же объяснение должно быть дано двум предложениям с омонимичной формой им.-вин. падежей, зафиксированным В. И. Собинниковой в Гремяченском р-не Воронежск. обл.: *двери выбръта* (=вынули, взяли); *дерьва выбрата*. См.: В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах. (По материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961, стр. 114.

[33] О возможности употребления гласного назвука типа ъ, ъ^{0} или даже *а* после твердых согласных (как шумных, так и сонорных) в позиции конца синтагмы нам сообщила Р. Ф. Пауфошима. Данный факт был установлен ею по слуховым наблюдениям при прослушивании материалов фонотеки лаборатории экспериментальной фонетики Ин-та русского языка (были прослушаны записи по южнорусским говорам Рязанской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской обл.). О подобном явлении в костромских говорах см.: Н. В и н о г р а д о в. Послеконечное ы в народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. «Изв. ОРЯС», 1917, т. 22, кн. 2.

Ермолино Фировск. Калин.; *скирда — хлеб-то складено* Воронья Тартуск. Эст.; *индийский* (чай) *у ней куплено* Ямок; *у тебя из байны веник принесено* Сутоки Мошенск. Новг.; *взято с дома пирожок* Загривье Сланцевск. Лен.; *сегодня чай навалено* Шамокша; *у кого трогато муравейник* Ржаное Озеро Прионежск. Карел.; *воздушный бой вижено* Гимрека; *раскидано сельсовет на 17 деревень* Горка Усть-Кубинск. Вол.; *у меня излажено на умиранье поясок* Илатовская Велико-Устюжск. Вол; *самовар-то починено у нас* Макаровская Харовск. Вол.; *заработано только стаж* Мокшанская Вельск. Арх.; *вверху потолок выстилано кирпичом* (в овине) Батенки Даниловск. Яр.; *рядом дом заколочено* Орловский Санчурск. Кир.; *вот там навезено каменья* Замежничье; *свечки в руках зажжено* Фетинино Новосокольническ. Вел.; *у меня слез реки пролито* Черемша Середкинск. Пск.; *у меня конфеты убрано* Зауженье Молоковск. Калин.; *наверно, у почты брошено газеты в окошко* Льзень Мстинск. Новг.; *колокола снято* Великое Село Старорусск. Новг.; *все руки перецарапано у кошки* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *луга засеяно* Шамокша; *церкви-то все сломано, а эта не сломана* Чидово; *уголья туда трясено* Глубокое Пудожск. Карел.; *садки рублено с бревен* Княщина Волховск. Лен.; *деньги пропито* Угрюмово Петреневск. Вол.; *сидит на бережку и ноги в озере свешано* Дмитриевская Тотемск. Вол.; *поля-ти налажено* Липовица Биряковск. Вол.; *в той деревне наварено пива́, угощают друг дружку* Сидорово Никольск. Вол.; *где же рубашки так перемято* Реброво Даниловск. Яр.; *рожь-то смолото у меня, да не идут брать* Чертены Дновск. Пск.; *пролубь вырублено* Стояново Молоковск. Калин.; *у меня положено соль* Семеновщина Лычковск. Новг.; *травинка сгладено у поросят, а морковь оставлено* Гатика Киришск. Лен.; *шерсть было позапасено* Жеребут Лужск. Лен.; *церковь от государства отделено* Бонема Кириловск. Вол.; *тут ей смерть показано* Семеновская Харовск. Вол.; *картовь загребено* Тарасовская Черевковск. Арх.; *поветь тесом настлато* Садом Черновск. Кир.

3. Из 473 предложений с омонимичной формой имени 74 имеют связку — глагол *быть* в прошедшем времени. В 27 случаях связка координирует с именем, ср.: *студень был приготовлено из морского кота* Замежничье; *у нас такой был большой трамплин сделано* Козлово Новосокольническ. Вел.; *дом состроено тут был* Фролево Фировск. Калин.; *чепчик надето был* Коновалово Ломоносовск. Лен.; *там полки были сделано* Патрово Псковск. Пск.; *сени были закрыто* Козловка Торопецк. Вел.; *полотенца в кадке были зарыто* Захонье Осьминск. Лен.; *были деревни ликвидировано* Нижняя Прионежск. Карел.; *кровать была куплено у ей* Кратевно Киришск. Лен.; *ладонь была вычищено* Угловка Угличск. Яр. Поскольку связка может координировать только с подлежащим, данные 27 предложений должны быть отнесены к числу конструкций с им. падежом. В остальных 47 случаях связка имеет форму *было*, ср.: *проломлено было череп* Редковцы; *рубль было плочено* Заборовье

Гдовск. Пск.; *наверно, самовар не вытряхнуто было* Чертены Дновск. Пск.; *букварь было прислано* Блиновка Торопецк. Вел.; *шпик было принесено* Сяргозеро Вытегорск. Вол.; *у них было сделано шнур* Назариха Харовск. Вол.; *мы нашли у князя в дому вещи из раскопок, было нахожено браслеты бронзовые* Гверестка Гдовск. Пск.; *на три души полосы было нарезано* Могутово Молоковск. Калин.; *мешки напрятано было* Летошицы Волоссовск. Лен.; *груши было привезено у ей* Чидово; *стряпано было пироги* Делоцкое Устюжинск. Вол.; *было посеяно рожь* Кострони Батецк. Новг.; *часть у него было выгнато в Германию, но возвратились* Никольское Гатчинск. Лен. Как видно из изложенного выше (см. I.3 и II.3), связка, уподобляющаяся причастной форме, возможна в конструкциях как с вин., так и с им. падежом имени — следовательно, не дает оснований для более точного определения падежной формы именного компонента предикативной основы.

Предложения с именами разных грамматических групп представлены среди конструкций, имеющих связку, в следующем количестве:

Таблица 4

Состав конструкций	Количество случаев, где связка координирует с именем	Количество случаев, где связка уподобляется причастной форме
Конструкции с неодушевленными именами муж. рода	20	27
Конструкции с неодушевленными именами во мн. числе	4	16
Конструкции с именами жен. рода	3	4

4. Из 105 предложений с омонимичной формой имени, в которых выражен субъект действия, 100 включают в себя сочетание предлога *у* с род. падежом (см. примеры выше). Три раза отмечен тв. падеж субъекта действия и два раза — сочетание «*от* + имя в род. падеже» [34].

IV. После того как мы рассмотрели факты, характеризующие в отдельности каждую из групп конструкций с именем в им.—вин. падеже, выделенную по формальному признаку — падежной форме, остановимся на некоторых более общих вопросах и прежде всего — на вопросе о синтаксической сущности данных конструкций.

[34] Приведем эти предложения: *колхозом было посеяно хлеб* Захонье Осьминск. Лен.; *было колхозом посеяно рожь* там же; *деньги тестем подарено* Градобить Фировск. Калин.; *ей адрес был дано от Вани Гришкина* Колоколово; *прислано гостинец от тетенек* Веснино Дрегельск. Новг.

1. Грамматическим признаком всех трех только что рассмотренных групп конструкций (типов: *подошва оторвано*, *подошву оторвано*, *дом поставлено*) является такая связь между компонентами предикативной основы, которая не имеет формального выражения — здесь можно говорить лишь о соположении компонентов. Эта особенность может зависеть от грамматических свойств как обеих сочетающихся словоформ, так и одной из них — причастной формы. К конструкциям, в которых неспособностью вступать в отношения координации, безусловно, отличаются оба компонента предикативной основы, относятся такие, в которых имя однозначно определяется как форма вин. падежа (тип *подошву оторвано*). Свойством только причастной формы обусловлено отсутствие координации между компонентами в тех случаях, когда в предложении имеется подлежащее — имя в им. падеже. Необходимо отметить, что к числу конструкций с формально не выраженной связью между компонентами предикативной основы не относятся те предложения с им. падежом, где употребляется координирующая с именем связка прош. времени — типа *изба была поставлено*, *дом был поставлено*[35]. Эти последние конструкции надежно свидетельствуют о том, что причастные образования на *-но*, *-то* — это не только формы безличности, но и формы, утратившие, подобно формам на *-ши* (типа *уставши*, *полоскавши*), способность словоизменения.

Для конструкций с именем в омонимичной форме им.— вин. падежей (при отсутствии связки прош. времени или со связкой *было*) нельзя формально определить, обусловлено ли отсутствие координации между компонентами предикативной основы обеими сочетающимися словоформами или только одной из них. Следовательно, попытки синтаксической квалификации этих конструкций могут основываться только на тех или иных косвенных данных. Однако сложной оказывается синтаксическая квалификация и части тех конструкций, где форма имени однозначно определяется как им. падеж. Для того чтобы раскрыть это положение, мы вынуждены прервать рассмотрение причастных конструкций и обратиться к фактам, касающимся употребления формы им. падежа в говорах.

Как севернорусским, так и западным среднерусским говорам известно употребление им. падежа при глаголах и предикативных наречиях в таких случаях, когда в других говорах и литературном языке выступает вин. падеж: *чем вода пить*, *так лучше молоко* Балмасово Бабаевск. Вол.; *не сронила бы киска катушка* Низ Оштинск. Вол.; *я жалела свое пчелы* Рославлево Петровск. Яр.; *пастух наняли* Синичино Ленинск. Вел.; *пастух-от надо* Плесовская Верховажск. Вол.; *сегодня надо мочалочка да водичка* Давыдовская Винницк. Лен.;

[35] Как уже отмечалось выше, при наличии в предложении координирующей с именем связки форма имени однозначно определяется как им. падеж.

видно крыша и труба Мартыновская Поповка Шальск. Вол.; *они мне сами лично надо* Алексеевка Екимовичск. Смол.

Приведенные конструкции неоднородны с точки зрения того, в пределах каких синтаксических единиц употребляется здесь им. падеж: выступая при спрягаемых формах глагола, данная форма входит в состав словосочетания (ср.: *жалела пчелы*, *жалею пчелы*...; *пастух наняли*, *пастух наймем*...); сочетание им. падежа с наречием составляет предикативную основу предложения (ср.: *пастух от надо*, *видно крыша*); что же касается инфинитивных конструкций типа *лучше вода пить*, *надо вода пить*, то их положение в данном отношении представляется нам промежуточным — эту последнюю мысль следует пояснить.

Как известно, им. падеж имен на *-а* первоначально выступал только при инфинитиве, причем как наиболее ранние здесь выделяются конструкции с инфинитивом, не зависящим от личной формы глагола [36],— другими словами, генетически употребление им. падежа имен на *-а* связано с определенным типом предложения. С течением времени явление расширилось в плане структурном: из элемента, входящего в предикативную основу определенного типа, им. падеж стал превращаться в элемент, сочетающийся с переходным глаголом в любой его форме, т. е. в компонент словосочетания. Однако рассматривать этот процесс как завершенный мы бы считали преждевременным: известное безразличие им. падежа к форме переходного глагола характерно для тех говоров (средне- и южнорусских), где рассматриваемое явление отмечается как спорадическое; в пределах же основной изоглоссы (севернорусские говоры) повсеместно заметно преобладают предложения с инфинитивом, особенно — с инфинитивом, не зависящим от личного глагола: случаи сочетания им. падежа со спрягаемыми глагольными формами составляют в материалах атласов, относящихся к этой территории, не более $^1/_4$ всего количества зафиксированных предложений с им. падежом при переходных глаголах (хотя, конечно, предложения со спрягаемыми глагольными формами значительно чаще встречаются в речи, чем предложения инфинитивные) [37]. В севернорусских

[36] Это положение признается, кажется, всеми исследователями, занимавшимися изучением конструкции «инфинитив + существительное на *-а*»; см., в частности: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 406; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 141.— Последняя известная нам работа, в которой рассматривается вопрос о происхождении и развитии данных конструкций, принадлежит Ф. П. Филину, см.: Ф. П. Филин. Из истории синтаксиса восточнославянских языков. О форме именительного падежа имен женского рода на *-а*(*-я*) в значении аккузатива.— ВЯ, 1969, № 3.

[37] См. соответствующий материал в статье: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., изд-во «Наука», 1964.

говорах, таким образом, употребление именительного падежа имен на *-а* в функции винительного предстает как явление, в значительной степени относящееся, с нашей точки зрения, к предложенческому уровню.

Но перечисленные здесь конструкции нельзя безоговорочно объединить, если подойти к ним и с другой точки зрения — со стороны синтаксической функции имени. В глагольных конструкциях им. падеж имени однозначно определяется современными исследователями как падеж прямого объекта, хотя некогда им. падеж при инфинитиве и выступал в роли подлежащего [38]. В конструкциях же с предикативными наречиями функция имени спорна. Так, конструкции с наречием *надо*, *нужно* рассматриваются в современных работах и как личные с им. падежом подлежащего [39], и как безличные, в которых имя служит объектом [40], и как такие, где роль имени является неопределенной — «не то подлежащее, не то дополнение» [41]. Анализируя материалы, собранные для составления диалектологических атласов, мы пришли в свое время к выводу о том, что «конструкции типа *нам новая изба надо* находятся в современных говорах в процессе такого же перерождения, как некогда конструкции с им. падежом при инфинитиве» [42].

Из изложенного следует, что, если применительно к глагольным конструкциям можно с уверенностью говорить об употреблении им. падежа в функции винительного (в функции объектной), то для конструкций с предикативными наречиями такая постановка вопроса является лишь возможной.

Однако, несмотря на указанные различия между конструкциями типа *кошу трава*, *пора* (*надо*) *косить трава* и *надо трава*,

[38] Как показал А. А. Потебня, им. падеж в инфинитивных предложениях пережил изменение своей внутренней формы при сохранении формы внешней — данные конструкции совершили «переход от личности к безличности» (А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 406—407).

[39] См.: П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1960, стр. 125; И. Ф. Нелюбова. Заметки по диалектному синтаксису. «Наук. зап. Станіславського держ. пед. ін-ту». Іст.-філол. серія, т. III. Київ, 1959, стр. 117.— По отношению к некоторым говорам считает возможным рассматривать эти конструкции как личные и В. Л. Георгиева (см.: В. Георгиева. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием «надо» в современных русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М.— Л., 1949, стр. 49—51)

[40] См.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 141; Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 71—72 (см. также более раннюю его работу: Ф. П. Филин. Об употреблении формы именительного падежа имен женского рода на *-а* в значении аккузатива. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 1. М.— Л., 1947).

[41] См.: П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 266—267.

[42] См.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Указ. соч., стр. 173.

вряд ли можно отрицать, что все они находятся в современных говорах в состоянии взаимодействия [43], и именно это обстоятельство является сейчас для нас существенным.—Возвращаясь теперь к конструкциям с причастными формами, мы должны сказать следующее: для тех говоров, которые характеризуются употреблением им. падежа в рассмотренных конструкциях с переходными глаголами и предикативными наречиями, нельзя исключить той возможности, что им. падеж, сочетающийся с причастными формами на *-но*, *-то*, также не является падежом подлежащего.

Итак, мы убедились в том, что синтаксическая квалификация значительной части конструкций с причастными формами на *-но*, *-то*—по сути дела всех конструкций, кроме тех, где употребляется форма вин. падежа, не совпадающая с именительным (*подошву оторвано*), и тех, где выступает координирующая с именем связка прош. времени (*подошва была оторвано*, *дом был построено*) — связана со значительными трудностями. Больше того: отсутствие формальных критериев делает любую интерпретацию материала строго говоря недоказуемой. Не приходится поэтому удивляться тому обстоятельству, что относительно рассматриваемых конструкций (применительно как к материалам современных говоров, так и к данным памятников [44]) до настоящего времени высказываются различные мнения — в форме более или менее категорической, хотя внимание исследователей этот вопрос привлекает уже давно [45]. Не ставя целью дать библиографию по данному вопросу, обратимся только к нескольким работам из числа тех, которые относятся к последнему времени (40—60-е годы) [46].

[43] См. об этом ниже, а более подробно — в указанных здесь статьях Ф. П. Филина и И. Б. Кузьминой, Е. В. Немченко.

[44] В древнерусских памятниках по преимуществу отмечаются такие конструкции с причастными образованиями на *-но*, *-то*, где имя имеет омонимичную форму им.-вин. падежей, однако зафиксированы и предложения с формой имени, однозначно определяемой как им. или (реже) вин. падеж. См. соответствующие материалы, в частности, в трудах: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, стр. 360—361 (см. также стр. 339—342); В. И. Чернышев. О нарушении согласования в русском языке. «Памяти академика Н. Я. Марра». М.— Л., 1938; П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке. (Докт. дисс., рукопись). М., 1948; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 73 и след.; С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 320 и след.; В. И. Собинникова. Указ. соч., стр. 114—115; З. М. Петрова. Особенности сказуемостного употребления страдательных причастий прошедшего времени в псковских памятниках письменности и современных псковских говорах. (Канд. дисс., рукопись). Л., 1960.

[45] Так, см. уже труд Миклошича: F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. IV. Syntax. Wien, 1868—1874, стр. 364—365.

[46] Библиографические материалы см., напр., в трудах: Н. П. Пота-

Отвлекаясь от некоторых частностей в формулировках, те высказывания о синтаксической сущности конструкций типа *пол вымыто*, *все справки получено*, которые имеются в известной нам литературе, представляется возможным свести к пяти группам — данные конструкции определяются исследователями 1) как личные — В. И. Борковский, В. Н. Немченко, З. М. Петрова, В. А. Матвеенко [47]; 2) как безличные — А. Б. Шапиро, С. Д. Никифоров, В. И. Собинникова, Н. Ю. Шведова [48], а также П. С. Кузнецов — работа 1949 г. [49] (в более поздней работе — учебнике «Русская диалектология» — П. С. Кузнецов фактически отказывается от однозначной квалификации конструкций с именами в омонимич-

пова. К вопросам синтаксиса русских говоров. Конструкции с кратким страдательным причастием прошедшего времени в функции сказуемого в говорах Пермской области. «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», т. XV, вып. 1. Русский язык и литература. Пермь, 1959; З. М. Петрова. Особенности сказуемостного употребления страдательных причастий прошедшего времени в псковских памятниках письменности и современных псковских говорах; В. А. Матвеенко. Страдательно-безличный оборот в восточнославянских языках. (Канд. дисс., рукопись). М., 1962; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, § 301; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., 1964, раздел «Изменения в причастных безличных предложениях».

[47] См.: В. И. Борковский. Из наблюдений над языком деревень Вольная Березина и Кирилловщина (Лычковский район) и деревни Рыкалово (Полтавский район) Ленинградской области. «Уч. зап. Ярославского гос. пед. ин-та», вып. IV. Ярославль, 1944, стр. 119—120; Он же. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 75—76; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 423; В. И. Борковский. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения. М., 1968, стр. 171 (называя рассматриваемые конструкции личными, В. И. Борковский подчеркивает вместе с тем — особенно в труде «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)»— безличную форму их сказуемого); В. Немченко. Наблюдения над синтаксисом говора русского населения Ионавского района Литовской ССР. «Уч. зап. Вильнюсского гос. ун-та», т. XXX. Языкознание, II. Вильнюс, 1960, стр. 62; З. М. Петрова. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 225. Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка. Л., 1962, стр. 173—174; В. А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах, стр. 108 (В. А. Матвеенко формулирует свою точку зрения очень осторожно).

[48] См.: А. Б. Шапиро. Типы безличных предложений в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., 1949, стр. 208; Он же. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 144; С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 320—321; В. И. Собинникова. Указ. соч., стр. 115—116; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 290 (соответствующая часть написана Н. Ю. Шведовой).

[49] См.: П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М.—Л., 1949, стр. 71—72.

ной форме им.— вин. падежей [50]); 3) как переходные от безличных к личным — Ф. П. Филин, В. С. Овчинникова, Л. И. Макарова [51]; 4) как переходные от личных к безличным — Е. М. Галкина-Федорук [52]; 5) как контаминация личных и безличных структур — без указания на направление развития — Н. П. Потапова, Е. Н. Иваницкая [53].

К тем разнообразным мнениям о конструкциях типа *пол вымыто*, которые представлены в литературе последних 30 лет, мы решаемся прибавить еще одно — к нему нас привело изучение материалов, собранных для составления диалектологических атласов.

Как уже отмечалось выше, нам представляется, что категорическое однозначное определение рассматриваемых конструкций принципиально невозможно. В отличие от П. С. Кузнецова (имеем в виду тот подход к материалу, который сформулирован в «Русской диалектологии»), мы распространяем это положение не только на предложения типа *ножик в подпол кинуто*, *першатки на руках надето* (примеры Н. П. Гринковой, приведенные в книге П. С. Кузнецова), но и на предложения типа *изба поставлено* — применительно к говорам, для которых характерно употребление конструкций типа *кошу трава*, *пора* (*надо*) *косить трава*, *надо трава*.— Синтаксическая интерпретация большей части материала по рассматриваемым причастным конструкциям может быть сделана только с известной долей вероятности — на основе некоторых косвенных данных.

Попытаемся теперь собрать и сгруппировать те факты, которые, как нам представляется, должны быть сопоставлены с материалом по причастным конструкциям и которые в сумме своей дают известные основания для суждения о синтаксической сущности этих последних. При анализе данных фактов сразу бросается в глаза их противоречивый характер: одни скорее свидетельствуют в пользу определения рассматриваемых причастных конструкций

[50] См.: П. С. Кузнецов. Русская диалектология, стр. 122—123.

[51] См.: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 4. М.—Л., 1948, стр. 47; В. С. Овчинникова. О некоторых типах безличных предложений в поозерском говоре. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. ун-та», т. XXX. Труды ист.-филол. фак-та, вып. 4. Харьков, 1956; Л. И. Макарова. Некоторые особенности предикативного употребления страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах. «Уч. зап. Балашовского гос. пед. ин-та», т. I. Ист.-филол. серия. Балашов, 1956, стр. 183 и др.

[52] Е. М. Галкина-Федорук. К вопросу о безличных предложениях.— РЯШ, 1947, № 2.

[53] Н. П. Потапова. Указ. соч., стр. 50; Е. Н. Иваницкая. Некоторые синтаксические особенности северных говоров (по материалам говоров Дрегельского района Новгородской области). «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Кафедра русск. языка, № 184. Статьи и исследования по русскому языку. М., 1962, стр. 169.

как личных, включающих в себя им. падеж подлежащего, другие — как безличных, с именем в объектной функции. Это обстоятельство становится понятным только в том случае, если учесть, что эти две группы фактов связаны по преимуществу с разными говорами. Следовательно, привлеченный дополнительный материал приводит нас к предположению о том, что внешне сходные предложения с причастиями (типа *ножик кинуто*, *перчатки надето*, *изба поставлено*) могут или должны по-разному квалифицироваться применительно к разным говорам. Рассмотрим материал и затем сформулируем этот вывод более конкретно. Сначала остановимся на фактах, скорее указывающих на личный характер интересующих нас конструкций.

Исследователи, считающие предложения типа *ножик кинуто* личными, проводят аналогию между данными причастными конструкциями и такими глагольными, в которых сказуемое — глагол в прош. времени — имеет форму ср. рода, не координирующую по признаку рода и числа с именем в им. падеже [54]. Глагольные конструкции без координации компонентов предикативной основы приводятся во многих диалектологических работах [55]. В наших материалах также имеется несколько таких предложений: *оны уехало на поезде* Взвад Старорусск. Новг.; *в Ленинграде он* (муж) *было* Кивуя Новоладожск. Лен.; *у меня бывало было у мужичка собака — Джеком звали* Щелейки; *надоело мене, девушки, любовь заочная* Балмасово Бабаевск. Вол.; *трава почало желтеть* Теребино Вельск. Арх.; *вот это было соха* Костино Судайск. Костр. Отмечено также не координирующее с именем предикативное прилагательное: *скоро должно ответ быть* Щетинское Мяксинск. Вол. Особую группу составляют встретившиеся в материалах атласов несколько предложений, где причастная форма координирует с именем, а связка (глагол *быть* в форме прошедшего времени) — нет, ср.: *у нас было со старухой куры посажены* Сергино Сошихинск. Пск.; *лен посеян было* Чертены Днровск. Пск.; *у меня на хуторе поставлен было двор* Заполье Лужск. Лен.; *у меня было две дочки кушены, так маялись* там же; *деньги было у того сына оставлены* Сушино Торопецк. Вел.; *рука свихнуто было давно* Глутно Маловишерск. Новг.; *эвакуированы* (мы) *было в войну* Деревянное Прионежск. Карел.

Есть в наших материалах некоторое количество и другого типа предложений, которые свидетельствуют в пользу того мнения, что между конструкциями с причастными формами, с одной стороны, и конструкциями с глаголами и предикативными прилагательными, с другой, возможен известный параллелизм: на

[54] См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 422 и след.

[55] См. указание на эти работы в книге: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 75—76.

территории, характеризующейся употреблением причастных форм на *-н*, *-т* (неизменяемая причастная форма совпадает с формой муж. рода — *вода поставлен*, *дрова привезен*), отмечены следующие предложения с другими предикатами, не координирующими с именем по родовому признаку: *гадюка вышел из куста* Каменка Любытинск. Новг.; *до революции в школе три класса был* Семеновщина Лычковск. Новг.; *вода был* Клевичи Демянск. Новг.; *уха и всё остался* Бураково Демянск. Новг.; *муки должен мне соседка* там же; *раньше тут 35 дворов был, а теперь 15* Кивуя Новоладожск. Лен.; *вершина туды падал, а комель по эту сторону* Балмасово Бабаевск. Вол. Сюда же примыкает предложение, где с компонентами предикативной основы не координирует по роду относящееся к ним прилагательное: *оставлена я виноват* Сохи Усмынск. Вел. Отметим еще такое нарушение в согласовании: *печечка маленький был сделан* Семеновск. Октябрьск. Вел. Как видно по географическим пометам, большинство приведенных здесь предложений зафиксировано на территории северо-запада — главным образом в среднерусских говорах (Псковская, Новгородская, Великолукская, частично Ленинградская области).

Как уже отмечалось выше, безусловным доказательством того, что образования на *-но*, *-то* — это не только формы безличности, но и формы, лишенные словоизменения, является факт их употребления в конструкциях типа *изба была поставлено*, *дом был поставлено*, т. е. в сочетании со связкой, координирующей с именем. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что из 52 предложений этого типа, представленных в наших материалах (см. выше, стр. 35—36 и 42), 43 относятся к говорам среднерусским, а остальные 9 — к западным севернорусским. В говорах лачской и вологодской групп не отмечено ни одного предложения с формой на *-но*, *-то* при координирующей с именем связке.

И, наконец, еще одно, косвенное, указание на то, что образования на *-но*, *-то* могут быть формами, лишенными словоизменения, — факт существования в говорах других неизменяемых причастных образований, выполняющих предикативную функцию, — форм на *-н*, *-т* и на *-ши*. Заметим при этом, что конструкции типа *изба поставлено* и *дом поставлено* шире распространены на северо-западе европейской части РСФСР, т. е. в тех средне- и севернорусских говорах, где выступают и другие неизменяемые причастные образования (о распространении последних см. ниже, в соответствующих разделах). Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что только на территории западных среднерусских говоров имеются отдельные населенные пункты, в материалах по которым приводится сравнительно много предложений с формами на *-но*, *-то* и им. или им. — вин. падежом имени. Свыше 10 примеров отмечено в трех нас. п.: Старищи Порховск. Пск. (14), Чертены Дновск. Пск. (12), Захонье Осьминск. Лен. (11); по 7 примеров приводится в ответах по следующим нас. п. Псков-

ской обл.: Верховье Лядск., Замошье Лядск., Патрово Псковск., Загорье Печерск., Загорье Порховск.; по 6 примеров находим в трех ответах — по нас. п. Заборовье Гдовск. Пск., Взвад Старорусск. Новг., Жилино Осьминск. Лен. Заметим, что из 11 названных здесь деревень 8 относятся к территории псковских говоров — тех говоров, для которых в наибольшей степени характерно употребление причастных форм на *-н*, *-т*, не координирующих с именем.

Теперь рассмотрим факты, которые можно, как нам представляется, в какой-то мере считать свидетельствами в пользу безличного характера конструкций с формами на *-но*, *-то* и именем в форме им. или им. — вин. падежей. Прежде всего обратимся к употреблению связки прошедшего времени в разных конструкциях. Сопоставим между собой следующие данные.

1) В конструкциях с им. падежом из 38 случаев употребления связки прош. времени в 25 связка координирует с именем; из тех 13, где выступает связка *было*, 12 — предложения с именами на *-а*.

2) В конструкциях с вин. падежом связка всегда имеет форму *было*.

3) Из 74 предложений, в которых связка прош. времени употребляется при имени в омонимичной форме им. — вин. падежей, координация связки с именем представлена в 27; в остальных 47 случаях связка имеет форму ср. рода.

Наличие в предложении не координирующей с именем связки *было* не может служить доказательством того, что конструкция безлична, т. е. что имя имеет форму вин. падежа или выступает в функции этого падежа; однако бросается в глаза следующее: без координации с именем связка употребляется в двух группах предложений: в предложениях, где форма имени может рассматриваться как форма вин. падежа (при омонимии этих падежных форм), и в предложениях, где именной компонент представлен существительным такой грамматической группы (имена на *-а*), для которой больше всего оснований предположить употребление формы им. падежа в функции винительного [56]. Существенно

[56] Как уже показывалось выше, использование формы им. падежа в функции вин. падежа возможно в говорах для всех групп имен, различающих эти падежные формы, однако степень употребительности конструкций с именами разных грамматических групп оказывается весьма неодинаковой: среди конструкций и с глаголами и с предикативными наречиями выделяются как наиболее частые, а вернее — как единственные частые — конструкции с именами на *-а* (типа *пора принести вода*, *надо принести вода*, *принес вода*, *надо вода*). Объясняется это обстоятельство для глагольных и наречных конструкций по-разному. Конструкции типа *теперь бы жара надо* восходят, как известно, к древнерусским предложениям с им. падежом подлежащего и наречием *надобѣ* в сказуемом — следовательно, само существо явления предполагает здесь равноправие имен различных грамматических групп. Выделение по частоте употребления имен на *-а* вытекает, как нам представляется, не из

при этом обратить внимание на то обстоятельство, что для данных групп конструкций связка *было* оказывается более характерной, чем связка, координирующая с именем: всего предложений со связкой прош. времени из числа конструкций с омонимичной формой им.— вин. падежей — 74, предложения со связкой *было* составляют здесь около $^2/_3$ — их 47; для конструкций с именами на *-а* эти цифры соответственно — 16 и 12. Конструкции со связкой *было*, не координирующей с именем, отмечены в разных севернорусских и западных среднерусских говорах. Существенно отметить, что в восточных группах севернорусского наречия — лачской и вологодской — по материалам атласа при именах на *-а* и именах, имеющих омонимичную форму для им.— вин. падежей, зафиксирована только связка *было*.

Предположение о том, что в конструкциях с причастными формами на *-но*, *-то* им. падеж имени может выступать в объектной функции, укрепляется по отношению к части материала, если сопоставить данные о распространении этих конструкций с аналогичными данными, касающимися конструкций с им. падежом при глаголах и наречиях [57].

системы языка, а из конкретных условий речи: напомним, что из существительных форму им. падежа, отличную от винительного, имеют, кроме имен на *-а*, только имена одушевленные — муж. рода и мн. числа, а ситуации, когда в обороте с *надо* может быть употреблено имя — название лица или животного встречаются, видимо, много реже, чем случаи, когда выражается потребность в каком-либо предмете (вещи). Широкое употребление глагольных конструкций, восходящих к древнерусскому обороту «инфинитив + существительное на *-а*», и редкое — конструкций типа *кормлю куры* и особенно — типа *загоняла конь*, имеющих, по-видимому, аналогическое происхождение,— факт языковой системы. (Об употреблении в русских говорах конструкций типа *кормлю куры* и типа *загоняла конь* см. в названной выше статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко.)

[57] О необходимости учитывать при анализе конструкций типа *вода принесено* факт употребления в части русских говоров им. падежа имен на *-а* в функции вин. падежа предупреждал еще в 1948 г. Ф. П. Филин (см.: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 44). Такой же точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи. Так, Н. П. Потапова, анализируя материалы говоров Пермской обл., приходит в выводу о том, что взаимосвязанными оказываются конструкции следующих типов: *шапка надо*, *шапка купить надо* (*пора*), *шапка купил*, *шапка куплено* (см.: Н. П. Потапова. Указ. соч., стр. 45). Но существует и другое мнение. В. А. Матвеенко и, ссылаясь на ее вывод, В. И. Борковский, на наш взгляд, неоправданно отказываются от сравнения причастных и глагольных конструкций с именами на *-а* — см.: В. А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота, стр. 110; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 424 и след. (См. ниже нашу поправку к фактическому материалу, приведенному в статье В. А. Матвеенко).

О территории употребления глагольных и наречных конструкций с им. падежом см. в работах: Ф. П. Филин. Об употреблении формы именительного падежа имен женского рода на *-а* в значении аккузатива; В. Георгиева. Указ. соч.; И. Б. Кузьмина., Е. В. Немченко. Указ. соч.

Рассматривая выше группу причастных конструкций с именем в форме им. падежа, мы указали территорию их распространения и определили, какой круг имен (с грамматической точки зрения) входит в эти конструкции. Теперь сведем эти данные воедино и покажем, ка́к конструкции с им. падежом имен разных грамматических групп распределяются по говорам — среднерусским и севернорусским. Суммируем называвшиеся выше данные в виде таблицы. Рядом для сравнения приводим другую таблицу — с теми же данными для конструкций с именем в форме вин. падежа.

Таблица 5

Грамматическая группа имен	Колич. нас. п., где отмечены конструкции с им. падежом	
	в среднерусских говорах	в севернорусских говорах
Имена на *-а*	26	65
Имена одушевл. муж. рода не на *-а*	32	6
Имена одушевл. во мн. числе	9	5
Местоимения	21	6

Грамматическая группа имен	Колич. нас. п., где отмечены конструкции с вин. падежом	
	в среднерусских говорах	в севернорусских говорах
Имена на *-а*	25	28
Имена одушевл. муж. рода не на *-а*	4	6
Имена одушевл. во мн. числе	6	5
Местоимения	6	14

Как видно из приведенного материала, среди конструкций с им. падежом выделяется первая группа — с именами на *-а*: из 91 нас. п., где представлено явление, 65 относятся к территории севернорусских говоров, в то время как преобладающее количество населенных пунктов, в которых зафиксированы конструкции с тремя другими группами имен, расположено на территории говоров среднерусских. Параллельных фактов среди конструкций с вин. падежом имени не обнаруживается: здесь нет перевеса на стороне среднерусских говоров ни для одной группы имен, а населенные пункты, в которых зафиксированы рассматриваемые конструкции с именами на *-а*, поделились примерно поровну между средне- и севернорусскими говорами.

Существенно обратить также внимание на то, ка́к распределяются населенные пункты, характеризующиеся употреблением конструкций с именами в им. падеже, внутри севернорусских говоров. В пределах этих говоров рассматриваемые конструкции отмечены всего в 78 нас. п., бо́льшая часть которых относится к западной половине территории; на долю лачских и вологод-

ских говоров из этих населенных пунктов приходится 26, причем в 22 из них зафиксированы предложения с именами на *-а*.

Теперь сопоставим данные о распространении причастных конструкций, включающих в свой состав им. падеж, с соответствующими данными по глагольным и наречным конструкциям.

Всего населенных пунктов, где зафиксированы конструкции типа *изба поставлено*, *сын ранено*, *дети выращено*, *они заморено*, по нашим материалам, 149: 78 из них приходится на территорию севернорусских говоров, 71 — на территорию среднерусских. В значительном большинстве этих населенных пунктов — в 114 — представлены также и другие конструкции с им. падежом — глагольные или наречные, а чаще — те и другие одновременно [58]. Заметим при этом, что сосуществование причастных конструкций, включающих в себя им. падеж, с глагольными и наречными оказывается для севернорусских говоров явлением более регулярным, чем для говоров среднерусских: на территории первых оно имеет место в 68 нас. п. (из 78, в которых отмечены рассматриваемые конструкции с причастными формами), на территории вторых — в 46 (из 71), причем в восточной части севернорусских говоров — в группах лачской и вологодской — сосуществование конструкций зафиксировано почти в 90% нас. п., характеризующихся употреблением им. падежа имени в сочетании с причастной формой на *-но*, *-то*, — в 23 из 26.

Два только что изложенных факта — неодинаковая по говорам относительная частота употребления в причастных конструкциях с им. падежом имен одних и тех же грамматических групп и разная для северно- и среднерусских говоров вероятность наличия взаимодействия между причастными конструкциями, с одной стороны, и глагольными и наречными, с другой, — безусловно, связаны между собой: частое сосуществование причастных конструкций с глагольными и наречными в севернорусских говорах, особенно в восточной их части, в значительной мере обусловлено тем, что среди причастных конструкций с им. падежом большую долю составляют здесь конструкции с именами на *-а*. Приведем цифры, относящиеся к этой последней группе конструкций в отдельности. Предложения типа *изба поставлено* всего отмечены, по нашим материалам, в 91 нас. п. В 73 из них зафиксированы также и другие конструкции с им. падежом: в 17 — только наречные, в 56 — глагольные и наречные или только глагольные (49 нас. п. из данных 56 относятся к территории севернорусских говоров) [59].

[58] Напомним, что из двух групп конструкций с им. падежом — глагольных и наречных — опорой для сопоставления с причастными конструкциями являются глагольные, поскольку именно они однозначно определяются как безличные с им. падежом в объектной функции.

[59] Эти подсчеты сделаны на материалах, собранных для составления атласов, с очень незначительным добавлением фактов из наших личных за-

Все изложенные факты дают основание сказать, что причастные конструкции с им. падежом имен на *-а* для севернорусских говоров, особенно для восточной их части, оказываются в своем распространении связанными с аналогичными глагольными и наречными конструкциями. Это обстоятельство мы считаем косвенным свидетельством в пользу квалификации предложений типа *изба поставлено* в этих говорах как безличных. Применительно к севернорусским говорам следует, по-видимому, сближать с глагольными и наречными конструкциями, в состав которых входит им. падеж, и другие причастные конструкции — такие, где именной компонент выражен одушевленным существительным мужского рода (не на *-а*) или мн. числа или местоимением. Необходимо, однако, заметить, что количество предложений типа *сын ранено*, *дети выращено*, *он отправлено* в материалах по севернорусским говорам невелико — бóльшая их часть зафиксирована в говорах среднерусских. В среднерусских же говорах сосуществование причастных конструкций, с одной стороны, и глагольных и наречных, с другой, не носит такого регулярного характера, как в говорах севернорусских. Следует к тому же учесть, что самые показательные из этих последних конструкций — конструкции типа *косить* (*кошу*) *трава* — для современных среднерусских говоров нехарактерны [60].

писей. Если эти последние данные изъять и ограничиться свидетельством материалов атласов, цифры окажутся следующими: конструкции типа *изба поставлено* отмечены в 86 нас. п.; сосуществование с другими конструкциями, где именной компонент представлен им. падежом, имеет место в 68 нас. п., причем в 51 нас. п. из этих 68 зафиксированы глагольные конструкции с им. падежом (только глагольные или в сочетании с наречными). Данные материалов атласов мы выделили для того, чтобы соотнести их со сведениями, опубликованными В. А. Матвеенко. Характеризуя взаимоотношение причастных и глагольных конструкций с им. падежом в материалах атласов, она пишет: «Из 80 нас. пунктов, в которых отмечено *рука поранено*, в 36 отмечено *надо баня топить*, *баня топить*, т. е. более чем в половине нас. пунктов оборот *рука поранено* не поддерживается употреблением им. пад. вместо вин. в обороте *надо баня топить*» (см.: В. А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота, стр. 110). Следует заметить, что за время, которое прошло с тех пор как В. А. Матвеенко работала по материалам, собранным для составления диалектологических атласов русского языка, часть территории северных говоров подверглась переобследованию и дообследованию. Кроме того, отличие наших данных от данных В. А. Матвеенко в какой-то мере может быть связано с тем, что мы использовали для сравнения с причастными любые глагольные конструкции, а не только инфинитивные. (Предложения типа *топлю баня* употребляются, как уже отмечалось, в тех же говорах, что и инфинитивные, только значительно реже. Есть, однако, несколько материалов, где зафиксировано употребление им. падежа при спрягаемых формах глагола, а аналогичные примеры с инфинитивом отсутствуют).

[60] Для причастных конструкций типа *дом* (*дома*) *поставлено* (имя выступает в омонимичной форме им. — вин. падежей) вопрос о характере сосуществования с глагольными и наречными конструкциями не имеет такого значения, как для конструкций с им. падежом, поскольку имя здесь может интерпре-

Итак, мы рассмотрели ряд фактов, являющихся в их совокупности тем единственным материалом, на основании которого может быть сделана попытка определить синтаксическую сущность конструкций с причастными формами на *-но*, *-то* и именем в форме им. или им. — вин. падежей [61]. Приведенные явления распадаются на две группы: одни дают известное основание квалифицировать рассматриваемые причастные конструкции как личные, с отсутствием координации между компонентами предикативной основы, другие скорее свидетельствуют в пользу определения данных конструкций как безличных, где имя имеет форму вин. падежа или выступает в функции этого падежа.

Противоречивый характер приведенных фактов становится понятным, если учесть, что разные явления связаны по преимуществу с разными говорами.

Из всей суммы имеющихся сведений вытекает, как нам представляется, следующее допущение: внешне сходные предложения могут по-разному интерпретироваться применительно к системе разных говоров. Полярными в этом отношении оказываются среднерусские говоры, с одной стороны, и восточная часть севернорусских — с другой. Рассматриваемые причастные конструкции, и прежде всего те, именной компонент которых представлен им. падежом личного местоимения или одушевленного существительного, в системе современных среднерусских говоров, по-видимому, встают в ряд личных конструкций без координации компонентов предикативной основы. Для восточной части севернорусских говоров больше оснований предполагать включение интересующих нас конструкций с причастными формами в число тех, где имя имеет форму вин. падежа или выступает в функции этого падежа (последнее относится главным образом к конструкциям с именами на *-а*).

2. Рассмотрев весь комплекс вопросов, касающихся структуры конструкций с причастными формами на *-но*, *-то* и именем в

тироваться не только как им. падеж подлежащего или объекта, но и как вин. падеж объекта (отсутствие данных, поддерживающих трактовку имени как им. падежа объекта, не является здесь, следовательно, даже косвенным аргументом, свидетельствующим в пользу личного характера конструкции). Однако приведем соответствующие данные: в пределах северно- и среднерусских говоров всего населенных пунктов, в материалах по которым зафиксированы предложения типа *дом* (*дома*) *поставлено*, — 282 (из них на территорию севернорусских говоров приходится 152); сосуществование с конструкциями типа *надо нести вода* (*несу вода*), *качала ребенок*, *нада петух* ... зафиксировано в 193 нас. п. (123 из них — в севернорусских говорах).

[61] Точнее было бы сказать здесь, что приведенными данными исчерпывается в настоящей момент наше представление о материале, косвенно свидетельствующем о том или другом характере рассматриваемых причастных конструкций: не исключено, что круг соответствующих данных может быть расширен.

форме им.— вин. падежей, перейдем к характеристике их грамматического значения.

Грамматическое значение рассматриваемых конструкций состоит, как нам представляется, из четырех созначений [62]. Следующие три из них являются общими для всех данных конструкций: 1) причастная форма называет состояние, вызванное осуществившимся ранее действием,— этот семантический признак характеризует все конструкции с предикативными причастными формами; 2) имя называет предмет, который послужил объектом действия, вызвавшего данное состояние,— особенность, присущая всем двукомпонентным конструкциям, включающим в себя причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, образованные от переходных глаголов; 3) действие, вызвавшее данное состояние, охватило предмет целиком — в рассматриваемых конструкциях так же, как в конструкциях, состоящих из им. падежа имени и координирующей с ним причастной формы, отсутствует значение партитивности.

Четвертый семантический признак, который определим как отнесенность (или принадлежность) состояния, не охватывает всю рассматриваемую группу конструкций целиком. Деление конструкций по данному признаку соответствует делению их на личные и безличные. В личных конструкциях состояние, выраженное причастной формой, непосредственно приписывается предмету, обозначенному именем в им. падеже: это имя, следовательно, называет предмет, который не только послужил объектом действия, вызвавшего данное состояние, но и является субъектом этого состояния (как и им. падеж в конструкциях с координацией компонентов предикативной основы), ср.: *была картошка сеяно* Антушино Лесной Калин.; *вчера был утюг разогрето* Медведево Есеновичск. Калин. В безличных конструкциях — при имени в объектной форме — состояние не приписано никакому предмету, предстает как бессубъектное, ср.: *спину сорвано дак* Мосеево Вашкинск. Вол.; *его было в гвардии полк отдано* Буйкино Большесельск. Яр. По отношению к конструкциям, где форма или функция имени не могут быть однозначно определены, вопрос о принадлежности состояния остается открытым.

Как было показано выше, последняя названная группа занимает среди конструкций с им.— вин. падежами весьма значительное место. Следовательно, большая часть рассматриваемых конструкций с точки зрения четвертого семантического признака — отнесенности или неотнесенности состояния к какому-либо предмету — по сути дела не может быть охарактеризована. Если подойти к явлению с другой стороны, можно сказать, что

[62] Термин «созначение» заимствуем из статьи Е. И. Шендельс «О грамматической полисемии» (ВЯ, 1962, № 3). У Е. И. Шендельс этот термин употребляется применительно к фактам морфологии.

данный семантический признак не является последовательно формализованным. Указанное обстоятельство дает, как нам представляется, основание думать, что значение грамматической отнесенности или неотнесенности состояния к предмету коммуникативно несущественно. Определяющий же момент в семантике конструкций — то, что названный здесь предмет послужил целью деятельности другого предмета [63] и притом подвергся этому действию полностью,— в равной мере передается при им. падеже подлежащего и вин. или им. падеже объекта.

В пользу мнения об отсутствии между личными и безличными рассматриваемыми конструкциями во всяком случае существенного различия с точки зрения выражаемого ими реального содержания говорит, в частности, тот факт, что им. падеж подлежащего [64] и вин. падеж объекта отмечаются в одинаковых или близких контекстах, ср.: *у его пятилетка окончено* Борки Плюсск. Пск.— *я не очень грамотна — семилетку кончено* Красный Бор; *муж-то взято до войны до этой* Старищи Порховск. Пск.— *брата взято в армию и слыху нет* Чертены Дновск. Пск.; *сын ранено* Отрепово Локнянск. Вел.— *сына порането* Двуречье Ровеньск. Белг.; (сын) *был в ремеслено отправлено* Могутово Молоковск. Калин.— *отправлено было сына* Конецкая Ковжинск. Вол.; *муж-то у ней убито* Замежничье — *мужа у ей убито на войне* Раменье Белозерск. Вол.; *у нас взято от Ванькиных такой плохой кот* Заборовье Гдовск. Пск.— *два месяца поросеночка взято* Погорелица Пеновск. Вел.; *племянники все убито* Мининская Оштинск. Вол.— *сыновей убито* Астратово Пеновск. Вел. В наших материалах встретилось одно предложение, где именной компонент предикативной основы состоит из двух однородных членов — имени в вин. и имени в им. падеже: *сынов, дети выращено* Березка Старорусск. Новг.

Синтаксические построения, подобные только что рассмотренным личным и безличным конструкциям, мы называем в работе функциональными дублетами. Функциональные дублеты, следовательно, — это такие синтаксические построения, которые, не будучи вполне идентичными по своему грамматическому значению, в плане коммуникативном настолько сходны, что могут выступать в одних и тех же речевых условиях — могут заменять друг друга в одних и тех же контекстах. Сумма конструкций — функциональных дублетов образует функциональный

[63] Мы воспользовались здесь формулировкой Миклошича, см.: F. Miklosich. Указ. соч., стр. 263.

[64] Выбирая данные пары, мы старались привести такие конструкции с им. падежом, для которых маловероятно предположение об объектной функции имени, поэтому с именем на *-а* даем только одно (первое) предложение, причем относится оно к среднерусскому говору.

ряд [65]. Конструкции, являющиеся членами одного функционального ряда, могут иметь тенденцию к территориальной дифференциации и могут сосуществовать в одних и тех же говорах (как это имеет место в рассмотренном конкретном случае) [66].

Конструкции с именем в форме родительного падежа

1. Родительный падеж имени в конструкциях с причастными формами на *-но*, *-то* так же, как им. и вин. падежи, называет предмет, послуживший объектом того действия, которое вызвало обозначенное причастной формой состояние. Между конструкциями с род. падежом и конструкциями с им.— вин. падежами имеется семантическое различие: появление род. падежа имени в сочетании с причастной формой (ср.: *накошено сена*, *не видано такого чуда*, *принесено грибов*) так же, как и в сочетании с глаголом (имеются в виду глагольные словосочетания типа *накосить сена*, *не видеть чуда*, *принести грибов*), связано с определенными условиями, которые в общем виде восходят к фактам не только общеславянским, но даже общеиндоевропейским. Условия, при которых объект действия выступает не в вин., а в род. падеже, неоднократно формулировались исследователями как в общем виде — с целью охвата явлений разных языков [67], так и конкретно в применении к материалу русского языка. Мы отсылаем здесь читателей прежде всего к специальным монографиям А. И. Томсона [68], Е. К. Тимченко [69], А. М. Кузнецовой [70] и к трудам А. А. По-

[65] Как будет показано ниже (см. стр. 84 и след.), конструкции типа *гребенка сломано* и типа *гребенку сломано* входят в ряд, состоящий из четырех членов (сюда относятся также типы *гребенка сломана* и *гребенка сломан*).

[66] Не располагая никакими самостоятельно собранными материалами памятников, мы не считали целесообразным касаться истории рассмотренных здесь причастных конструкций. Отметим только, что вопрос об их соотношении в генетическом плане должен, по нашему мнению, рассматриваться как составная часть более широкого вопроса — об истории форм им. и вин. падежей в плане их употребления и грамматического значения. Этот последний вопрос представляется нам одним из интереснейших в области истории синтаксического строя русского языка.

Некоторые работы, касающиеся взаимоотношения форм им.—вин. падежей, названы в книге «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 318. См. также литературу в книге: Е. К. Тимченко. Функции генитива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913.

[67] Этот вопрос широко освещался, в частности, в трудах ученых, разрабатывавших сравнительно-исторический метод (Дельбрюк, Бругман, Миклошич и др.).

[68] См.: А. И. Томсон. К вопросу о возникновении род.— вин. п. в слав. языках. Приглагольный род. вин. п. в праслав. языке. «Изв. ОРЯС», 1908, т. XIII, кн. 3.

[69] См.: Е. К. Тимченко. Указ. соч.

[70] См.: А. М. Кузнецова. Родительный падеж прямого объекта в современных восточнославянских языках. (Канд. дисс., рукопись). М., 1963.

тебни [71], А. А. Шахматова [72], В. В. Виноградова [73] и других исследователей. На материале русских говоров этот вопрос рассматривается В. И. Собинниковой [74].

Употребление род. падежа для выражения объекта действия связано, по-видимому, с тремя взаимодействующими факторами: лексико-грамматическими признаками имени; лексическими, словообразовательными и грамматическими признаками глагольного компонента и наличием отрицания. Более конкретно данные условия могут быть сформулированы только применительно к определенной языковой системе (языку или диалекту) в определенный момент ее развития. Кроме того, необходимо оговориться, обращаясь непосредственно к тому материалу, который является объектом рассмотрения в данной работе, что причастные конструкции, совпадая с глагольными по общей схеме, могут отличаться от последних большими или меньшими частностями (ср. употребление род. падежа в составе глагольных словосочетаний и как компонента предикативной основы предложения в современном русском литературном языке).

Описание конструкций с причастными формами на *-но*, *-то* и род. падежом имени мы строим так, как нам представляется целесообразным применительно к материалу современных русских говоров, хотя используем при этом общие положения, выработанные на другом материале (см. указанные выше работы).

Конструкции с причастной формой и именем в род. падеже отличаются от конструкций с им.— вин. падежами следующим: если имя в им.— вин. падеже называет предмет, который испытал на себе действие, вызвавшее обозначенное причастной формой состояние, в полной мере, то род. падеж употребляется в тех случаях, когда действие охватило предмет неполностью, почему-либо проявилось ограниченно, ср.: *коту мяса положено и молока налито* Ямок; *хлеба ломтями наломано* Некрасово Костромск. Костр.; *принято горя, нужды, поработано* Горка Мгинск. Лен.; *было нам прирезано земли* Сухая Березовка Бобровск. Вор.; *помидор насажено* Королево Межевск. Костр.; *денег уплочено* Марковка Ковернинск. Горьк.; *у бабки оставлено серпа* Большая Пустошь Лодейнопольск. Лен. [75]

[71] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, раздел «Вторые косвенные падежи».

[72] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, раздел «Простое дополнение».

[73] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, § 37.

[74] См.: В. И. Собинникова. Родительный и винительный падежи прямого объекта при отрицании в народных говорах. «Труды ист.-филол. фак-та Воронежского гос. ун-та», т. 38. Харьков, 1955; Она же. Простое предложение в русских народных говорах, стр. 149—162.

[75] Вопрос о значении род. падежа в сочетаниях типа *налить молока*, *насажать помидор* принадлежит к числу спорных. Традиционная точка зре-

Употребление род. падежа в некоторых случаях вызвано наличием отрицания (ср.: *не пеяно песен боле 60 лет* Кануновщина Гдовск. Пск.; *у него и четырех классов не кончено* Подгощи Шимск. Новг.; *у нас еще горсти не кинуто* Новиково Сольвычегодск. Арх.), однако в целом по отношению к причастным конструкциям вряд ли было бы правильным говорить о существовании регулярного соответствия между отрицательным характером предложения и употреблением имени в род. падеже: во-первых, отрицательными могут быть и конструкции с им.— вин. падежами [76], а во-вторых, отрицание в большинстве случаев выступает в таких конструкциях, где и без отрицания скорее был бы род. падеж, ср.: *клюковки у тебя моей не взято*? Вязовка Хвойнинск. Новг.; *картошки не принесено* Бережок Пестовск. Новг.; *пыли-то не обрато* Ваганово Лежск. Вол.; *в девках быто, а свету не видано* Малахово Бабаевск. Вол.; *веников не наношено* Михалево Белозерск. Вол. (см. также примеры ниже) [77].

ния о частичном (партитивном) или разделительном значении не раз была объектом критики. Так, например, А. И. Томсон еще в начале XX в. писал, что общим признаком словоформ *хлеба*, *лесу*, *веры*... в конструкциях типа *дай мне хлеба*; *он купил лесу* (собират.); *пошли нам веры*, *надежды*, *счастья*; *пришлите стульев* является не значение части целого, а значение пространственно неограниченной массы. В его работе содержатся очень интересные положения о том, как это общее значение конкретизируется в именах разных групп. (См.: А. И. Томсон. Указ. соч., стр. 282—294). Однако в настоящей работе, где вопрос о значении род. падежа не является предметом специального рассмотрения, мы сочли целесообразным описывать материал, опираясь на традиционную точку зрения.

[76] Ср.: *в армию твой сын не взято* Вершина Лычковск. Новг.; *у ей не оставлено мука* Сойда Андомск. Вол.; *квашня не растворено* Лебяжье Андомск. Вол.; *они* (часы) *давно не сверяно* Замежничье; *дочку-то не видано сколько время* Клепно Кингисеппск. Лен.; *не знато эту статью* Подоспа Гдовск. Пск.; *салаку-то не привезено* Струнино Тихвинск. Лен.; *суп-то вам не налито* Козловка Торопецк. Вел.; *огород не приготовлено* Падрило Минск. Лен.

Об употреблении применительно к русским говорам в отрицательных причастных конструкциях разных падежных форм имени см.: В. А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота. стр. 116—118; В. И. Собинникова. Родительный и винительный падежи прямого объекта при отрицании в народных говорах.

[77] Вопрос о соотношении утвердительных и отрицательных конструкций с род. падежом, особенно в генетическом плане, является одним из наиболее трудных в проблеме род. падежа; см. по этому вопросу: А. И. Томсон. Указ. соч., стр. 299—301; Е. К. Тимченко. Указ. соч., стр. 144—166; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 319—324; А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 325—326; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 296—297; В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 174; А. М. Кузнецова. Указ. соч.; В. И. Собинникова. Родительный и винительный падежи прямого объекта при отрицании в народных говорах. См. также главу о род. падеже в книге: «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения». М., изд-во «Наука», 1968.

Для конкретного анализа представляется удобным разделить материал на конструкции с именами ед. и именами мн. числа.

Среди имеющихся в наших материалах предложений с причастными формами на *-но*, *-то* и именем ед. числа в род. падеже значительное большинство (441 из 481) составляют такие, где присутствует партитивное значение: имя называет предмет, «представляемый как целое делимое» [78], а причастная форма соответственно выражает состояние, которое вызвано действием, не охватившим полностью обозначенный именем предмет. Остановимся сначала на именном компоненте конструкций, начав с самой обширной части — существительных.

Почти все существительные, входящие в рассматриваемые конструкции, могут быть распределены в пределах трех групп: 1) вещественные, 2) собирательные, 3) отвлеченные. Основную массу составляют конструкции с именами первой группы — их 341.

Как известно, к числу имен с вещественным значением обычно относят существительные, являющиеся названиями разного рода веществ и материалов (жидких, сыпучих, твердых...), растений (включая злаки, ягоды, овощи), а также неделимых комплексов предметов (типа *мебель*) [79]. Круг этих существительных в наших материалах довольно широк, вот их перечень: *аспирин*, *бисер*, *боб* [80], *бреда* (видимо, материал типа лозы [81]), *брюква*, *варенье*, *вата*, *взрывчатое вещество*, *вика*, *вино (винцо)*, *вишня*, *вода (водичка)*, *водка*, *глина*, *горох*, *греча*, *грязь*, *деготь*, *дратва*, *железо*, *жир*, *жито*, *журавица*, *зерно*, *йод*, *капуста*, *карболка*, *картошка (картошечка)*, *каша*, *(кашка)*, *квас*, *керосин*, *кипяток*, *кисель*, *клевер*, *кора*, *корм*, *крапива*, *краска*, *кровушка*, *кукуруза*, *лен*, *лес (лесок)* [82] *лист*, *лук (лучок)*, *лучинка*, *малина*, *масло*, *материя*, *мед (медок)*, *молоко (молочко)*, *морковь*, *мох*, *мука*, *мыльный порошок*, *мякина*, *мякушка*, *мясо (мясишко)*, *навоз (назем)*, *овес*, *овсянка*, *одежка*, *пахта*, *парусина*, *песок*, *пиво (пивцо)*, *порох*, *пряжа*, *пшеница*, *пшено*, *пыль*, *репа*, *рис*, *рожь (ржица*, *ржичка)*, *сатин*, *сахар (сахарок)*, *свекла*, *свинина*, *сено*, *ситец*, *сметанка*, *смородина (смородинка)*, *снег*, *сода*, *солод*, *соль*, *суп*, *табак*, *творог*, *тес*, *ткань*, *трава*, *турнепс*, *тушонка*, *тыква*, *тынина*, *хво-*

[78] Формулировка Е. К. Тимченко (указ. соч., стр. 44).

[79] См. об этом, в частности: В. В. Виноградов. Указ. соч. стр., 158.

[80] Существительное *боб*, а также приведенные ниже существительные *лист*, *тынина*, *лучинка* в рассматриваемых конструкциях являются названиями не отдельных особей (типа *горошина*, *ветка*, *доска*...), а таких же вещественных понятий, как *горох*, *тес*, *кора*, *дратва* (см. иллюстрации).

[81] См.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, статья «бредина», стр. 126.

[82] Имеется в виду материал.

рост, хлеб (хлебец, хлебушек), холст, чай (чаек), чеснок, шолуша (видимо, *шелуха), штапель, щелок, яд, ячмень* [83].

Приведем иллюстративный материал: *дождевой воды было налито* Драготин Полновск. Пск.; *у мѐня уж тынины наготовлено* Заозерье Порховск. Пск.; *под этим мостиком накладено взрывчатого вещества* Болото Порховск. Пск.; *малины-то у меня тоже наварено* Замежничье; *где белки естя, по дорожке налущено шолуши* Заполек Маловишерск. Новг.; *молока тебе дано* Воронино Батецк. Новг.; *ему* (псу) *уж супу наварено, он наевши* Ямок; *набрано лучинки* Суковатиха Удомельск. Калин.; *в лесу подрано бреды* Тонище Фировск. Калин.; *у вас соды кладено* Лукино Капшинск. Лен.; *клюквы мешками вожено* Жердянка Сланцевск. Лен.; *мыльного порошка-то взято* загривье Сланцевск. Лен.; *и ситца и хлеба закопано было* Втроя Сланцевск. Лен.; *жита было смолото* там же; *яду-то пущено* (в лекарство) Чидово; *у меня бобу насеяно было* там же; *всякого железа наношено* Шамокша; *глины навожено* Ускюла Вируск. Эст.; *сладко будто песку кладено* Типиницы; *дратвы было прядено* Ортино Ковжинск. Вол.; *тесу-то не получено* Верхне-Спасский Погост Тарногск. Вол.; *порохи-то было заперто у отца* Ухтозеро Андомск. Вол.; *крапивы наварено* Большая Дора Уломск. Вол.; *луку брано — так сочни пекла* Девятины Вытегорск. Вол.; *одежки своей свезено* Пороги Ковжинск. Вол.; *винца-то на рукобитье было попито* Русаново Халтуринск. Кир.; *листу натаскано* Остров Устьянск. Арх.; *ткани было куплено* Малетино; *гречи посеяно* Сметанино Верхне-Ландеховск. Ив.; *по-за домом картошки насажено* Филатово Верхне-Ландеховск. Ив.; *хлебушка не было печено* Красная Слобода Суземск. Брян.; *у меня холста наткано* Лубяники Ижевск. Ряз.; *лесу навалено* Троицкое Захарьевск. Ряз.; *сена понакошено* Раково Белгородск. Белг.; *лучку посажоно* Софьинка Ново-Усманск. Вор.

Как известно, грамматическим признаком категории вещественности в русском языке,— правда, проведенным не вполне последовательно — является окончание *-у* в род. падеже у имен муж. рода на твердый согласный.

В рассматриваемых конструкциях соответствующие словоформы широко представлены (см. ряд примеров выше). В наших материалах отмечен также случай употребления с окончанием *-у* существительного ср. рода: *у меня житу посеяно* Зайцево Валкск. Латв. [84]

[83] Как известно, существительные с вещественным значением в некоторых случаях — например, при необходимости назвать разные сорта какого-либо вещества — употребляются во мн. числе (ср.: *сухие и крепленые вина*). В наших материалах подобных примеров не встретилось.

[84] Ср. материалы в книгах: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. I. Л., 1927, стр. 223 и след.; «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 107—108.

Из существительных, встретившихся в конструкциях с род. падежом, к собирательным относим следующие: *бельё*, *тряпьё*, *щепьё*, *охвостье* (остатки от первичной очистки зерна веянием), *утильсырьё*, *добро* (о вещах), *гвоздьё* [85], *мытьё* (видимо, приготовленные для стирки вещи, см. пример ниже), *рыба* (*рыбка*), *птица* [86], *войско*, *народ* [87], *всячина*, *дребедень*, *растение* (= совокупность разных видов растений, см. пример ниже). Вот некоторые иллюстрации: *белья-то стирано было* Подберезье Пудожск. Карел.; *это с Ленинграда у невестки напослано тряпья* Шамокша; *было дадено охвостья летошнего* Бор Залучск. Новг.; *накладено добра* Герасимово Лежск. Вол.; *гвоздья наколочено* Малахово Бабаевск. Вол.; *мытья было набрано* Мокшаньская Вельск. Арх.; *рыбы поймано* Каменка Билимбаевск. Свердл.; *птицы той бито было и едено* Стафоровская 2-я Вилегодск. Арх.; *напёхано было войска* Алексеево Вологодск. Вол.; *там народа накладено* Шилово Хвойнинск. Новг.; *всячины отведано* Дильские Кадуйск. Вол.; *всякой туда дребедени положено* Шамокша; *здесь посажено разного растения* Ефремково. Всего в наших материалах мы насчитываем 27 предложений с собирательными существительными. (Отнесение отдельных из этих имен — например, *всячина*, *дребедень*, *растение* — к числу собирательных можно считать спорным.)

Количество предложений с существительными, называющими отвлеченные понятия,— 14. Приведем примеры со всеми входящими в эту группу именами: *принято горя*, *нужды*, *поработано* Горка Мгинск. Лен.; *росту наставлено*, *красоты прибавлено* Лапинская Каргопольск. Арх.; *что было маленечко поглидено белого света* Югозеро Андомск. Вол.; *грузной и легкой работы понаделано* Барские Кусони Батецк. Новг.; *ума никак не набрато* Вязовка Хвойнинск. Новг.

Из предложений с существительными ед. числа, не вошедшими в выделенные выше три группы, партитивное значение присутствует, как нам представляется, в следующих: *дак ведь аванец взятый*, *авансу взято* Шамокша; *штрафу дано* Верховина Средняя Волховск. Лен.; *у меня было подзаработано стажу* Ефремково; *налогу не плачено* Полысаево Черновск. Кир.; *налога не выплачено* Жары Фировск. Калин.; *вот у тебя дано сухарика*

[85] Перечисленные имена определены как собирательные в словаре русского литературного языка, см.: «Словарь современного русского литературного языка»., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948—1965.

[86] О возможности употребления существительных, называющих животных, и в частности существительных *рыба* и *птица* в собирательном значении см.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 157—158.

[87] О сохранении собирательного значения у имен типа *толпа*, *народ*, *ряд* см.: «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи)». М., 1952, стр. 149.

Ямок; *раньше было давано тебе пирога* Великий Двор Бабушкинск. Вол.; *гостинца послано* Холы Ковжинск. Вол.; *на мосту лежит щука, головы с мякотью отгрыжено* Деменское Пришекснинск. Вол.; *середки вырвано* Нигино Рослятинск. Вол. (если здесь не им.— вин. падеж мн. числа); *тебе дано куска* Слободчиково Усть-Алексеевск. Вол.; *у меня ей куска дано* Малеево Вашкинск. Вол.; *наделено земли* Веселое Башкинск. Вол.; *земли не было отдадено* Мельница Пушкиногорск. Пск.; *земли выдано* Успенка Должанск. Орл. и еще 10 предложений с существительным *земля*. С точки зрения литературного языка, кажется, только три из приведенных здесь имен — *пирог*, *сухарик* и *земля* — могут входить в конструкцию с партитивным значением — мыслиться как «целое делимое». Употребление же с партитивным значением словоформ *авансу*, *штрафу*, *стажу*, *налогу* (*налога*), *гостинца*, *куска*, *головы*, *середки* следует рассматривать как факт только диалектный.

Можно предположить, что в части случаев здесь имеет место некоторый сдвиг значения имен в сторону большей конкретности, иногда даже вещественности — отсюда представление о возможности деления целого. Так, *аванс*, *штраф*, *налог*, возможно, понимаются как сумма денег; *стаж* — как количество лет; *гостинец* — как какие-то лакомства (ср. употребление слова *гостинцы* в современном литературном языке) [88]. О партитивном значении словоформ *авансу*, *штрафу*, *стажу*, *налогу* свидетельствует и формальный момент — окончание *-у*. Такой же сдвиг значения можно допустить и для существительного *кусок*. (*Кусок*, может быть, означает здесь ‘еда вообще’, ср. в литературном языке: *заработать на кусок хлеба*; *иметь верный кусок хлеба* и т. п.).

Что касается существительных *голова* и *середка*, то их употребление в партитивном значении является, конечно, фактом окказиональным (в литературном языке соответствующее значение можно было бы передать словосочетаниями типа *часть головы*, *часть середки*).

Во всех 34 утвердительных предложениях с прилагательными и местоимениями, которые имеются в наших материалах, отчетливо ощущается партитивное значение, ср.: *своего испечено* Полетаево Опочецк. Вел.; *старого у меня попрядено* Б. Сварец Лядск. Пск.; *видано хорошего*, *видано и плохого* Типиницы; *всего*

[88] Два из приведенных здесь предложений — *гостинца послано* и *у меня ей куска дано* — рассматриваются в работе В. А. Матвеенко. Она трактует их иначе — как предложения с вин. падежом — с особой формой прямого дополнения (имеется в виду уподобление по форме неодушевленных существительных одушевленным). См.: В. А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота, стр. 116.

делано и тяжелого поднимано Новоселье Лужск. Лен.; *второй год уж у нас посажено ей* (о картошке) Пашозеро Капшинск. Лен.; *насберано здесь чего попало, а вам интересно!* Подберезье Пудожск. Карел.; *собрато чего-нибудь* Полысаево Черновск. Кир.; *нарыто денег-то, всего накуплено* Кроксово; *хвачено было всего, а уж этой работы-то!* Красный Бор; *на зиму-то бывало всего насушено* Ухтым Богородск. Кир. и еще 24 подобных же предложения со словоформой *всего*. То же значение присутствует и в следующих двух отрицательных предложениях: *хорошего не видано* Монастырек Сланцевск. Лен.; *хорошего так и не видано* Кудамозеро Вытегорск. Вол.

Показав характер имен ед. числа, выступающих в конструкциях с партитивным значением, обратимся ко второму компоненту конструкций — причастной форме. Как уже отмечалось, причастная форма в данных конструкциях выражает состояние, возникшее в результате такого действия, которое не распространилось на весь обозначенный именем предмет,— следовательно, состав употребляющихся здесь причастных форм лексически ограничен.

Ограничение лексического состава причастных форм связано, конечно, и с кругом выступающих в конструкциях имен (в частности, с отсутствием имен одушевленных). При всем том круг причастных словоформ достаточно широк, и сгруппировать их по семантическому признаку представляется делом весьма затруднительным, поэтому мы просто приведем списки словоформ, наиболее употребительных в данных конструкциях, во-первых, и характеризующихся определенным словообразовательным признаком, во-вторых.

Чаще других (по пять раз и больше) в конструкциях с партитивным значением встречаются следующие словоформы: *брато, видано* (*вижано*), *взято, дано* (*дадено*), *кладено, куплено, набрано, навалено, наварено, навожено* (*навезено*), *накладено, налито, наношено, насажено, насеяно, насыпано, оставлено, положено, посажено, посеяно, привезено, принесено, хвачено.*

Обращает на себя внимание тот факт, что среди рассматриваемых конструкций весьма значительную долю (162 из 441) составляют такие, где причастная форма образована от глагола с префиксом *на-*. Помимо приведенных выше, это словоформы: *набросано, набучено* (*у него всего там набучено* Путятино Лужск. Лен.), *навидано, наготовлено, надавано, наделано, наделено, накоплено, накошено, накуплено, налажено* (= приготовлено), *налеплено, наловлено, наломано, налущено, намолото, намолочено, напахано, напихано* (*напехано*), *наплоскано* (*грязи наплоскано* Большая Деревня Биряковск. Вол.), *напослано, напосылано, напрядено, напущено, нарвано, нарезано, нарощено, нарыто, насбирано* (*насберано*), *наснимано, наставлено, настегано, настлано, насушено, натаскано, наткано, натушено, натягано* (*мха было натягано* Мельница Пуш-

киногорск. Пск.), *начищено* [89]. В большинстве случаев префикс *на-* является здесь выразителем значения не только завершенности действия, но и количественного обилия в его проявлении — следовательно, предполагается, что действием, вызвавшим обозначенное причастной формой состояние, была охвачена значительная часть того предмета, который назван именем в род. падеже: *а в сени-то навожено травы* Болото Порховск. Пск.; *моркови было натаскано* Трестино Осташковск. Калин.; *насеяно кукурузы в колхозе* Березуги Фировск. Калин.; *смороды там насбирано да положено на тарелку* Сушилово Боровичск. Новг.; *песку наношено дак* Красный Бор; *у дедка всего набрано* Кивуя Новоладожск. Лен.; *народу навалено* Княщина Волховск. Лен.; *на столы тут наворено квасу* Подберезье Пудожск. Карел.; *надавано тебе картошки* Великий Двор Бабушкинск. Вол.; *что было чаю-то напосылано* Остров Устьянск. Арх.; *у ней всякого варенья наварено* Вишневое Ст. Юрьевск. Тамб. [90]

В рассматриваемых конструкциях преобладают причастные формы, образованные от глаголов св. вида (см. приведенные выше списки и примеры) [91], однако употребление словоформ типа *брано, лито, сеяно, сушено* также вполне возможно, ср.: *жиру было брано* Верхний Конец Борисово-Судск. Вол.; *молока лито тут* Матинка Череповецк. Вол.; *на сушилке хлеба сушено* Поток Ефимовск. Лен.; *киселя варено вчера у меня было* Ефремково; *дратвы было прядено* Ортино Ковжинск. Вол.; *налогу не плачено* Полысаево Череповск. Кир.; *за эти годы всего переживано* Ямок; *всего вижено* Мошки Гдовск. Пск.; *этого раньше и не считано* Подоспа Гдовск. Пск.; *сеяно у ней пшеницы* Крутченская Байгора

[89] В современном литературном языке глаголы с префиксом *на-* часто входят в словосочетания с партитивным значением. См.: «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 123—124.

[90] В конструкциях с именем в им.— вин. падеже причастная форма с префиксом *на-* обычно называет такое состояние, которое вызвано действием, проявившимся сполна, исчерпывающе, ср.: *дорога у солдат наезжено* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *мучка насеяно* Ануфриево Белозерск. Вол.; *на углах-то всё краса наделано* Раменье Большесельск. Яр.; *смороду было набрано* Шибенец Тихвинск. Лен.; *повидло у всех набрано* Семеновщина Лычковск. Новг.; *насушено вишенье* Усадище Волховск. Лен.; *сегодня чай навалено* Шамокша; *лес навожено* Раменье Осташковск. Калин. Следует отметить, что словоформы типа *наезжено, насеяно, набрано* значительно чаще сочетаются с род. падежом имени, чем с им.—вин. падежами.

Об управлении глаголов с префиксом *на-* см.: А. М. Кузнецова. Некоторые вопросы управления приставочных глаголов в русских, украинских и белорусских говорах (на материале переходных глаголов с приставкой *на-*). «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., изд-во «Наука», 1964.

[91] Ср. аналогичный вывод В. И. Собинниковой, касающийся глагольных конструкций в русских говорах: В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах, стр. 157—158.

Грачевск. Лип. [92] (К вопросу о виде причастных форм мы еще вернемся ниже, см. стр. 90—95).

Из предложений с именами ед. числа в группу конструкций партитивного значения мы не включили 40. Рассмотрим их.

В одном предложении род. падеж имени называет, как можно предполагать, предмет, послуживший объектом ограниченного во времени действия,— предмет «временного пользования»: *у бабки оставлено серпа* Большая Пустошь Лодейнопольск. Лен. [93] Возможно, что такое же значение имеется в одном отрицательном предложении (см. ниже). 39 предложений мы относим к числу таких, где употребление род. падежа вызвано наличием отрицания. Больше половины из них (22) составляют конструкции с отрицательным местоимением типа: *у меня ничего не прибрано* Песчанка Пустошкинск. Вел.; *ни с кем не гуливано, никого не любливано* Заднее Поле Старорусск. Новг.; *у нас собаками никого не кушано* Лопатино Хвойнинск. Новг.; *бывало во хлев ничего не ношено* Жердянка Сланцевск. Лен.; *никакого человека не пригнато* Горка Белозерск. Вол.; *у ей на войне никого не убито* Еловино Кичм.-Городецк. Вол.; *ничего еще по дому-то не делывано* Чузинцы Унинск. Кир.

Следующая группа — конструкции, включающие в себя усилительную частицу *ни* или *и*, ср.: *парень-то и хлеба не взял — не взято ни крошины* Никулино Кашинск. Лен.; *мне ни пясти* (вероятно, 'ни горсти') [94] *не дано* Загванье Дрегельск. Новг.; *и пятнадцати не дано* Горка Тосненск. Лен.; *а теперь этого и не подумано было* Красные Горы Лужск. Лен. Предложений такого типа в наших материалах семь. К этой группе примыкают следующие два предложения, где усилительная частица по смыслу легко может быть допущена: *у нас еще горсти не кинуто* Новиково Сольвычегодск. Арх.; *денежных грошев — копейки не дано* Ровдино Подосиновск. Кир.

В восьми предложениях нет ни отрицательных местоимений, ни усилительных частиц перед именным компонентом. В семи

[92] В словосочетаниях с партитивным значением в литературном языке обычно употребляются глаголы св. вида. См.: «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1, стр. 122.

[93] О конструкциях с этим значением в литературном языке см., в частности: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 322; А. И. Томсон. Указ. соч., стр. 294—296; Е. К. Тимченко. Указ. соч., стр. 33; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, стр. 293.— Диалектный материал приводится в книге В. И. Собинниковой (см.: В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах, стр. 157 и след.). См. также: А. М. Кузнецова. Родительный падеж прямого объекта в современных восточнославянских языках. (Автореф. канд. дисс.). М., 1963, стр. 16—17.

[94] В словаре В. И. Даля одно из значений слова *пясть* — 'горсть как мера' (дается с пометой «северное»). См.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, стр. 552.

из них именному компоненту можно с большей или меньшей уверенностью приписать неопределенное или обобщенное значение: *не видано еще такого чуда* Макуши Бельск. Кир. (обобщенное значение подчеркивается определением); *от роду веков не видано такого* Монастырек Сланцевск. Лен.; *дня не видано* Старина Борисово-Судск. Вол.; *не кладено еще имени* Матенжа Вытегорск. Вол.; *не было приведено ни разу женки* (т. е. никакой жены) Сушилово Боровичск. Новг.; *видно, не дано лошади-то* (т. е. лошади не дали) Вязовка Хвойнинск. Новг. (в данном предложении, кроме того, можно подозревать и значение объекта «временного пользования»); *кромки не наклеено* Язвицево Череповецк. Вол. (включение данного предложения в рассматриваемую группу спорно). В предложении *у нас этого слова не принято* (Угрюмово Петреневск. Вол.) именной компонент, безусловно, определенен и конкретен. Два из только что приведенных предложений — со словоформами *женки* и *лошади* — примечательны в том отношении, что имя здесь называет одушевленный предмет.

Переходим к рассмотрению конструкций с именами мн. числа. Их в наших материалах всего 217. Именной компонент называет в этих конструкциях совокупность однородных предметов; лексический состав имен, по-видимому, не ограничен — сюда включаются, в частности, и названия лиц и животных. Абсолютное большинство (213) составляют предложения, в которых эта совокупность предметов выступает как часть (чаще значительная) из возможного их множества. Причастная форма соответственно образуется от глаголов, называющих такое действие, которое распространяется на часть возможных объектов. Употребляющиеся здесь причастные словоформы в значительной мере те же, что и в конструкциях партитивного значения с именами ед. числа. Некоторая разница лексического состава причастных форм, выступающих в конструкциях с именами ед. и мн. числа, обусловлена разницей в составе имен.

Приведем иллюстративный материал: *хороши имена были..., а теперь всяких названо, что и не назвать* Замогилье Полновск. Пск.; *у меня вытканo половиков* Колоколово; *каменьев наворочено* Новое Каменск. Калин.; *у этого дядьки побросано кирпичей* Березка Старорусск. Новг.; *косить плохо, если у кротов наздымано сопок* Заполек Маловишерск. Новг.; *денег уже занято-перезанято* Кленно Кингисеппск. Лен.; *у самого наскладывано песен* Валюшка Тихвинск. Лен.; *давано всяких мне-ка было* (о лекарствах) Типиницы; *платьев у невестки накуплено* Шамокша; *всяких слов насказано* Ефремково; *ай! что у нас тут убито людей* Красные Горы Тартуск. Эст.; *знато всяких песен* Подберезье Пудожск. Карел.; *зимой зайцей было постреляно* Грифониха Усть-Кубинск. Вол.; *у меня сыновей нарожено* Самино Андомск. Вол.; *блинов было оставлено* Лукинское Вельск. Арх.; *а скаковых лошадей не разведено* Щербики Тутаевск. Яр.; *всяких слухов было пущено*

Большие Шихали Сунск. Кир.; *кольев настановлено* Чернышевка Дурасовск. Сар.; *насыпано ягод* Андрейковичи Воронежск. Брян.; *денег в мешок напхато* Ефимовка Сосновск. Орл.

В силу того, что словоформы типа *дров, денег, сыновей* чаще называют такую совокупность предметов, которая мыслится как значительная, а не как малая часть возможного их множества, в рассматриваемых конструкциях еще чаще, чем в конструкциях с именами ед. числа, употребляются причастные формы с префиксом *на-* (см. приведенные выше примеры). Предложения с этими причастными формами составляют в наших материалах больше половины всего количества конструкций, включающих в себя род. падеж имени мн. числа,— 138 из 217.

В четырех предложениях употребление род. падежа зависит, видимо, от наличия отрицания: *у него и четырех классов не кончено* Подгощи Шимск. Новг. (в предложении имеется усилительная частица); *труб не было выведено* Горбухино Пестовск. Новг.; *танцев не проведено* Павловская Тарновск. Вол.; *не пеяно песен боле 60 лет* Кануновщина Гдовск. Пск. (Отрицательные предложения с партитивным значением приводились выше).

У имен одушевленных мн. числа форма род. падежа омонимична с формой падежа винительного. Разграничение данных форм возможно, как уже отмечалось, только по семантическому признаку (см. выше о выделении конструкций с именем в вин. падеже, стр. 39—40). К числу конструкций с род. падежом мы отнесли 24 предложения, включающие в свой состав одушевленные существительные или заменяющие их местоимения,— во всех этих предложениях достаточно отчетливо ощущается партитивное значение, ср.: *детушек порощено* Дудачкино Новоладожск. Лен.; *тут еще кроликов натискано везде* Кроксово; *куриц у них было наношено* Меглино Пеновск. Вел.; *постояльцев напущено* Шамокша; *у нас вологодских набрано баб* Юдино Ефимовск. Лен.; *людей было насобрано* Хомутово Ковжинск. Вол.; *свиней нагнато* Тарасовка Брасовск. Брян. (см. также примеры выше) [95].

Заканчивая характеристику условий употребления род. падежа имени при причастных формах в русских говорах, подчеркнем еще раз, что подавляющее большинство здесь составляют предложения с партитивным значением. Можно считать, что для употребления род. падежа в утвердительных конструкциях наличие партитивного значения почти совершенно обязательно. Для предложений, в которых употребление род. падежа вызвано отрицанием, характерны следующие признаки: 1) усилительная

[95] В наших материалах имеется еще три предложения (все с отрицанием) со словоформами типа *коров*, которые мы не отнесли ни к конструкциям с вин., ни к конструкциям с род. падежом; это следующие предложения: *коров пригнано не было* Вязовка Маловишерск. Новг.; *ков не пригнато* Горка Белозерск. Вол.; *ну, тогда вас еще рожено не было* Шамокша.

частица *ни* или *и* при именном компоненте; 2) неопределенный или обобщенный характер имени; частным случаем здесь является употребление отрицательных местоимений. Однако отмечены (правда, единично) отрицательные предложения, и не имеющие указанных признаков [96].

В отличие от причастных конструкций с им.— вин. падежами имени, которые оказались утраченными в русском литературном языке еще XIX в., конструкции с род. падежом не чужды литературному языку и в настоящее время. Не располагая надлежащим материалом об употреблении причастных конструкций с род. падежом в литературном языке, мы не можем удовлетворительно сформулировать отличия говоров от литературного языка в данном отношении — ограничимся лишь отдельными замечаниями.

По-видимому, в большей мере сходными для говоров и литературного языка оказываются условия употребления род. падежа в отрицательных конструкциях. Анализируя материал литературного языка XIX в., Н. Ю. Шведова пришла к выводу, что сохранились и даже активизировались в литературном языке те отрицательные безличные предложения, и в том числе с формами на *-но*, *-то*, которые не были вполне соотносительны со смысловой точки зрения с двусоставными личными предложениями и потому не могли быть заменены этими последними [97]. Таковыми оказались предложения, в которых «формой родительного падежа означался не определенный, данный, конкретный предмет, а предмет неопределенный, один из возможных (с наличествующим или возможным определением *такой*, *никакой*, *ни один*, *какой-нибудь*» [98]. Не соотносительными с личными конструкциями были и конструкции с усилительным *ни* [99]. Что касается отрицательных предложений с род. падежом, называющим определенный, конкретный предмет, то их употребление на протяжении XIX в. снижается и они приобретают стилистический оттенок непринужденности, разговорности (если по условиям контекста не воспринимаются как отражение старой нормы). К концу века предложения типа *при обыске этого сюртука не найдено* (из речи товарища прокурора М. Ф. Громницкого, 1867 г.)

[96] Говоря здесь об отрицательных причастных конструкциях, мы оставили пока в стороне требующие специального рассмотрения предложения, в которых выступает частица *нет* (типа *а дачников нету пущено* Горка Мгинск. Лен.; *у тебя нет никаких документов взято?* Стуколово Качановск. Пск.). Этот материал будет рассмотрен ниже, в разделе об употреблении связки *есть* при предикативных причастных формах (см. стр. 191 и след.).

[97] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 304—312.

[98] Там же, стр. 308.

[99] Там же, стр. 305.

в письменном языке утрачиваются [100]. В разговорной же речи такого рода предложения встречаются и в настоящее время [101].

Об утвердительных рассматриваемых конструкциях Н.Ю. Шведова пишет: «Причастные предложения с родит. падежом уже в конце XVIII в. были характерной принадлежностью речи, не связанной с официальной письменностью, они отмечаются в дневниковых записях, в письмах, позднее — в повествовательной прозе... В течение XIX в. эти конструкции в основном сохраняют употребительность в тех же сферах речи» [102]. При каких условиях возможны и насколько употребительны эти конструкции в литературной речи нашего времени, мы затрудняемся определить. Отметим, однако, что наличие партитивного значения, видимо, здесь обязательно, причем префикс *на-* в причастной форме может «облегчить» употребление род. падежа, поскольку он подчеркивает партитивное значение конструкции, ср.: *уже всего было накуплено, а ей всё казалось мало*; *около дома навалено было всякого сору*; *в воду было напущено карболки* [103]. Кажется, совсем невозможными в литературном языке являются конструкции с причастными формами от глаголов несв. вида (типа *молочено, печено, лито...*). В говорах же, как было показано выше, такие конструкции вполне употребительны.

2. Конструкции типа *воды принесено, грибов набрано* однозначно определяются по своей форме как безличные: состояние, выраженное причастным образованием, здесь так же, как в конструкциях типа *воду принесено*, грамматически не приписано названному в предложении предмету (соответственно и связка прош. времени выступает здесь всегда в форме *было* — см. примеры выше). С точки зрения формальной, таким образом, конструкции с именем в род. и вин. падежах сходны между собой и противопоставлены тем конструкциям, в которых именной компонент представлен

[100] Там же, стр. 308.

[101] Приведем несколько примеров, замеченных нами в речи вполне владеющих литературным языком людей: *у меня билетов не было заказано* (имелись в виду билеты в кино на определенный сеанс); *одного полотенца не додано* (разговор в поезде с проводницей); диалог при просмотре иллюстраций, характеризующих развитие жизни на земле: неспециалист видит на одной из картин человека и спрашивает: *а раньше людей, вначит, не было?*— специалист отвечает: *нет, были, только их нарисовано не было* (имелись в виду предыдущие иллюстрации). Научные сотрудники-москвичи, собиравшие материал для диалектологического атласа по д. Смольки Залесного р-на Горьк. обл., пишут, отвечая на вопрос программы № 118: *не услышано спрашиваемых форм.*

[102] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 316.

[103] Интересно заметить, что, когда мы предлагали разным носителям литературного языка (но нелингвистам) выбрать из нашего диалектного материала те предложения, которые они считают соответствующими и нормативному употреблению, то получали различные результаты, причем люди очень затруднялись выбрать соответствующий материал.

им. падежом подлежащего [104]. Со стороны же значения конструкции типа *воды принесено* равно сопоставимы в современных говорах с такими, как *воду принесено* и *вода принесена*: и от тех и от других они отличаются в подавляющем большинстве случаев наличием партитивности. Если применительно к глагольным конструкциям обычно говорят о соотносительности род. и вин. падежей и рассматривают ряды типа *принести воду — принести воды*, *помнить песни — не помнить песен*, то для конструкций с предикативными причастными формами аналогичный подход был бы односторонним: предложения типа *воды принесено* должны, как нам представляется, рассматриваться в составе двух рядов: *воду принесено — воды* (*не*) *принесено* и *вода принесена — воды* (*не*) *принесено*. Соотношение всех приведенных здесь причастных конструкций может быть представлено следующим образом:

вода принесена ——————
воду принесено ——————

(при отсутствии партитивного значения, обычно в утвердительных конструкциях)

воды (*не*) *принесено*

(при партитивном значении, при отрицании)

В силу сказанного мы не можем признать убедительным вывод А.М. Кузнецовой о том, что наличие определенной семантической соотносительности между конструкциями типа *перчатки на руках надето* и типа *забрано пороху* является доказательством безличного характера первых [105]. Вместе с тем не представляется вполне оправданным безоговорочное включение А. А. Шахматовым предложений *кошено ль сена у тя? льву надавано сена, а коню мяса*, записанных на территории севернорусских говоров, в число таких, где «родительный падеж не может быть объяснен зависимостью объекта от глагола», где формой родительного падежа выражается «представление о субъекте» (по терминологии

[104] Чтобы не запутывать изложения, мы не упоминаем здесь о предложениях с им. падежом в объектной функции.

[105] См.: А. М. К у з н е ц о в а. Родительный падеж прямого объекта в современных восточнославянских языках (Автореф. канд. дисс.), стр. 15—16.— Напомним, что в свое время Миклошич, исходя из идеи соотносительности род. и вин. падежей, предположил, что конструкциям типа *сестры нет дома* должны были когда-то соответствовать конструкции с вин. падежом — типа сестрж кєть дома(см.: F. M i k l o s i c h. Указ. соч., стр.355).Изложив эту мысль Миклошича,А.А. Потебня пишет: «Мне же кажется, что такое предположение не оправдывается ни родительным части в było pięciu, литов. уг rugiû (есть р ж и, т. е. есть рожь), ни винительным количества в było furę siana и что предположение это не нужно для объяснения родительного при безличных отрицательных сказуемых средних (*нет денег, не видно, не стало охоты* и пр.), так как этот родительный может предполагать не винительный объекта, а именительный подлежащего: *деньги есть, свет виден* и пр.» (см.: А.А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 320—321).

www.ruslang.ru

А. А. Шахматова, это двучленные безличные предложения)[106]. Ограничиться включением конструкций с род. падежом только в ряд *воду принесено — воды (не) принесено* мы не считали бы правильным ни для какой части русских говоров, так как личные предложения с причастными формами распространены повсеместно; трактовка же конструкций с род. падежом как вызванной определенными условиями замены личных предложений представляется оправданной для литературного языка и тех говоров, где, как и в литературном языке, неупотребительны конструкции типа *воду принесено*.

3. Как уже было отмечено выше, основная часть имеющегося у нас материала по конструкциям с формами на *-но, -то* и род. падежом имени приходится на территорию, очерченную изоглоссой распространения конструкций с именем в им.— вин. падежах (см. карту 1). Из 698 имеющихся в наших материалах предложений на территорию южнее изоглоссы приходится всего 52[107]: 25 из них относятся к говорам севернорусским (костромской группы), 5 — к восточным среднерусским (владимирско-поволжским) и 22 — к южнорусским (разных групп)[108].

Заметим, что во всех предложениях, зафиксированных в южнорусских и восточных среднерусских говорах, наличествует партитивное значение (половину составляют здесь конструкции, где причастная форма имеет префикс *на-*).

4. Из всего количества предложений с причастными формами на *-но, -то* и род. падежом имени (698) около пятой части (136) составляют предложения, в которых выражен субъект действия. Один раз это — тв. падеж: *уж было покошено здесь мной сена* Чернореченские Дворики Дзержинск. Горьк.; во всех остальных случаях выступает сочетание «*у* + имя в род. падеже», ср.: *у мизгиря натянуто мережек* (*мизгирь* ‘паук’) Малеево Вашкинск. Вол.; *у его картошки-то не едено — полей только молока* (о балованном коте) Ягодинская Кинешемск. Ив. (см. также примеры выше).

[106] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 119—120.

[107] Остальные 646 распределяются между территорией, непосредственно представленной на карте (587), и территориями севернее и восточнее зоны регулярного обследования — архангельские, онежские, вологодские говоры (59).

[108] Хочется отметить, что за неделю пребывания в Мценском р-не Орловской обл. (деревни Счастливка, Торкуновка и Озеривле), где мы специально собирали материал по употреблению причастных форм, нам не удалось зафиксировать ни одного предложения с род. падежом (а также и с вин. падежом). О редкости употребления причастных конструкций с род. падежом за пределами западных среднерусских и севернорусских говоров свидетельствует и то обстоятельство, что интересные для нас примеры чрезвычайно редки в соответствующих диалектологических работах. Так, В. И. Собинникова для Воронежской обл. приводит всего один пример: *у него гасу напашонъ* (см.: В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах, стр. 113).

5. В наших материалах встретилось два предложения, в которых именной компонент представлен род. падежом с предлогом *от*: *наверно, от травы оставлено* Шамокша; *от рыбы-то от соленой в столе кладено* Мартыновская Поповка Шольск. Вол. В обоих предложениях присутствует партитивное значение.

Конструкции, включающие в себя предложно-падежное сочетание типа *по яблоку, по два яблока*

Именной компонент в конструкциях с причастными формами на *-но, -то* может быть представлен предложно-падежной группой, состоящей из предлога *по* и имени в дат. падеже или количественного сочетания в форме им.— вин. падежей. Приведем весь материал: *было дадено нам по гектару поле* Вешелиха Новоржевск. Пск.; *по корзинке в руки дано* Ямок; *сварено было по яйцу* там же; *по кусочку хлеба взято* Чидово; *унесено у робят-то было по коробку* (спичек) Никулино Кашинск. Лен.; *по ложке оставлено* Усадище Тихвинск. Лен.; *штапелю у них куплено по платью* Валя Тихвинск. Лен.; *по фунту по целому было послано* Типиницы; *по цыпленку взято* Афонасово Борисово-Судск. Вол.; *всем по усадьбе дано, огорожено* Лом Подосиновск. Кир.; *по комнати дадено* [109]; *как в косы-те заплетено было по камешку* [110]; *мне фуфаечку дал, а у людей нахватано по три* (фуфайки) Палкино Ашевск. Пск.; *заработано у них по два дня да по три* Шамокша; *у девки по два яичка взято* Тургош Ефимовск. Лен.; *у кого по три зарода е накошено* Чидово [111].

Данные конструкции употребительны и в литературном языке [112].

Предложно-падежное сочетание, включающее в свой состав предлог *по*, представляет собой семантически обусловленную замену именного компонента в форме им. — вин. падежей: это сочетание употребляется в тех случаях, когда объект действия, вызвавшего названное причастием состояние, предстает как распределенный тем или иным способом. Распределительное значение чаще всего связано с наличием ряда лиц, которые либо совершают действие, либо испытывают его результат (ср.: *ребятами взято по яблоку*; *ребятам дано по яблоку*, *у ребят взято по яблоку*

[109] В. И. Чернышев. Сведения о мещовском говоре. «Изв. ОРЯС», т. III, кн. 2. СПб., 1898, стр. 100.

[110] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». СПб., 1873, стр. 584.

[111] Три аналогичных предложения см. ниже, в разделе об употреблении причастных форм на *-н, -т*.

[112] Рассматриваемым конструкциям в литературном языке и их месту в языковой системе посвящена статья И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова «К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке» («Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1949, т. VIII, вып. 4).

= кто-то взял), но может иметь место и распределение предметов во времени (*было дано по яблоку в день*). Это последнее значение, может быть, присутствует только в одном из приведенных выше предложений: *у девки по два яичка взято* (но с неменьшей вероятностью можно предполагать и другой характер распределительности: девка взяла по два яйца у ряда лиц) [113].

Конструкции с причастными формами на -н, -т

Причастные формы на *-н*, *-т*, не координирующие с именем, участвуют в образовании следующих групп двукомпонентных конструкций: 1) с именем в им. падеже: *у нас кадочка огурцов посолен, а у людей еще не пробовано* Новоселье Лужск. Лен.; *у нас близко, только она* (малина) *повыбран* Замежничье; *все мужчины взят* Люботеж Середкинск. Пск.; 2) с именем в род. падеже: *картошки и ржицы летось насеян* Чурилово Пустошкинск. Вел.; *не дан было свободы* Заполье Лужск. Лен.; *цветов принесен* Б. Толбицы Псковск. Пск.; 3) с именем в омонимичной форме им.—вин. падежей: *в магазине привешен объявление* Ямок; *у меня тут всё барахло оставлен было* там же; *послан документы* Колоколово; 4) с именем в омонимичной форме род.— вин. падежей: *в господах был разогнан стариков* Переузино Красногородск. Вел. [114]; 5) с предложно-падежным сочетанием, включающим в себя предлог *по*: *по килограмму даден колхозникам* Гоголево Подберезинск. Вел.

В отличие от форм на *-но*, *-то*, формы на *-н*, *-т* не отмечены в конструкциях с вин. падежом имени. К этому следует прибавить, что приведенный здесь случай сочетания формы на *-н* с именем в омонимичной форме род. — вин. падежей является в наших материалах единственным, а пятая группа включает в себя всего три предложения. Таким образом, двукомпонентные конструкции с причастными образованиями на *-н*, *-т* представлены по существу тремя группами: 1) с им. падежом имени; 2) с род. падежом и 3) с омонимичной формой им.— вин. падежей. Остановимся на каждой группе конструкций отдельно, но прежде охарактеризуем территорию их распространения: она для всех групп конструкций одна и та же.

1. Употребление не координирующих с именем причастных

[113] Особняком стоит в наших материалах следующий случай употребления сочетания «*по* + имя в дат. падеже»:

Я гуляла кругу ночку, *У тятьки свито по кнуту,*
Пришла домой на свету! *У мамки — розог по пуку.*

Эта частушка заимствована из книги: «Частушки, народные припевки, собранные и записанные в Псковской губернии Копаневичем» (Псков, 1904, стр. 16). В применении к данному случаю вряд ли можно говорить о собственно распределительном значении.

[114] Об употреблении для выражения субъекта действия, наряду с сочетанием «*у* + род. падеж», сочетания «*в* + предл. падеж» см. на стр. 190—191.

форм на *-н*, *-т* характерно для говоров псковских, новгородских и западной части селигеро-торжковских — см. карту 1. В пределах названных говоров явление представлено довольно регулярно: на территории, очерченной изоглоссой, употребление форм на *-н*, *-т* отмечено почти в половине обследованных нас. пунктов — в 211 из 436. По-видимому, ослабленно представлено рассматриваемое явление в северной части очерченной изоглоссой территории (к северу от 59-й параллели), а также на побережье Чудского озера.

Конструкции типа *малина повыбран*, *документы послан*, *картошки насеян* изредка отмечаются в севернорусских говорах ладого-тихвинской, онежской и белозерской групп. Концентрация явления имеет место на территории к западу от Рыбинского водохранилища — на стыке ладого-тихвинских и белозерских говоров — на карте 1 соответствующий участок показан как замкнутый ареал (явление отмечено здесь в 18 нас. п. из 31 обследованного).

В тех же территориальных пределах, только значительно реже, зафиксировано употребление причастных форм на *-н*, *-т* и в качестве единственного члена предикативной основы предложений (типа *на этом соборе напечатан золотыми буквами* Сунево Пыталовск. Пск.; *ой, да попутешествован тоже* Ямок).

2. Выше, рассматривая конструкции с формами на *-но*, *-то*, мы назвали грамматические группы имен, имеющих форму им. падежа, отличную от винительного, с одной стороны, и характеризующихся омонимичной формой им.— вин. падежей, с другой (см. стр. 29). Применительно к особенностям конструкций, включающих в себя причастные образования на *-н*, *-т*, в данный перечень должны быть внесены следующие изменения: 1) к числу имен с омонимичной формой им.— вин. падежей прибавляются имена ср. рода и количественно-именные сочетания типа *две лодки*, *много песен* (которые не учитывались при анализе конструкций с формами на *-но*, *-то*); 2) имена муж. рода не на *-а* — как одушевленные, так и неодушевленные — не могут быть приняты во внимание, поскольку конструкции типа *дом-то новый*, *только поставлен* (Ямок), *у меня вон ежик-то пойман* (Замежничье) непоказательны: они могут трактоваться и как предложения с координацией компонентов предикативной основы.

Предложения с им. падежом имени — самая большая группа среди конструкций с формами на *-н*, *-т*. Соответствующие примеры — главным образом с именами на *-а* — почти непременно присутствуют в материалах атласа. Приведем иллюстрации: *он тоже — десятилетка окончен* Редковцы; *вся рель запахан* Заозерье Порховск. Пск.,; *у тебя труба закрыт*? — *а то жарко в избы* Плотично Пеновск. Вел.; *пошел — голова наклонен* Ямок; *корова-то на нас записан* Калитино Волосовск. Лен.; *ребятишки-то набран* Замежничье; *дачники пущен* Даймище Гатчинск.

Лен.; *у тебя два сына-то убит* Голиково Молвотицк. Новг.; *двое и рожен и мужика нет* Ямок.

Среди предложений с именем в им. падеже 68 включают в себя связку прош. времени. В значительном большинстве случаев (55 предложений) связка координирует с именем-подлежащим, ср.: *вот за что скотина-то и была пущен по посеву* Замежничье; *кругом была ограда обнесен* Ямок; *была запечатан комната* Воланово Лужск. Лен.; *земля была не подготовлен* Блиновка Торопецк. Вел.; *овцы, коровы были загнан в лес* Осташково Октябрьск. Вел.; *у немцев отобран кони были* Борки Плюсск. Пск.; *где мы были отселен, туды она и отправилась* Редковцы. В 13 предложениях связка уподобляется по форме причастному образованию, ср.: *прялка не был еще поставлен на место* Редковцы; *пилотка был надет* Козловка Торопецк. Вел.; *у них был поставлен конюшня* Кишкино Пушкиногорск. Пск.; *картошка рано был посожен* Астратово Пеновск. Вел.; *ребята побросан был* Букино Великолукск. Вел.

3. Предложения с именами, имеющими омонимичную форму им.— вин. падежей,— главным образом предложения с именами мн. числа — приводятся в материалах значительного большинства населенных пунктов из числа тех, где зафиксировано употребление не координирующих с именем форм на *-н*, *-т*. Вот некоторые иллюстрации: *в магазине были*? *что там привезен*? Замежничье; *в ребятах всё стоптан* Букино Великолукск. Вел.; *там такое кучьё у них наношен* (о муравьях) Б. Сварец Лядск. Пск.; *это у Кольки сделан кровать-то* Голиково Молвотицк. Новг.; *у его запахан только 15 соток* Кроксово; *у меня все зубы выжжен крепкой водкой* Ямок; *вымотан поля, затравевши* Верховье Лядск. Пск.; *у всех метки понаделан* Редковцы; *огурчики покрыт у меня ваши* Антушино Лесной Калин.; *у вас обрубан топором бревна* Пореево Весьегонск. Калин.

Связка прош. времени употребляется как в форме, координирующей с именем, так и в форме *был* — уподобляясь причастному образованию, ср.: *задание было дан* Мешково Куньинск. Вел.; *у него всё было достат* Городище Печорск. Пск.; *140 человек в такое помещенье было загнан* Новоселье Лужск. Лен.; *нитки были сделан* Марьинско Лядск. Пск.; *были привезен туфли* Захонье Осьминск. Лен.; *тут сливы были насажен* Ямок; *и у мамы был сшит платье* Жабница Бологовск. Калин.; *туда был положен жито* Заболотье Лесной Калин.; *был посожен елочки* Кудь Пеновск. Вел.; *это у Олега был обрезан коту уши* Ямок; *за шкаф 350 был дан* Малетино. Предложений, в которых связка координирует с именем,— 53; предложений со связкой *был* в наших материалах — 13 [115].

[115] Значительное преобладание при причастных формах на *-н*, *-т* связки, согласованной с именем, отмечает и М. А. Новгородов — для русских говоров на территории Латвийской ССР (см.: М. А. Новгородов. Из наб-

Конструкции, предикативная основа которых состоит из причастного образования на *-н* или *-т* и имени в омонимичной форме им.— вин. падежей, можно, по-видимому, с большой долей вероятности рассматривать как личные с им. падежом подлежащего. В пользу такого понимания говорят два обстоятельства: 1) отсутствие предложений типа *воду принесен* (правда, в приведенном на стр. 77 предложении, где именной компонент представлен словоформой *стариков*, скорее вин., а не род. падеж имени); 2) преобладание среди предложений со связкой прош. времени случаев координации связки с именем (напомним, что связка, координирующая с именем,— свидетельство личного характера конструкции, связка же, уподобляющаяся по форме причастному образованию, не дает оснований для однозначной квалификации предложения). К этому следует прибавить, что применительно к тем говорам, о которых здесь по преимуществу идет речь,— западным среднерусским — есть основания рассматривать как личные и другие конструкции, включающие в себя имя в омонимичной форме им.— вин. падежей и причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*,— конструкции типа *дом поставлено*, *двери закрыто* (см. об этом выше, стр. 44—57).

4. Предложений с формами на *-н*, *-т* и именем в род. падеже в наших материалах 47. Как и среди конструкций с формами на *-но*, *-то*, подавляющее большинство здесь составляют предложения с партитивным значением типа: *вот и песку подвожен* Крутцы Новоржевск. Пск.; *у меня воды поставлен на огороде* Лединки Лядск. Пск.; *там какой-нибудь гнилой селедки привезен — бери селедки* Замежничье; *с Москвы понабран было кой-чего* Кашуты Торопецк. Вел.; *всего было привезен* Ямок; *дубу надран* Федоровское Белозерск. Вол.; *тебе огурцов оставлен* Борки Плюсск. Пск.; *у меня нынче посажен в огороде всяких овощей* Б. Крутцы Дедовичск. Пск. В единичных случаях употребление род. падежа вызвано наличием отрицания, ср.: *у ей ничего не описан* Ямок; *у них ничего не собран* Барские Кусони Батецк. Новг.

Из 47 предложений с именем в форме род. падежа в 14 выступает связка прош. времени. В подавляющем большинстве случаев — в 12 — связка имеет форму, обычную для безличных предложений,— *было* (ср. ниже употребление связки в таких конструкциях с формами на *-но*, *-то* и *-н*, *-т*, где предикативная основа состоит из одного члена). Приведем некоторые примеры: *у меня было всякой кисеи выткан со льна* Вещанка Поддорск. Новг.; *у него принесен табаку было* Кузнецово Демьянск. Новг.; *у меня кой-чего было взят* Ямок; *было даден земельки* Кашуты Торопецк.

людений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Даугавпилсского гос. пед. ин-та», т. I. Даугавпилс, 1958, стр. 319).

Вел. В двух случаях связка уподобляется по форме причастному образованию: *земли дан был* Черноярово Новоржевск. Пск.; *травы был дан* Клевичи Демьянск. Новг.

5. Предложений, предикативная основа которых состоит из причастной формы на *-н*, *-т* и предложно-падежного сочетания с предлогом *по*, нам встретилось три: *по дубине взят у всех — от мышей отбиваться* Редковцы; *по 8 классов кончен* Ямок; *по килограмму даден колхозникам* Гоголево Подберезинск. Вел.

6. В наших материалах имеется немало предложений с формами на *-н*, *-т*, в которых назван субъект действия, вызвавшего данное состояние. Во всех случаях это — сочетание предлога *у* с род. падежом имени (см. примеры выше).

Два добавления к разделу о конструкциях, компоненты предикативной основы которых не координируют между собой

Останавливаясь выше на каждом из типов конструкций без координации компонентов предикативной основы по отдельности, мы не рассматривали двух вопросов, считая более целесообразным обратиться к ним позже, когда можно будет собрать вместе весь соответствующий материал: 1) о парадигме предложений без координации компонентов предикативной основы и 2) об употреблении в данных конструкциях причастных форм, образованных от непереходных глаголов. К этому материалу мы сейчас и обратимся.

1. Парадигма предложений, характеризующихся отсутствием координации компонентов предикативной основы, аналогична той, которая показана выше для предложений типа *вода принесена*, *дом поставлен*, *доски распилены* (см. стр. 24—25); она состоит из трех временных форм (причем настоящее время в двух вариантах — со связкой *есть* и без нее) и форм ирреальных наклонений — сослагательного, условного, желательного и повелительного. Приведем материал, опустив предложения в форме наст. времени без связки и в форме прош. времени.

Предложения со значением реальности: *материал есть нарезано* Заборовье Гдовск. Пск.; *у мя в грядке е огурцы посажено, так их еще нету* Гверестка Гдовск. Пск.; *огурчик есть посажено* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *долечено она е* Красный Бор; *есть вышито кавалер с барышней* Климовская Вельск. Арх. [116]; *кринка выставлено есть* Кононовская Тарногск. Вол.; *картошки е поставлено поесть* Гверестка Гдовск. Пск.; *воды есть кладено* Нижняя Прионежск. Карел.; *молока естя дано* Ефремково; *всего е наделано*

[116] Материал по этому населенному пункту хранится в картотеке словарного сектора Ин-та русского языка, рукописный фонд, папка № 286.

Гимрека; *булок есть у ней принесено, возьмите да и пейте* Малетино; *у кого по три зарода е накошено* Чидово; *у этой есть привезен кофточка, у ольгиной сестры* Редковцы; *посажен е картошка* Заозерье Порховск. Пск.; *рыба есть принесен у меня* Блины Красногородск. Вел.; *у вас трава-то есть даден* Голиково Молвотицк. Новг.; *капустки е посажен* Требутцы Шимск. Новг.; *10-го августа уже будет завалено здесь картошки* Гимрека; *окно так и будет открыт* Голиково Молвотицк. Новг.

Предложения со значением ирреальности: *была бы вся деревня сожген* Козловка Торопецк. Вел.; *если не народ — была и Россия побежден* (частица *бы* опущена) Вешелиха Новоржевск. Пск.; *а было бы ржи посеяно, так и горе в воду* Кулье Печорск. Пск.; *если бы самогонка разрешено было* [117]; *лучше бы ты было не рожено* (из сказки) [118]; *у меня чтобы грибов было набрано!* Починок Воловатье Варновинск. Горьк.

Заметим, что мы привели здесь все имеющиеся в наших материалах предложения со значением ирреальности и предложения в форме буд. времени и при этом не получили полной парадигмы ни для одного типа рассматриваемых конструкций. Показанный выше аналогичный материал конструкций с координацией компонентов предикативной основы богаче, что́ объясняется более частым употреблением этих последних в речи (о чем см. в следующем разделе).

2. Рассматривая выше конструкции с координацией компонентов предикативной основы, мы привели предложения, в которых употреблены причастные формы, образованные от непереходных глаголов — как невозвратных, так и возвратных. Кроме того, был отмечен случай употребления возвратной частицы в составе причастной формы, образованной от переходного глагола (см. стр. 26). Аналогичный материал имеется и среди конструкций с неизменяемыми причастными формами. Представляется целесообразным привести этот материал полностью, включив в него также предложения, которые не могут быть квалифицированы с точки зрения наличия или отсутствия координации компонентов предикативной основы — предложения с формами на *-но*, *-то* и именным компонентом — именем ср. рода или количественно-именным сочетанием типа *много людей*.

Предложения, включающие в свой состав причастные формы без частицы *-ся*: *всё быто у меня* Заозерье Порховск. Пск.; *что прошоччи, то будто и не жито* Подоспа Гдовск. Пск.; *они все в*

[117] Н. П. Гринкова. О говорах северо-восточной части Моложского уезда Ярославской губернии. «Изв. ОРЯС за 1925 г.», т. XXX. Л., 1926, стр. 253.

[118] Р. И. Аванесов. Заметки о говоре села Семеновского на реке Водле. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., 1949, стр. 253.

колхоз уехано Жары Фировск. Калин.; *я в больницы не бывано* Поток Ефимовск. Лен.; *сколько поезжанов приехано, каждому припевают* [119] Жеребут Лужск. Лен.; *а парень-то уехано* Гавсарь Мгинск. Лен.; *у меня на своем веку много людей бывано* Сомино Ефимовск. Лен.; *это уж всё уехано, всё увезено, там слобода была* Малахово Бабаевск. Вол.; *я косила, а Федька приехано уж* Сорка Бабаевск. Вол.; *молодые уехано* Орехово Бабаевск. Вол.; *кто-то быто там* Анхимово Вытегорск. Вол.; *невестка от мужа отойдено было* Князево Вытегорск. Вол.; *нигде мы не бывано, ничего не видано* Глухарево Кирилловск. Вол.; *это еще не бывано* Евда Красноборск. Арх.; *сколько путей, дорог езжено* Шмойлово Работкинск. Горьк.; *всё поле волкам(и) похожено* Слезениха Зуевск. Кир.; *только тут выбыто большая часть у нево* Пошехоно-Володарск. у. Яр. губ. [120]; *всего быто, много плакано* Подоспа Гдовск. Пск.; *поезжено дорог* Орехово Бабаевск. Вол.; *бывано всего* Сестренка Боровичск. Новг.; *всячины было жито* Федово Пестовск. Новг.; *всего пожито, всего вижено* Захожа Тихвинск. Лен.; *людей у него наедено* (от гл. *наехать*) Юдино Ефимовск. Лен.; *всего жито* Монастырек Сланцевск. Лен.; *а у меня так уж тут перехожено всяких людей* Заполье Кингисеппск. Лен.; *чего на веку не бывано с сотворения мира* Низ Оштинск. Вол.; *у их приехано гостей* Раменье Белозерск. Вол.; *котов-то набегано* Лидь Ефимовск. Лен.; *не бывано еще там никого* Туровская Вельск. Арх.; *чего только не бывано* Добряки Мухинск. Кир.; *тут наехано всякого народу* Самотовино Константиновск. Моск.; *да н'иц'ого не выстана дак* (т. е. ничего не взошло) [121]; *мати до того наплакано* Князево Вытегорск. Вол. Во всех этих предложениях, кроме последнего, причастные формы можно определить как образования от невозвратных глаголов. Что же касается формы *наплакано* в последнем предложении, то она, как нам представляется, скорее может быть связана с глаголом *наплакаться*.

Предложения, включающие в свой состав причастные формы с частицей *-ся*: *конь валянося на жниве* Заборовье Гдовск. Пск.; *это дело с малого наученось* (ткать половики) Типиницы; *сын пьяный снятось* Корчагино Пудожск. Карел.; *трактор замаранось* Б. Смердяч Кадуйск. Вол.; *разъеханось много* там же; *тулуп одеванось* там же; *поросенок выкупанось* там же; (они) *в солдатах были снятось* Илемное Кадуйск. Вол.; *я выписанось* (из больницы) Замошье Череповецк. Вол.; *со мной он раньше связанось* Новотино

[119] *Поезжане* — лица на свадьбе, сопровождающие молодых на пути из церкви (см.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, стр. 375).

[120] С. А. Копорский. О говоре севера пошехоно-володарского уезда Ярославской губернии. «Труды Ярославского гос. пед. ин-та», т. II, вып. 3. Ярославль, 1929, стр. 57.

[121] В. П. Ардентов. К изучению заонежского диалекта. «Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та», т. XV (филол. науки). Кишинев, 1955, стр. 85.

Красноборск. Арх.; *мало ли там домов наставленось* Долматово Ровдинск. Арх.; *пол не паханось* Югозеро Андомск. Вол.; *у меня разрезанось это место* Плоское Борисово-Судск. Вол.; *у вас всё договоренось* Малахово Бабаевск. Вол.; *в колхозе она записанось* Матинка Череповецк. Вол.; *один-то был сосватанось* Абрамовская Велико-Устюжск. Вол.; (она) *в кадры была записанось* Верхний Конец Борисово-Судск. Вол.; *у нас с Нюркой всё налаженось* там же; *а уж наработанось-то всего!* Кроксово; *всего поученось* Посад Мстинск. Новг.; *дак ему и поделенось земли* Струнино Тихвинск. Лен.; *хлеба напеченось* Нечаевское Коношск. Арх. Как видно из приведенного материала, одни причастные формы с частицей *-ся* могут быть однозначно определены как образования от возвратных глаголов (ср.: *конь валянося на жниве*), другие с большей вероятностью возводятся к глаголам без *-ся*, глаголам переходным (ср.: *хлеба напеченось*), третьи допускают двоякую интерпретацию (ср.: *поросенок выкупанось*) [122].

Взаимоотношение в плане значения и употребления различных конструкций, включающих в свой состав причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*

1. Суммируя все приведенные выше замечания о значении и употреблении предложений, предикативная основа которых состоит из именного компонента и причастной формы с суффиксом *-н-* или *-т-*, можно сказать, что рассмотренные конструкции составляют три функциональных и семантических ряда: 1) с именем в форме им. — вин. падежей; 2) с именем в форме род. падежа; 3) с предложно-падежным сочетанием, включающим в себя предлог *по*.

Второй и третий ряды состоят каждый из двух членов: *воды поставлено — воды поставлен*; *дано по яблоку* (*по два яблока*) — *дан по яблоку*. Конструкции, составляющие один ряд, являются полными дублетами — как функциональными, так и семантическими. Первый ряд состоит из четырех членов — конструкций следующих четырех типов: *вода поставлена — вода поставлено — воду поставлено — вода поставлен*. Конструкции, объединенные в этом ряду, не столь однородны по грамматическому значению: при им. падеже подлежащего состояние, выраженное причастным образованием (независимо от его формы), предстает как непосредственно приписанное данному предмету, при имени же в вин. падеже состояние бессубъектно — оно не приписано непосредственно никакому предмету. Данное грамматическое различие,

[122] О причастных формах с частицей *-ся* см. подробнее в разделе «Конструкции, предикативная основа которых состоит из одного организующего центра».

как отмечалось выше, коммуникативно не существенно и не препятствует употреблению соответствующих предложений в одних и тех же контекстных условиях — поэтому конструкции с им. и вин. падежами имени нам представляется возможным рассматривать как семантически близкие и функционально дублетные. (Напомним еще, что распределение всех конструкций с именем в форме им. — вин. падежей по двум группам — в зависимости от личного или безличного их характера — практически невозможно).

Каждый ряд конструкций характеризуется специфической семантикой: для первого ряда это — значение полного охвата предмета (предметов) действием, для второго — значение партитивности (присутствует в подавляющем большинстве соответствующих предложений), для третьего — значение распределительности.

2. Выше мы указывали для конструкций каждого типа, в каких говорах они распространены; теперь попытаемся показать, ка́к различные конструкции реально сосуществуют в пределах рассматриваемой территории. Сначала мы остановимся на вопросе о взаимоотношении в территориальном плане конструкций, составляющих один ряд, затем — на соотношении по употреблению в говорах конструкций разных рядов.

Пренебрегая некоторыми частностями, о конструкциях первого ряда можно сказать следующее: конструкции с координацией компонентов предикативной основы (типа *вода поставлена*) являются общерусскими; конструкции с причастными формами на *-но*, *-то* (типа *вода поставлено* и типа *воду поставлено*) распространены в пределах говоров западных среднерусских (новгородских, псковских и западной части селигеро-торжковских) и севернорусских (в говорах костромских и южной части вологодских данные конструкции отмечаются как единичные); конструкции с формами на *-н*, *-т* (типа *вода поставлен*) характерны для западных среднерусских говоров. Схематично употребление конструкций первого ряда в русских говорах можно представить следующим образом:

Таблица 6

Западные среднерус. говоры	Севернорус. говоры	Южнорус. и восточные среднерус. говоры
вода поставлена *вода поставлено* *воду поставлено* *вода поставлен*	*вода поставлена* *вода поставлено* *воду поставлено*	*вода поставлена*

Материалы атласов не могут, к сожалению, служить надежной основой для того, чтобы определить количественное соотно-

шение в речи разных сосуществующих конструкций: программа, по которой собирался материал для составления диалектологического атласа русского языка, не предусматривала фиксации конструкций, включающих в себя причастную форму, координирующую с именем, а из конструкций с формами на *-но*, *-то* специально обращала внимание собирателей только на такие, где имя имеет форму вин. падежа [123]. В силу сказанного нам придется ограничиться в данном случае лишь небольшой иллюстрацией — приведением точных данных по нескольким специально обследованным нами деревням [124].

Показанный ниже материал, конечно, не велик (особенно по тем деревням, где записи велись короткое время — Кроксову, Щелейкам, Лавиничам), однако он отражает реальную картину сосуществования конструкций с известной объективностью, поскольку, записывая речь, мы ставили перед собой задачу фиксировать все конструкции с причастными формами — как употребляющиеся только в говорах, так и общерусские. В подсчет были вклю-

Таблица 7

Населенный пункт	Количество конструкций		
	с причастными формами, координирующими с именем	с формами на *-но, -то*	с формами на *-н, -т*
Малетино	150	1	3
Типиницы	148	5	—
Гимрека	57	2	—
Красный Бор	36	4	—
Щелейки	13	—	—
Шамокша	109	5	—
Чидово	42	5	—
Ефремково	68	2	—
Лавиничи	3	—	—
Колоколово	50	2	1
Замежничье	28	7	13
Кроксово	10	4	2
Редковцы	23	2	27
Ямок	157	9	74

[123] См.: «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», вопросы № 121, 122.

[124] Данные деревни, как уже указывалось выше, расположены на территории следующих говоров: онежских (Гимрека, Красный Бор, Щелейки, Типиницы), ладого-тихвинских (Шамокша, Чидово, Ефремково, Лавиничи), архангельских (Малетино), новгородских (Ямок), гдовских (Колоколово), псковских (Редковцы, Кроксово, Замежничье).

чены те конструкции, которые однозначно квалифицируются для всех говоров, — предложения с именами жен. рода и мн. числа.

На основании всех имеющихся у нас материалов — ответов на вопросы «Программы...» (№ 121, 122, а также 114), приложенных к этим ответам текстов, наших личных записей по ряду деревень (см. приведенную таблицу), свидетельств печатных работ и диссертаций (имеем в виду описания говоров, включающие элементы синтаксического анализа) — можно думать, что в современных севернорусских говорах повсеместно абсолютно преобладают общерусские конструкции с координацией компонентов предикативной основы. Напомним, что значительную часть конструкций с формами на *-но*, *-то* для этих говоров (особенно восточных) мы считаем возможным скорее квалифицировать как конструкции с именем в объектной функции (см. выше, стр. 44—57). Что же касается говоров среднерусских, то здесь соотношение в речи конструкций с координацией компонентов предикативной основы и конструкций без координации может быть различным, что́ свидетельствует, в частности, приведенная выше таблица 7 (см. данные по последним пяти деревням). По-видимому, в части среднерусских говоров конструкции без координации компонентов предикативной основы являются широко распространенными. Об этом говорят, например, материалы, приведенные З. М. Петровой по ряду населенных пунктов Псковской обл. [125] Как уже указывалось, конструкции с причастными формами на *-н*, *-т*, а также значительную часть конструкций с формами на *-но*, *-то* применительно к среднерусским говорам (и примыкающей к ним западной части севернорусских говоров) есть основания определять как личные.

Из всего сказанного вытекает, следовательно, вывод о том, что в тех случаях, когда говорящий «выбирает» между личной и безличной причастной конструкцией (имеются в виду, конечно, речевые ситуации, при которых должен быть назван предмет, послуживший объектом действия и подвергшийся этому действию полностью), предпочтение значительно чаще отдается конструкции личной; среди личных же конструкций, различающихся формами причастного образования, преобладать могут разные.

По отношению к среднерусским говорам, естественно, встает вопрос: как объяснить тот факт, что, выступая без координации с именем, причастное образование может морфологически оформляться двумя способами — иметь форму по среднему роду (*по-*

[125] См.: З. М. Петрова. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена», т. 225. Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка. Л., 1962, стр. 175—179.

ставлено, разбито) или по мужскому (*поставлен, разбит*) [126]. Заметим, что конструкции с формами на *-но, -то* и с формами на *-н, -т* постоянно употребляются на территории среднерусских говоров в одних и тех же населенных пунктах. Можно выделить лишь очень небольшую территорию — выступ на юго-восток от линии Великие Луки — Торопец (см. карту 1), где конструкции без координации компонентов предикативной основы представлены одним вариантом — с формами на *-н, -т*.

Конструкции с формами на *-но, -то* и на *-н, -т*, не координирующими с именем, являющиеся в современных среднерусских говорах в значительной степени параллельными, с точки зрения исторической принципиально различны. Как известно, употребление не координирующих с именем причастных образований на *-но, -то* свидетельствуется древнерусскими памятниками (ссылки на соответствующие работы см. выше). «Единственное число среднего рода является наиболее «нейтральной» формой, а потому именно оно особенно легко может служить единственной уцелевшей и далее уже неизменяемой формой», — писал об образованиях на *-но, -то* П. С. Кузнецов [127]. Активное развитие форм на *-н, -т* — по-видимому, процесс совсем недавнего времени. Так, З. М. Петрова, изучавшая употребление причастий страдательного залога в псковских памятниках и в современных псковских говорах, пишет, что широкое употребление форм на *-н, -т* свидетельствуется только записями 40-х годов XX в. [128] Факт распространения рассматриваемых форм в псковских говорах З. М. Петрова объясняет следующим образом: «Вытеснение форм на *-на, -та* (имеется в виду произносительный вариант форм на *-но, -то*, выступающий в акающих говорах) формами на *-н, -т* можно представить себе как закономерный процесс отпадения флексии, утратившей свое первоначальное значение» [129]. Об отпадении окончания применительно к формам на *-н, -т* в случаях типа *хата не топлен* говорил

[126] О полном синтаксическом параллелизме употребляющихся на русском северо-западе конструкций с формами на *-но, -то* и с формами на *-н, -т* писал Ф. П. Филин (см.: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 4. М.— Л., 1948, стр. 47—50).

[127] П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке. (Докт. дисс., рукопись), стр. 206.

[128] З. М. Петрова. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах, стр. 179.— К этому наблюдению З. М. Петровой мы можем добавить, что в материалах, относящихся к периоду деятельности МДК, имеются только совершенно единичные случаи употребления причастных форм на *-н, -т*, не координирующих с именем,— они приведены С. П. Обнорским (см.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 158).

[129] З. М. Петрова. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах, стр. 179.

и В. И. Чернышев [130]. Против данного объяснения мы не можем ничего возразить [131].

Теперь обратимся к рассмотрению второго и третьего выделенных выше рядов причастных конструкций — предложений с именем в род. падеже и с предложно-падежным сочетанием, включающим в себя предлог *по*.

Из конструкций, в состав которых входит имя в род. падеже (второй ряд), одни конструкции — с формами на *-но*, *-то* — до некоторой степени можно определить как общерусские, другие — с формами на *-н*, *-т* — изредка отмечаются в западных среднерусских говорах — на территории, очерченной изоглоссой употребления конструкций с причастными формами типа *положен*, *разбит*, не координирующими с именем в им. падеже (см. карту 1). Таким образом, сосуществование конструкций типа *воды принесено* и типа *воды принесен* имеет место в западных среднерусских говорах. Об относительной употребительности их говорят следующие цифры: в тех материалах по данным говорам, которыми мы располагаем, предложений с формами на *-но*, *-то* — 175, с формами на *-н*, *-т* — 42. Для форм на *-н*, *-т*, как показывают материалы атласов, обычным является употребление в двусоставных личных конструкциях (*вода поставлен*), в конструкциях всех других типов они отмечаются значительно реже (см. ниже о конструкциях, в которых формы типа *поставлен*, *хожен* выступают в качестве единственного члена предикативной основы).

[130] Характеризуя говор Пушкинского р-на Псковской обл., В. И. Чернышев пишет: «В синтаксисе особенно замечательны обычные здесь обороты с причастным сказуемым ср. рода ед. ч. при именах других родов и чисел: *двор был разламана*, *на которой поляне клевер посеяна*, *сад разората* (распахан), *я взята* (на военную службу) *в 20-м году*, *овсы-та сеяна*. Иногда это окончание отпадает: *разослан портки* (в сказке), *хата не топлен и ничево не варен*» (см.: В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района. «Язык и мышление», VI—VII. М.— Л., 1936, стр. 126—127).— Заметим, что из формулировки В. И. Чернышева скорее следует, что преобладающими в то время, когда он проводил наблюдения, были формы на *-но*, *-то*. В современных же говорах на этой территории формы на *-н*, *-т*, кажется, активно вытесняют формы на *-но*, *-то* (см., в частности, приведенные выше данные по д. Редковцы Пушкиногорского р-на).

[131] Совершенно неприемлемым и противоречащим фактам представляется то объяснение появления форм на *-н*, *-т*, которое предлагает Л. И. Макарова. Она пишет: «Данные предложения [т. е. предложения с причастными формами на *-н*, *-т*] являются, по-видимому, свидетельством изменения страдательно-безличных предложений в севернорусских говорах. В этих предложениях изменяется сначала форма сказуемого. Сказуемое перестает употребляться в характерной для безличных предложений форме среднего рода, принимая форму мужского рода, которая обычно соответствует форме рода реального производителя действия».— См.: Л. И. Макарова. Некоторые особенности предикативного употребления страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах. «Уч. зап. Балашовского гос. пед. ин-та», т. 1. Ист.-филол. серия. Балашов, 1956, стр. 184.

Конструкции, образующие третий ряд, в наших материалах немногочисленны. В большинстве случаев это — предложения с формами на *-но*, *-то* (отмечены в севернорусских и западных среднерусских говорах); три предложения типа *по дубине взят* зафиксированы на территории западных среднерусских говоров.

Если суммировать все сказанное о распространении конструкций всех трех рядов, получим следующую картину: максимальное количество типов конструкций, предикативная основа которых состоит из имени и причастного образования с суффиксом *-н-* или *-т-*, известно западным среднерусским говорам: здесь отмечены все четыре члена первого ряда и по два члена второго и третьего рядов; в севернорусских говорах распространены конструкции пяти типов: три — из первого ряда (*вода поставлена*, *вода поставлено* и *воду поставлено*) и конструкции с формами на *-но*, *-то* из второго и третьего рядов (*воды поставлено*; *дано по яблоку*), причем существенно, что конструкции, включающие в себя имя в род. падеже, здесь весьма употребительны; все остальные говоры характеризуются наличием конструкций типа *вода поставлена* и *воды поставлено*, а также, вероятно, и типа *дано по яблоку*[132].

К вопросу о лексическом составе причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-*

Как уже отмечалось, в конструкциях, включающих в себя именной компонент, обычно употребляются такие причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, которые образованы от глаголов переходных. Лексико-грамматический круг этих глаголов в говорах оказывается шире, чем в литературном языке[133], — состав причастных форм в говорах расширяется за счет образований как несв., так и св. видов.

1. Как известно, из глаголов несв. вида для образования страдательных причастий прош. времени в литературном языке используются только бесприставочные глаголы, причем такие, которые соотносительны с приставочными глаголами вида совершенного (типа *читать — прочитать*). Употребляются соответствующие причастия достаточно редко[134]. В говорах употребительность причастных форм от глаголов несв. вида больше и круг глаголов не ограничивается названной группой: здесь возможны образования от бесприставочных глаголов несв. вида,

[132] К сожалению, количество примеров типа *дано по яблоку* в наших материалах очень невелико.

[133] Мы не учитываем здесь разницы в словарном составе литературного языка и говоров — имеем в виду только общую их часть.

[134] См., например: «Грамматика русского языка», т. I. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 511.

соотносительных с бесприставочными же глаголами св. вида (ср.: *бросать — бросан* при св. в. *бросить*; *поливать — поливан* при св. в. *полить*; *давать — даван* при св. в. *дать*; *девать — деван* при св. в. *деть*; *доставать — доставан* при св. в. *достать*), а также — от приставочных глаголов несв. вида (ср.: *переживать — переживан*; *нашивать — нашиван*; *зажигать — зажиган*).

Несмотря на то обстоятельство, что наш материал по причастным формам с суффиксами *-н-*, *-т-* с точки зрения его лексического состава достаточно случаен (как уже отмечалось, «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» ориентировала собирателя на фиксацию ограниченного круга конструкций с рассматриваемыми формами), представляется целесообразным дать перечень отмеченных здесь словоформ от глаголов несв. вида. Приведенный список при всей его безусловной неполноте все же дает представление о возможностях говоров в отношении образования данных причастных форм. Материал приводится в алфавитном порядке:

баловáн, белен, бит, бран (браден), бранен, бросан, варен, веден, видан (вижан), возан (вожен), вы́ниман, вытаскиван, вышива́н и вышúван, вязен, говорен, горожен, гризен (от глагола *грызть*), *да́ван, дёван, делан, делыван, доена, достават, еден, жган* (крапивой), *жарен, жат, зажиган, заниман, знан, кладен, колдован* (*поди знай, нитки колдовано еще* Коновалово Ломоносовск. Лен.), *колон, колочен, копан (ка́пан), кормлен, кошен, крашен, крыт, кушан, лечен, лит, ложон, ломлен, люблён, любливан, молот, молочен, мочен, мыт, нажúван, наливáн, нахожены, на́шиван, несен, ношен, одеван, отда́ван, парен, пахан, перебúран, пережúван, перекладан, пет, печен, пеян, пилен, пиливан, писан, пит, плачен (плочен), плетен, подвожен, подни́ман, поен, поку́пан* (т. е. куплен), *поку́пован, по́ли́ван, полоскан, полот, посúлан, привожен, присылан, пробован, прошен, пряден, пуган, расши́ван, рван, резан, рожат, рощен, рублен, руган, сажен (сожен), сверя́н, сечен, сеян, скоблен, слышóн, сни́ман, снова́ны* (о нитках), *содержан, солен, ставлен, стúран, стúрыван, строен, стряпан, сужóн* (о человеке), *душен, считан (счётан), сыпан, таскан, творен, ткан, топлен, троган, трясен, ужен, учен, хлебан, хоронен, цежон, читан, шит.* (См. также ниже список словоформ от глаголов несв. вида, выступающих в качестве главного члена безличных предложений — стр. 105—106).

Географическая приуроченность примеров с приведенными словоформами позволяет думать, что более широкое, чем в литературном языке, использование глаголов несв. вида для образования кратких причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-*, употребляющихся в двухкомпонентных конструкциях, свойственно различным русским говорам (для экономии места словоформы даны в списке без географических помет — см. ниже примеры, снабженные соответствующими указаниями).

Характеризуя выше типовое значение различных конструкций, предикативная основа которых состоит из именного компонента и причастной формы с суффиксом *-н-* или *-т-*, образованной от переходного глагола, мы указывали, что во всех случаях здесь выражается состояние, вызванное предшествующим действием, и называется предмет, послуживший объектом этого действия. Нам представляется, что данное определение в равной мере относится к предложениям с причастными формами совершенного вида и к предложениям, в которых выступают причастные формы, образованные от глаголов несв. вида. Разница между данными группами предложений заключается в том, что в предложениях с формами св. вида состояние предстает как результат действия, доведенного до конца (ср.: *нога-то оторвана* Ямок; *у меня там две грамоты заслужено* Гимрека; *у меня вытканo половиков* Колоколово), в предложениях же с формами, образованными от глаголов несв. вида, такое значение возможно, но отнюдь не обязательно. Сравним две группы предложений: *за сенокос уж два барана едено* Пещера Омутнинск. Кир.; *показать мы тебе покажем, где муж хоронен* Типиницы; *у меня была коза колочена, так мяса-то и хватило гостям* Красный Бор; и *у кого-то рыба ужена и весло сломано* с. Муромля Петрозаводск. уезд Олон. губ. [135]; *осина у зайца грызен* Бельско-Себежск. волость Лужск. уезд Петерб. губ. [136]; *молоко не пито там на блюдце* (молоко не тронуто — значит, кошка не приходила домой) Чидово; *чем только были ни мочены* (о волосах — женщина мочила их снадобьями для лучшего роста) Типиницы; *очень много у меня вина пито* Б. Кольки (Сур-Колкья) Тартуск. Эст.; *песни смотрела* (в музее), *которы у меня петы* Колоколово; *всё в мешках таскано* Углы Новосельск. Пск.; (я) *люблёна мужьями была* Устье Гремяченск. Вор. [137] Если три первых примера по существу не отличаются с точки зрения значения от предложений, в которых выступают причастные формы от глаголов св. вида, то в остальных примерах называется состояние, вызванное действием, которое не мыслится как до конца исчерпанное, как завершенное; в части предложений состояние предстает как длительное. В приведенном ниже материале, иллюстрирующем употребление кратких причастных форм, образованных от глаголов несв. вида в разных русских говорах, встречаются семантически различные предложения [138], ср.: *у него и церква строена и большая школа строена* Замежничье; *они*

[135] Ответ на диалектологическую программу. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 154.

[136] Ответ на диалектологическую программу. — Там же, № 189.

[137] Пример В. И. Собинниковой (В.И. С о б и н н и к о в а. Простое предложение в русских народных говорах, стр. 56).

[138] Заметим, что не всегда контекст дает основание уверенно отнести предложение к той или другой группе.

давно не сверяно (о часах) там же; *уж эти для себя деланы* (о валенках) Редковцы; *дома нажи́ваны* там же; *эта тоже там брана у вас колбаса?* Колоколово; *еще эта изба ставлена у отца моего* Кроксово; *не пеяно песен боле 60 лет* Кануновщина Гдовск. Пск.; *не знато эту статью* Подоспа Гдовск. Пск.; *после мы нашли у князя в дому вещи из раскопок, было нахожено браслеты бронзовые* Гверестка Гдовск. Пск.; *это шито было у мамы* Язвиха Сандовск. Калин.; *поздно пахано пашня* Федоров Двор Есеновичск. Калин.; *два года не возано навозу* Васильково Косовогорск. Калин.; *у батьки у твоего сажено березку* Гостцы Мстинск. Новг.; *да вот у Гальки вышивано* Березка Старорусск. Новг.; *за эти годы всего пережи́вано* Ямок; *вот у нас поле, которо сей год капустой сажено* Щелейки; *полосы-то кругом кошены* Гимрека; *каша не едена — жестковата, засохнувши* (каша стоит нетронутая) Чидово; *у ней, у председателя жены, может, ношены столетье* (о старых вещах, которые жена председателя кому-то подарила) Шамокша; *у меня у матери печь топлена — пойду париться* Ефремково; *клюквы мешкам(и) вожено* Жердянка Сланцевск. Лен.; *у меня много кур было рощено, да всех немцы зарезали* Заполье Кингисеппск. Лен.; *от роду веков не видано такого* Монастырек Сланцевск. Лен.; *дочку-то не видано сколько время* Кленно Кингисеппск. Лен.; *эти все* (песни) *пеяно* Ременик Вируск. Эст.; *у кого трогато муравейник?* Ржаное Озеро Прионежск. Карел.; *знато всяких песен* Подберезье Пудожск. Карел.; *давано всяких мне-ка было* (о лекарствах) Типиницы; *хороший* (о муже) — *век у меня костья не биты, не ломлены* там же; *операция у меня делана — так на зрение повлияло* Малетино; *рубаха вся выши́вана* там же; *у меня тесто не творено* Новошино Красноборск. Арх.; *у меня тоже сметаной поли́ваны* Задорье Устьянск. Арх.; *колхозного мяса было посы́лано на сенокос* Тарасовская Черевковск. Арх.; *зерна не сни́мано* Тыриково Сокольск. Вол.; *у тя плочено страховка-то?* Делецкое Устюжинск. Вол.; *прядено-то у меня пряжу* Заэрап Кадуйск. Вол.; *седьмой год дочи была отда́вана* Чернопенье Шестаковск. Кир.; *всё пахано* Хлебницы Ильинск. Ив.; *где это видено* Егорий Шуйск. Ив.; *оне не поены* Разнежье Воротынск. Горьк.; *я не ругана* Низовка Красовск. Сар.; *всё крашено* Качеевка Екатериновск. Сар.; (он) *сужо́н* (о человеке, имеющем судимость) Разлей Николаевск. Ульян.; *не счетаны дни* Синодское Даниловск. Пенз.; *дома соломой были крыты* Андреевка Даниловск. Пенз.; (он) *плетен из лыка* Залапино Неверкинск. Пенз.; *был присылат священник* (однократное значение) Вяжли Пичаевск. Тамб.; *эта соха доставата после уж* там же; *уши колоны* Лесное Уколово Ольховатск. Вор.; (они) *рожаты здесь* Русская Матренка Алексеевск. Вор.; *гряды горожены* Бердяево Причистенск. Смол.; *она брата суда* Хотня Дятьковск. Брян.; *жито в копы ложоно* Подгородская Слобода Суземск. Брян.; *рубашки расши́ваны* Чухраи Суземск. Брян.; *налогу еще 20 рублей не плочено* Торкуновка; *утром корова*

не доена Счастливка; (они) *из канапе вязены* Верхне-Чуфичево Старо-Оскольск. Белг.

Как известно, причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* от глаголов несв. вида представляют собой такие образования, которые русский язык на протяжении истории постепенно утрачивает. Л. Е. Бокарева, изучавшая материал памятников разного времени, пишет: «В древнерусских памятниках в составе именного сказуемого встречаем причастия прошедшего и настоящего времени, из них причастия настоящего и прошедшего времени от глаголов несовершенного вида употребляются одинаково редко. В дальнейшем в восточнославянских памятниках употребление причастий страдательного залога совершенного вида расширяется, а употребление страдательных причастий несовершенного вида сокращается, причем в старорусских памятниках этот процесс в большей степени затронул причастия прошедшего времени несовершенного вида, в старобелорусских и староукраинских — причастия настоящего времени» [139]. В литературе еще XVIII в. нередко можно встретить такие причастные образования, которые в современном литературном языке уже не употребительны [140]. Следовательно, говоры в данном случае отражают более раннюю стадию в развитии явления, чем литературный язык. В частности, сравнительно широкое использование причастных форм от глаголов несв. вида для выражения состояния, являющегося результатом законченного действия, по-видимому, представляет собой наследие очень старых отношений — того периода, когда в русском языке «сама форма страдательного причастия прошедшего времени имела перфектное значение, независимо от состава основы» [141]. С точки зрения современного языка, впрочем, относительно некоторых словоформ, включенных в приведенный выше список, встает, как нам представляется, такой вопрос: не следует ли рассматривать их (несмотря на словообразовательную связь с

[139] См.: «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения», стр. 46.

[140] Приведем некоторые иллюстрации, заимствованные нами из картотеки словарного сектора Ин-та русского языка: К знатнейшим барам я в сей день на ужин прошен (Я. Б. Княжнин. Хвастун); ... хотя также был прошен ... помогать (Г. Р. Державин. Переписка); Не слыхан был подобный брак (И. Ф. Богданович, Душенька; в современном литературном языке возможно только *не слыхано* в наречном употреблении); Потом они наживаны (Екатерина II. О время); На нынешней неделе держаны были многие тайные конференции («Московские ведомости», 1794); Изданьям сим отец пускай не Аполлон. Пусть от читателей назван будет фон (*фоны* или *фауны* — полевые боги; «Поденьщина», 1760); Снаружи сделана она [хижина отшельника] из кирпича, который в одной расселине был и обжиган (И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия. ... по разным провинциям Российского государства); Будто они еще в прежние времена уже были капываны (П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства); С него Чередова взять ответ, куда им те арестанты деваны (документ 1765 г.).

[141] С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 315.

глаголами несовершенного вида) как формы вида совершенного — это касается прежде всего некоторых бесприставочных образований (типа *бран, кладен, доена...*), по-видимому, всегда называющих состояние, которое воспринимается как результат завершенного действия, а также группы приставочных форм с ударением на корне (*вышúван, расшúван, полúван, нажúван, пережúван, отдáван, посúлан, снúман* ...). Данный вопрос не может, конечно, решаться на таком ограниченном и с морфологической точки зрения достаточно случайном материале, как наш, и в отрыве от проблемы видовой корреляции в целом, поэтому мы воздержимся в настоящей работе от всяких попыток его рассмотрения.

2. Образование форм страдательных причастий от переходных глаголов св. вида в литературном языке не имеет, по-видимому, четко формулируемых ограничений, однако есть целый ряд глаголов, от которых данные формы практически не употребительны. Имеющиеся у нас материалы позволяют сказать, что в говорах состав рассматриваемых словоформ несколько шире, чем в литературном языке, и за счет образований от глаголов св. вида: здесь отмечены, например, причастные формы от глаголов *полюбить, пошевелить, попросить, проводить, променять, переехать*... Бóльшая часть соответствующего материала относится к говорам севернорусским или западным среднерусским.

Приведем иллюстративный материал: *эва́ — у меня и вода навожен* Замежничье; (она) *поблагодарена* Ермолово Пустошкинск. Вел.; *попрошено соседи были помочь дом строить* Быково Молвотицк. Новг.; *куды оны у меня деты-то*? Нивы Пестовск. Новг.; *и ногой, и колесам(и), и всем меня проехано по головы* Вязовка Маловишерск. Новг.; *мои огурцы достаны с подвалу* Окороки Молвотицк. Новг.; *вставай — ты ничем не пошевелен* (т. е. не тронут) Ефремково; *у Вали корóва провожена* Гимрека; *корову тоже поездом переехано* Кленно Кингисеппск. Лен.; *переехано было дорога тут* Ратилово Тихвинск. Лен.; *у меня для тебя нянька достана* Жилино Осьминск. Лен.; *детушек порощено* Дудачкино Новоладожск. Лен.; *горя перевижено* Власова Гора Капшинск. Лен.; *внук полюблен у меня этот* Типиницы; *нам нунь ржи надавано* Песчаное Пудожск. Карел.; *было достато сахару* Берег Ковжинск. Вол.; *хлеба надавано* Плесовская Верховажск. Вол.; *зимой зайцей было постреляно* Грифониха Усть-Кубинск. Вол.; *всячены нарощено* Шикши-Остров Кадуйск. Вол.; *проехана борозда* Чиганы Ртищевск. Сар.; *проехано борозда* Зауженье Молоковск. Калин. (О лексическом составе причастных форм с суффиксами *-н-, -т-* см. также в следующем разделе — о конструкциях, предикативная основа которых состоит из одного организующего центра — стр. 105—106, а также в главе о полных причастных формах — стр. 304—305). [142].

[142] Мы не останавливаемся здесь на вопросе о расширении лексико-грамматического круга глаголов, от которых образуются в говорах причастные

О некоторых особых случаях выражения именного компонента в конструкциях с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*

В заключение раздела о двукомпонентных конструкциях, включающих в себя причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, мы остановимся на тех случаях, когда в роли именного компонента употребляются: 1) целые предложения, 2) неполные словосочетания и 3) слова со значением количества.

1) В наших материалах по севернорусским и западным среднерусским говорам встретилось 18 предложений, где при причастных формах, образованных от глаголов со значением речи или мысли, в качестве позиционного варианта имени в форме им. — вин. падежей выступает предложение, которое может соединяться с причастной формой при помощи союза (за исключением двух случаев это союз *что*) или без союза. Приведем весь материал: *а в ней было сказано, что ежели...* Пустошки Островск. Пск.; *и не думано, что это станция Гдов* Заборовье Гдовск. Пск.; *думано, что кусок хлеба будет мамы, а вышло мамы — одна живи в ямы* Драготин Полновск. Пск.; *как уехала, так и забыто, что крестная есть* Середка Пеновск. Вел.; *мне в Латвии признано у хороших врачов, что внаклонку работать нельзя* Воронино Батецк. Новг.; *так и думано, что зальет тут всё* Жердянка Сланцевск. Лен.; *писано там, что змеиный яд* Чидово; *там сказано, где ключ, сказано* Молодцы Ломоносовск. Лен.; *ох и забыто уж, как и жито* Александровская Бабаевск. Вол.; *сказано за* 15 *соток* Мельница Пушкиногорск. Пск.; *а теперь выписан, по скольку брать* (о прейскуранте в церкви) Ямок; *у нас принято: если едут...* Скирино Солецк. Новг.; *у доктора было сказано: вы можете и в байне помереть* Дретено Старорусск. Новг.; *которо раньше знато, дак забыто* (о песнях) Каменка Любытинск. Новг.; *думано, завод будет — так приделать можно* Монастырек Сланцевск. Лен.; *думано, дождик пойдё* Холм Волховск. Лен.; *у сестры замечено: левый — плакать* Логоза Тартуск. Эст.; *когда умрем, не узнато* Реброво Даниловск. Яр. [143] Употребление отдельных причастных словоформ (*сказано, признано, принято...*) при сочетании с целым пред-

формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, употребляющиеся в двукомпонентных конструкциях, за счет глаголов непереходных, так как этот материал рассматривается нами в другом плане: к предложениям типа *девушка уехана, пружина лопнута, я вамазанась* мы подходим как к особой группе конструкций: в отличие от всех прочих двукомпонентных конструкций с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, данные предложения включают в себя имя, называющее предмет, который был не объектом, а субъектом действия, вызвавшего указанное в предложении состояние.

[143] Мы не рассматриваем здесь структуру предложений, выполняющих роль именного компонента причастной конструкции, поскольку данный вопрос выходит за рамки нашей темы.

ложением в роли именного компонента возможно и в литературном языке.

2) Имя, употребляющееся в причастной конструкции, может распространяться предложно-падежным сочетанием, определяющим назначение названного именем предмета, ср.; *ягоды на варенье набраны* Счастливка. В некоторых случаях имя по условиям речи может быть опущено и именной компонент оказывается выраженным только предложно-падежным сочетанием, ср.: *у меня на платье куплено* Борисово Старорусск. Новг.; *на платье взято* Шикши-Остров Кадуйск. Вол.; *у Ирки взято на наволочки* Конец Борисово-Судск. Вол.; *в Москве покупано на платье мне* Остров Устьянск. Арх.; *набрато в лавке на 13 рублей*[144]. Подобного рода конструкции употребительны в разговорной речи и владеющих литературным языком людей.

3) В материалах атласов, а также в диалектологических работах нам встретились отдельные предложения, где именной компонент представлен усеченным количественным сочетанием — употребляются только слова со значением количества, существительные же опускаются, ср.: *много нанесено, только всё старые* Вязовка Маловишерск. Новг.; *разъеханось много* Б. Смердяч Кадуйск. Вол.; *принесено порато мало* Мокшинская Вельск. Арх.; *есь малехонько поставлено* Климовская Вельск. Арх.[145]; *дочки было дано немножко* ('я дала...') мстинск. говор[146]; *в гости было много прошено* задонск. говоры[147]. Данные предложения необходимо отличать от таких конструкций с одним организующим центром, где слова типа *мало, много...* характеризуют так или иначе состояние, ср.: *у отца уж было маленько выпито*[148]; *у него в деревне много жито* Ямок.

КОНСТРУКЦИИ, ПРЕДИКАТИВНАЯ ОСНОВА КОТОРЫХ СОСТОИТ ИЗ ОДНОГО ОРГАНИЗУЮЩЕГО ЦЕНТРА

Причастные формы, выполняющие роль единственного организующего предложение центра, называют состояние, возникшее в результате действия, которое было или представлено безобъектным. В составе данных конструкций могут употребляться формы

[144] В. И. Чернышев. Сведения о мещовском говоре, стр. 100.

[145] Материал по данному населенному пункту хранится в картотеке словарного сектора Ин-та русского языка, рукописный фонд, папка № 286.

[146] Н. П. Гринкова. Мстинский говор. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1948, т. 69, стр. 193.

[147] М. А. Полторацкая. О задонских говорах Ростовской области. «Труды первой диалектологической конференции, происходившей в Ростове-на-Дону 29 июня —1 июля 1938 г.». Ростов, 1939, стр. 55.

[148] А. А. Шахматов. Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. Архив Акад. наук., ф. 134, оп. 1, № 225, л. 21 об.

и от переходных глаголов (если они выступают как безобъектные), и от непереходных — без возвратной частицы и с частицей, ср.: *как всё равно у дурака писано* Княжицы Новосельск. Пск.; *на крыльце налито* Зеленовка Вурнарск. Чув.; *у них утром пойдено* Орехово Бабаевск. Вол.; *тут на колесах ехато* Увелье Красногорск. Брян.; *хоть не записанось—живет так* Ухтозеро Андомск. Вол.; *у кота на печку забранось* Середняя Бабаевск. Вол. Группы конструкций с причастными формами от глаголов разных названных здесь грамматических групп по одним признакам различаются между собой, по другим являются сходными — соответственно мы будем рассматривать в настоящем разделе часть вопросов применительно к материалу всех конструкций с одним организующим центром, а часть — для каждой группы в отдельности.

Несколько замечаний, касающихся всех конструкций с одним организующим центром

1. Обычным для рассматриваемых конструкций является употребление причастного образования в форме, показывающей отсутствие координации с лицом — в форме на *-но, -то* или *-нось, -тось*, ср.: *трактором пахано* Угрюмово Петреневск. Вол.; *где тут съедено? — все ломти целы* Ивановка Николаевск. Ульян.; *много бегано в колхозе* Гверестка Гдовск. Пск.; *пять лет дома не бывано* Самино Андомск. Вол.; *у Витьки под ручку взятось, тут выйдено когда* Балмасово Бабаевск. Вол. (см. также примеры выше). Однако для образований от глаголов без *-ся* известна и другая форма — на *-н, -т*, ср.: *на этом соборе напечатан золотыми буквами* Сунево Пыталовск. Пск.; *не нами заведен — не нам и кончать* Ямок; *присоветован так у портнихи* Горшковицы Лычковск. Новг.; *верно сказан у других купцов* Заполье Лужск. Лен.; *как в положении-то хожен...* Замежничье; *у меня жито всяко за 70 год — это всё жит — не хвастаю* Заозерье Порховск. Пск.; *погулен у нас досыти у молодых* Меньково Волотовск. Новг.; *ой, да попутешествован тоже* Ямок; *отказан было* Лесково Лужск. Лен. [149]

Предложений, в качестве организующего центра которых выступают формы на *-н, -т*, всего в наших материалах 63: 36 относится к материалам атласов и 27 зафиксировано нами в трех деревнях (Ямок, Замежничье, Редковцы). Как и безличные конструкции типа *у меня нынче посажен в огороде всяких овощей*

[149] Возможность употребления форм на *-н, -т* в предложениях с одним организующим центром свидетельствуется уже материалами (правда, совершенно единичными), относящимися к периоду деятельности МДК,— см. соответствующие примеры в кн.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 158.

(Б.Крутца Дедовичск. Пск.),рассматриваемые предложения иногда отмечаются на территории, характеризующейся широким употреблением двусоставных предложений с данными формами,— см. карту 1: из 59 нас. п., в материалах по которым встретились примеры безличных конструкций с формами на *-н*, *-т*, 57 приходится на территорию, очерченную основной изоглоссой, и 2 — на зону показанного на карте ареала. (Напомним, что двусоставные конструкции с формами на *-н*, *-т* отмечены в 211 нас. п. в пределах основной изоглоссы и в 18 — на ареале).

Для того чтобы показать, что формы на *-н*, *-т* нехарактерны для безличных предложений, приведем некоторые цифровые данные. В пределах территории, очерченной основной изоглоссой на карте 1, выделим зону, где интересующие нас конструкции употребляются сравнительно часто. Несколько огрубляя границы (в данном случае это несущественно), определить нужную территорию можно следующим образом: это 10 географических квадратов — 4 (с 28° в. д. по 32° в. д.) между параллелями 58-й и 59-й и 6 (с 27° в. д. по 33° в. д.) между параллелями 57-й и 58-й. В материалах, относящихся к этой территории, общее количество примеров безличных конструкций (за исключением предложений с формами на *-нось*, *-тось*) — 1076 [150]. Из этого числа на долю предложений с формами на *-н*, *-т* приходится 113, что́ составляет примерно 10,5%; основная же масса примеров здесь — 963 — предложения, включающие в свой состав формы на *-но*, *-то*. Для каждого населенного пункта из числа тех, где данное явление отмечено, в материалах атласа обычно приводятся 1—2 примера конструкций типа *про это слыхиван* (Черемша Середкинск. Пск.); *у меня вон той муки прибавлен* (Ямно Чудовск. Новг.). Большее количество примеров — 3—5 — дается только в четырех ответах. (Заметим, что количество двусоставных конструкций с формами на *-н*, *-т* во многих материалах по данной территории значительно — 10 и больше).

2. В конструкциях с одним организующим центром связка прошедшего времени всегда имеет форму *было*, ср.: *у меня уже встато было* Малахово Бабаевск. Вол.; *вот как было бегано* Новиково Сольвычегодск. Арх.; *было выйдено у ей вот в этот дом* Типиницы; *у него было взятось скосить гектар* Дуброво Уломск. Вол.; *договоренось было* Малые Краснова Белозерск. Вол.; *было записанось в школу-то у меня* Никишинская Няндомск. Арх.; *у государя объявлен было* Сунево Пыталовск. Пск.; *у него было накошен и складен* Лединки Лядск. Пск.; *у их на карты было поставлен* Заполье Лужск. Лен. Этот факт существенно отметить для

[150] В счет включены только предложения, безличный характер которых не может вызвать сомнения,— предложения с одним организующим центром и предложения с именем в форме род. и вин. падежей (конструкции же с омонимичной формой им.-вин. падежей в расчет не приняты).

предложений, где главный член выражен формами на *-н*, *-т*, поскольку здесь у связки есть возможность уподобиться по форме причастному образованию. (Ср. выше два предложения с именем в род. падеже, где выступает связка *был* — см. стр. 81) [151].

3. В рассматриваемых конструкциях так же, как и во всех других, включающих в свой состав причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, может присутствовать факультативный член (тв. падеж, сочетание *от* с род. падежом или *у* с род. падежом), называющий субъект действия, ср.: *мальчишками набрано* Новая Деревня Вируск. Эст.; *так судом присужоно* Шамокша; *да уж бригадирам(и) собраненось* Низ Оштинск. Вол.; *нашим братом привыкнуто* Югозеро Андомск. Вол.; *уж как мной-то в этой деревне не бывано, так кем и бывано* Ложечная Калининск. Горьк.; *нами заведено* Анновка Бобровск. Вор.; *не нами написано* (о священном писании) Счастливка; *я думаю: как от бога положено, так и буду ходить* (с таким носом) Гверестка Гдовск. Пск.; *дано мне от людей* Ямок; *хозяин говорит: от бога дадено* Копорье Ломоносовск. Лен.; *от товарищей было послано* Новая Деревня Петрозаводск. Карел.; *много прядено у меня на веку* Борки Плюсск. Пск.; *вон там у собак пройдено* Язвиха Сандовск. Калин.; *у них вчера сметан* Ямок; *здесь у зайцев стоптано* Сабцы Лужск. Лен.; *у них валянось на снегу* Заборожки Сланцевск. Лен.; *там у хозяйки отстряпанось?* Типиницы; *у их, видно, поторопленось — разны сапоги* Окатовская Тарногск. Вол.; *у Юрки в 5 часов встато* Афонасово Борисово-Судск. Вол.; *у меня выспанось-то теперь* Никишинская Няндомск. Арх.; *жито тоже всяко у ей было* Малетино; *започивано у ней: набегалась* Спассмердино Петровск. Яр.

Предложения с именем в тв. падеже немногочисленны, но отмечены в различных русских говорах (см. приведенные выше примеры); употребление сочетания «от + род. падеж» в единичных случаях отмечено в западных среднерусских и севернорусских говорах; предложения с предлогом *у* и род. падежом имени распространены в севернорусских говорах и особенно широко — в западных среднерусских. Обращает на себя внимание тот факт, что среди конструкций, где предикативная основа состоит только из причастной формы, предложения с выраженным субъектом действия занимают значительно большее место, чем среди конструкций с предикативной основой, включающей в себя и именной компонент: если среди последних предложения с выраженным субъектом действия составляют, как показывалось выше, примерно

[151] Если обобщить весь материал по безличным предложениям с формами на *-н*, *-т*, получим следующую картину: из 29 случаев употребления связки прош. времени 27 раз связка имеет форму *было* и 2 раза — форму *был*. (В личных конструкциях с формами на *-н*, *-т* доля предложений со связкой *был* больше — их 13 из 68).

$^1/_4$—$^1/_5$ часть всего материала, то среди первых доля этих предложений вырастает примерно до половины.

4. Предложения, где указан субъект действия, соотносительны с личными действительными конструкциями, ср.: *так судом присужоно — так суд присудил*; *дано мне от людей — люди мне дали*; *у Юрки в 5 часов встато — Юрка в 5 часов встал.*

Среди предложений без формы, называющей субъект действия, одну часть составляют такие, которые также соотносительны с личными предложениями, — сюда относятся те случаи, когда конкретный, определенный субъект подразумевается (был назван раньше или ясен из речевой ситуации), ср.: *в 95 лет всего повижено, всяко пожито* Гверестка Гдовск. Пск.; *ой, сколько плакано — ой, какое мне было тогда горе!* Колоколово; *может, раньше и пела, ну теперь забыто* Патрово Псковск. Пск.; *с молодых год везде жито* Подборовье Полновск. Пск.; *пять раз было рожено* Монастырек Сланцевск. Лен.; *в 15 лет начато пахать* Заполье Лужск. Лен.; *было понесенось, да мертвого родила* Корчагино Пудожск. Карел.; *с 12 лет поехано было по подводам* Фомино Заонежск. Карел.; *сыновья далеко: не бывано и не съездишь* Берег Ковжинск. Вол.; *на двух женах было женененось* Новая Деревня Кадуйск. Вол.; *в девках-то за реку-то побегано* Никифорово Вельск. Арх.; *то преж было ловлено, теперь уж отловился* там же; *поучено за мой век было* (о детях) Кленовица Халтуринск. Кир. — во всех этих случаях говорящий имеет в виду себя.

Другую часть предложений с невыраженным субъектом действия составляют такие, где действие не приписывается какому-либо определенному лицу (лицам) — эти предложения либо не имеют соотносительных пар — предложений с verbum finitum (*испокон век, матушка, заведено* Буторинская Вельск. Арх.; *плясать не принято* Липовица Биряковск. Вол.; *а в комнатах, как в тюрьмы, оборвано* Нехино Батецк. Новг.), либо соотносительны с неопределенно-личными предложениями (*мужикам было запрещено днем на селе появляться* Плещевка Дедовичск. Пск.; *по спискам проведено* Чернышевка Дурасовск. Сар.). Приведем иллюстрации: *нехорошо — посолено сильно* Луневщина Гдовск. Пск.; *там больше быто* (об исхоженном малиннике) Замежничье; *тут и хожено и лежено и вся трава потоптана* Носовка Полновск. Пск.; *все равно передано про тебя* Могутово Молоковск. Калин.; *мука разрешен продавать* Ермолино Фировск. Калин.; *а нам говорят: там заминировано* Перегино Поддорск. Новг.; *у них уж было отслужено, а в военно время потребовано было* Котовицы Новгородск. Новг.; *три года на торфу было заставлено работать* Жеребут Лужск. Лен.; *посмотрели по полю — всюду хожено — большие и маленькие следы* Бутковичи Лужск. Лен.; *как велено уж* Шамокша; *везде позвонено* Типиницы; *на ей не езжено* Абрамовская Велико-Устюжск. Вол.; *за баней ступано* Холы Ковжинск. Вол.; *заложенось изнутра* Никишинская Няндомск. Арх.; *цыпушки*

живут там — там не убирано Ярыги Черевковск. Арх.; *вымыто в избе* Монастырская Пашня Красноборск. Арх.; *где окошоно — в кучу* Туровская Вельск. Арх.; *белок не разрешено бить* Пещера Омутнинск. Кир.; *в лесу затынено* Шабалята Белохолуницк. Кир.; *в дому не убрато* Дудино Кадыйск. Костр.; *в избе-ти засмолено* Петрилово Ильинск. Ив.; *там уряжоно* (т. е. убрано) *страсть хорошо* Веригино Константиновск. Моск.; *там собрато — идите* Печерники Михайловск. Ряз.; *ему* (священнику) *разрешено служить* Вяжли Пичаевск. Тамб.; *в люльке постелено* М. Сомовец Избердеевск. Тамб.; *тут много езжено* Ивановское Тумановск. Смол.; *тут колесами езжено* Верхличи Красногорск. Брян. [152].

5. Парадигма предложений с одним организующим центром включает в себя три временны́е формы (для наст. времени два варианта — со связкой *есть* и без нее) и формы ирреальных наклонений (условного, сослагательного, желательного, повелительного). Приведем материал, опустив, однако, предложения в форме наст. времени без связки и в форме прош. времени.

Предложения со значением реальности: *в грядки е посажено* Верховье Лядск. Пск.; *у ей там есть посеян* Ямок; *у меня ей есть сказано* Жилино Осьминск. Лен.; *вот до чего дожито есте* Давыдовская Винницк. Лен.; *всяко работано е* Щелейки; *у тебя не привыкнуто есть* Малахово Бабаевск. Вол.; *вверху есть написано* Бортино Подосиновск. Кир.; *не утратно* (т. е. не утрачено) *будет* Чеканово Кашинск. Калин.; *больше тебе не будет дано* Дымовья Любытинск. Новг.; *не будет у тебя едено*! Высогорье

[152] Как известно из истории литературного языка, безличные предложения с главным членом — страдательным причастием, образованным и от переходных, и от непереходных глаголов, еще в конце XVIII — начале XIX в. широко использовались для выражения состояния, вызванного действием конкретного лица. На протяжении XIX в. идет процесс вытеснения этих предложений личными конструкциями, и для современного языка эти предложения нехарактерны. В течение этого же времени снизилась употребительность предложений, соотносительных с неопределенно-личными конструкциями действительного залога, хотя полностью они не утратились и в наше время. Что же касается предложений, не имеющих соотносительных пар в действительном залоге, то они на протяжении XIX в. становятся все более употребительными и широко используются в настоящее время.— См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 292—304.

Н. Н. Арват, исследовавший употребление безличных предложений с главным членом — причастием страдательного залога прош. времени в современном литературном языке, считает, что безличный пассивный оборот «в подавляющем большинстве случаев связан с выражением обстоятельственных отношений (*в комнате убрано, в коридоре накурено, отпечатано в типографии, выполнено аккуратно* и тому подобное)», см.: Н. Н. Арват. К вопросу о сравнительной характеристике безличных предложений с кратким страдательным причастием в русском и украинском языках. «Питання історії і діалектології східнослов'янських мов. «Наук.зап. Чернівецького держ. ун-ту», т. 42. Серія філол. наук, 1961, вип. II, стр. 156.

Окуловск. Новг.; *не будет делано* Засобье Осьминск. Лен.; *не будет куплено* там же.

Предложения со значением ирреальности: *а коли не выворожен бы, дак...* (если бы над ребенком не ворожили, он вырос бы уродом) Замежничье; *если бы знато* Гремячий Колодезь Свободинск. Кур.; *было бы как расписанось* Малеево Вашкинск. Вол.; *а было б сказано* Кануновщина Гдовск. Пск.; *сейчас кончен бы было* Бахново Дедовичск. Пск.; *было бы надавано* Мельница Пушкиногорск. Пск.; *было бы вам предупреждено* Верендаль Ашевск. Пск.; *по бороздам-те бы не проехано* Марлыково Кадуйск. Вол.; *было бы одетось* Марнаволок Пудожск. Карел.; *только было бы напечено да наворено да* Веретья Бабушкинск. Вол.; *чтоб прийдено у его было* Вязовка Хвойнинск. Новг.; *чтоб не было взято* Леготково Киришск. Лен.; *поезжай — чтоб ехано, ехано — и всё* Слободка Харовск. Вол.; *чтобы было на три раза гонянось* (чтобы коров три раза гоняли в поле) Малахово Бабаевск. Вол.; *чтобы у тебя было спито, съедено* Новиково Сольвычегодск. Арх.; *во двор чтоб не хожено* Новошино Красноборск. Арх.; *штоб было достато, а нет — так тогда...* [153]

* * *

Рассмотрению частных особенностей каждой из выделенных выше групп конструкций должно быть предпослано одно существенное замечание. Группируя конструкции в зависимости от грамматической принадлежности выступающих в них причастных форм, мы вынуждены были — за недостатком соответствующего диалектного материала — исходить прежде всего из того распределения глаголов на переходные — непереходные, возвратные — невозвратные, которое имеет место в литературном языке. Поскольку распределение глаголов на данные группы дифференцируется по говорам и в некоторых из них оказывается существенно отличным от литературного языка (что́ уже не раз отмечалось исследователями) [154], мы никак не можем считать предлагаемую ниже классификацию материала бесспорной.

[153] «Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 38.

[154] См., в частности: М. А. Колосов. Материал для характеристики северновеликорусского наречия. «Варшавские университетские известия», 1874, № 5, стр. 5; С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 61 и след.; Л. И. Макарова. Указ. соч., стр. 169; М. А. Новгородов. Из наблюдений над фонетикой и морфологией говора старожильческого населения. Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Даугавпилсского гос. пед. ин-та», т. I. Даугавпилс, 1958, стр. 363.

Случаи употребления частицы *-ся* в глаголах, являющихся по нормам литературного языка невозвратными и, наоборот, случаи отсутствия частицы в формах глаголов, для литературного языка возвратных, отмечены как в материалах атласов, так и в наших личных записях. Вот некоторые из них:

Конструкции с причастными формами, образованными от переходных глаголов

1. Безличные предложения, организующим центром которых являются причастные формы, образованные от переходных, но выступающих без объекта глаголов, употребляются в различных русских говорах: *у меня не затоплен* Блиновка Торопецк. Вел.; *у мышей переедено* Тонище Фировск. Калин.; *у доктора было сказано* Дретено Старорусск. Новг.; *у меня стирано* Мхи Осьминск. Лен.; *так написано в письме* Пятино Ефимовск Лен.; *дружкам да приятелям оставлено* Сойда Андомск. Вол.; *трактором пахано* Угрюмово Петреневск. Вол.; *круг озер не огребено* Верхне-Спасский Погост Тарногск. Вол.; *как насеяно, так бог даст* Талица Рослятинск. Вол.; *вымыто в избе* Монастырская Пашня Красноборск. Арх.; *десять домов нет: уж истоплено* Малетино; *не убрато на столе-то* Ивановское Масловск. Яр.; *было попрядено* Ончуровская Шабалинск. Кир.; *меж лопаток проломлено* Выползово Черновск. Кир.; *никому не плачено* Коннино Собинск. Влад.; *тебе говорено было* Марковка Коверинск. Горьк.; *тут на один стакан только брато* Ивановка Николаевск. Ульян.; *в избе не метено* Владыкино Свердловск. Сар.; *сызроду кошено* Самотовино Константиновск. Моск.; *тут проехано, а там нет* Ясенок Ухоловск. Ряз.; *у них еще не пахано* Марицы Льговск. Кур. (см. также примеры выше). Хотя причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, образованные от переходных глаголов, отмечаются в рассматриваемых конструкциях повсеместно, было бы неверно думать, что с ними не связано диалектных различий.— Различия касаются как степени употребительности предложений с данными причастными формами, так и выражаемого ими значения.

При знакомстве с материалом прежде всего обращает на себя внимание различие количественное: основная часть нашего материала приходится на говоры западные среднерусские (за исключением части селигеро-торжковских) и севернорусские (за исключением костромских и южной части вологодских), т. е. на те же говоры, где употребительны конструкции с формами на *-но*, *-то* (*-н*, *-т*) и именем в форме им. — вин. падежей и где

я вот раз загадалась, дак видела батька-то во сне Никулино Капшинск. Лен.; *сосну да разбужусь* Задорье Устьянск. Арх.; *коты* (когда плавают) *лапками гребутся* Красный Бор; *пароход причалится* там же; *он бегался парнишком* Типиницы; *мама, отступись ты от них, не грешись* там же; *можно у нас заночеваться* там же; *а вы всё разъезжаетесь — не так, что на одном месте работаете?* Ямок; *вот всё и скорблюсь* (о детях) там же; *вы поспитеся* Счастливка; *две недели поработался* там же; *девку не дождать будет с хлебом-то* Устье Сольвычегодск. Арх.; *посоветуйте* (с нею) Б. Смердяч Кадуйск. Вол.; *заступил за парня* там же; *когда они приехали, и уж соскучали* Лопатино Хвойнинск. Новг.; *с детям(и) осталась, детей подымала, побирала, когда трудно было* Ровдино Подосиновск. Кир.; *до того я добегала, что...* Типиницы.

широко распространены конструкции с род. падежом имени. Можно заметить также, что из остальных говоров рассматриваемые конструкции характерны в несколько большей степени для костромских и вологодских, т. е. севернорусских. Приведем цифры. Количество примеров данных конструкций в имеющихся у нас материалах по южнорусским говорам — 31, восточным среднерусским — 21, костромским и вологодским за пределами изоглоссы, показанной на карте 1, — 58, в материалах же по остальным севернорусским и западным среднерусским говорам свыше 1000 примеров, причем значительное большинство их относится к территории среднерусских говоров и западной части севернорусских (ср. распространение конструкций типа *дом поставлено, земли принесено*) [155].

Частое употребление рассматриваемых конструкций в части средне- и севернорусских говоров в значительной степени связано с более широким, чем в других говорах, кругом значений, передаваемых при их помощи: только для этих говоров характерно употребление безличных конструкций с причастными формами для выражения значения состояния, вызванного действием определенного лица; субъект действия, как правило, выражается сочетанием предлога *у* с именем в род. падеже (см. примеры выше) [156].

2. Круг словоформ, выступающих в рассматриваемых конструкциях, характеризуется теми же основными особенностями, которые были указаны выше применительно к конструкциям, где причастные формы от переходных глаголов выступают в сочетании с именным компонентом предикативной основы. Приведем соответствующий материал.

Прежде всего бросается в глаза широкое использование в говорах словоформ, образованных от глаголов несовершенного вида. Вот их перечень: *баяно, бороновано, боронено, брано, валено, варено, ведено, видано, видено, вожено, ворочено, вышúвано, говорено, дáвано* и *давáно, дёвано, делано, держано, думано, едено, жато,*

[155] Относительно данных цифр необходимо сделать оговорку: при неполноте контекста, которая нередка в материалах атласов, предложения, предикативная основа которых состоит только из причастной формы, не всегда можно отличить от таких двукомпонентных конструкций с формами на *-но, то* (*-н, -т*), где имя в им.— вин. или род. падеже опущено по условиям диалогической речи (ср.: *вода есть? — у меня принесена* или *принесено*). Но картину распространения рассматриваемых конструкций по говорам данная поправка, конечно, не меняет.

[156] В силу приведенных фактов мы не можем согласиться с В. И. Трубинским, относящим безличные конструкции с причастными формами от переходных глаголов (совершенного вида) к числу территориально не варьирующихся элементов русского языка, см.: В. И. Трубинский. Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 366. Гуманит. науки. Петрозаводск, 1969. стр. 123—124.

знато, играно, караулено, кашивано, кладено, кошено, крашено, купано, лито, ловлено, метено, мётано, мечено, молочено, мывано, мыто, назы́вано, ношено, пахано, пёхано, печатано, печено, пеяно, пилено, писано, писывано, пито, плачено, плясано, пережи́вано, пода́вано, подметано, поку́пано, поли́вано, полото, посы́лано, приобретано, пробовано, проверя́но, прошено, рублено, сажено (сожено), сдава́но, сеяно, слухано, слышано, слыхивано, смотрено, сни́мано, спрашивано, стирано, стреляно, строено, сыпано, ткано, толчено, топлено, трелевано, убирано, хватано, царапано, шито.

Среди данных словоформ имеются такие, которые образованы от бесприставочных глаголов несв. вида, соотносительных с бесприставочными же формами вида совершенного (*давано, девано, пехано*), а также словоформы, образованные от приставочных глаголов несв. вида (*вышивано, называно, переживано, подавано* и т. п.).

Приведем некоторые иллюстрации: *всяко называно* Мошки Гдовск. Пск.; *в нашей деревне у многих шито* Подоспа Гдовск. Пск.; *и говорено и прошено сколько раз, а всё попустому* Заборовка Лядск. Пск.; *у меня не убирано* Марьинско Лядск. Пск.; *поросенку не давано* Песчанка Пустошкинск. Вел.; *у нас там будто не сеяно* Нагаткино Старорусск. Новг.; *в кружок плясано* Жердянка Сланцевск. Лен.; *сдавано побирухам* Переволок Сланцевск. Лен.; *вчера поливано* Хмелевик Пашск. Лен.; *у меня сегодня не печено* Глубокое Пудожск. Карел; *у нас не мывано* Замошье Андомск. Вол.; *сколько раз тут у них проверяно* Ивачево Вытегорск. Вол.; *недавно сыпано дустом* Речица Бабаевск. Вол.; *у меня вышивано* Б. Смердяч Кадуйск. Вол.; *немного смотрено* Белое Вологодск. Вол.; *со мной посылано* Вадьезерская Няндомск. Арх.; *было на веку-то кашивано* Сырчины Поломск. Кир.; *если бы знато* Гремячий Колодезь Свободинск. Кур.; *у них еще не пахано* Марицы Льговск. Кур.

В говорах, характеризующихся наиболее частым употреблением рассматриваемых конструкций, — западных среднерусских и севернорусских — отмечены некоторые такие словоформы от глаголов св. вида, которые в литературном языке не образуются, ср.: *было тут попрошено у одной* Подоспа Гдовск. Пск.; *разве не увидено?* Орда Овинищенск. Калин.; *было жердиной ударено по ноге* Семеновщина Лычковск. Новг.; *а вот не спрошено у хозяйки* Плотично Подпорожск. Лен.; *у кого наполоскано?* Нос Ефимовск. Лен.; *у Таси навышивано* Лазаре́вичи Тихвинск. Лен.; *насобирано было у его в огороде* Струнино Тихвинск. Лен.; *у меня достано* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *у них* (трактористов) *переехано прямо через реку* Горка Мгинск. Лен.; *поведено с жалобами ко мне* Ольково Андомск. Вол.; *так ей выговорено покосу-то дать* Балмасово Бабаевск. Вол.; *у них проспано* Середняя Бабаевск. Вол.

Конструкции с причастными формами, образованными от непереходных глаголов без частицы *-ся*

1. Образование причастных форм от непереходных глаголов в современном литературном языке очень ограничено — употребительными являются лишь отдельные словоформы (*велено*, *хожено*, *пожито*, *поплакано* и т. п.). В говорах же — главным образом западных среднерусских и севернорусских — причастные формы с суффиксом *-н-*, *-т-* возможны от значительного числа непереходных невозвратных глаголов [157]. Так, в наших материалах количество соответствующих словоформ — 131. Приведем список их в алфавитном порядке, указывая число зафиксированных случаев употребления (цифры не ставятся только при словоформах, отмеченных один раз): *бегано* 7, *бежоно* 2, *болено*, *брожено*, *бывано* 53, *бывывано*, *быдено* (*дома-то быдено*, *поедено*, *да опять уйдено* Большая Дора Уломск. Вол.), *быто* 15, *велено* 3, *вставано*, *встато* 3, *вступлено*, *вхожено*, *выехано* 2, *выйдено* 43, *выползено*, *выстрелено*, *выхожено* (глагол движения) 4, *гадано*, *голодовано*, *гуливано* 2, *гуляно* 4, *доезжено* (от гл. *доезжать*), *дожито* 3, *дойдено*, *дохожено*, *езжено* (*ездено*) 34, *езживано*, *ехано* 10, *живано* 8, *жито* 66, *заезжено* (от гл. *заезжать*), *зайдено* 2, *залезено*, *запоздано*, *започивано*, *идено* 9, *каплено* 2, *лазано*, *лежено* 3, *ляжено* 6, *набезображено*, *наврежоно*, *навыкнуто*, *наглодано*, *наехано* 2, *наздыхано* (*у меня наздыхано* Анхимово Вытегорск. Вол.), *напакощено* 8, *напрокажено*, *наступлено*, *нахожено* (глагол движения) 3, *ночевано* 2, *обедано*, *окомежено*, *опоздано*, *отбыто* (глагол движения), *отвыкнуто* 4, *отдохнуто* 3, *отжито*, *падено* 3, *плакано* 6, *побегано* 2, *поброжено*, *побывано* 3, *побыто* 6, *поверено*, *погоревано* 5, *погрешено*, *погуливано* 2, *погуляно* 10, *подвыпито*, *подойдено*, *подохнуто*, *подхожено* 2, *подъехано*, *поезжено* 10, *поехано* 4, *пожито* 38, *позавтракано*, *позвонено* 2, *пойдено* 9, *попадено*, *поплакано* 13, *поплотничано*, *поработано* 64, *порёвано* (*поревлено*) 3, *пороблено*, *посижено* 2, *посмочено* (*рождество пройдет, а у нас посмочено досыти* — т. е. повеселились — М. Уторгош Уторгошск. Новг.), *поспано*, *пострадано*, *поступлено*, *потосковано*, *поубежено*,

[157] Эта особенность говоров частично является наследием предшествующих эпох в развитии языка. Как известно, более свободное образование данной группы причастий характеризует литературный язык еще XVIII — XIX вв. См., например: С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 322—323; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 292—293. См. также соответствующий материал в грамматиках XIX в., в частности в грамматике И. Давыдова («Опыт общесравнительной грамматики русского языка И. Давыдова». Изд. 2. СПб., 1853, стр. 106).

похожено 18, *привыкнуто* (*привыкнено*) 14, *придено* 19, *приехано* 15, *приткнено*, *путешествовано*, *рабатывано*, *работано* 40, *растояно*, *роблено*, *сбежано*, *сижено* (*сидено*) 8, *скакано*, *служено*, *соврано*, *сойдено*, *спано* (*спанено*) 8, *спорено*, *стоено* 5, *ступано*, *ступлено*, *схожено* 14, *съезжено*, *съехано* 4, *убегано*, *убежано* 6, *убредено* (*в полбока убредено у телушки за реку* Синики Черевковск. Арх.), *уедено* 2, *уезжено*, *уехано* 78, *уйдено* 63, *устато*, *ухаживано*, *ухожено* 2, *ушагано*, *хаживано*, *хожено* 117.

Приведенный список требует примечания. Известно, что некоторые глаголы при одном значении являются переходными, при другом — непереходными (*думать*, *выжить*, *насорить*, *натоптать*, *переехать*, *проехать*...). Глаголы этого типа в данный список не включались — иначе была бы утрачена в известной мере специфика этой группы причастных форм по сравнению с предыдущей: ведь все причастные формы, рассматривавшиеся выше как образования от переходных глаголов, в данных конструкциях (с одним организующим центром) выступают тоже в их непереходном употреблении (значении). Однако для одной группы глаголов сделано исключение — для очень употребительных именно в непереходном значении глаголов с корнем *раб*(*роб*) — *работать*, *поработать*...

Проиллюстрируем приведенный список некоторыми примерами: *как не отдохнуто, так и рук не сдынешь* Чертены Дновск. Пск.; *с сельсовету уж уехано у них* Загорье Порховск. Пск.; *наврежоно много у них* Слизениха Мошенск. Новг.; *я не могу ручаться, как у них гуляно* Ямок; *в то воскресенье было гадано* Монастырек Сланцевск. Лен.; *бывало, конечно, не на лошади туда езжено* Жердянка Сланцевск. Лен.; *у ней в Щелейки поехано* Красный Бор; *у них в сарае обедано* Новоселье Лужск. Лен.; *у меня ей позвонено* Лесково Лужск. Лен.; *посижено в девках* Кленно Кингисеппск. Лен.; *погоревано было в войну-то* Бурмакино Капшинск. Лен.; *а как замуж выйдено — в две косы* Ременик Вируск. Эст.; *ночь у меня не спано, устато* Глубокое Пудожск. Карел.; *как в колхоз поступлено, всё в колхозе* Песчаное Пудожск. Карел.; *быстренько ушагано* Замошье Андомск. Вол.; *у них встато уж* Сорка Бабаевск. Вол.; *до того дожито, дак из ума выжито* Новая Деревня Кадуйск. Вол.; *в баню у кого-то ихно* Малое Борисово Борисово-Судск. Вол.; *к этой корове ни разу не подхожено у медведя* там же; *ночевано во дворе у коней-то* Сойда Андомск. Вол.; *через замки попали — попадено-то* (о ворах) Матинка Череповецк. Вол.; *пострадано за жизнь* Малеево Вашкинск. Вол.; *в городе всё привыкнуто на «а»* Малахово Бабаевск. Вол.; *у него залезено на елку* Усть-Нименьга Няндомск. Арх.; *у ее в окно выползено* Тарасовская Черевковск. Арх.; *всё было поревлено — поревела* Малетино; *пожито было, погрешено, людей посмешено* Коровкино Сунск. Кир.; *у меня давно там не бывывано* Колышево Большесельск. Яр.; *нигде не бывано* Митино Судогодск. Влад.; *уж было*

поплакано Чернореченские Дворики Дзержинск. Горьк.; *у нас позавтракано* Ивановка Николаевск. Ульян.; *где только ни хожено было* Береговые Сыреси Ичалковск. Морд.; *здесь идено* Б. Фоменки Батуринск. Смол.; *нынче рано растаяно* Рождествено Перемышльск. Калуж.; *на колесах ехато* Увелье Красногорск. Брян.; *на базар поехано* Чухраи Суземск. Брян.

Из списка словоформ и приведенных примеров видно, что в говорах употребительны причастия от непереходных невозвратных глаголов как св., так и несв. вида. Словоформы несв. вида составляют здесь $^1/_3$ от общего числа, а доля соответствующих примеров еще больше — она приближается к половине. Рассматривая выше конструкции со словоформами от переходных глаголов несв. вида, мы отмечали тот факт, что очень часто вызвавший состояние процесс мыслится при этом как фактически завершенный. Среди предложений с причастиями от непереходных глаголов такие случаи (ср.: *у меня в хозяйство вхожено* Палкино Ашевск. Пск.; *хватит, погуливано* Микшата Поломск. Кир.) единичны. Основную массу здесь составляют предложения, где при помощи причастного образования называется состояние, явившееся результатом действия, либо длительного, либо повторяющегося, ср.: *всяко пожито, всяко работано* Кануновщина Гдовск. Пск.; *сколько у меня было плакано, как сын потерялся* Борки Плюсск. Пск.; *сколько раз у меня езжено* Старицы Порховск. Пск.; *у меня везде быто* Порог Дрегельск. Новг.; *было сижено и гуляно часов до четырех* Нижнее Станино Дрегельск. Новг.; *и на Васильевском острове и на Петроградской стороны бывано* Жилино Осьминск. Лен.; *в Нарву заезжено каждую неделю* Жердянка Сланцевск. Лен.; *в бедности жито у меня* Княщина Волховск. Лен.; *у ней-то век езжено туда дак* Бурмакино Капшинск. Лен.; *у нас язык — в деревне жито — дак чего уж* Красный Бор; *работать-то хватит — работано* Шамокша; *бывало на мызах-то работано, дак пеяно* Новая Деревня Вируск. Эст.; *спано везде* Верховье Оштинск. Вол.; *наверно, стоено у доченьки — пришла перед зарей* Матинка Череповецк. Вол.; *порато много бывано в лесе-то* Пежма Вельск. Арх.; *за ими ухаживано* Баташи Слободск. Кир.; *езживано к фершалу* Волосницы Кайск. Кир.; *крепко голодовано* Малая Шиловщина Макарьевск. Кир.; *сколько раз туда бегано* Каменка Долгоруковск. Лип.; *тут много езжено* Ивановское Тумановск. Смол.

Итак, мы показали, что отличительной особенностью рассматриваемой группы причастных конструкций является широкое употребление в их составе форм от глаголов несв. вида. Данный факт, примечательный сам по себе, становится еще более значимым, если учесть, что среди причастных образований св. вида заметное место занимают здесь словоформы от таких глаголов, которые, подобно глаголам несв. вида, называют процесс, характеризующийся протяженностью во времени, — глаголов с пре-

фиксом *по-* типа *поработано, пожито, поплакано*[158]. Из приведенного выше списка в эту группу мы включаем следующие 19: *побегано, поброжено, побывано, побыто, погоревано, погрешено, погуляно, поезжено, пожито, поплакано, поплотничано, поработано, поревано, пороблено, посижено, поспано, пострадано, потосковано, похожено.* Примеров с данными словоформами в наших материалах — 181. Вот некоторые иллюстрации: *в волюшку погуляно* Патрово Псковск. Пск.; *поработано у ей досыти* Палиха Осташковск. Калин.; *везде побывано* Пеньково Максатихинск. Калин.; *хоть мы неграмотные были, но пожито* Карцево Великолукск. Вел.; *за свой век где ни побыто* Иногоща Окуловск. Новг.; *всё поброжено было на краю по кустам* Тарасино Залучск. Новг.; *в жизни поплотничано* Посад Мстинск. Новг.; *много похожен по свету* Остров Уторгошск. Новг.; *вот поплакано при немцах* Задорожки Сланцевск. Лен.; *посижено в девках* Кленно Кингисеппск. Лен.; *погоревано было* Струнино Тихвинск. Лен.; *а с ребятами — ох, сколь было посижено* Типиницы; *поезжено много у них* Новая Деревня Вируск. Эст.; *было похожено, поплясано, поезжено по свадьбам* Коровкино Сунск. Кир.; *пожито было, погрешено, людей посмешено* там же; *в лесу побыто* Ворон Кадуйск. Вол; *у меня много было поревлено* Юхнево Ровдинск. Арх.; *поревано было из-за своего дому* Вязовка Тонкинск. Горьк.; *с молодых ден пожито хорошо* Никольское Белгородск. Белг.; *в батраках было поработано* Марицы Льговск. Кур.

Среди примеров конструкций рассматриваемой группы, имеющихся в наших материалах, предложения с причастными формами, образованными от таких глаголов, которые называют процесс, растянутый во времени (глаголов несв. вида и св. вида с префиксом *по-*), составляют значительную часть —≈63,7% (616 из 970). К этому факту мы вернемся в дальнейшем — когда будем сопо-

[158] На специфику значения глаголов типа *поработать, пожить*, на внутреннюю противоречивость этого значения обратил внимание А. М. Пешковский. Он пишет: «Указанному здесь общему значению совершенного вида могут противоречить те частные видовые значения, которые заключены иногда, как мы выше видели, в приставках. Наиболее резкий случай этого рода — это приставка *по-* в таких глаголах, как *поговорить, пописать, полежать, позаняться, посплетничать, побегать, пошуметь* и т. д. Она обозначает, что процесс занимает лишь небольшой отрезок времени: поговорить это значит «недолго говорить», полежать — «недолго лежать» и т. д. (ассоциативно сюда присоединяется еще иногда и оттенок слабости самого процесса, так что, напр., *побегал, покричал* как-то не подходят к стремительному бегу и пронзительному крику, но это, по-видимому, вторичная ассоциативная связь, обусловленная самим значением краткости процесса). Таким образом, здесь приставка ясно указывает на определенный отрезок времени, на определенную (хотя и недолгую) протяженность процесса, а форма совершенного вида (т. е. в данном случае самый факт присоединения к данной основе приставки независимо от того, какова она) указывает на непротяженность процесса» (см.: А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 111).

ставлять конструкции с формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, и конструкции с формами на *-ши*.

2. Использование причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* от непереходных невозвратных глаголов в качестве организующего предложение центра имеет место в разных русских говорах (см. приведенные выше примеры), однако степень употребительности соответствующих конструкций по говорам очень различна. Из имеющихся в наших материалах 970 предложений на территорию южнорусских и восточных среднерусских говоров приходится всего 33. Примечателен состав отмеченных здесь словоформ. Всего их 16: *бегано*, *езжено*, *ехано*, *жито*, *идено*, *гуливано*, *бывано*, *работано*, *хожено*, *пожито*, *поплакано*, *поработано*, *наехано*, *позавтракано*, *поехано*, *растяяно*. Очевидно, что основное место здесь занимают словоформы, называющие такое состояние, которое характеризуется протяженностью во времени. Количество примеров с этими словоформами (первые 12) — 29 (из 33).

Основная масса нашего материала — 937 предложений — относится к говорам западным среднерусским и севернорусским. Однако и в пределах территории этих говоров частота встречаемости рассматриваемых конструкций оказывается неодинаковой. Неодинаков и лексико-грамматический состав используемых в этих конструкциях причастных форм. Покажем это при помощи таблицы (см. табл. 8).

На табл. 8 схематично представлена разбитая на географические квадраты территория западных среднерусских и севернорусских говоров — последняя в тех пределах, где к настоящему времени проведено регулярное обследование. Для каждого квадрата дается две цифры. Первая (стоящая вне скобок) показывает все количество примеров с формами типа *хожено*, *поплакано*, *уйдено*, *растяяно*, встретившихся в материалах по тем обследованным населенным пунктам, которые расположены в соответствующем квадрате. (Количество населенных пунктов для каждого квадрата см. выше в табл. 2). Цифра в скобках определяет количество материала за вычетом примеров, включающих в себя выделенные выше словоформы несв. и св. вида от глаголов со значением протянутого во времени процесса, а также две не входящие в их число общерусские словоформы — *напакощено* и *велено* (ср.: *здесь сильно напакощено*; *было велено прийти*). Все количество примеров, распределение которых представлено в табл. 8 (равное сумме цифр, стоящих вне скобок) — 751. (Заметим, что часть нашего материала по севернорусским говорам — 186 примеров — относится к территории севернее и восточнее границ регулярного обследования).

Первый вытекающий из табл. 8 вывод состоит в том, что рассматриваемые конструкции могут считаться в известной мере характерными для новгородских и псковских среднерусских говоров (с захватом небольшой части селигеро-торжковских) и для

Таблица 8

с. ш. \ в. д.	27°	28°	29°	30°	31°	32°	33°	34°	35°	36°	37°	38°	39°	40°	41°	42°	43°	44°	45°	46°	47°	48°
62°									2 (1)	12 (1)	30 (20)	34 (26)	2 (2)	3 (1)	10 (5)	7 (—)	12 (3)	5 (3)	4 (4)	14 (2)	—	5 (2)
61°							3 (—)	8 (—)	7 (1)	3 (1)	21 (11)	12 (5)	7 (1)	2 (1)	3 (1)	5 (—)	10 (4)	6 (1)	5 (4)	1 (—)	4 (1)	1 (—)
60°		6 (1)	17 (—)	4 (1)	—	7 (1)	20 (1)	8 (1)	21 (6)	19 (3)	92 (65)	27 (6)	10 (2)	3 (1)	1 (—)	2 (—)	—	3 (1)	2 (—)	1 (1)	2 (1)	1 (—)
59°		16 (—)	51 (3)	20 (4)	11 (3)	20 (1)	9 (3)	6 (1)	12 (2)	12 (2)	8 (1)	5 (2)	5 (2)	8 (1)	3 (1)	—	2 (—)	—	2 (—)	4 (—)	—	—
58°		—	8 (1)	20 (6)	7 (—)	1 (—)	3 (—)	3 (1)	1 (—)	2 (—)	—	1 (—)	3 (2)	1 (—)	—	3 (—)	—	—	—	4 (—)	1 (—)	—
57°			3 (—)	2 (—)	3 (—)	4 (1)	3 (—)															
56°																						

следующих групп и подгрупп северного наречия: ладого-тихвинской, онежской, лачской, белозерской и частично вологодской. Данные табл. 8 конкретизируют карту 2, где показано распространение конструкций, главным членом которых являются причастия с суффиксами *-н-*, *-т-* от непереходных глаголов. По сравнению с конструкциями, включающими в себя причастия от переходных глаголов с теми же суффиксами, данные конструкции распространены на более узкой территории (ср. соответствующие изоглоссы на картах 1 и 2).

Из табл. 8 видно далее, что во многих квадратах явление представлено весьма слабо — зафиксированные в наших материалах предложения единичны: 1, 2, 3 предложения на территорию с 20 и более обследованными населенными пунктами. В целом можно сказать, что наиболее слабо явление представлено в вологодских говорах, за исключением самой северной их части (напомним, что на этой территории количество обследованных населенных пунктов на каждый квадрат невелико — меньше десяти, только в квадрате 42—43° в. д. их 12). Наибольшее количество примеров зафиксировано в южной части новгородских говоров и в части севернорусских говоров — онежских, лачских и белозерских к востоку от Онежского оз. и на территории между Онежским оз. и Рыбинским водохранилищем. Все эти данные (а также и изложенные ниже) будет очень существенно вспомнить при сопоставлении между собой конструкций с формами типа *хожено*, *встато* и типа *ходивши*, *вставши* (см. соответствующий раздел).

Теперь обратимся ко второму показателю (цифры в скобках) — количеству предложений, включающих в себя словоформы св. вида, за исключением образований с *по-*. Из 343 примеров со словоформами типа *выйдено*, *привыкнуто*, *приехано*, *встато*, *убежено*, зафиксированных в наших материалах, в таблице представлено 229. Нетрудно заметить, что больше половины этих примеров (122) приходится на четыре квадрата (36—37° в. д., 61—62° с. ш.; 37—38° в. д., 61—62° с. ш.; 36—37° в. д., 60—61° с. ш.; 36—37° в. д., 59—60° с. ш.), относящиеся к территории онежских, лачских и белозерских говоров. Отметим также, что предложения типа *у всех было уйдено* нередки в северной части вологодских говоров. К сожалению, территория севернее 62-й параллели обследована по программе атласа лишь в небольшой своей части — в основном по побережью Онежского оз. На основании этих материалов можно сказать, что в северной части онежских и лачских говоров конструкции типа *у всех было уйдено*, *у меня уж привыкнуто* чрезвычайно распространены: они составляют здесь около 80% от общего числа конструкций, включающих в себя причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* от непереходных глаголов (110 предложений из 139). Забегая вперед, скажем, что именно для онежских, лачских и белозерских говоров в первую очередь характерны и конструкции с причастиями, образованными от

глаголов с частицей *-ся* (*отстряпанось*, *выученось*...). Что касается всех остальных говоров, в том числе и таких, где количество отмеченных примеров с причастными формами от непереходных глаголов сравнительно велико (см., в частности, данные по южной части новгородских говоров), то здесь предложения типа *у всех было уйдено* редки [159].

Конструкции с причастными формами, образованными от непереходных глаголов с частицей *-ся*

1. Причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* от возвратных глаголов в настоящее время употребительны только в говорах, причем на ограниченной территории [160]. Как уже отмечалось, они характерны для онежских, лачских и белозерских говоров северного наречия (см. карту 2). Предложения с формами типа *теленось*, *записанось* отмечаются также в северной части вологодских говоров, а в качестве отдельных примеров — в говорах новгородских, псковских и ладого-тихвинских [161].

Приведем иллюстрации из материалов, относящихся ко всем упомянутым говорам: *было наработанось* Чертены Дновск. Пск.; *у него 10 раз разженено́сь и женено́сь* Соловьево Волотовск. Новг.; *если на второй жене женится, то говорят, что у него было женено́сь* Бор Валдайск. Новг.; *у них валянось на снегу* Заборожки Сланцевск. Лен.; *у его сына было женено́сь* Усть-Рыбежна Пашск. Лен.; *у меня совсем не ученось — тогда ведь не учили* Пашозеро Капшинск. Лен.; *да, помучанось было* Валюшка Тихвинск. Лен.; *у меня, можно сказать, не ученось нисколько* Бурмакино Капшинск. Лен.; *много поволоченось* Нижняя Прионежск. Карел.; *так уж теленось было у ей до нового года, в ноябре* Корчагино Пудожск. Карел.; *боянось всех: не смеешь ни поесть, ни попить* Песчаное Пудожск. Карел.; *показывает, как у него моленось, как кланянось* Лахта Пудожск. Карел.; *там у хозяйки отстряпанось*? Типиницы; *наплаканось у Нюры* там же; *записанось ли у их, нет ли — может, и не записанось* там же; *у меня не одетось* Князево Вытегорск. Вол.; *со старухой обрученось* Верховье Оштинск. Вол.;

[159] Как уже указывалось выше, в материалах по южнорусским и восточным среднерусским говорам нам встретилось четыре предложения со словоформами св. вида без префикса *по-*.

[160] Данные формы были возможны в литературном языке еще XVIII в.— эпизодически отмечаются в памятниках определенных жанров (мемуары, письма).— См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 291—292.

[161] Указание Л. И. Макаровой о том, что причастные формы типа *теленось*, *записанось* отмечены только в говорах Вологодской обл., является ошибочным. См.: Л. И. Макарова. Указ. соч., стр. 169.

у них в исполкоме отмеченось Рогмуй Шольск. Вол.; *топором замахнутось* Балмасово Бабаевск. Вол.; *на реке не купанось* Клавдино Бабаевск. Вол.; *ни с кем не руганось* Новая Деревня Кадуйск. Вол.; — *смотри, машина идет, а сзади это сидят,— угу, взади прилепленося* Александровская Бабаевск. Вол.; *чай можно целый день пить, только уж напитось* Матинка Череповецк. Вол.; *с тем-то братом не разделенось было* Окатовская Тарногск. Вол.; *на свадьбу-то у него налаженось* Илатовская Велико-Устюжск. Вол.; *у меня выспанось-то теперь* Никитинская Няндомск. Арх.; *у ей на столе с тетрадками раскладенось* Нечаевское Коношск. Арх.; *у меня было побеспокоенось* Юхнево Ровдинск. Арх.; *дак с ей не записанось* Новошино Красноборск. Арх.

2. Предложений, в которых выступают причастные формы с частицей *-ся*, всего в наших материалах 246. Количество отмеченных словоформ здесь — 121; назовем их, указывая число соответствующих примеров: *боянось*, *бытось* (*бытось кошено, да вся мокрешенька* Типиницы), *валянось* 2, *вернутось*, *взятось* 2, *вписанось* (*вписаться* ‘записаться’, ‘зарегистрироваться’) 2, *взглянутось*, *выкупанось*, *выписанось*, *вырванось*, *выспанось*, *гонянось*, *договоренось* 4, *дообряженось*, *дотроненось*, *женененось* 22, *забранось*, *закрытось* 2, *заложенось*, *замазанось*, *замаранось*, *замахнутось*, *запачканось*, *запертось* 4, *запеханось*, *записанось* 13, *затворенось*, *зачатося*, *изломанось*, *изорванось*, *интересованось*, *испуганось*, *катанось*, *кланянось*, *купанось*, *ляженось* (*или у него спать ляженось?* Малахово Бабаевск. Вол.), *моленось*, *мытось*, *набранось*, *наваленось*, *нагулянось*, *надетось* (*у вас много надетось* Георгиевское Бабаевск. Вол.), *наеденось*, *наклоненось*, *накрученось*, *налаженось*, *наморщенось*, *напитось* 2, *наплаканось*, *наработанось* 3, *насниманось* 3, *настроенось*, *наученось* 3, *обвенчанось*, *обозленось*, *обойденося* (*обойденося у овцы, да не принесла еще* Малахово Бабаевск. Вол.), *оборванось*, *обрученось*, *обряженось*, *обутось* 3, *одетось* 4, *опоясанось*, *отмеченось*, *отстряпанось*, *отчитанось*, *оформленось*, *перемаранось*, *переодетось* 2, *побеспокоенось*, *повоженось* 2, *поволоченось*, *поделенось* 2, *подписанось* 3, *подписыванось*, *подпоясанось*, *пожененось*, *познакомленось*, *поканителенось*, *положенось*, *помоленось* 2, *помучанось*, *понесенось* (*было понесенось, да мертвого родила* Корчагино Пудожск. Карел.), *поразъеханось* 2, *порасстраиванось*, *постланося*, *построенось* 2, *поторопленось*, *потружонось*, *поученось* 2, *приготовленось*, *прилепленося*, *прописанось*, *простуженось* 2, *разведенось*, *разделенось*, *разженененось* (см. предложение выше), *разойденось* 6, *разутось*, *разъеханось* 2, *раскладенось*, *расписанось* 13, *расстроенось*, *рассчитанось* 2, *растянутось*, *руганось*, *сговоренось*, *сниманось* 3, *снятось* 22, *собраненось* (*да уж бригадирам(и) собраненось* Низ Оштинск. Вол.), *собранось*, *сосватанось* 2, *списанось* 6, *справленось* 2, *сфотографированось*, *теленось* 5, *убранось*, *уговоренось*, *умаранось* 2, *умыватось*, *ученось* 7, *фотографированось*.

Как видно из приведенного материала, в отдельных случаях с частицей *-ся* употребляются такие причастные образования, которые связаны, по всей вероятности, с глаголами невозвратными (ср.: *бытось*, *ляженось*, *надетось*, *понесенось*). Соответствующие предложения зафиксированы на территории наиболее широкого распространения причастных форм от возвратных глаголов — в говорах онежских и вологодских. Имеется в наших материалах около двух десятков предложений и другого рода — включающих в свой состав такие причастные словоформы без частицы *-ся*, которые скорее должны быть соотнесены с глаголами возвратными, ср.: *у нас с ней договаривано* Марьинско Лядск. Пск.; *ничем не побрезгуют: как это забрато ночью в огород?* (о ворах) Ямно Чудовск. Новг.; *это у него у живого снято* Типиницы; *у меня много было погоревано, побеспокоено* Юхнево Ровдинск. Арх. (и здесь же: *у меня было побеспокоенось*); *весь день, всё время ругано* (в сельсовете весь день ругались) Ягодинская Кинешемск. Ив.; *ночи не спала, поила, кормила — вожено было много* Чернопенье Шестаковск. Кир. Предложения, подобные приведенным, зафиксированы на территории разных севернорусских и западных среднерусских говоров.

В значительном большинстве случаев причастные формы, связанные с возвратными глаголами, являются образованиями св. вида. Предложений типа *у ее вёзде бывано, везде катанось* (Костино Белозерск. Вол.), *интересованось всем* (Малые Краснова Белозерск. Вол.), *дома ученось было два класса* (Берег Ковжинск. Вол.) в нашем материале не набирается и двух десятков.

3. Для конструкций, где в качестве организующего центра выступают причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* от возвратных глаголов, характерна соотносительность с личными конструкциями, причем, за единичными исключениями,— с предложениями, где субъект действия — определенное конкретное лицо (см. примеры выше). Неудивительно поэтому, что среди этих конструкций много таких, где употребляется предложно-падежное сочетание, называющее субъект действия (168 из 246).

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ НА *-ши*

1. Предикативное употребление причастных форм на *-ши* — явление, характерное для говоров западной части РСФСР. На карте 3 проведена изоглосса, очерчивающая территорию, в пределах которой конструкции типа *а дедка нет — ушотчи* (Колоколово), *которые были ушотчи в Щепцы, тые погибши, а ны спаслися* (Подоспа Гдовск. Пск.) отмечены почти во всех обследованных населенных пунктах. Эта территория представляет собой широкую полосу, включающую говоры среднерусские — за-

падные их группы, севернорусские — ладого-тихвинские, часть онежских и белозерских и очень небольшой участок на территории вологодских и костромских, а также южнорусские — западные группы.

Распространенность рассматриваемых конструкций в пределах показанной на карте территории далеко не одинакова. Используя то обстоятельство, что материалы атласов по данному явлению достаточно обильны, мы подвергли эти материалы статистической обработке и составили карту-схему, показывающую, ка́к меняется по говорам степень употребительности конструкций с предикативными формами на *-ши* (см. карту-схему 1).

Густотой цвета на данной карте-схеме показывается среднее количество примеров типа *он ушотчи*, *он был ушотчи*, приходящееся на один обследованный населенный пункт в пределах данного географического квадрата (напомним, что географическим квадратом мы называем участок карты, заключенный между двумя меридианами, проведенными через один градус, и двумя параллелями, проведенными с той же частотой). Следовательно, единицей, для которой определяется числовой показатель, является на данной карте-схеме (а также и на картах-схемах 2 и 3) не каждый населенный пункт в отдельности, а совокупность территориально близких населенных пунктов. Тем самым принимается допущение, что говоры на территории одного квадрата с точки зрения рассматриваемого явления одинаковы. Мы считаем, что числовые показатели, выведенные как средняя величина на основе данных по 20—30 нас. п. (таково обычно количество обследованных населенных пунктов в одном квадрате), несмотря на очевидные недостатки этого способа, в целом характеризуют явление более объективно, чем показатели по отдельным населенным пунктам (поскольку эти последние очень колеблются в зависимости от частных особенностей в работе людей, собиравших соответствующие материалы). Свидетельством в пользу правомерности такого обобщенного подхода является, по-видимому, тот факт, что квадраты, характеризующиеся сходными показателями, обычно располагаются рядом [162].

Как видно по карте-схеме 1, интенсивность явления падает в направлении с северо-запада на юго-восток. Широкое употребление конструкций с предикативными формами на *-ши* имеет ме-

[162] Способ усреднения данных по населенным пунктам, относящимся к одному географическому квадрату, мы использовали при обработке материалов атласов и по другим явлениям (см.: И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. III. М., 1962; О н и ж е. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков», М., изд-во «Наука», 1964).

сто в среднерусских говорах, в севернорусских ладого-тихвинских и западной части онежских, а также в небольшой, самой северной части западных южнорусских говоров. Заметим при этом, что усредненное количество примеров, приходящихся на один населенный пункт, оказывается наибольшим (свыше 15) в северо-западной части данной территории, а также на территории селигеро-торжковских говоров (о причине выделения этой последней группы см. ниже). Наиболее редко в пределах территории, очерченной изоглоссой, конструкции с предикативными формами на *-ши* фиксируются в говорах южнорусских и самой восточной части севернорусских — в материалах по каждому населенному пункту здесь дается обычно 1—3 предложения типа *он ушотчи, она была хорошо одевши.*

Приведем данные, характеризующие весь наш материал с количественной точки зрения. Все количество примеров, на основании которых составлена карта-схема 1,—15663 (в данном случае мы не включили в подсчеты материалы, специально собранные нами в ряде населенных пунктов на территории широкого употребления предикативных форм на *-ши*). Этот материал распределяется по выделенным на карте-схеме 1 пяти зонам следующим образом: I — 707 примеров (на 455 нас. п.); II — 1266 пр. (на 360 нас. п.); III — 500 пр. (на 63 нас. п.); IV — 4584 пр. (на 367 нас. п.); V — 8606 пр. (на 370 нас. п.). Следует, однако, помнить, что распределение территории на зоны — это в данном случае (а также на картах-схемах 2 и 3, см. ниже) лишь условная форма, при помощи которой мы стремимся показать тенденцию развития явления в пространстве. Как читатель, наверное, уже заметил, мы воспользовались здесь приемом, принятым на географических картах для показа изменения высоты местности.

Материалы, собранные для составления атласов, показали, что употребление предикативных причастных форм на *-ши* нельзя считать исключенным ни для какой группы русских говоров. Из 129 географических квадратов, приходящихся на некартографированную территорию, отдельные случаи употребления предикативных форм на *-ши* зафиксированы в 126. Всего в материалах по этой территории имеется 868 предложений с рассматриваемыми причастными образованиями (количество обследованных по сетке атласа населенных пунктов здесь — около 3000) [163]. На территорию севернорусских говоров из этого количества приходится менее половины — приблизительно 350. Во всех говорах примеры с предикативными формами на *-ши* чаще отмечаются в зоне, прилегающей к изоглоссе. Существенно отметить, что для южнорусских

[163] Напомним, что предложения, повторяющие приведенные в программе иллюстрации, в расчет не принимались. Следует, однако, указать, что этого рода материалы с территории за пределами изоглоссы довольно значительны по объему.

говоров проведение границы регулярного употребления предикативных форм на *-ши* в значительной степени условно: территория, очерченная изоглоссой, и территория, примыкающая к изоглоссе с востока, по степени употребительности предикативных форм на *-ши* резко между собой не различаются [164].

2. Причастные формы на *-ши* образуются как от непереходных, так и от переходных глаголов, и уже при первом знакомстве с материалом бросается в глаза разнообразие конструкций, в которых участвуют данные формы, ср.: *девочка в стадо вошотчи и к коровам лезет* Льзень Мстинск. Новг.; *наевши — вот и спит* (о коте) Кроксово; *она не стара, да места проездивши больше, чем я* Шамокша; *свекровь-то пригнавши овцы-ты* Костьково Тихвинск. Лен.; *всё некогда — люди все занёмши* Черная Волосовск. Лен.; *у меня там кипяток вскипятивши* Колоколово; *было надоевши в людях жить* Бор Лодейнопольск. Лен.; *в печи простывши* Хвилово Новоладожск. Лен.; *у моей-то дочки было приехавши* Замежничье; *у деда-то наудивши?* Язвиха Вышневолоцк. Калин.; *у него в сумку утенышей набивши* Драготин Полновск. Пск.; *у кого чего приготовивши* Альтаково Спировск. Калин. Как видно из приведенных примеров, предикативные формы на *-ши* отмечаются в конструкциях личных и безличных (как с одним организующим центром, так и с двумя); в конструкциях страдательных и нестрадательных.

Констатируя разнообразие типов конструкций, образующихся с помощью форм на *-ши*, мы должны одновременно указать на то обстоятельство, что распределение предложений по этим типам сопряжено со значительными трудностями, что́ было отмечено при первом же обращении к массовому материалу по рассматриваемым явлениям [165]. Трудность синтаксической квали-

[164] Случаи предикативного употребления форм типа *ушотчи*, *одевши* на территории к востоку от представленной на карте 3 изоглоссы зафиксированы и в диалектологических материалах конца XIX — начала XX в.— см., в частности: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 155—156; М. Калмыков. Материалы для изучения великорусских говоров, V. «Изв. ОРЯС», т. III, кн. 2. СПб., 1898, стр. 129 (материалы характеризуют говор станицы Кочетовской Первого Донского округа Донской губернии); М. Караулов. Говор палех Жиздринского уезда Калужской губернии.— РФВ, т. XLIII. Варшава, 1900, стр. 228; Н. Дурново. Южновеликорусские деепричастия на *мчи* и *мши*. Варшава, 1902, стр. 5, 6, 10, 11; Он же. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903, стр. 257.— Интересно, что В. И. Даль определил конструкции типа *он был ушетши, мы были приехавши* как такую грамматическую неправильность, которая имеется «в общем ходу по всей Руси», в том числе и в московском говоре, и на этом основании даже предлагал ввести указанные обороты в литературный язык (см.: В. И. Даль. О наречиях русского языка. «Толковый словарь живого великорусского языка», т. I, стр. XLIX).

[165] См.: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 38—39.

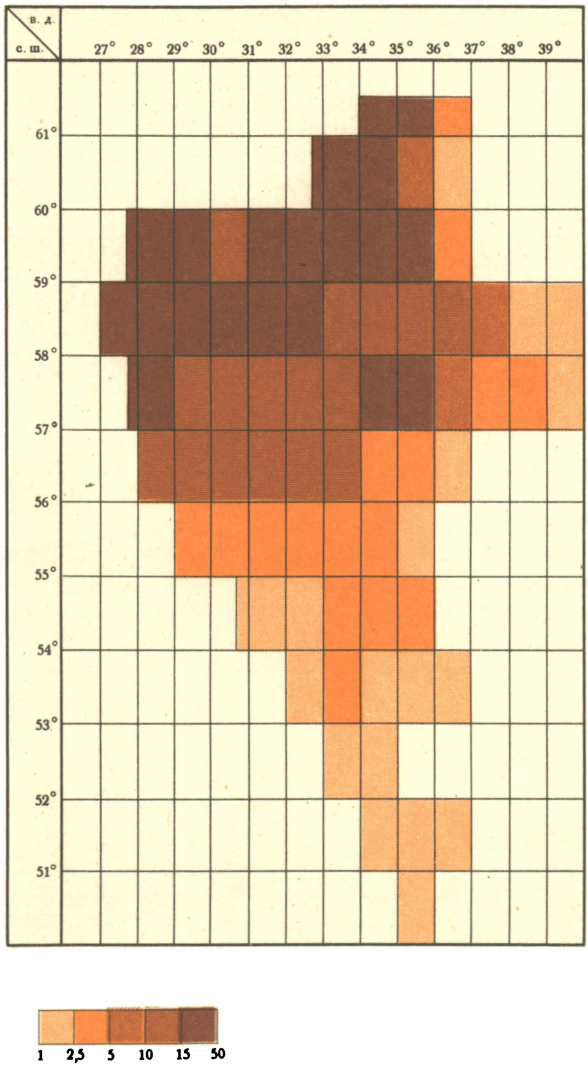
фикации части предложений с предикативными причастиями на *-ши* связана, во-первых, с их неизменяемостью и, во-вторых, с тем, что причастные формы, образованные от возвратных глаголов, как правило, не сохраняют частицы *-ся*, ср.: *смотрю: вся моя семья около коровы собравши и чуть ли не плачет* Одинец Осташковск. Калин.; *картошка уваритши* Летнево Кушалинск. Калин.; *лисица к курам забравши* Слизениха Мошенск. Новг.; *фортка у меня развалившись* Вязовка Маловишерск. Новг.; *они со вкусу сбивши, как курицы безголовые* (о мужчинах) Бурмакино Кашинск. Лен.

В силу этих особенностей определение типа предложения с предикативным членом — причастием на *-ши*, как правило, возможно только при учете структуры (а иногда и семантики) других его компонентов и прежде всего — имен, называющих предметы, явившиеся субъектом и объектом того действия, которое вызвало обозначенное причастной формой состояние. Следовательно, при неполноте контекста предложение с формой на *-ши* обычно может быть отнесено к тому или другому типу лишь с известной вероятностью (исключением в данном случае являются предложения с причастными словоформами, образованными от безличных глаголов). Однако и при полном контексте однозначная квалификация предложения с формой на *-ши* иногда оказывается невозможной. Так, например, предложение *нос заложимши* (Заболотье Екимовичск. Смол.) может быть понято как безличная конструкция и как личная страдательная; предложение *где ты прописавши*? (Еглизи Тосненск. Лен.), безусловно, является личным, но неясно, страдательной или нестрадательной конструкцией; вторая часть сложного предложения *когда мельница работает, открывши* (речь идет о магазине; Починок Орефинск. Яр.) представляет собой страдательную конструкцию, которая может рассматриваться и как личная (с опущенным именем), и как безличная.

Если учесть, что в материалах, собранных для составления атласов, мы нередко встречаемся со случаями неполноты контекста [166], станет очевидным, что какой бы принцип ни положить в основу распределения материала, некоторое его количество должно быть полностью или частично отведено от классификации. Чтобы это количество не было слишком большим, мы будем вынуждены прибегнуть к некоторым допущениям.

Практически наиболее удобным нам представляется рассматривать материал, подразделив его прежде всего на конструкции,

[166] Наиболее распространенным случаем является такой, когда в предложении отсутствует подлежащее и нет возможности определить, опущено ли оно по условиям речи или мы имеем перед собой неопределенно-личное предложение или же страдательно-безличную конструкцию, ср.: *попросивши денег* Ломбозеро Белозерск. Вол.; *водку выпимши* Плесо Борисово-Судск. Вол.

Карта-схема 1. Среднее количество примеров с предикативными формами на *-ши*, приходящееся на один населенный пункт.

И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко

в которых выступают формы на *-ши*, образованные от непереходных глаголов, и конструкции с причастными формами от глаголов переходных.

КОНСТРУКЦИИ С ПРИЧАСТНЫМИ ФОРМАМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ОТ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

Конструкции от непереходных глаголов составляют в нашем материале значительное большинство. Основная их часть — личные предложения, к характеристике которых мы прежде всего и обратимся.

Личные конструкции

Предикативная основа рассматриваемых конструкций состоит из сочетающейся с глаголом *быть* причастной формы и имени в им. падеже: *весь цвет облетевши* Замежничье; *мужик е уехатчи* Гимрека; *кот с обеда до вечера не был и проснувши* Колоколово; *я была с ума сошовши — горазд кричала* Моложане Новосельск. Пск.; *пули летали — где-то немцы были засевши* Лесково Лужск. Лен.; *сейчас они далече будут уехавши* Аксентьево Середкинск. Пск.; *умерши-то все будем* Ямок. Как видно из приведенных примеров, связка прошедшего и будущего времени координирует по форме с именем-подлежащим.

При помощи личных конструкций с формами на *-ши*, образованными от непереходных глаголов, выражается значение состояния предмета, вызванное предшествующим действием этого же самого предмета, ср.: *руки — вроде как они опухши — жарко* Кроксово; *трава вся сгорелши — нет ничего* Редковцы; *крючки сносивши* (на прялке) — *надо сменивать* там же; *Наполеон был на гору Голгофу сошотши* Загорье Печорск. Пск.; *бригадир спит, а картошка затравевши* Подборовье Полновск. Пск.; *бабушка не горазд робеет — она привыкши* Ногаткино Старорусск. Новг.; *сейчас разбушевавши всё* (об Ильмене) Ямок; *он маленько опушитши?* (о птенце) Летнево Кушалинск. Калин.; *он совсем обородативши* Оболтино Удомельск. Калин.; *фикус разрогативши* Одинец Осташковск. Калин.; *лоханка рассохши — в котле стираю* Копорье Ломоносовск. Лен.; *я стряпать научивши — ни одной бабе так не сделать* Усть-Тосна Мгинск. Лен.; *они на взятках помешавши* Нестерково Оредежск. Лен.; *сейчас хорошо в лесу — зазеленевши всё* Шамокша; *а этот дом-то весь выгнивши, а этот — еще можно жить* Ефремково; *у нее муж погибши* Баташи Слободск. Кир.; *он пропавши без вести* Спасское Владимирск. Влад.; *два сына погибши* Суворово Золотовск. Сар.; *вся семья у меня пострадавши* Шведово Лискинск. Вор.; *зять пропавши* Осино-Гай Рудовск. Тамб.; *он вставши* Н. Мосоловка Грачевск. Лип.; *земля*

была залубемши Вытебеть Знаменск. Орл.; *покуль добегли, он скончавши был* Рогово Поченск. Брян.

Предложения, подобные приведенным, во всех говорах составляют основное ядро конструкций с предикативными причастными формами на *-ши*. К числу личных относятся также те предложения без им. падежа имени, где имя-подлежащее восстанавливается из широкого контекста, ср.: — *а почему сегодня кот не попрошайничает? — наевши* Кроксово; — *бригадира нет дома? — пришотши* Гимрека; *был, кажется, мальчик — померши* Черная Волосовск. Лен.; *да он пьет — спивши!* Замежничье; *постирать думаю, пока сегодня дома оставши* там же; *если погулявши — телится* Васильево Псковск. Пск.; *надо потолок менять — закоптевши* Жабино Кингисеппск. Лен.; *мы нынче не голодные — наевши* Щетиновка Микояновск. Кур.

Безличные конструкции

Безличные предложения с главным членом — причастной формой на *-ши* распадаются на две группы: это, во-первых, конструкции с формами, образованными от глаголов безличных или личных в безличном значении, и, во-вторых, конструкции, предикативную основу которых составляют причастия на *-ши* от личных глаголов. Остановимся на каждой из этих групп отдельно.

1. Конструкции, предикативная основа которых представлена причастным образованием от безличного глагола или личного в безличном значении, являются самыми многочисленными среди всех безличных предложений с рассматриваемыми причастными формами. Соответствующий материал зафиксирован по всей территории, характеризующейся широким употреблением причастных форм на *-ши*. Приведем иллюстрации: *было так получивши* Полозово Ашевск. Пск.; *во рту засохши* Лединки Лядск. Пск.; *нашему хозяину так было привидевши — не захотел крестить ее* Стуколово Качановск. Пск.; *леса были большие, везде было заглохши* Б. Толбицы Псковск. Пск.; *вчера с утра так было наволокши* Кроксово; *где еще снежком покрыто, а где растаявши* Кострони Батецк. Новг.; *тогда ведь было разливши до самых берегов* там же; *нынче малин мало, надоевши ходить мне* Заполек Маловишерск. Новг.; *не было стемневши* Вошково Дрегельск. Новг.; *ломивши ноги* Козино Демянск. Новг.; *вот как получивши* Семенкино Мошенск. Новг.; *за 50, поболе переваливши* (о годах) Ямок; *попало мне-ка — я об кирпич ударилась и на ногу было наехавши* Менюша Шимск. Новг.; *нахмаривши* Зайцева Валкск. Латв.; *я траву пошла рвать, у него затравеневши — так ой!* (сетует на мужа, что запустил огород) Выбье Кингисеппск. Лен.; *ноге очень плохо сделавши* Усадище Осьминск. Лен.; *затучивши немного* Копорье Ломоносовск. Лен.; *заобложивши* Михайловская Красносельск. Лен.; *да уж лежать надоевши* Путкино Осьминск Лен.; *в печи простывши*

Хвилово Новоладожск. Лен.; *этому Володьке Менахову попавши: бык бодал ... и в петлю-то пошел, сгоревши* (лицо горело), *да сегодня гад клюнул* Гимрека; *у меня* (в печке) *подызломавши* Окулово Бокситогорск. Лен.; *так ловко получивши* Валя Тихвинск. Лен.; *три раз было так схвативший* Брачево Ефимовск. Лен.; *мне приснивши было* Задорье Бокситогорск. Лен.; *другой раз было загоревши* Деревянное Прионежск. Карел.; *проломившись, может, на сарае* Б. Смердяч Кадуйск. Вол.; *заоболочивши* Клеменино Чагодощенск. Вол.; *по грехам доставши* Отонец Пеновск. Вел.; *у тебя распухши* Горончарово Великолукск. Вел.; *в прошлом году не погоревши было* Васильевка-Ефимовичск. Смол.; *человеку было не задавши* Ель Осташковск. Калин.; *посеяно кое-как — еще не взошовши* Середка Пеновск. Вел. [167]

Как видно из приведенных примеров, в предложениях рассматриваемого типа выражается значение состояния, которое не может быть приписано никакому предмету, причем действие, вызвавшее состояние, мыслится так же как, бессубъектное. Данные предложения могут быть нераспространенными и распространенными — чаще всего за счет слов обстоятельственного характера. Предложения типа *уже стемневши*; *ему на пятый десяток пошотчи* по структуре своей и значению аналогичны безличным предложениям литературного языка, имеющим в качестве главного члена форму глагола прошедшего времени (ср.: *уже стемнело*; *ему на пятый десяток пошло*).

2. В предложениях с главным членом — формой на *-ши* от непереходного личного глагола состояние предстает как не приписанное непосредственно никакому предмету, но субъект действия при этом указан, ср.: *ленинградских наехатчи* Усланка Подпорожск. Лен.; *наших не было пришотши* Заполье Лужск. Лен.;

[167] Безличные предложения данного типа отмечаются и в диалектологических материалах, относящихся к концу XIX — началу XX в.; приведем некоторые примеры: *ему на пятый десяток пошотчи* — ряд населенных пунктов Тверской, Владимирской, Орловской губ. (Ответ на диалектологическую программу. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 24, 164, 261 — данное предложение было приведено среди иллюстраций в вопросе программы); *было распухши* (Весьегонск. у. Тверск. губ. Ответ на диалектологическую программу. «Труды МДК», вып. 2. Варшава, 1910, стр. 157); *у вас тут поделявши под порогом* — о колдовстве — Н. А. Елоховский. Сказки, причеты, легенды, поверья и прибаутки Тысяцкой вол. Новоторжского уезда Тверской губ. (1913—1915 гг.) Рукопись. Картотека словарного сектора Ин-та русского языка, рукописный фонд, папка 11, рук. 35-II, стр. 32; следующие предложения заимствованы из сказок, записанных в Новгородской губернии: *да вот, батюшко, чтой-то попритчивши; а у царя-то на сердечушке-то накипевши; какой клад! во снях, бывать, привидевши; как так во снях привидевши?!* (М. М. Серова. Десять новгородских сказок говором. Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукоп. отдел, ф. 694, № 31); *и до того дошотцы было, родимые вы мои...; да вот, батюшко, чтой-то попритчивши!* (М. М. Серова. Новгородские сказки.— Хранятся там же, № 32).

у моей-то дочки было приехавши Замежничье; *здесь волкам(и) много ходивши и много утащивши овец* Федоров Двор Осташковск. Калин.

В зависимости от формы выражения субъекта действия безличные предложения с формами на *-ши* от личных глаголов делятся на две основные группы: 1) с субъектом действия, названным именем в род. падеже, и 2) с субъектом действия, выраженным при помощи сочетания имени в род. падеже с предлогом *у* (приведенное выше предложение с именем в тв. падеже является в нашем материале единственным). Как те, так и другие предложения полностью не соотносительны с каким-либо типом предложений в литературном языке. Остановимся последовательно на каждой из названных групп.

1) В предложениях с род. падежом субъекта действия, не включающих в свой состав отрицания, сообщается о наличии (большей частью в избытке) каких-то предметов, животных или лиц, ср.: *тут клопов набравши в пальто* Патрово Псковск. Пск.; *всего наросши* Авдеенки Красногородск. Вел.; *в избушку набивши народу* Верхние Горицы Кировск. Калин.; *у нас тут настановивши народу* Самокража Мстинск. Новг.; *у нас мух налетевши* Теребутицы Шимск. Новг.; *снегу напавши* Озерня Маловишерск. Новг.; *каши там оставши* Ямок; *крови натекши* Калитино Волосовск. Лен.; *сил оставши как у комара* Морозово Волховск. Лен.; *навозу наросши* Киршин Конец Капшинск. Лен.; *было молодежи собравши* там же; *всего на веку бывши* Гимрека; *наехавши вепсов да белорусов да* Плотично Подпорожск. Лен.; *комарья-то налетевши опять* Абрамова Гора Ефимовск. Лен.; *народу тут насевши, что...* Чидово; *народу было собравши* Монастырек Сланцевск. Лен.; *было нашовши народу* Жилино Осьминск. Лен.; *эва налетевши мух* там же; *лядина — кусты, где лесу наросши* Костьково Тихвинск. Лен.; *народу насевши было* Мининская Оштинск. Вол. [168]

Как видно из географических помет при приведенных примерах, предложения данного типа отмечаются в говорах западных среднерусских и той части севернорусских, которая характеризуется распространением предикативных причастных форм на *-ши*. Все эти говоры относятся к территории, где употребительны безличные глагольные предложения подобного же значения, ср.: *есть дегтю — можно мазать* Ржаное Озеро Прионежск. Карел.; *трехрублевой муки в апреле было* Типиницы; *да, было делов, когда шла революция* Ямница Лычковск. Новг.; *будет горя-то* Чидово; *крови-то вытекло* Давыдово Калининск. Калин.; *под дождем рас-*

[168] Одно предложение с формой на *-ши* и род. падежом субъекта действия встретилось в старых диалектологических материалах: *семян было оставши* с. Муромля Петрозаводск. уезда Олон. губ. (Ответ на диалектологическую программу. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 154).

тет грибов Коровино Белозерск. Вол.; *опять комаров налетело* Типиницы[169]. Сближая причастные конструкции с глагольными, следует, однако, учитывать, что между ними есть и различие: в глагольных конструкциях, в отличие от причастных, чаще других выступают формы глагола *быть* (а также глаголов, близких к *быть* по своей семантике) — в этих случаях факт наличия каких-либо предметов просто констатируется, а не предстает как результат определенного действия (ср.: *налетевши* или *налетело комаров* и *есть комаров*, *бывает комаров*).

Отрицательные предложения с род. падежом имени не составляют единой группы. Относящийся сюда материал распадается прежде всего на две части.

Одна часть — это соотносительные с общерусскими глагольными конструкциями предложения типа: *грязи не попавши* Столбово Опочецк. Вел.; *женихов не оставши* Блазново Плоскошск. Вел.; *этих* (конфет) *мне не доставши* Ямок; *никого не оставши от той жены* Шедомицы Боровичск. Новг.; *в Лычкове ничего не оставши* Семеновщина Лычковск. Новг.; *у одного брата никого не оставши* Коновалово Ломоносовск. Лен.; *ни одной колоды не оставши* Юксовичи Подпорожск. Лен.; *ни одного не оставши* Раменье Ленинск. Вел.; *ему ничего не оставши* д. Ждани Лужск. у. Петерб. губ.[170] В данных конструкциях отмечено всего несколько словоформ на *-ши* (в большинстве предложений выступает словоформа *оставши*). Употребление род. падежа имени здесь связано либо с партитивным значением, либо с наличием отрица-

[169] Подборку соответствующего диалектного материала см. в работах А. А. Шахматова. Синтаксис русского языка, стр. 119—120; Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 50—51; А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 145—146; В. С. Овчинникова. О некоторых типах безличных предложений в поозерском говоре. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. ун-та», т. XXX. Труды ист.-филол. фак-та, вып. 4. Харьков, 1956, стр. 77—80; М. А. Новгородов. Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Даугавпилсского гос. пед. ин-та», т. I. Даугавпилс, 1958, стр. 322.— Карта, показывающая распространение конструкций типа *есть комаров*, *налетело комаров*, опубликована в статье: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. О синтаксических различиях русских говоров. «Slavia», roč. XXXI, 1962, č. 1. стр. 17.

В говорах, характеризующихся употреблением конструкций типа *есть комаров*, *налетело комаров*, изредка отмечаются и неглагольные безличные предложения с род. падежом имени, ср.: *в редкость таких петухов* Перегородино Кирилловск. Вол.; *ему всего доступно* Щетинское Мяксинск. Вол.

Глагольные безличные предложения со значением наличия могут проскользнуть в разговорной речи и вполне владеющих литературным языком людей. Приведем два предложения, отмеченных нами в речи сотрудников Ин-та русского языка Акад. наук: *таких описаний вообще существует*; *в твоей жизни будет еще этого*.

[170] Ответ на программу МДК. Картотека словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, папка 28, рук. 167/3.

тельного местоимения или частицы *ни*. Все отмеченные предложения относятся к территории широкого употребления предикативных форм на *-ши*.

Вторую часть отрицательных конструкций с формами на *-ши* от непереходных глаголов составляют предложения с *нет* и *не было*, не имеющие общерусских параллелей, типа: *Шурки нет приехатчи, значит*? Ефремково; *там у нас нету оставши воды* Гимрека; *6 суток держала* (убитую дочь) — *не было начальства приехатчи* Гимрека; *вас еще не было родивши* Заполье Лужск. Лен.; *бомбы не было упавши* Тарасово Борисово-Судск. Вол. Предложения типа *Шурки нет* (*не было*) *приехатчи* связаны с предложениями, включающими в свой состав связку наст. времени *есть*, поэтому описать те и другие представляется более удобным вместе — см. ниже раздел об употреблении *есть* при причастных формах с суффиксами *-н-*, *-т-* и формах на *-ши*.

Мы бы считали, что все рассмотренные безличные предложения с формами на *-ши* должны быть квалифицированы так же, как и глагольные предложения с род. падежом субъекта, т. е. как конструкции, в которых имя соотносительно с им. падежом подлежащего. Соответствующие глагольные предложения А. А. Шахматов называет двучленными безличными предложениями и сущность их определяет следующим образом: «Двучленными называем такие односоставные предложения, в которых главный член выражен сочетанием безличной формы глагола с родит. падежом существительного или местоимения существительного. Такое сочетание представляется грамматически неразложимым, так как родит. падеж не может быть объяснен зависимостью объекта от глагола. Такое сочетание соответствует сочетанию представления о субъекте с представлением о предикате в соответствующей коммуникации, причем ближайшим образом представление о субъекте выражено формой родит. падежа, а представление о предикате формой глагола» [171].

2) В предложения, где субъект действия назван род. падежом имени, сочетающимся с предлогом *у*, как правило, входят формы на *-ши* со значением конкретного действия. Здесь выражается состояние, названное действием определенного лица (лиц), но

[171] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 119.— Как известно, в русской лингвистической литературе не раз поднимался вопрос о том, что между им. падежом подлежащего и косвенными падежами, называющими субъект действия или состояния, нет принципиальной разницы (см., например, дискуссию в «Филологических записках» 1877—1880 гг. вокруг работы А. А. Дмитревского «Практические заметки по русскому синтаксису»). Чаще всего с подлежащим сближали или почти отождествляли род. падеж. Так, Ф. И. Буслаев конструкции типа *нет* (*не было, не будет*) *денег* называет «безличными при отрицании, с родительным подлежащего», конструкции типа *наехало гостей* — «безличными с родительным количества, происшедшим от подлежащего» (Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 385).

непосредственно этому лицу не приписанное, ср.: *у ей собственно своим платком накрывши* Старищи Порховск. Пск.; *у меня всяко научивши* Подборовье Полновск. Пск.; *у моей-то дочки было приехавши* Замежничье; *у мя в колхозе наработавши много* Горка Луковниковск. Калин.; *много у меня работавши в колхозе* Трестино Осташковск. Калин.; *три золовки было, женивши у обеих* Поречево Весьегонск. Калин.; *было в нас приехавши* Зайцева Валкск. Латв.; *у деда, верно, настоявши в стоянках* Ускюла Вируск. Эст.; *у их уехавши за деньгам* Усть-Рыбежна Пашск. Лен.; *да у тебя с годов вышетчи* Чидово; *а у меня со вторым-то сошотши — так у него у жены-то не было детей* Гимрека; *у Барзиной Ольги уехавши за братом* Игнашино Чагодощенск. Вол. В данных предложениях используется тот способ выражения субъекта действия, который характерен для конструкций (прежде всего с одним организующим центром), включающих в свой состав причастные формы, образованные при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*. Существенно указать поэтому, что все имеющиеся в наших материалах предложения типа *у него ушотши* отмечены в говорах, знающих употребление предикативных форм на *-но*, *-то* (говоры западные среднерусские и севернорусские).

КОНСТРУКЦИИ С ПРИЧАСТНЫМИ ФОРМАМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ОТ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

Причастные формы на *-ши* от переходных глаголов, употребляясь предикативно, участвуют в образовании синтаксических конструкций четырех типов: 1) личных конструкций, где предмет, названный именем в им. падеже, является субъектом не только состояния, но и действия, вызвавшего это состояние: *родивши моя овечка* Званка Киришск. Лен., *Настя уж чаю попивши е* Красный Бор; 2) личных конструкций, где предмет, названный именем в им. падеже, является субъектом состояния и объектом действия, вызвавшего это состояние: *приходим — вся палатка расковырявши* Пеньково Брусовск. Калин., *жена хорошая у меня из Ленинграда взявши* Пагино Удомельск. Калин.; 3) безличных конструкций, в состав предикативной основы которых входит род. падеж, называющий тот предмет, который послужил объектом действия: *в доме всего нажившим* Лебзово Вышневолоцк. Калин., *у него в сумку утенышей набивши* Драготин Полновск. Пск.; 4) безличных конструкций, в которых форма на *-ши* является единственным организующим центром: *не пройти — завалившим* Дубняги Киришск. Лен., *да так у меня ничего написавши* Сологубовка Мгинск. Лен. Кроме того, встретилось одно предложение пятого типа — включающее в свой состав именной компонент, выраженный предложно-падежным сочетанием с предлогом *по*: *по пять патронов было давши* Егорье Каменск. Калин.

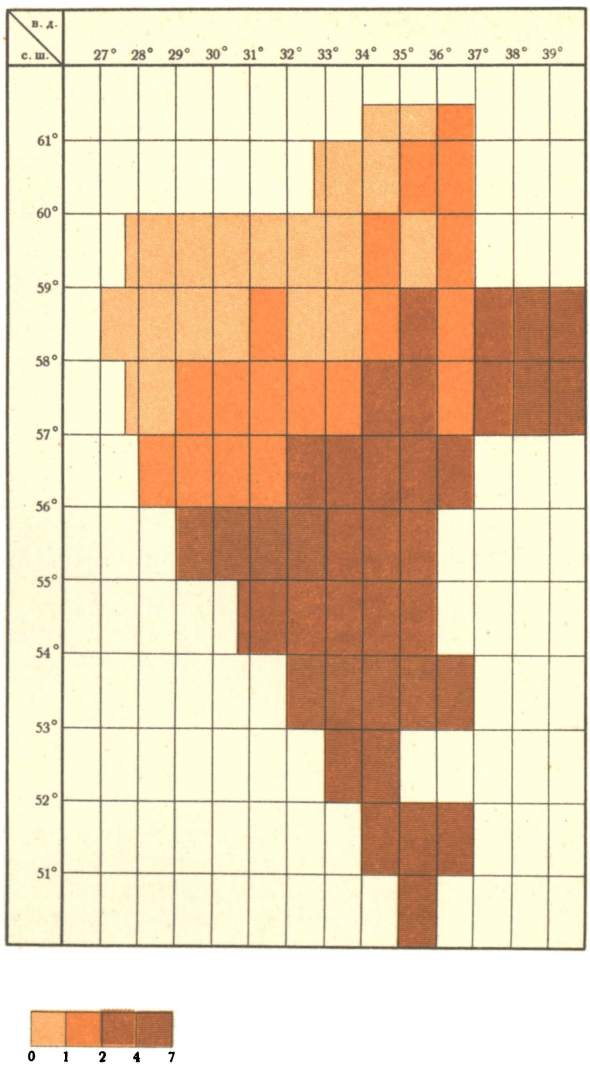
Таким образом, причастные формы на *-ши* от переходных глаголов так же, как и формы от глаголов непереходных, могут употребляться в личных конструкциях и в безличных — с одним и двумя организующими центрами. Следует, однако, заметить, что количество безличных предложений, особенно таких, где предикативная основа двукомпонентна, в наших материалах очень невелико.

Конструкции с причастными формами на *-ши*, образованными от переходных глаголов, можно подразделить и по другому принципу — в зависимости от активного, нестрадательного или пассивного, страдательного их характера. Очевидно, что нестрадательными являются только конструкции 1-го типа, все остальные же имеют характер пассивный, страдательный — образования на *-ши* выступают здесь в функции, обычной для причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* (ср.: *жена хорошая у меня из Ленинграда взята*; *в доме всего нажито*; *да так у меня ничего написано*; *по пять патронов было дано*). Рассмотрим все выделенные типы конструкций, подразделив их прежде всего на нестрадательные и страдательные.

Нестрадательные конструкции

Нестрадательные конструкции с формами на *-ши* от переходных глаголов имеют предикативную основу, состоящую из двух компонентов: помимо причастного образования, называющего состояние, сюда входит еще имя в им. падеже, которое указывает предмет, являющийся субъектом и состояния и вызвавшего это состояние действия. Иногда — по условиям диалогической речи — имя-подлежащее опускается; отсутствует оно, естественно, и в предложениях, имеющих неопределенно-личное значение (ср.:— *а на каком он у вас курсе? — кончивши уж* Ямок; *пришли бумаги, что убивши его* Тяпкино Муравлинск. Ряз.). Данные конструкции делятся на группы в зависимости от того, распространяется ли предикативный член именем, называющим объект действия, и, если распространяется, то какой падежной формой — вин. или род. падежом. Получается, таким образом, три группы: 1) с именем в вин. падеже — *один цыган купивши дом* Терелесово Вышневолоцк. Калин.; 2) с именем в род. падеже — *кто-то взявши воды* Переузино Красногородск. Вел.; 3) без указания объекта действия — *глупа она была, что родивши* Вязовка Маловишерск. Новг.; *я забывши* Костров Рыльск. Кур. Кроме того, в наших материалах встретилось одно предложение с объектом, выраженным сочетанием с предлогом *по*: *мы сегодня взёжши по 30 соток* Рожелево Струго-Красненск. Пск.

Необходимо заметить, что если предложения с указанным объектом действия однозначно определяются как нестрадатель-

Карта-схема 2. Среднее количество примеров с вин. падежом объекта (типа *она разбивши чашку*), приходящееся на 100 случаев употребления предикативных форм на *-ши*.

ные конструкции с формами на *-ши* от переходных глаголов [172], то предложения, в которых нет имени, называющего объект, нередко допускают различное толкование. Возьмем приведенный выше пример *я забывши*: при наиболее правдоподобном значении ‘я забыла’ здесь нельзя исключить и такое понимание, как ‘я забыта’, и как ‘я забылась’ — напомним, что формы на *-ши* от возвратных глаголов обычно не сохраняют частицы *-ся*.

Рассмотрим группы нестрадательных конструкций, включающих в себя формы на *-ши* от переходных глаголов,— сначала с выраженным объектом действия, затем — те, в которых объект не указан.

1. Количество предложений с выраженным объектом действия в наших материалах (имеем в виду материалы, собранные для составления диалектологических атласов и наши личные записи) невелико — их 332 (259 — с именем в вин. падеже, 62 — с именем в род. падеже и одно — с сочетанием, включающим в себя предлог *по*). Дело здесь в том, что введение имени, называющего объект действия, в предложение, являющееся активной конструкцией, очень повышает глагольность, процессуальность предиката — следовательно, трансформирует в какой-то мере грамматическое значение предикативной причастной формы: причастная конструкция сближается с конструкцией, включающей в себя спрягаемую глагольную форму. Таким образом, употребление форм на *-ши* в конструкциях с указанным объектом действия, особенно в конструкциях с вин. падежом имени, где глагольные свойства предиката подчеркнуты максимально, с точки зрения грамматического значения предикативных причастных форм можно, по-видимому, считать неправомерным — наличие соответствующих предложений свидетельствует о том, что рассматриваемое диалектное явление переживает в современных говорах в той или иной степени процесс внутреннего разрушения. Интересно, что место, занимаемое предложениями с выраженным объектом действия среди всех предложений с предикативными формами на *-ши*, оказывается для разных говоров различным. Покажем это для конструкций с вин. падежом при помощи карты-схемы, построенной на основе статистических данных (см. карту-схему 2).

Густотой цвета на данной карте-схеме показывается относительная частота употребления конструкций типа *я косы распустивши* (Холм Волховск. Лен.): для разных участков картографированной территории определяется, какое количество предложений с вин. падежом объекта приходится на каждые 100 предложений с предикативными формами на *-ши*. Прежде, чем раз-

[172] Причина, по которой предложения без подлежащего типа *картошку копамши* рассматриваются нами как личные, а не как безличные, аналогичные конструкциям типа *картошку копано*, будет объяснена ниже.

бирать данную карту-схему по существу, необходимо указать на три момента, касающиеся ее построения.

1) Поскольку на данной карте-схеме, в отличие от карты-схемы 1 (см. стр. 117 и след.), объектом картографирования является величина относительная, мы использовали здесь весь материал — как собранный для составления диалектологических атласов, так и материал наших личных записей (последний состоит из 1622 примеров).

2) Для характеристики относительной частоты употребления по говорам конструкций типа *я косы распустивши* по сути дела следовало бы показать их место среди личных нестрадательных конструкций с причастными формами от переходных и непереходных глаголов. Однако в силу того, что отнесение к тому или иному типу (и прежде всего — к конструкциям страдательным или нестрадательным) далеко не для всех предложений может быть осуществлено по каким-либо объективным признакам, мы сочли более правильным исходить при счете из всего количества предложений с предикативными формами на *-ши*, имеющихся в наших материалах. Лишь одна группа была исключена из подсчетов — это предложения со словоформами *выпивши*, *разувши*, *раздевши*, *обувши*, *одевши*, *евши*, *пивши*, *спавши* (три последних обычно выступают с отрицанием), в которых имя-подлежащее получает по существу качественную характеристику (признак предстает почти в полном отвлечении от действия),— предложения типа *он выпивши*, *мы сегодня не евши*, *дети разувши и раздевши были*. Если бы предложения данной группы, где указание на объект невозможно, характеризовались более-менее одинаковой относительной частотой употребления в разных говорах, они могли бы и не исключаться из общего количества примеров с предикативными формами на *-ши* (изъятие их в этом случае не повлияло бы на общую картину направленного изменения употребляемости конструкций типа *я косы распустивши*). Исключение этого материала необходимо потому, что доля предложений типа *он выпивши*, *мы были одевши* среди всей суммы предложений с рассматриваемыми причастными формами колеблется по говорам в очень больших пределах — от 1—2% до 50% (на этой группе предложений мы остановимся ниже специально — здесь же были вынуждены забежать вперед).

3) Представленная на карте-схеме 2 закономерность (изменение по говорам относительной частоты употребления конструкций с вин. падежом прямого объекта) носит чисто статистический характер, поэтому она выдерживается достаточно четко только при значительном количестве примеров, приходящихся на один географический квадрат (если это количество невелико, отношение, определяющее употребительность примеров с вин. падежом, может оказаться очень случайным). В силу этого мы были вынуждены для части территории прибегнуть к объединению ма-

териалов соседних квадратов. Практически это делалось в тех случаях, когда количество примеров, приходящееся на один квадрат, оказывалось менее 200. Объединению подверглись участки на юге и востоке картографированной территории, где предикативные формы на *-ши* не являются широко распространенными (какие именно квадраты были объединены между собой, см. в табл. 10, стр. 167), а также один участок в центре — квадраты 30—31° в. д., 57—58° с. ш. и 31—32° в. д. и 57—58 °с. ш.— необходимость объединения данных двух последних квадратов вызвана очень плохим качеством большей части тех материалов, которые собраны на территории первого из них. Таким образом, на части территории картографирование проводится более грубо (как бы в более мелком масштабе), однако общую картину это обстоятельство изменить не может.

Все количество включенных в счет примеров на закрашенной территории — 16905, на незакрашенной — 445; предложений с вин. падежом прямого объекта в наших материалах 259, из них на картографированную (закрашенную) территорию приходится 233. На карте представлено 4 зоны, которые характеризуются следующими цифрами: I — 8335 примеров, из них с вин. п.— 37; II — 4921 пр., с вин. п. — 69; III — 2803 пр., с вин. п.— 82; IV — 846 пр., с вин. п. — 45.

Нарастание относительной частоты употребления конструкций с вин. падежом прямого объекта происходит, как показывает данная карта-схема, в направлении с северо-запада на юго-восток. Если сравнить эту карту-схему с рассмотренной выше (№ 1), то нетрудно заметить, что представленные на них явления находятся в определенной зависимости между собой: по мере падения интенсивности употребления конструкций с предикативными формами на *-ши* происходит увеличение доли предложений, включающих в себя вин. падеж прямого объекта, в общем количестве предложений с данными формами: количественное затухание явления сопровождается нарастанием случаев, свидетельствующих о внутреннем его разрушении.

В пределах картографированной территории относительная частота употребления конструкций с вин. падежом возрастает примерно в 10 раз: если на территории I зоны один пример с вин. падежом приходится в среднем на 200 предложений, включающих в себя предикативные формы на *-ши*, то на территории IV зоны на каждые 100 предложений приходится несколько больше 5 примеров с вин. падежом ($\approx$ 5,3); за пределами картографированной территории на каждые 100 предложений падает почти 6 примеров типа *я косы распустивши* ($\approx$ 5,84).

Приведем иллюстративный материал — предложения с вин. падежом прямого объекта, зафиксированные в различных русских говорах: *они всё спрятавши* Лытницы Плюсск. Пск.; *какой некрасивый кот, да вот хвост ободравши где-то*! Лединки Лядск.

Пск.; *песни, которые я написавши* Колоколово; *один одного затопивши* Мельница Пушкиногорск. Пск.; *отец заложивши лошадь да в Коробов* Словыть Мстинск. Новг.; *а он там другу семью завевши?* Ямок; *в блокаду, ох, как жалевши мы вас* Окороки Молвотицк. Новг.; *печку не топивши* Виджа Старорусск. Новг.; *она не доставши платье* Заболотье Лесной Калин.; *антену включивши* Бортники Кировск. Калин.; *она белье стиравши* Верхние Горицы Кировск. Калин.; *я тесто справивши* Плотично Пеновск. Вел.; *одну курицу имевши* Козловка Торопецк. Вел.; *капуста листики распустивши* Еглизи Тосненск. Лен.; *это ты вожжи затерявши* Пушкино Осьминск. Лен.; *вот каку* (девушку) *взявши* Красный Бор; *я те наливши чай-от, дак ты и разлила* Сомино Ефимовск. Лен.; *война столько горя принесши* Ременик Вируск. Эст.; *остальные кончивши 5—6 классов* Логоза Тартуск. Эст.; *свекровь была взявши два центнера ржи* Старина Борисово-Судск. Вол.; *картошку насадивши я* Б. Смердяч Кадуйск. Вол.; *девять рублей с меня взявши* (шофер) Папино Верховажск. Вол.; *он траву скосивши* Ременье Черновск. Кир.; *я забывши свою жизнь* Становщина Сунск. Кир.; *она была кончивши гимназию* Рославлево Петровск. Яр.; (он) *не закончивши семилетку* Спассмердино Петровск. Яр.; *сына котора убивши* Окатово Кологривск. Костр.; *проглядевши все глаза* Большие Поляны Заветлужск. Горьк.; *как кончивши войну, так и живет в Москве* Дмитриево Кировск. Влад.; *она уже свой дом построивши* Березовка Петровск. Сар.; *тетя Паня вскопамши всё* Кирдяшево Наровчатск. Пенз.; *он разогнувши железку* Мосоловка Грачевск. Лип.; (он) *кончивши курсы* Бабахино Талдомск. Моск.; *я печку не затоплямши* Ракитино Рузск. Моск.; *своими руками холст ткамши* Зубково Белевск. Тул.; *она выходивши его* Самуси Велижск. Смол.; *они утопивши коней* Василево Андреевск. Смол.; *они всё знавши* Волково Краснинск. Смол.; *я только деньги получёмши* Мужитин Жиздринск. Калуж.; *солому отмолотёмши* Ресета Хвастовичск. Калуж.; *печку кламши с зятем* Речица Думничск. Калуж.; *она меня любёмши* Павловское Рогнединск. Брян.; *холостые — они войну перебывши* Новая Дубровка Красногорск. Брян.; *ленточку кладет шелковую, какую купивши* Творишино Гордеевск. Брян.; *она второй год бросимши школу* Княжичи Жирябинск. Брян.; *принявши второго* (мужа) Дерлово Золотухинск. Кур.; *душу отдавши* Раково Белгородск. Кур.; *прибрамши комнату* Косыревка Липец. Вор.

Как уже указывалось, предложений с род. падежом объекта при предикативных формах на *-ши* в наших материалах 62 [173].

[173] В это число не включены случаи, когда род. падеж выступает при форме на *-ши* от возвратного глагола, типа *я напивши вина* Хмелевик Пашск. Лен.; *Груша начитавши романов* Раменье Осташковск. Калин.; *страстей набравши люди* Бельня Барятинск. Калуж.

Употребление род. падежа объекта имеет место в следующих случаях: при партитивном значении, при отрицании, при обобщенном или неопределенном характере объекта (чаще всего при отрицательном местоимении), ср.: *дочка ягод набравши* Латыши Нелидовск. Вел.; *большуха сбивши дров* Могутово Молоковск. Калин.; *Егор воды нагревши* Ильинское Лихославльск. Калин.; *нет, я уж чаю попивши* Ямок; *она, брат, наевши жиров до войны* Шамокша; *вы поездивши, повидавши людей* Падрило Мгинск. Лен.; *чего ж вы ягод не покушавши?* Вязовка Маловишерск. Новг.; *я вот чаю напивши, а огурцов не евши, дак и не вздумаю про питьё* Скирино Солецк. Новг.; *Барсик скрывши и молока не пивши* Кратевно Киришск. Лен.; *она ума не накопивши* Львов Двор Чагодощенск. Вол.; *он и не слыхавши этого* Дядно Качановск. Пск.; *не поклонивши и слова не сказавши* Заборовка Лядск. Пск.; *были весны не дождавши* Осцы Холмск. Вел.; *мы не получивши ни одного грамма* Дощаново Холмск. Вел.; *он не знавши дороги* Спасское Кашинск. Калин.; *теперь я не исполнивши заветов: назаветала, да не пошла* (по святым местам) Ефремково; *нигде не бывавши, людей не видавши, а не боимся людей* Гимрека; *5 лет не бывавши и родителей не видавши* Еськино Любимск. Яр.; *я повидавши хорошего, когда замуж вышетши* Сягды Кингисеппск. Лен.; *чего-нибудь да съевши* Львов Двор Чагодощенск. Вол.; *а мы ничего не знавши* Ямок; *пастух идет к нам — я не приготовивши ничего ему* Лесково Лужск. Лен.; *я горазд ничего не делавши* Жилино Осьминск. Лен.; *мы не кушавши в войну ничего* Выползово Солнцевск. Кур. По географическим пометам при приведенных примерах видно, что конструкции с род. падежом отмечены на территории различных говоров. Предложения, в которых образования на *-ши* от переходных глаголов выступают в сочетании с объектной формой имени, приводятся и в некоторых современных диалектологических работах [174].

В записях конца XIX — начала XX в. предложения рассматриваемого типа совершенно единичны. Приведем весь известный нам материал: *царь уехал и заложивши он свое зало*; *через трои сутки родивши она сына* Олон. губ., сказки [175]; *вышимши*

[174] См. например: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 31 и 33; В. С. Овчинникова. Очерки по синтаксису поозерского говора. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. ун-та», 1957, т. 52. Труды ист.-филол. фак-та, вып. 5, стр. 55, 56, 59; В. Немченко. Наблюдения над синтаксисом говора русского населения Ионавского района Литовской ССР, стр. 63; М. А. Новгородов. Образование и употребление деепричастий в старожильческом русском говоре Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Кафедра русск. языка, вып. 9. М., 1959, стр. 379—382.

[175] М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. СПб., 1877, стр. 126—127.

себе рубашку; *дожамши свою полосу* Рузск. у. [176]; *выпимши я пива* Моск. у. [177]; *он взяўши дитя, старуху и дитя посадиў на дровни и повез домой* Олон. губ., сказки [178]; *ваш сундук в Кадникове забывши* (забыли) Вол. губ. [179]; *крестьяне поделифши все* Твер. губ. [180]; *сицяс она поднявши ногу, а он и смотрит* Белозерск. край [181]; *как я фельдфебель государевой службы... 25 годов ею прошотцы, так умею с бабами разговаривать*; *а маменька взявши твою нову пухову шляпу, подошодцы яички под курочку подкладывать* Новг. губ., сказка [182].

Сравнение современных материалов с материалами конца XIX— начала XX в. дает основание предположить, что распространение форм на *-ши* именем-объектом представляет собой явление прогрессирующее. В пользу того мнения, что конструкции типа *я косы распустивши, я воды принесши* некогда были совсем неупотребительными, свидетельствует факт образования без частицы *-ся* форм на *-ши* от возвратных глаголов — это соображение было высказано П. С. Кузнецовым. В статье «К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах» П. С. Кузнецов пишет: «Систематическое отсутствие у рассматриваемых деепричастий возвратной частицы вполне понятно. Возвратные формы в русском языке являются формами с выраженной формально непереходностью. Поскольку эти деепричастия последовательно имеют непереходное значение (винительный падеж без предлога при них невозможен), постольку в формальном выражении этой непереходности они не нуждаются»[183].

2. Предложения с формами на *-ши* от переходных глаголов, которые не включают в себя имени, называющего объект действия, составляют две группы: во-первых, это предложения, где форма на *-ши* образована от глагола, выступающего в непереходном значении (типа *сроду не родивши была* Тальцы Дрегельск. Калин.), и, во-вторых, предложения, где указание на объект действия опущено по условиям диалогической речи (ср.: (они) *завевши-то раньше времени* — речь шла о ребенке, Семеновская Харовск.

[176] Н. Дурново. Южновеликорусские деепричастия на *мчи* и *мши*. Варшава, 1902, стр. 6.

[177] Там же, стр. 5.

[178] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 154.

[179] Там же.

[180] Там же, стр. 156.

[181] П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах, стр. 63.

[182] М. М. Серова. Десять новгородских сказок говором. Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. ф. 694, № 31.

[183] П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III. М.— Л., 1949, стр. 63.

Вол.). С точки зрения значения формы на *-ши* предложения с опущенным объектом не отличаются от конструкций с объектом; в тех же случаях, когда причастная форма образована от глагола, взятого в непереходном значении, предложения аналогичны по значению тем, где выступают формы на *-ши* от глаголов непереходных — предикат обычно выражает значение состояния, ср.: *наш-то покушавши* Замежничье; — *а он ел что-нибудь?— поелши* Редковцы; *я попивши, я поевши* Шамокша; *ну, теперь поевши — дак можно отправляться в баню* Колоколово; *родивши моя овечка* Званка Киришск. Лен.

Поскольку предложение, не включающее в себя указания на объект действия, как уже отмечалось выше, далеко не всегда может быть однозначно квалифицировано как нестрадательная конструкция с формой на *-ши* от переходного глагола, данная группа конструкций не может быть выделена из всей массы личных конструкций с предикативными образованиями на *-ши* и представлена количественно. Но заметим, что и при самом расширительном подходе к выделению этого типа число соответствующих примеров в наших материалах вряд ли превысило бы сотню (если не считать предложений с особо выделяющимися словоформами *выпивши*, (*не*)*евши*). Приведем несколько предложений, которые с большей или меньшей вероятностью могут быть отнесены к числу нестрадательных конструкций с формами на *-ши* от переходных глаголов (взятых в их переходном или непереходном значении): *был взявши на свою бригаду* Усть-Тосна Мгинск. Лен.; таким трудом наживши Вторая Сланцевск. Лен.; *я изучивши* Дергаево Усть-Кубинск. Вол.; (немцы) *за ноги повесивши* Макарино Бежаницк. Вел.; *он получивши* Глубокое Опочецк. Вел.; *худо наделавши и должен прощенья просить* Блазново Плоскошск. Вел.; *людям был задолжавши* Красное Пустошкинск. Вел.; *я ей давши* Песчанка Себежск. Вел.; *я ей заплативши* там же; *а только теперь* (я) *уже позабывши — инвалидка* Трубники Ильинск. Вел.; *я не убравши* Долгиновка Оленинск. Калин.; *ты покушавши* Богданово Каменск. Калин.; *если б были доевши* Макаево Монастырщинск. Смол.; *ты, говорит, отстоямши* Слаговка Рославльск. Смол.; *я тебе по правде сказавши* Новая Дубровка Красногорск. Брян.; *она не смывамши* Журиничи Брянск. Брян.; *она выбросивши* Филиппово Ленинск. Кур.; *мама знамши* Азарапино Наровчатск. Пенз.; *он сделамши* Малая Кавендра Наровчатск. Пенз.; *я кончивши* Шереметьево Рудовск. Тамб.

Существенно учесть, что предложения, в которых объект отсутствует, но, по-видимому, предполагается, отмечены по преимуществу в тех говорах, где относительно часты конструкции с вин. падежом объекта (ср. географические пометы около приведенных примеров с картой-схемой 2).

Страдательные конструкции

Описание страдательных конструкций с формами на *-ши* представляется целесообразным начать с характеристики безличных конструкций, так как именно на составе этих последних основаны в значительной степени те допущения, которые мы принимаем, формулируя ниже признаки личных страдательных конструкций.

Безличные конструкции

Как уже отмечено, безличные страдательные конструкции с формами на *-ши* составляют два типа: с именем в род. падеже, называющим объект действия, и без указания на объект действия. Рассмотрим эти типы.

1. Род. падеж отмечен при отрицании, при партитивном значении и при обобщенно-неопределенном характере объекта, ср.: *ничего не было посадивши* Таложня Новоторжск. Калин.; *не было настлавши камней* Козиха Спировск. Калин.; *денег-то было спасши* Посад Подпорожск. Лен.; *у него в сумку утенышей набивши* Драготин Полновск. Пск.; *намоловши было муки ржаной* Пеньково Брусовск. Калин.; *у кого чего приготовивши* Альпаково Фировск. Калин.; *в доме всего наживши* Лебзово Вышневолоцк. Калин.; *тут напоровши всего* Староселье Тосненск. Лен.

Количество предложений рассматриваемого типа в наших материалах очень невелико. К приведенным выше можно было бы прибавить только еще несколько примеров, которые допускают и другое толкование, ср.: *согнавши тут народа* Усадище Осьминск. Лен.; *везде их напихавши* Попрудка Тосненск. Лен. (оба предложения могут быть поняты и как неопределенно-личные).

2. Среди безличных предложений, в которых причастные формы на *-ши* от переходных глаголов являются единственным организующим центром, основную часть составляют такие, где отсутствует указание и на субъект действия — действие не приписывается никакому определенному лицу. Приведем имеющийся материал: *было перед войной настроивши там красиво* Черемша Середкинск. Пск.; *было не посеявши* Сивичино Дедовичск. Пск.; *сена не накосили — залимши* Пустошки Островск. Пск.; *было затравевши тут да запустивши* Загривье Сланцевск. Лен.; *было давши человеку — безо всякого ученья — в деревне так и погибнет* (раньше в деревне не было возможности учиться) Кренено Оредежск. Лен.; *книзу узко так, а кверху распустивши* (описание одежды) Деревянное Прионежск. Карел.; *побегли — заперши* Красное Пеновск. Вел.; *потом распустивши, с пуговичками* (описание полусапожек) Б. Ляды Бежаницк. Вел.; *придут обедать-то — не убравши* Тонище Фировск. Калин.;

в избу не можем попасть — заперши Таложня Новоторжск. Калин.; *у них всегда убравши* Ново-Никольское Максатихинск. Калин.; *тепло будет натопивши* Лоскотово Демидовск. Смол.; *там закрывши* (об окнах) Хотня Дятьковск. Брян.; *и на печке постлавши было* Зиновка Покровск. Орл.; *некогда мне — открывши у меня там* Зимницы Думничск. Калуж.; *ее дома нету — на замку закрывши* Хотьково Думничск. Калуж. Как видно по географическим пометам, предложения данного типа зафиксированы в различных говорах на западе РСФСР, но все они, кроме одного (из Орловской обл.), относятся к территории регулярного употребления предикативных причастных форм на *-ши*.

В наших материалах имеется несколько и таких безличных предложений с формами на *-ши* от переходных глаголов, где субъект действия указан,— эти предложения соотносительны с личным действительным оборотом. Приведем их: *у него было выпивши уж* Староселье Тосненск. Лен.; *у деда-то наудивши*? Язвиха Вышневолоцк. Калин.; *у меня было приготовивши* Пятницкое Брусовск. Калин.; *у него не доевши* Суковатиха Удомельск. Калин.; *у меня было замуж наготовивши* Мостошелиха Лихославльск. Калин. (в данном предложении сочетание *у меня*, может быть, имеет объектный характер); *было от Сталина давши* Егорье Каменск. Калин. Все предложения, кроме одного, относятся к говорам на территории Калининской обл.

Употребляясь в страдательных конструкциях, предикативные причастные формы на *-ши* образуют те же типы, что и формы с суффиксами *-н-*, *-т-*: с им. падежом объекта действия (личные конструкции, к которым мы сейчас перейдем); с род. падежом объекта; без указания объекта. Один тип, однако, отсутствует — это конструкции с вин. падежом объекта: в наших материалах нет ни одного предложения, которое можно было бы однозначно квалифицировать как безличную конструкцию с вин. падежом (надежными признаками безличного характера конструкции могли бы быть здесь либо косвенный падеж субъекта действия, либо связка *было*, *будет*, исключающая возможность понимания предложения как неопределенно-личного).

Исходя из того факта, что у нас нет ни одного примера типа *у меня посуду вымывши* или *посуду было вымывши*, мы принимаем следующие допущения: 1) предложения типа *четыре класса прошотци* (Федоров Двор Есиновичск. Калин.), *одну курицу имевши* (Козловка Торопецк. Вел.), *заросши всё — как там и не бравши чернику* (Староселье Удомельск. Калин.), *дорогу испахавши, а поле нет* (Горки Луковниковск. Калин.) мы относим к числу личных, где подлежащее отсутствует либо по условиям контекста, либо в силу неопределенно-личного характера предложения; 2) предложения типа *хлеб у вас хорошо намасливши* (Марьинско Лядск. Пск.), *болото заливши водой* (Заполье Лужск. Лен.), где имя имеет омонимичную форму им.-вин. падежей, рассматри-

ваются как личные с именем в им. падеже. Следует подчеркнуть, что предложения как одного, так и другого типа зафиксированы в различных русских говорах.

Личные конструкции

1. В силу указанного выше допущения 2 как личные мы рассматриваем все предложения с причастными образованиями на *-ши*, где форма имени может быть принята за форму им. падежа. Что же касается квалификации предложения как страдательной конструкции, то здесь нет возможности опереться на какой-либо определенный формальный признак. Поскольку причастные формы на *-ши*, образованные от возвратных глаголов, частицы *-ся*, как правило, не сохраняют, уверенно связывать форму на *-ши* с переходными глаголами можно только в тех случаях, если в языке нет параллельных возвратных глаголов с той же семантикой (ср., например, такие словоформы, как *положивши*, *купивши*, *выбравши*, *убивши*). Однако предложения и с такого рода словоформами допускают иногда разное понимание: так, предложения *она положивши*, *они купивши*, *он убивши* могут означать и ‘она положена’, ‘они куплены’, ‘он убит’ и ‘она положила’, ‘они купили’, ‘он убил’. Если же словоформа на *-ши* однозначно не определяется как образование от переходного глагола, предложение может быть иногда наделено и третьим значением: так, например, *он сломавши* может значить не только ‘он сломан’ или ‘он сломал’, но еще и ‘он сломался’ [184]. Из сказанного вытекает, что опорой при выделении страдательных конструкций с формами на *-ши* может быть только имя-подлежащее.

Общим для страдательных и нестрадательных конструкций с предикативными формами на *-ши* является то, что имя-подлежащее называет предмет, которому приписано выраженное причастной формой состояние; различает же их отношение этого предмета к действию: в нестрадательных конструкциях данный предмет выступает как субъект действия, в страдательных — как его объект (ср.: *вся семья собравши* и *ягоды собравши*). Следовательно, отнести предложение к числу страдательных конструкций можно в том случае, если есть уверенность, что названный здесь предмет был объектом, а не субъектом действия. Соответствующий вывод может быть сделан в результате сопоставления лексических значений имени и причастной формы, иногда — при привлечении всего контекста. Так, например, следующие предложения однозначно определяются как страдательные конструк-

[184] Живой материал, иллюстрирующий положение о том, что страдательные конструкции далеко не всегда могут быть выделены из всей массы предложений с формами на *-ши*, приведен в статье Ф. П. Филина.— См.: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 4. М.— Л., 1948, стр. 38—39.

ции потому, что везде здесь предмет, названный именем в им. падеже, по своему значению не может быть производителем действия, заключенного в сказуемом: *кружка-то помывши — чистая* Соловцы Сонковск. Калин.; *машинка была спрятавши* Кабино Кингисеппск. Лен.; *нос оцарапавши у тебя* Староселье Тосненск. Лен.; *шуба сукном покрывши* Носово Износковск. Калуж.; *в риге печка сделавши* Озеры Жарковск. Вел. (см. также примеры ниже). Имя определяется как название объекта действия из всего контекста в таких, например, предложениях: *один убивши, она за другого вышотци* Лединки Лядск. Пск.; *он если б и в бою не застреливши был, то его так убили* Логоза Тартуск. Эст.; *отец был в войну ранивши* Оболтино Удомельск. Калин.; *когда немцы прогнавши были, тогда вернулись* Черная Грязь Клетнянск. Брян.; *у меня два сына погибши, а третий пораненвши* Туров-Бобрик Льговск. Кур.

В конструкции с предикативными формами на *-ши* так же, как и в рассмотренные выше конструкции с формами типа *поставлен, разбит*, может входить факультативный член — имя или предложно-падежное сочетание, называющее субъект действия, ср.: *она* (елка) *была ветром сваливши* Выбье Кингисеппск. Лен.; *деревня наша была занявши немцем* Радухово Осташковск. Калин.; *им такое дело от начальников запретивши* Усадище Осьминск. Лен.; *у меня надевши валенки* Огзово Маловишерск. Новг.; *рогожи у меня намочивши* Новое Каменск. Калин. Если в предложении имеется косвенный падеж субъекта действия, то предмет, обозначенный им. падежом, однозначно определяется как его объект, и предложение может быть квалифицировано как страдательная конструкция. Следовательно, употребление в личной конструкции с причастной формой на *-ши* косвенного падежа субъекта действия является формальным признаком ее страдательного характера. Сложность, однако, заключается в том, что сам косвенный падеж субъекта действия не может быть выделен на чисто формальной основе: соответствующие именные формы могут выражать и косвенный объект, ср.: (она) *платком покрывши* Междуречье Осташковск. Калин.; *всё как закрывши полотном белым* Шишелево Брусовск. Калин.; *от заводу поставивши на очередь* Олифники Угличск. Яр.; *не женивши он у нас* Заречье Горицк. Калин.; *всё у меня отобравши* Верхние Пороги Лесной Калин.; *у меня дверь закрывши крепко* Береза Порховск. Пск.; *у молотилки одно колесо сломавши* Кулаково Новоладожск. Лен.; *школа у нас открывши* Сушилово Боровичск. Новг. Сказанным объясняется то обстоятельство, что некоторые личные предложения с формами на *-ши*, включающие в себя тв. падеж имени или сочетание род. падежа с предлогом *у* [185], допускают двоякое толко-

[185] Личное предложение с субъектом действия, выраженным сочетанием имени в род. падеже с предлогом *от*, в нашем материале всего одно (см. его выше).

вание — могут быть поняты и как страдательные, и как нестрадательные конструкции, ср.: *трава льдом покрывши* Заполек Маловишерск. Новг.; *у него сенокосилка опять сломавши* Кулаково Новоладожск. Лен.; *у меня суп сваривши* Медведково Большекозловск. Калин.; *у ней горшок разбивши* Верхнее Тойсино Лодейнопольск. Лен.; *у него дверь открывши* Волково Ромашковск. Калин.; *чугун у меня согревши* Лукьяново Максатихинск. Калин.; *у него самовар согревши* Жилино Осташковск. Калин. Таким образом, учет семантической стороны контекста оказывается неизбежным при определении характера конструкции, включающей в себя форму на *-ши*, образованную от переходного глагола.

2. В силу того, что семантический критерий, на котором в значительной степени основано выделение страдательных конструкций, по самой своей природе неизбежно является зыбким, а также в силу нередкой в материалах атласа неполноты контекста, мы затруднились бы указать точное количество соответствующих примеров по нашим материалам. Бесспорных случаев около 500 (если не считать предложений с особо выделяющимися словоформами *одевши*, *обувши*, *раздевши*, *разувши*), но в действительности это число должно бы быть, по-видимому, значительно увеличено (не менее чем в два раза). Личные страдательные конструкции с формами на *-ши* отмечены в разных говорах — как на территории, характеризующейся регулярным употреблением предикативных форм на *-ши*, так — правда, изредка — и за пределами этой территории. Подтвердим сказанное иллюстрациями: *этот убогий был дома бросивши с братом* Замогилье Полновск. Пск.; *две корове, теперь одна продавши* Мельница Пушкиногорск. Пск.; *рожь горит — наверно, у немцев зажжовши* Лединки Лядск. Пск.; *маленькая шерстка не выбривши* Старищи Порховск. Пск.; *нога забинтовавши* Глушица Чудовск. Новг.; (во время войны) *которы затонувши были, которы разбивши* (о банях) Ямок; *теперь бойкой парень, были только ноги перебивши* Соловьево Волотовск. Новг.; *жена хорошая у меня из Ленинграда взявши* Пагино Удомельск. Калин.; *железка была приделавши* Зауженье Молоковск. Калин.; *у меня веревка тут кинувши* Заболотье Лесной Калин.; *своя крыша раскрывши, никто не поправляет* Ляды Бежаницк. Вел.; *иголка до сих пор не вытянувши* Лесутино Холмск. Вел.; *курица закутавши* Жукопа Ленинск. Вел.; *у тебя труба закрывши?* Захарово Звенигородск. Моск.; *он ведь сверху назначивши* Бабино Кингисеппск. Лен.; *коровы не угнавши сегодня* Ратилово Тихвинск. Лен.; *труба была закрывши* Нижняя Прионежск. Карел.; *вся земля соравши* Старина Борисово-Судск. Вол.; *изба цветам(и) убравши* там же; *она параличом разбивши* Замошье Череповецк. Вол.; *когда мельница работает, открывши* (магазин) Починок Болотов Арефинск. Яр.; *она выдавши в другую деревню* Ивашево Ростовск. Яр.; *все такие же деревни были,*

и не вспомнить, когда они и поставивши Великое Тутаевск. Яр.; *вся морковь выдергавши* Богородское Богородск.Кир.; *не убивши, а без вести пропавшой* Б. Сескино Дальне-Константиновск. Горьк.; *у нас комнаты не убрамши* Новинок Мариинско-Посадск. Чув.; *я думала, печка закрымши* Ушинка Заметчинск. Пенз.; *наши деревни были укрепивши оврагом* Болышево Холм-Жирковск. Смол.; *корова уже подоивши* Верещакино Кардымовск. Смол.; *может, он будет не так дюже сварёвши* Простево Всходск. Смол.; *дужка приделамши* Носово Износковск. Калуж.; *она* (дверь) *будет открымши* Плюсково Козельск. Калуж.; *она* (хата) *была вся заперши* Сильково Перемышльск. Калуж.; *изба раскрымши* Новоселки Каменск. Тул.; *картошка подпахамши* Сороколетово Арсеньевск. Тул.; *миска помывши* Буда Жирятинск. Брян.; *дожди лили каждый день, так земля дюже поливши* Черная Грязь Клетнянск. Брян.; *у нее лапти завсегда стоптавши* Новая Дубровка Красногорск. Брян.; *она в нашу деревню брана, взявши* Секерино Кореневск. Кур.; *хата у нее всегда вымывши* Марицы Льговск. Кур.; *утка охотником подбивши* Алябьево Бесединск. Кур.; *а в чугунку что накрымши?* Капризка Покровск. Орл.; *он в сетке завязавши* Казачья Лисица Грайворонск. Белг.; *сенцы открывши* Щетиновка Микояновск. Белг.; *раскрымши голова* Нижнее Дрезгалово Краснинск. Лип.; *скотина не поёмши* Студенки Усманск. Вор.; *я покровская — к Покровскому отдавши замуж* Покровское Коротолкск. Вор.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать, что личные страдательные конструкции с формами на *-ши* не локализуются в русских говорах сколько-нибудь отчетливо. Более того, изучение данного материала привело нас к убеждению, что возможности употребления рассматриваемых конструкций нельзя исключить ни для одной группы говоров, хотя это отнюдь не значит, что соответствующий материал может быть зафиксирован в каждом населенном пункте. Так, в частности, примеров страдательных конструкций не удалось записать в некоторых из тех населенных пунктов, которые были специально обследованы нами для настоящей работы,— Ефремкове, Чидове, Лавиничах Лодейнопольск. Лен.; Редковцах Пушкиногорск. Пск.; Кроксове Гдовск. Пск. Ф. П. Филин, изучавший распространение данных конструкций по очень объемным (частично личным) записям, сделанным на территории Псковской, Новгородской и Ленинградской обл., пришел к заключению, что страдательные конструкции с формами на *-ши* встречаются здесь «пятнами» [186]. Приблизительно такая же картина наблюдается, видимо, и на других территориях. Выделяется, однако, один ареал, в пределах которого конструкции типа *у меня веревка*

[186] Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 39.

тут кинувши распространены повсеместно и широко, но о нем мы скажем ниже специально, поскольку повышенной интенсивностью употребления здесь характеризуются и безличные страдательные конструкции.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в диалектологических материалах, относящихся к периоду деятельности МДК, страдательные конструкции с формами на *-ши* совершенно единичны. Вот все известные нам случаи: *совсем был запустёмши монастырь*; *дверь была отпёрши* Мещовск. у. [187]; *все варотики запершы, притворшы-та на замкý* Кур. губ. [188]; *веревка задевши* Олон. губ. [189]; *сад не засеявши е* Олон. губ. [190]; *что это в тебя лицо замазавши?* Пск. губ. [191]; *стены разбивши* Бельско-Себежск. вол. Лужск. у. Петерб. губ. [192] (С точки зрения формальной некоторые из приведенных предложений могут быть интерпретированы и иначе). Можно предполагать, что употребление предикативных форм на *-ши*, образованных от переходных глаголов, в страдательных конструкциях так же, как и употребление их в конструкциях нестрадательных,— явление, активно развившееся за последние десятилетия.

Добавление, касающееся личных и безличных страдательных конструкций

Выше уже отмечалось, что в пределах территории, характеризующейся регулярным употреблением предикативных форм на *-ши*, выделяется ареал, где страдательные конструкции — как личные, так и безличные — употребляются значительно последовательнее, чем на всей остальной территории. Граница этого ареала приблизительно такова: оз. Селигер — г. Боровичи — г. Бежецк — г. Калинин — оз. Волго — оз. Селигер (местами граница проходит южнее линии г. Калинин — оз. Волго). Показанная территория вписывается в территорию селигеро-торжковских среднерусских говоров: несовпадение границ имеет место

[187] Н. Дурново. Южновеликорусские деепричастия на *мчи* и *мши*, стр. 10—11.— В другой работе, характеризуя говор деревни Парфенки, Н. Н. Дурново указывает, что деепричастия на *мши* употребляются не только в действительном, но и в страдательном значении, однако примеров не приводит. См.: Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии, стр. 191.

[188] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 156.

[189] Там же, стр. 154.

[190] А. А. Шахматов. Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. Архив Акад. наук, ф. 134, оп. 1, № 225, л. 21 об.

[191] Ответ на диалектологическую программу по г. Торопцу и его уезду. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 191.

[192] Ответ на диалектологическую программу. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 189.

на западе и, по-видимому, на юге (ср. приведенную в данной работе карту 4 и «Диалектологическую карту русского языка» в книге «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой).

Рассматривая конструкции, в предикативную основу которых входят причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, мы указывали, что основная часть селигеро-торжковских говоров выделяется среди всех русских говоров пониженной употребительностью данных конструкций. — Для селигеро-торжковских говоров, таким образом, оказывается характерным вытеснение одних причастных форм другими. Подтвердим это положение соответствующими замечаниями, имеющимися в материалах, собранных для атласа на территории Калининской обл.: «Деепричастия употребляются часто и в роли сказуемого и вместо кратких страдательных причастий» Оболтино Удомельск.; «Страдательные причастия не употребляются. Говорят: *взявши в солдаты*, *снопы свезши*, *грядки вскопавши*, *корова напоивши*, *мука смоловши*» Терелесово Вышневолоцк.; «Деепричастия употребляются в роли сказуемого вместо личных форм глагола и вместо причастий страдательного залога» Дубище Удомельск.; «Страдательные причастия в говоре встречаются редко» (и следуют примеры с формами на *-ши*) Шелехово Лихославльск. Для материалов, относящихся к территории селигеро-торжковских говоров, характерно, что формы на *-ши* приводятся не только в ответах на те вопросы программы, которые касаются данных форм (№ 118—120), но и в ответах на вопросы, посвященные формам с суффиксами *-н-*, *-т-* (№ 121, 122).

Заметим, что на выделенный небольшой участок приходится немногим меньше половины имеющихся у нас предложений, которые уверенно могут быть определены как страдательные конструкции.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ НА *-ши*

Прежде чем рассматривать отдельные вопросы, касающиеся лексико-грамматического состава предикативных причастных форм на *-ши*, представляется целесообразным привести полностью список словоформ, отмеченных в наших материалах (материалах, собранных для составления диалектологических атласов, и наших личных записях), несмотря на то, что этот список займет немало страниц[193].

Предлагаемый список насчитывает 2015 единиц; количество разных слов — 1981; разница между количеством слов и коли-

[193] Данный список используется и в следующей главе настоящей работы при сравнении лексико-грамматического состава причастных форм на *-ши*, употребляющихся в разных функциях.

чеством приведенных в списке единиц объясняется тем, что 34 слова представлены двумя формообразовательными вариантами [194]. Больше половины слов из нашего списка — 996 — встретилось всего по одному разу, а количество слов, отмеченных не более 10 раз,— 1757. Слов, отмеченных 11—20 раз,— 97; 21—50 раз — 75; 51—100 раз — 29; 100—500 раз — 16 (*выехавши, выпивши, выросши, евши, женивши, заболевши, легши, одевши, погибши, попавши, привыкши, родивши, сгоревши, снявши, собравши, умерши*); 500—1000 раз — 6 (*вышетчи, померши, приехавши, пришетчи, уехавши, ушетчи*) и свыше 1000 раз (1153 раза) — одно слово (*оставши*).

Словоформы приводятся в списке в алфавитном порядке. Для каждой словоформы указывается количество случаев употребления — см. цифры без скобок; цифра не ставится только при словоформах, зафиксированных в предикативной функции один раз. При отдельных словоформах имеются грамматические или лексические разъяснения.

Среди приведенных в списке словоформ значительное количество таких, которые могут быть образованными как от возвратных, так и от невозвратных глаголов. Данные словоформы сопровождаются указанием — при помощи цифр в скобках — на количество случаев, когда словоформа с известной уверенностью может быть определена как образование от невозвратного глагола (о грамматической квалификации глаголов применительно к диалектному материалу см. на стр. 103) [195]. Выделение указанной группы делалось в тех случаях, когда материал давал для этого надежные основания. Отдельные словоформы сопровождаются замечаниями о виде; иногда вид показывается также при помощи ударения.

Лексические пояснения даются в тех случаях, когда глагол,

[194] Вариантами одного слова мы считали различающиеся формообразовательными особенностями формы на *-ши* от одного инфинитива. Вот их перечень: *восшетши — вошетчи, выкиснувши — выкисши, высохнувши — высохши, завянувши — завявши, закиснувши — закисши, замерзнувши — замерзши, заперевши — заперши, зароссовши — заросши, засохнувши — засохши, иссохнувши — иссохши, направивши — направши, настановивши — наставши, напухнувши — напухши, ослабнувши — ослабши, ослепнувши — ослепши, отправивши — отправши, пересохнувши — пересохши, погибнувши — погибши, попривыкнувши — попривыкши, посохнувши — посохши, поставивши — поставши, привыкнувши — привыкши, придевши — пришетчи, принесёмши — принесши, проведёмши — проведши, прокиснувши — прокисши, разведёмши — развевши, распухнувши — распухши, свезёмши — свезши, сдохнувши — сдохши, скиснувши — скисши, сожжовши — сожогши, уйдёмши — ушетчи, усохнувши — усохши.*

[195] Поскольку при указании количества примеров со словоформами от невозвратных глаголов цифра 1, естественно, опущена быть не может, возникают такие случаи, как *вперши* (1) — это значит, что словоформа отмечена в предикативной функции всего один раз (цифра 1 опущена) и что она является образованием от невозвратного глагола.

от которого образована данная словоформа, отсутствует как в «Словаре современного русского литературного языка», изданном АН СССР (М.—Л., 1950—1965), так и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Эта часть списка была сопоставлена нами с материалами трех словарных картотек: картотекой «Псковского областного словаря» (ЛГУ) и двумя картотеками, находящимися в словарном секторе Института русского языка (Ленинградское отделение) — картотекой словаря литературного языка (она включает в себя различные материалы, в том числе и диалектные) и картотекой «Словаря русских народных говоров». Из названных картотек мы заимствуем как конкретные примеры, так и предварительные определения значений глаголов (в случаях, когда такие определения сделаны) [196]. Однако некоторое количество имеющихся в нашем списке словоформ не встретилось и в указанных рукописных материалах. В этих случаях мы вынуждены были ограничиться приведением словоформы в контексте или собственными замечаниями об их значении — преимущественно по отношению к лично собранному материалу. (Весь этот материал мы передали, в свою очередь, в картотеку «Словаря русских народных говоров»). При некоторых словоформах есть отсылки к словарю В. И. Даля (сокращенно — Д.). Они даются в тех случаях, когда соответствующий словоформе глагол в словаре отсутствует, но какой-то сопоставимый материал имеется в статье на другое слово, или приведенная словоформа в словообразовательном отношении далека от глагола, от которого образована.

Итак, в нашем материале отмечены в предикативном употреблении следующие причастные формы на *-ши*: *абортировавши* (*это не тая корова, что абортировавши* Мишина Гора Полновск. Пск.); *бачивши*; *бегавши* 4; *бежавши* 3; *бивши* 3(2); *болевши* 6; *бравши* 5(4); *бривши*; *бросивши* 9(6); *бывавши* 20; *бывши* 74; *валявши* 2; *варивши*; *вбивши* 2(1); *вваливши* 3; *вгорнувши* (*она вгорнувши* Маковье Выгоничск. Брян.; ср. укр. *вгорнутися* ‘завернуться’, ‘закутаться’, ‘укутаться’...); *вдавши* 3; *вдевши* (1); *вдовевши*; *ведавши*; *венчавши* 8; *вернувши* 18; *взбороновавши* (1); *взбунтовавши*; *взгрустнувши* 2(2); *вздремнувши* (1); *вздувши*; *вздынувши*; *взлетевши*; *взопревши* 2; *взошетчи* 39; *въехавши* 2; *взявши* 97(49); *видавши* 16(14); *видевши* 4(2); *висевши*; *вклинивши*; *включивши* (1); *вколотивши* 2(2); *влезши* 7; *влетевши* 2; *вломивши*; *влюбивши* 2; *внявши*; *вобравши* 2; *водивши*; *воевавши*; *возвративши*; *возивши* 4(4); *волочивши*; *вооруживши* 2; *ворвавши*; *воротивши* 3; *воскреснувши*; *воспитавши* 2(2); *восшетши* (*восшетши в колхоз* Заручье Бежецк. Калин.); *воткнувши* (1); *вошетчи* 25;

[196] Пользуемся случаем поблагодарить работников словарного сектора Ин-та русского языка и Ленинградского ун-та, любезно предоставивших нам возможность воспользоваться материалами собранных ими картотек.

вперши (1); *впивши* 3; *вписавши*; *врéзавши*; *вросши* 2; *вряхáвши* (*ноне крот вряхáвши в огороде* Кануновщина Гдовск. Пск.); *вскипевши* 24; *вскипятивши* 3; *вскопавши* 4(4); *вскочивши* 3; *вспáливши* (*на часовню были вспáливши* Баранье Подпорожск. Лен.; одно из значений гл. *вспалиться* ‘рассердиться’, карт. сл.русск. нар. гов.); *вспахавши* 3(3); *всплывши* 2; *вспотевши* 19; *вспухши*; *вставлявши* (1); *вставши* 78; *встретивши* 6(1); *встречавши* (1); *вступивши* 8(8); *втерпевши* (*сейчас получше*: *хоть болят, а все-таки втерпевши* Шелехово Лихославльск. Калин.) [197]; *втиснувши* 5(1); *вторнувши* (см. Д. *вторгаться*); *втянувши* 8; *выбегши* 2; *выбежавши* 2; *выбивши* 5(3); *выбиравши* (1); *выболевши* (*выболеть* ‘претерпеть, перенести мучительную боль’, карт. сл. русск. нар. гов.) 3; *выбравши* 5(4); *выбривши* (1); *выбросивши* 2; *выбывши*; *вываливши* 12; *вывезши* (1); *вывернувши*; *вывихнувши* 2; *выворотивши*; *выгнавши* 11(11); *выгнивши* 6; *выгнувши*; *выгоревши* 15; *выдавши* 8(8); *выдвинувши*; *выделивши* (1); *выдергавши* (1); *выдравши* (1); *выехавши* 120; *выживши* 8; *вызвавши* (1); *вызревши* 8; *вызябши*; *выигравши* (1); *выкарабкавши*; *выкативши* 2; *выкинувши* (1); *выкипевши* 2; *выкиснувши*; *выкисши* 3; *выкопавши* (1); *выкосивши* (1); *вы́купавши*; *вылегши*; *вылезши* 7; *вылетевши* 9; *вылечивши*; *выливши* 3(1); *вылинявши* 3; *выломавши*; *вымазавши*; *вымерши* 5; *вы́метавши* (о растениях) 2; *вымокши* 4; *вымывши* 14(6); *вынесши*; *вынувши* 2(2); *выпавши* 15; *выпахавши* 2; *выпачкавши* 2; *выперши* 2; *выпивши* 202(202); *выпивши* (1); *выписавши* 3(1); *выползши*; *выполнивши* (1); *выполнявши*; *выполовши* 4(4); *выпросивши*; *выпукнувши* (*выпукнуть* ‘выпучить, вытаращить’, карт. сл. русск. нар. гов.); *выпустивши* 3(3); *выработавши* 3(2); *вырастивши* 2(2); *вырвавши*; *выронивши*; *выросши* 103; *вырубивши* 2(2); *вырывши* 3(3); *вырядивши* 3; *высевши* (*кровь так и высевши* Погребище Плюсск. Пск) [198]; *выселивши* 11; *выскочивши* 2; *выславши* 2(2); *выслуживши* (1); *высохнувши* 3; *высохши* 23; *выспавши* 26; *выспевши*; *выставши* 2; *выстаревши* (*выстареть* ‘состариться’, карт. сл. лит. яз.); *выстиравши*; *выстоявши* 4(2); *выстроивши* 14(9); *выступивши*; *высунувши*; *высушивши* 4(1); *вы́сыпавши* 5(2); *вытаращив* (1); *вытаскавши* 3; *вытекши* 4; *выткавши* 2; *выторнувши*; *вытянувши* 4(3); *вытяпавши* (*свекла вытяпавши*; *капуста хорошая вытяпавши* Васильево Псковск. Пск.; ср. Д. *вытять*) 2; *выучивши* 54(6); *вы́ходивши* (1); *выходи́вши* 2; *вышетчи* 736; *вышивши* (1); *выявши* (*как ветер выявши был* Плотники Смоленск. Смол.; ср. Д. *вьять*, *вiять*); *въехавши* 2; *глупевши*; *глядевши*; *гнавши* 3(3); *говевши*; *годивши*; *гостивши*; *грабивши* (1); *гребши*

[197] Ср.: Надо только вжиться в этот мир, обвыкнуть, втерпеться (Ф. В. Гладков. Боец Назар Суслов. — Карт. сл. лит. яз.).

[198] Ср.: (у лука) *отрежешь корень ножом — молоко так и выседает* Семехино Островск. Пск.; *обдеру ноги, так кровь так и выседает* Заходы Островск. Пск. (карт. пск. обл. сл.).

(1); *гревши*; *гулявши* 11; *давши* 23(19); *девавши* 2; *девши* 35; *делавши* 7(7); *делявши*; *державши*; *добивавши*; *добивши*; *доваривши*; *довевши* 3; *догадавши*; *договоривши* 15(1); *догоревши*; *додумавши* 2; *доевши* 3; *доехавши* 5; *дождавши* 4; *доживши* 6; *дожидавши*; *доивши* 2(1); *доклавши*; *докрывши*; *допекши*; *доплакавши*; *доработавши*; *доросши*; *досадивши*; *досидевши*; *досохши* 3; *доспавши* 3; *доспевши*; *доставши* 19(5); *дострадавши*; *достругавши*; *достроивши*; *дотопивши*; *доучивши* 2; *дошетчи* 33; *думавши* (1); *евши* 194(194); *ездивши* 7(7); *езжавши*; *ехавши* 4; *жалевши* 2; *женивши* 291(2); *жеребивши* 3; *живши* 44(44); *жравши* 7; *забегши* (*забечь* ‘забежать’) 2; *забедневши*; *забежавши* 5; *забивши* 8(5); *забинтовавши* 2(2); *заблевавши*; *заблудивши* 11; *заболевши* 110; *заболтавши*; *забороновавши*; *забоявши*; *забравши* 67(2); *забрызгавши* (1); *забывши* 7(7); *заваливши* 25(4); *заварившись* (1); *завевши* 8(4); *завербовавши* 8(1); *заверивши*; *завернувши* 10(1); *завеявши* 3 (от переходного гл.); *завивши* 6(5); *зависевши*; *завозивши*; *заволновавши*; *заворотивши*; *завтракавши* 5; *завявши* 8; *завязавши* 6(4); *завязши*; *завянувши*; *загасши*; *заглохши* 4; *заглянувши*; *загмырившись* (*ну чего ты загмырившись* Ликовское Осьминск. Лен.; ср. *гмыриться* ‘хмуриться’, ‘хныкать’, ‘капризничать’, ‘брезговать’, ‘сердиться’, карт. пск. обл. сл.); *загнавши* 5; *загнивши* 3; *загноивши*; *загнувши* 5(2); *заговоривши*; *загоношивши* (приведено без контекста; ср. Д. *гоношить*); *загоревши* 27(14); *загорнувши* (*загорнуться* ‘завернуться’, карт. сл. лит. яз.); *загородивши* 4(2); *загорянивши* (*загорянуть* ‘сделаться горьким, невкусным, испортиться’, карт. сл. лит. яз.) 2; *загрязнивши* 3; *загубивши* (1); *загулявши* 4 (4); *задавивши* 4; *задавневши* (*задавнеть* ‘застареть’, карт. сл. лит. яз.); *задавши*; *заделавши*; *задержавши* 3; *задичавши* 3; *задолжавши* 3; *задохнувши* 2; *задравши* 4(4); *задубевши*; *задумавши*; *заевши* 2; *заехавши* 28; *зажавши* (1); *зажаривши*; *зажжовши* (от гл. *зажечь*); *заживши* 8; *зажигавши* (1); *зажмуривши* 3(1); *зажравши*; *зазеленевши* 2; *зазнавши*; *заинтересовавши* 2; *закаливши* 2; *закаравши* (*рак закаравши* Кануновщина Гдовск. Пск.; одно из значений гл. *закарать* ‘замучить’, карт. пск. обл. сл.); *закативши* 9(1); *закинувши* (1); *закипевши* 2; *закиснувши* 2; *закисши* 3; *заколотивши* 2(2); *заколянивши* (см. Д. *заколяветь*); *закончивши* 2(1); *закопавши* 4; *закоптевши* 13; *закормивши*; *закрасивши* (1); *закрепши* (*закрепнуть* ‘сделаться крепким’, ‘закаменеть’, карт. сл. лит. яз.) 4; *закружившись* 2; *закрутивши* 2(1); *закрывши* 54(36); *закутавши* 4(2); *залежавши* 4; *залезши* 6; *заленивши*; *залетевши* 9; *заливши* 29(17); *заложивши* 6(5); *залубевши* (*залубеть* ‘залубенеть’, карт. сл. лит. яз.); *залудевши* (см. Д. *залуживать*); *залякнувши* (*он залякнувши* Сиковицы Струго-Красненск. Пск.; *залякнуться* ‘заноситься, превозноситься в разговоре’, карт. сл. русск. нар. гов.; *залякнуться* ‘закинуть голову назад’, карт. сл. лит. яз.); *замазавши* 3; *замаравши* 5; *замаскировавши*; *замахнувши*; *замаявши* 2; *замерзнувши* 9;

замерзши 46; *замерши*; *замесивши* (1); *замешкавши*; *замиривши* 2; *замкнувши* 2; *замлевши*; *замнувши* (*замнуть* ‘замкнуть’, карт. сл. лит. яз.); *заморивши* 9; *замотавши* (1); *замучивши* 7; *замывши*; *занесши* 2(1); *занимавши* (1); *занявши* 34(33); *заобложивши* (*заобложить(ся)* ‘превратиться в обологу, т. е. запущенную пашню’, карт. сл. лит. яз.); *заоболочавши*; *заоболочивши* (*заоболочать*, *заоболочить* ‘покрываться, покрыться тучами’, безл., карт. сл. лит. яз.); *заостривши*; *запавши*; *запасши*; *запахавши* 2; *запачкавши* 5; *запекши* 4; *заперевши* (1); *заперши* 13(13); *записавши* 55(2); *запихавши* 2(2); *заплативши* (о деньгах) 2; *заплативши* (об одежде); *заплевши* 3(3); *заплесневевши* 2; *заплеснивши*; *заплутавши*; *заплывши* 2; *заплющивши* (1); *запогодивши*; *запоздавши*; *запотевши*; *заправивши* 3; *запрегши* 8(8); *запретивши* 2(2); *запрудивши* (1); *запрыгавши*; *запрягавши*; *запрятавши* 5(2); *запугавши* (1); *запустивши* 3; *запутавши* 11; *запухши* 3; *запыливши* 3; *запьяневши* 2; *заработавши* 4(3); *заразивши* 8(2); *зарвавши*; *зарегистрировавши* 4; *зарезавши* 2(2); *заржавевши* 4; *заровнявши* 2; *зародивши* 5; *зароссовши* (*колодец зароссовши был* ‘зарос’ Реброво Даниловск. Яр.); *заросши* 97; *зарубцевавши* 2; *заругавши*; *зарудевши* (см. Д. *зарудить*) 2; *зарывши* 9(5); *засахаривши* 3; *засевши* 9; *заселивши*; *засеревши* (здесь *засереть* ‘закоснеть в серости’: *мы тут засеревши* Мхи Осьминск. Лен.); *засеявши* (1); *засиневши* 3; *заскорузши* 2; *заскудавши* (*она заскудавши* ‘заболела’ Красавино Нюксенск. Вол.); *заскучавши*; *заслонивши* 2(2); *заслуживши*; *заснувши* 14; *засоривши* 6; *засосавши*; *засохнувши* 4; *засохши* 42; *заставивши* (1)—о комнате; *заставши*; *застаревши* 2; *застегнувши* 2(2); *застеливши* (1); *застолбеневши* (*застолбенеть* ‘остолбенеть’, карт. сл. лит. яз.); *застоявши*; *застраховавши*; *застреливши* (1); *застроивши* 2(1); *застрявши* 3; *застудивши* 2; *заступивши* 2(1); *застывши* 12; *засукавши* (1); *засыпавши* 5(2); *затворивши* 2; *затекши*; *затерявши* (1); *затихши*; *заткавши* (*заткать* ‘заткнуть’); *заткнувши* 4(4); *затомивши*; *затонувши* 4; *затопивши* 7(7) — о местности; *затоплявши* (1) — о печке; *заторнувши* (см. Д. *затаривать*); *затравеневши* 2; *затративши* (1); *затупивши*; *затухши* 3; *затучивши* (см. Д. *затучный*) 2; *затюрёмши* (*ой, он затюрёмши*! — старуха высказывает опасение, что так будут говорить о ее сыне, когда он вернется из тюрьмы, Чидово); *затянувши* 9(6); *захвативши* 4(3); *захворавши* 21; *захлебнувши*; *захленувши* (см. Д. *захлебать*); *захлынувши* (приведено без контекста; *захлынуть* ‘залиться, заполниться’, карт. пск. обл. сл.; *захлынуть* ‘захватить’, карт. сл. лит. яз.); *захоронивши* (1); *зацвевши*; *зацедивши* (*я зародивши, как свет зацедивши* Патрово Псковск Пск.); *зацепивши* 4; *зачаливши*; *зачахши*; *зачерствевши*; *зачитавши*; *зашивши* 2(2); *зашетчи* 57; *зашумевши*; *защелкнувши* (1); *защепивши*; *заявивши*; *знавши* 17(17); *зоривши*; *игравши*; *избавивши*; *избаловавши* 13; *извертевши*; *изголодавши* 2; *иззябши*; *изломавши* 2; *измаравши* (1); *изменивши* 2; *измешавши* (*измешаться* ‘мешаться сполна, без остатка’, карт. сл. лит. яз.); *из-*

мокши; *измотавши* 2; *измучивши* 2; *изорвавши*; *изошотши* (о материи); *изрéзавши* (1); *изрывши* (1); *изуродовавши* 2(2); *изучивши* (1); *имевши* (1); *искобенивши* (1); *ископавши*; *искупавши* 4; *испахавши* (1); *испекши* 11(3); *исплакавши* 2; *исполнивши* 6(1); *испортивши* 65(2); *испугавши* 25; *иссохнувши*; *иссохши* 3; *истекши*; *истерши*; *истопивши* 13(13); *истощавши* (1); *истрепавши* 2(1); *кинувши* 3(3); *кипевши*; *клавши* 3(3); *клевавши*; *козленивши* (*коза козленивши* Красиковщина Середкинск. Пск.; ср. Д. *козел*); *колосивши*; *кончавши*; *кончивши* 49(20); *копавши* 5(4); *косивши* 5(5); *котенивши* (*котенить* и *котениться* ‘родить детенышей’ — о кошке, карт. сл. лит. яз.) 6; *котивши* 3; *крестивши*; *кричавши* 4; *крывши* (1); *крянувши* (см. Д. *кретать*); *кувыркнувши* 2; *кулачивши* (*мы не кулачивши были* Филатово Обоянск. Кур.; одно из значений гл. *кулачить* ‘раскулачивать’, карт. сл. лит. яз); *купавши* 4; *купивши* 16; *кусивши* (*а здесь комар кусивши* Бабино Кингисеппск. Лен.; одно из значений гл. *кусить* ‘укусить’, карт. сл. лит. яз.); *кушавши* 8; *ладивши* 2(2); *легши* 111; *лежавши* 5; *ленивши*; *ложивши*; *ломивши* (1); *лопнувши* 20; *любивши* (1); *месивши*; *мобилизовавши*; *моливши* 2; *молотивши* (1); *мывши* 9(1); *набаловавши*; *набасивши* (см. Д. *баса*); *набéгавши* 2; *набегши* (*набечь* ‘набежать’) 2; *набежавши* 3; *набивши* 17(3); *наблюдамши* (1); *наболевши* 2; *наболтавши* (1); *набоявши* (*мы все были набоявши* Новоселье Лужск. Лен.) [199]; *набравши* 24(5); *набривши*; *набухши*; *набывши* (*они уже там, в Германии, долго набывши — язык знают* Ямок); *наваливши* 8(5); *наваривши* (1); *навевши* (1); *навернувши*; *навестивши*; *навеявши* (от гл. *навеять*); *навидавши* 2; *нависши*; *навозивши* 2(2); *наволокши*; *наворотивши*; *навстававши* (*мы уже навстававши* Ратилово Тихвинск. Лен.); *навыревши*; *навьявши* (*снежок навьявши* Спас Новоторжск. Калин.) [200]; *навязавши* 9(1); *наглядевши* 6; *нагнавши* 3; *нагнувши* 3; *наголодавши*; *нагоревши*; *наготовивши* (1); *нагревши* 11(2); *нагуляв ши* 3; *надевши* 31(23); *наделавши* 5; *надломивши* 2; *надоевши* 21; *надорвавши*; *надравши*; *надувши* 10(3); *надушивши* 2(1); *наевши* 42(1); *наездивши*; *наехавши* 56; *наживавши*; *наживши* 6(3); *нажравши* 5; *назвавши* 6(6); *назливши* (1); *назначивши*; *назревши* 2; *называвши* 3; *назябши*; *накаливши*; *накапавши*; *накативши* (1); *накинувши* (1); *наклавши* 4; *наклепавши*; *наклонивши* 7; *наклюнувши* 2; *наколовши* 4 (4); *наколотивши* (1); *накопавши* (1); *накопивши* 12(4); *накормивши* (1); *накосивши* 8(8); *накрививши*; *накрутивши*; *накрывши* 11(5); *накупивши*; *накутавши*; *накушавши* 3; *наладивши* 6; *налезши*; *налепивши*; *налетевши* 7; *наливавши*; *наливши* 22(7); *нализавши*; *наловивши*; *наломавши*; *налопавши*; *налюбовавши*; *намазавши* 2; *нама-*

[199] Ср.: Как набоишься дома, так и за границей небо с овчинку кажется (М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом.— Карт. сл. лит. яз.).

[200] Ср.: *сколько снегу за ночь навьяило* Мещовск. у. Калуж. губ. (карт. сл. русск. нар. гов.).

равши; *намасливши*; *намаявши*; *намевши* 2; *намерзши* 2(2); *наметивши* (1); *намокши* 4; *намоловши* (1); *наморивши* (1); *намостивши* (1); *намочивши* 4; *намучивши*; *намывши* 5(1); *нанесши* (1); *наносивши* (от гл. св. вида без *-ся*); *нанюхавши*; *наняв*ши 11(7); *наобедавши* (*да я уж напивши и наобедавши сегодня* Щелейки); *наобозливши* (*он на меня наобозливши* Борки Лесной Калин.); *напавши* 15; *напекши* 2(2); *напивши* 48; *напиливши* 2; *написавши* 5(5); *напитавши* 4; *напихавши* 3(3); *наплакавши* 2; *наплевши* (1); *наплодивши* 2; *наплутовавши*; *напоивши* 6; *наполнивши* 2; *наполохавши* 2; *напоровши* (1); *направивши* 2(1); *направши* (‘направивши’: *я думаю, их тут направши до дуры* Марьинско Лядск. Пск.); *напрактиковавши*; *напрявши* 2(1); *напрягши*; *напрянувши* (*развязку напрянувши* Большие Прихабы Ельнинск. Смол.; *воды напрянумши* Гришина Слобода Жуковск. Брян.; ср. Д. *напрянуть*) 2; *напугавши* 8; *напустивши* 2(2); *напутавши*; *напухши*; *наработавши* 3(2); *нарвавши* 5(3); *народивши* 30(1); *наросши* 10; *нарубивши* 5(5); *нарядивши* 17; *насадивши* 4(3); *насажавши* 3(2); *насевши* 7; *населивши* 2(1); *насидевши* 2; *наскитавши*; *насластивши*; *насмотревши* 5; *насоливши* 3(3); *насоривши* (1); *насохнувши*; *наставивши* (1); *наставши* (‘наставивши’: *вся деревня наставши войском* Высокое Каменск. Калин.); *настановивши*; *настлавши* 10(10); *настоявши* 2; *настроивши* 14(9); *наступивши* 2; *настывши*; *насыпавши* 8(8); *натворивши*; *натекши*; *натерпевши*; *натискавши*; *наткавши*; *натопивши* (1); *наторнувши* (*в шапке-то наторнувши перья* Спас Новоторжск. Калин.)[201]; *натучивши* (см. Д. *натучный*) 2; *натянувши* 3(1); *наудивши*; *научивши* 33; *нафотографировавши* (*он нафотографировавши* Токариха Краснохолмск. Калин.); *нахватавши*; *нахмаривши*; *нахмуривши* 3; *находивши* (от гл. несв. вида без *-ся*) 2; *нахомутавши* (*этот Артем был три тысячи нахомутавши* Высокое Каменск. Калин.; ср. Д. *нахомучивать*); *нахрустнувши*; *начавши* 32(4); *начинавши*; *начитавши*; *начкавши* (*Дуня вчера была начкавши* ‘напилась пьяной’ Шамокша); *нашивши* (1); *нашетчи* 11(11); *нащепавши*; *незамогши*; *обваливши* 3; *обвенчавши*; *обвесивши*; *обветривши* (1); *обвивши* 4(2); *обвязавши*; *обгоревши* 22; *обгородивши* (1); *обгулявши*; *обделавши* 3(1); *обедавши* 10; *обеднявши* 2(2); *обернувши* 3; *обеспечивши* (1); *обессилевши* 2; *обещавши*; *обжаривши*; *обжегши* (1); *обживши* 2; *обидевши* 3; *облегнувши* (*облегнуться* ‘облокотиться’, ‘налечь’, карт. сл. лит. яз.); *облегши* (*вот так облегши на сцену* Колоколово); *обледеневши*; *облезши*; *обленивши* 2; *облепивши* 3(3); *облетевши* 2; *обливши* 6(2); *обложивши* 2(2); *обломавши* 5; *обломивши* 2; *обмазавши*; *обманувши* (1); *обмаравши*; *обмерзши* 3; *обмеривши* 2(2); *обмертвевши*; *обмерши*; *обметавши* (1); *обмолотивши* 7(6); *обморозивши*; *обмочивши* 2; *обнаглев-*

[201] Ср.: *наторнулся на нож* ‘наткнулся’ смоленск. говоры (карт. сл. лит. яз.); ср. Д. *вторгаться*.

ши; *обнизавши* (1); *обнищавши*; *обносивши* 5; *обнявши*; *обобравши* 4; *ободравши* 3(1); *обожравши*; *обозливши* 8; *обозоривши* (*народ за войну обозоривши* Осинкино Новоржевск. Пск.) [202]; *обокравши* (1); *оболевши*; *обомлевши*; *оборвавши* 14(3); *обородатевши* 2; *обородевши* (*обородеть* 'обородатеть'); *оборотивши*; *обошотци*; *обрабативши* (*он обрабативши* Загорье Печорск. Пск.); *обрадовавши*; *образовавши* 6; *образумивши*; *обривши* 2(1); *обронивши*; *обросши* 8; *обрусевши* 2; *обрушивши* 5(1); *обрядивши* 5; *обсеменивши*; *обсеявши*; *обсохши*; *обступивши* 4; *обсы́павши*; *обтрепавши* 2; *обтянувши* 5(2); *обувши* (обычно гл. без *-ся*, но в отдельных случаях неясно, гл. без *-ся* или с *-ся*) 52; *обучивши*; *обуявши*; *обфуривши* (*обфурить* 'облить', карт. сл. русск. нар. гов.); *общепивши* (*весь общепивши образами* — в рассказе о сне, Дивны Себежск. Вел.); *обшивши* (1); *объевши* 4; *объединивши*; *объявши* (1); *объягнивши*; *обязавши* 3(2); *овдовевши* 5; *оглохши* 5; *огородивши*; *огулявши* 9; *одевши* (обычно гл. без *-ся*, но в отдельных случаях неясно, гл. без *-ся* или с *-ся*) 122; *одичавши* 4; *оженивши* 21; *ожеребивши* 2; *ожравши* (*эти быковские ожравши вино* Староселье Удомельск. Калин.); *озверевши*; *озеленевши* (*моя нива озеленевши* Малы Печорск. Пск.) [203]; *озливши* 2; *озолотивши*; *озябши* 7; *оказавши*; *окидавши*; *окинувши*; *оккупировавши*; *оклавши* 2; *окозивши*; *околевши* 10; *окончивши* 11 (8); *окопавши* 12; *окотивши* 2; *окрасивши* 2(1); *окрепши*; *окрестивши*; *окривевши*; *окровеневши*; *окруживши* (1); *окрутивши* 2; *окрывши*; *окультивировавши* (*я окультивировавши* Тростна-Ивакина Ершичск. Смол.); *окунувши*; *окупавши* (1; от гл. св. вида); *окутавши*; *окучивши* 2 (2); *онемевши*; *опавши* 5; *опешивши* 2; *опивши* 4; *оповадивши* (*оповадиться* 'привыкнуть', ср. Д. *поважать*) 8; *опоясавши* 3; *опревши* 3; *определивши*; *опрокинувши* 9; *опустивши* 9 (4); *опухнувши* 3; *опухши* 22; *опушивши*; *опьяневши* 2; *организовавши* 2; *осветивши*; *освободивши*; *осевши*; *оскаливши*; *ослабевши* 3; *ослабнувши* 2; *ослабши*; *ослепнувши*; *ослепши* 7; *осмонувши* (1); *осмелевши*; *осохши*; *остававши*; *оставивши* 5; *оставши* 1153; *остановивши* 34; *остригши* (1); *остудивши* 2; *остывши* 2; *осушивши* (1); *осы́павши* 4; *осябривши* (*осябриться* 'остановиться', 'поселиться', карт. пск. обл. сл.); *отбавши* ('отбавивши': *мышей хоть отбавши* Серебрянка Ефимовск. Лен.)[204]; *отбегши* (*отбечь* 'отбежать'); *отбеливши* (1); *отби́вши* 3 (2); *отболевши* 2; *отваливши* 4; *отваривши* 4 (4); *отвернувши* 4 (1); *отвисши*; *отвлекши*; *отвоевавши*; *отворивши* 3; *отворбживши*; *отвыкши* 5; *отгоревши* 2; *отдавши* 12 (12); *отделавши* (1); *отделивши* 62; *отдохнувши* 4; *отдыхавши*; *отекши*; *отеливши*

[202] Ср.: *абазорники* 'озорники'; *абазорный* 'озорной' (карт. пск. обл. сл.).

[203] Ср.: Садил я их (деревья) по большей части уже в самое лето и как они уже озеленели (А. Т. Болотов. Записки.— Карт. сл. лит. яз.).

[204] В данном предложении предикативная форма на-*ши* употреблена очень необычно.

25; *отжавши* (несв. вид — *отжинать*); *отживши; отказавши* 2; *отклеивши* 2; *откликнувши; отколотивши; откормивши* (1); *открывши* 47 (42); *откупивши* 2; *откутавши* 2 (2); *отлетевши* 2; *отличавши; отличивши; отломавши; отломивши* 3; *отлучивши* 5; *отмеривши* (1); *отмерши* 3; *отметивши* 2; *отмоливши*; *отмолотивши* (1); *отмякши* 2; *отнявши* 19 (2); *отобравши* 2 (2); *отогнавши; отожравши* (*быки отожравши все* Касково Удомельск. Калин.); *оторвавши* 18 (1); *отославши* 2; *отошетчи* 21; *отощавши; отпавши* 6; *отпасши; отпахавши; отпаявши; отпекши*; *отперши* 2 (2); *отпивши* (1); *отписавши; отпотевши; отправивши* 15 (5); *отправши* (‘отправивши’: *отправши в Ленинград* Новая Тосненск. Лен.); *отпросивши; отработавши* 2 (2); *отрéзавши* 2 (2); *отрекнувши* (*отрекнýться* ‘отречься’, карт. пск. обл. сл.); *отросши* 2; *отсевши* (*яйца отсевши* Покитино Батуринск. Смол.; ср. Д. *отсаживать*); *отселивши* 2; *отсеявши* 2; *отскочивши* 2; *отслуживши* 10; *отставши* 34; *отстоявши* 3 (1); *отстроивши* 2; *отступивши* 10 (5); *отсыревши; отужинавши; отýчивши* (*пасмурно — отýчивши, туман* Зайцева Валкск. Латв.)[205]; *отцвевши; отчаивши; отъевши*; *отъехавши* 15; *оформивши* 4; *охвативши; охрипши* 3; *оцарапавши* 2 (1); *оценивши; очерневши* (*очерневши я вся* Монастырек Сланцевск. Лен.); *очистивши* (1); *ошалевши* 3;, *ошпаривши* (1); *павши* 20; *пáривши; пахавши* 5 (5); *певши* 2 (2); *пекши* (1); *перебегши; перебивши* 3 (3); *переблевавши* (*переблеваться* — св. вид к *блеваться*, карт. сл. лит. яз.); *переболевши; перебравши* 2; *перебывши; перевалившии* 2 (2); *перевалявши; перевевши; перевернувши* 2 (1); *перевозивши; перевопевши* (*своих детей на произвол судьбы бросала: прибегу — он перекричавши и перевопевши* Подборовье Полновск. Пск.)[206]; *перегнувши; перегоревши; перегородивши* (1); *перегревши; передергавши; передравши; переехавши* 35; *переждавши; переженивши; пережившии* 3; *пережравши; перезябши; перекидывавши; перекинувши; перекосивши; перекрасивши; перекрестивши* 2; *перекричавши; перелаявши; переливши; переломавши* 2 (1); *перемазавши* 5; *перемаравши* (1); *переменивши* 8; *перемерши* 6; *перемешавши; перемокши* 2; *перемоловши; перемочивши* 4; *перенешóтчи* (от. гл. *перенести*); *перенявши* (1); *переодевши* 4; *перепачкавши; перепивши; переплакавши; переплевши* 2; *переплывши; переправивши; перепревши* 2; *перепугавши; перепутавши* 2; *перепятнавши* (*вся синими пятнами перепятнавши* — о больной девочке, Колоколово); *переработавши; перервавши* 2 (1); *переросши; переругавши; перерядивши; пересевши; переселивши* 5; *пересоливши; пересохнувши; пересохши* 6; *переставши* 2; *перестоявши* 2; *перестроивши* 2; *перетерши; перетомивши; перецыпавши* (*я все ноги перецыпавши* Оболтино Удомельск. Калин.; ср. Д.

[205] Ср.: ... на свинцовом фоне отученного неба (Н. А. Маркевич. Типы прошлого.— Карт. сл. лит. яз.).

[206] Ср.: *утром пришла половши, а цыплята все перевопевши, им на волю хочется* Подолетье Гдовск. Пск. (карт. пск. обл. сл.).

цыпать); перешетчи 43; *пеявши* (*пеять* ‘петь’, карт. сл. лит. яз.); *пивши* 32 (32); *пихавши; пихнувши; плакавши* 2 (1); *плевши; плескавши; плясавши; побегши; побежавши; побелевши* 3; *побеливши; побивши* 3; *побомбивши* (*побомбивши были* Бортники Кировск. Калин.); *поборонивши* (см. Д. *борона*); *побравши; побывавши* 5; *побывши* 3; *повадивши* 18; *поваливши* 11 (6); *повалявши* 2; *повенчавши* 6; *повернувши* 3; *повесивши* 7 (3); *повешавши* (см. Д. *повисать*); *повидавши* 3 (3); *повисши; поворотивши* (1); *повредивши; повырубавши; повышетчи* 4; *повявши; повязавши* 6; *погасши; погибнувши* 12; *погибши* 252; *погинувши* 5; *поглядевши; погнавши; поголодавши; погоревши* 29; *погревши* (1); *погулявши* 6; *подавивши; подавши* 4 (3); *подаривши; подбивши* 3 (3); *подвевши; подвернувши; подвыпивши* 3; *подвязавши* 2; *подгнивши; подгоревши* 5; *подготовивши* 2 (1); *подевши* 2; *поделавши* 2 (1); *поделивши; подернувши; поджавши* (1); *подзаболевши* (*он подзаболевши* Могутово Моловск. Калин.); *подзавивши; подзаживши* (*подзаживши и колхоз* Монастырек Сланцевск. Лен.)[207]; *подкопавши* (1); *подладивши; подмывши; поднявши* 25 (6); *подобравши* 5 (2); *подобувши* (*подобуться* ‘обуться’, карт. сл. лит. яз.); *подоивши* 7; *подорожавши; подоткнувши; подохши* 2; *подошетчи* 14; *подпахавши; подперши* (1); *подписавши* 12 (1); *подпоясавши* 3 (2); *подравши; подросши* 2; *подрубавши; подруживши* 2; *подрядивши* 3; *подсохши* 3; *подстывши; подтвердивши; подтерши* (1); *подтянувши* (1); *подъехавши* 3; *подызломавши* (*у меня подызломавши* — о печке, Окулово Бокситогорск. Лен.); *подымавши* (1); *подынунши* (*подынуться* ‘подняться’, карт. сл. лит. яз.); *поевши* 31 (31); *поездивши; поехавши* 20; *пожавши* 5 (от гл. *пожинать*); *пожегши; пожелтевши* 2; *поженивши* 21; *поживши* 11; *пожравши* 3 (3); *позабывши* 3 (3); *позавтракавши* 2; *позамерши; позанявши* (о посуде); *позаросши; позасевши* (см. Д. *позасаживать*); *позаснувши; позастлавши* (1); *поздоровавши; поздоровевши; познавши; познакомивши* 15; *позябши; поивши* 2 (2); *поиздержавши; поймавши* 3 (1); *показавши* 5; *покалечивши* 2; *покачнувши; поклонивши; поколевши* 2; *покоривши; покормивши* 2 (1); *покосивши; покрасивши* (1); *покрасневши; покрививши; покрывши* 27 (22); *покупавши* (от гл. несв. вида без *-ся*) 2; *покупавши* (от гл. св. вида); *покусавши* (1); *покушавши* 3; *поладивши* (1); *полегши; поливши* 4 (3); *положивши* 6 (6); *поломавши* 11 (7); *получавши* (1); *получивши* 30 (16); *полюбивши* (1); *помаравши* (1); *померзши* 4; *померши* 515; *помешавши* 15; *помиривши* 2; *помлевши* (*у меня всё понывши, помлевши* Селище Пречистенск Смол.)[208], *помолотивши* (1); *поморозивши; помотавши* 2; *помо-*

[207] Ср.: *и я считаю, что это верно, что в сутки 18 часов работали, а потом мы подзажили, подправились* Турово Бежаницк. Пск.; *теперь-то и подзажились, как на денежную плату перешли* Страшево Струго-Красненск. Пск. (карт. пск. обл. сл.).

[208] Ср.: *пока помлейте дня два, а там я вам хлебы спеку* Сковородка Струго-Красненск. Пск.; *уж вы помлейте, поголодайте маленько, потом молока*

чивши (1); *помутивши* 2; *помучивши; помывши* 11 (5); *понабравши; понадоевши; понаехавши* 8; *понакосивши* (*понакосить* ‘довольно накосить’, карт. сл. лит. яз.); *понапивши* (*девки понапивши были* Мельница Пушкиногорск. Пск.); *понахватавши* (1); *поначитавши; понашовши; понравивши* 3; *понывши; понявши* (1); *пообваливши; пообедавши* 2; *пообидевши; поостывши; поотвыкши; попавши* 138 (95); *попаривши; попахавши; попивши* 7; *поплывши; попортивши* 11 (3); *поправивши* 11 (2); *попревши; попривыкнувши; попривыкши; поприехавши* (*поприехать* ‘приехать во множестве’, карт. пск. обл. сл.); *попримерши; попришоцци* (*народу попришоцци много* Кочева Дубровск. Брян.); *попросивши* 2 (1); *попрощавши; попрятавши* 3 (1); *попугавши; попутавши* (1); *попухши; поработавши* 6; *поработивши; поразложивши; поразмочивши* (см. Д. *поразмокали*); *поразошоцци; поразъехавши* 5; *поранивши* 4 (4); *пораскутавши* (*всё пораскутавши* Русская Березовка Красноярожск. Белг.; ср. Д. *раскутать*); *порасстроивши; порастрепавши* 2; *порасшивши* (*швы-то порасшивши были* Романовское Весьегонск. Калин.); *порвавши* 12; *поросивши* 6; *поросши; поругавши* 3; *посадивши* 8; *посбаловавши* (*муж был посбаловавши, потерявши* Скирино Солецк. Новг.); *посгоревши; посдавши* (*в плен-то посдавши* Малая Песочня Кировск. Калуж.)[209]; *поседевши; поселивши* 22; *посеявши* 15 (14); *посивевши* (см. Д. *посивел*) 7; *посидевши* 2; *посиневши* 5; *поскитавши* 2; *послявши* 5 (5); *посломавши* 2; *послуживши; посмотревши; пособравши* (*все свои были пособравши* Чернухи Невельск. Вел.)[210]; *посодравши; посоливши* 6(5); *посоловевши; пососавши* 3; *посохнувши; посохши; поспевши* 71; *поспоривши; поставивши* 30; *поставши* (‘поставивши’: *давно изба по-старинному поставши* Дубище Удомельск. Калин.); *постаравши; постаревши; постеливши; постлавши* 6 (4); *постоявши* 3; *пострадавши* 11; *постригши; построивши* 37 (19); *построчивши; поступивши* 20 (20); *посуливши; потаскавши; потевши* 2; *потекши; потерявши* 49 (9); *потолкавши; потонувши* 8; *потопивши* (1); *потравивши* (1; о траве); *потрепавши* 3 (2); *потрескавши; потрудивши* 2; *потянувши* 2 (1); *поуезжавши; поужинавши* 2; *поумерши; поупавши* (*да поупавши на дворик, да вся перевозивши утиральником* Суково Весьегонск. Калин.; см. Д. *поупадали*); *поучивши* 6; *похваставши; похиливши; похлёбавши* 2; *походивши* (от гл. св. вида) 3; *похолодивши; похоронивши* 6 (5); *похудавши* 4; *похудевши* 8; *почерневши* 5; *починивши* 2 (2); *пошатавши* 2; *пошетчи* 34; *появивши* 15; *предвидевши* (1); *препоручивши* (1); *преставивши;*

вам надою там же; *посадили мово Ваньку не ведаю за что, вот я-то помлела* Гридино Новоржевск. Пск. (карт. пск. обл. сл.).

[209] Ср.: оно... ни в чем не спасовало, нигде не посдало ни единого вершка (В. В. Стасов—о товариществе передвижников.— Карт. сл. лит. яз.).

[210] Ср.: *молодежь-то пособралась немножко* Ветно Холмск. Пск.; *пошла в огородец пособрать тмину* Нежадово Плюсск. Пск. (карт. пск. обл. сл.).

прибавивши; прибаюкавши; прибегши 10; *прибежавши* 12; *прибивши* 4 (3); *приболевши; прибравши* (1); *прибывши* 5; *приваливши* 2; *привевши* (1); *привезши* 3 (3); *прививши* 2; *привидевши; привинтивши* 2 (2); *привозивши* (1); *привыкнувши* 20; *привыкши* 358; *привязавши* 7(4); *приглядевши; пригнавши* 28(10); *пригнувши; пригодивши* 2; *приголтавши; пригоревши; пригорюнивши* 2; *приготовивши* 9(6); *придевши* (*Руслан давно уж придевши — пришел* Гимрека); *приделавши* 4(4); *придравши* (*сегодня придравши домой* Монастырек Сланцевск. Лен.; одно из значений гл. *придрать* ‘прийти’, ‘прибежать’, ‘явиться’, карт. сл. лит. яз.); *придумавши; приевши; приехавши* 874; *прижавши* 4 (2); *приживши* 3(1); *призадумавши; призаживши* (*они теперь призаживши — хлеб у них загоняется* Кивуя Новоладожск. Лен.; *нужда давила... земля плохо родила, навозу нет, а кто и призаживши был* Черноручье Волховск. Лен.) 2; *приземливши; признавши* 4(4); *признакомивши* (*признакомиться* ‘ознакомиться’, ‘познакомиться’, карт. сл. лит. яз.); *приискавши* (1); *прикинувши* 2; *приключивши* 4; *прикончивши; прикопивши* (*там сажа прикопивши* Бурмаково Демянск. Новг.); *прикормивши; прикрепивши; прикрутивши* (1); *прикрывши; приладивши* (1); *прилегши; прилепивши; прилетевши* 12; *прилипши* 3; *применивши; примерзши* 2; *примерши; примявши; приналадивши* (*я давно приналадивши, только стыдно было идти незванной в кумовья* Покровское Островск. Пск.); *принесёмши* (от гл. *принести*); *принесши* 5(5); *принявши* 13(4); *приобревши; приодевши; приперши* 3(1); *приплывши; приповадивши* (*а мне приповадивши, или что такое, дай солененькой рыбы* Большая Пустошь Лодейнопольск. Лен.; ср. Д. *поважать*); *припортившись* (*с пожару был припортившись* Липник Переченск. Вел.)[211]; *припрятавши* 2; *припухши; приросши* 6; *присвоивши; прискакавши; прославши* 2; *прислонивши; приснивши* 3; *приспоровивши* 2; *приспособивши* 2; *приссавши* (*ай ты девка — приссавши вся* Колоколово); *приставивши* (1); *приставши* 34; *пристроивши* 6; *пристывши; присябривши; притворивши; притерши; приткнувши* (1); *притомивши* 2; *притянувши; приумявши; приучивши* 3; *прихлынувши; прицепивши* 2; *причесавши* 3; *причитавшись; пришивши* 3(3); *пришетчи* 751; *пробивши* (1); *пробудивши; пробывши* 3; *провалившись* 21; *проведёмши* (от гл. *провести*) 2; *проведши; проверивши* 2(2); *провинивши* 2; *провявши; проглядевши; проглянувши; прогнавши* 3; *прогнивши* 5; *проголодёмши* (от гл. *проголодаться*); *прогоревши* 3; *прогостивши; прогулявши* 6(4); *продававши* 2(1); *продавши* 4(4); *продевши* 3(3); *продравши; проездивши* (1); *проехавши* 2(1); *прожившие* 21(21); *прозвавши* 2(2); *прокаливши; прокашлявши* (1); *прокиснувши; прокисши* 4; *прокопавши* (1); *прокормивши; пролезши; пролетевши* 3; *проливши* 4(2); *проломивши;*

[211] Ср.: *припорченный* ‘подпорченный’, ‘несколько испорченный’ (карт. сл. лит. яз.).

промокши 4; *пронесши; проносивши; пропавши* 74; *пропивши* 3(2); *прописавши* 6; *прополовши; проработавши* 2(2); *прощёмши* (от гл. *прорастить*); *прорвавши* 7; *прорéзавши; проросши* 3; *прорывши* (1); *просватавши* 2; *прославивши; прослуживши; прослышавшись* (*многие ходят, многие прослышиваются, вот у нас парень один прослышавшись* Жеребут Лужск. Лен.; одно из значений гл. *прослышаться* ‘появиться’, карт. сл. лит. яз.; ср. Д. *прослух*); *просмеявши; проснувши* 13; *просоливши* 7; *просохши* 5; *проспавши* 5(3); *простудивши* 31(1); *простывши* 9; *протекши* 2; *протерши; протянувши* 5; *проходивши* (от гл. несв. вида); *прошетчи* 69; *проявивши* 6; *прыснувши; прявши* 2(2); *прятавши; пустивши* 7(3); *работавши* 12; *разбаловавши; разбаявши* (*разбаяться* ‘разговориться с кем’, карт. сл. лит. яз.; ср. Д. *баить*); *разбéгавши* 3; *разбегáвши; разбегши* 2; *разбежавши* 11; *разбивши* 30(19); *разболевши* 12; *разболтавши* 2; *разбомбивши; разбретши; разбросавши; разбухтивши* (*колесо разбухтивши—косо стоит* Заполек Маловишерск. Новг.; ср. Д. *бухта*); *разбушевавши; разваливши* 37; *развалявши; развевши* 10; *разведёмши* (от гл. *развестись*); *развеселивши; развесивши* (1); *развивши; развинтивши; разводивши; развозивши* (от гл. св. вида с *-ся*); *разворотивши; развязавши* 5; *разгасивши* (1); *разговоривши; разгоревши* 6; *разгорячивши; разгулявши* 3; *раздавши* (‘раздавивши’: *раздавши ты его* (велосипед) Успенка Должанск. Орл.); *раздвоивши; раздевши* (обычно гл. без *-ся*, но в отдельных случаях неясно, гл. без *-ся* или с *-ся*) 69; *разделивши* 30 (4); *раздосадовавши; раздруживши; раздувши* 9; *разженивши; разжижневши* (*масло-то разжижневши* Редковцы); *раззевши; разлетавши* (от гл. св. вида); *разлетевши* 2; *разливши* 12; *разложивши* 4(1); *разломавши* 6(1); *размаявши; размноживши; размокши* 3; *размолодевши* (*в этой кофты размолодевши сегодня* Переволок Сланцевск. Лен.)[212]; *размягчивши; разнеживши; разнесши* (1); *разоболокавши* (1); *разобравши* 2(1); *разогнувши* (1); *разогревши; разодевши; разодравши; разозливши* 5; *разомкнувши* (1); *разомлевши; разорвавши* 12; *разоривши* 4; *разоспавши; разостлавши* 2 (1); *разочаровавши* 2; *разошетчи* 61; *разразивши; разранивши* (*разранить* ‘поранить’, ‘порезать’, карт. пск. обл. сл.); *разревши* (‘разревевши’: *они были разревши* Полетаево Опочецк. Вел.); *разрéзавши* (1); *разрешавши* (1); *разрешивши* 2; *разрогативши* (*разрогатиться* ‘разрастись в стороны’, ‘разветвиться’, карт. пск. обл. сл.); *разросши; разругавши; разрушивши; разрывши* 3; *разувши* (обычно гл. без *-ся*, но в отдельных случаях неясно, гл. без *-ся* или с *-ся*) 61; *разучивши; разъевши* 2; *разъезжавши* (1); *разъехавши* 51; *ранивши* 5; *раскаливши; раскапризивши* (*мальчишка раскапризивши* Жилино Осьминск. Лен.); *расквохтавши; раскидавши* 2(1); *расклавши* 2; *расклеивши* 2; *расклонивши; расковы-*

[212] Ср.: *размолодый* ‘очень молодой’ (карт. пск. обл. сл.).

рявши 2; *расколовши* 14(3); *раскорячившись; раскрасневши* 5; *раскричавши* 2; *раскрывши* 17(17); *раскулачивши; раскутавши* 2(2); *распавши* 3; *распахнувши* (1); *распевши; распливши* (1); *расписавши* 9; *расписывавши* 3; *расплакавши* 2; *расплативши; расплевши* 2; *расплодивши; расплывши; расплясавши; расположивши* 6; *распоровши; распорядивши; распоселивши* (*два жителя было, а теперь распоселивши* Верховье Оштинск. Вол.)[213]; *распотевши, распоясавши; распрягши; распространивши* 3(1); *распрянувши; распузативши* (1); *распустивши* 18(8); *распутавши* 2; *распухнувши; распухши* 57; *распыживши; рассевши; расселивши; рассердивши* 24; *расскучавши* (*я чего-то расскучавши, расплакавши* Жилино Осьминск. Лен.); *расслабши* 2; *рассохши* 12; *расстегнувши; расстрелявши* 2; *расстроивши* 27; *рассчитавши* 9; *рассыпавши* 6; *растаявши* 5; *растворивши* (1); *растерши* (1); *растерявши* 8(2); *растолстевши; растопивши* 3(1); *растопыривши* 3(1); *растрепавши* 10(2); *растянувши* 11(1); *расхворавши; расхлебавшись; расхлеставши; расхлопотавши* (*а этот со своей женой расхлопотавши* 'развелся' Колоколово); *расхохотавши; расцарапавши; расцвевши* 10; *расчесавши; расшатавши* 2; *расшершавивши* (*волосы расшершавивши, сам худой такой* Гверестка Гдовск. Пск.); *расшивши; расщеперивши; расщепивши; регистрировавши; рехнувши; решивши* (1); *родивши* (от гл. несв. вида) 3; *родивши* (от гл. св. вида) 298(8); *рожавши* (1); *росши* 2; *ругавши* 2; *руководивши; рухнувши; рывши* 2; *садивши; сажавши* 2(1); *сбе́гавши* 2; *сбегши* 3 (*сбечь* 'сбежать'); *сбежавши* 4; *сбивши* 17(5); *сблукавши* (*они сблукавши* Чудской Бор Тосненск. Лен.)[214]; *сборивши; сбривши; сбунтивши* 2; *сбычивши; сваливши* 35(1); *свалявши* 2; *сваривши* 44(9); *свевши* (1); *свезёмши* (от гл. *свезти*); *свезши; сверивши* (1); *свернувши* 5(1); *свивши* 5; *свихнувши* (1); *свозивши* 4(4); *свостривши* (*свостривши был ребенок* Гимрека; ср.: *свострилось* 'сошло на нет', карт. сл. лит. яз.); *свявши* (*свять* 'завянуть', карт. сл. русск. нар. гов.) 3; *связавши* 2; *сгнивши* 24; *сговоривши* 11(3); *сгодивши; сгонивши* (*сгонить* 'согнать', 'спугнуть', карт. сл. русск. нар. гов.); *сгорбативши* 2; *сгорбивши* 3; *сгоревши* 214; *сготовивши; сгулявши* (*сгуляться* 'войти в любовные отношения', карт. сл. лит. яз.); *сдавши* 4(4); *сделавши* 83(35); *сдохнувши; сдохши* 11; *сдруживши; сдуревши; сдынувши* (*сдынуться* 'подняться', карт. сл. лит. яз.) 3; *севши* 51; *сжавши* 5(4); *сжаривши* 3(1); *сживши; сидевши* 11; *сказавши* 9(9); *скатавши* (1); *скативши* 2; *сквасивши; скинувши* 5(5); *скиснувши* 3; *скисши* 5; *склавши* 5(5); *склонивши; скомандовавши; скомкавши; скончавши* 2; *скопивши* 24; *скопнявши* (*скопнять* 'скопнить'); *скормивши* 2(2); *скорчивши; скосивши*

[213] Ср.: [Ершишко] разжился, распоселился в нашем Ростовском озере (А. Н. Афанасьев. Сказки.— Карт. сл. русск. нар. гов.).

[214] Ср.: «Словарь русских народных говоров». Л., изд-во «Наука», 1968, статья «блыкаться».

(о траве) 9; *скосивши* (о лице); *скочивши*; *скрививши* 2; *скрошивши; скрутивши* 2; *скрывши* 10; *скучавши* 2; *ску́чивши* (1); *слезши* 7; *слёнувши* (*луга оба слёнулися, всё вода, всё слёнувши водой — еще подпорная из Ильменя* Скирино Солецк. Новг.)[215]; *слепивши* (от гл. св. вида) 2; *сливши* 15(2); *слинявши; слипши; сложивши* 6(5); *сломавши* 41(17); *сломивши; слонявши; служивши* 2; *случавши; случивши* 31; *слыхавши* 5; *слышавши* (1); *слюбивши; сляпавши; смекнувши; сме́нивши* 3; *смерзши* 9(9); *сметавши* (от гл. св. вида без *-ся*) 2; *смешавши* 4(1); *смеявши; смокши; смоловши* 2(2); *сморивши; сморщивши* 2; *смутивши* 2; *смучивши; смывавши; смычивши* (*концы лемешей как бы смычивши в середку* Староселье Тосненск. Лен.; ср. Д. *смыкать*); *смявши* 2; *снарядивши* 3; *снесши* 2(2); *снизивши; снимавши* 4; *снятивши; сносивши* (от гл. св. вида с *-ся*) 6; *снюхавши; снявши* 117(10); *собиравши* 2(1); *собравши* 137(7); *совершивши; согласивши* 6; *согласовавши* (1); *согнавши* 4; *согнувши* 8; *согревши* 11; *содравши; соединивши* 8(1); *сожжовши; сожогши; созли́вши* (*созлиться* ‘разозлиться’, карт. пск. обл. сл.); *сознавши; созревши* 9; *соливши* (1); *сомлевши* 2; *сопревши* 11; *соприкасавши; соравши* (*сорать* ‘вспахать’, карт. сл. лит. яз.) 2; *сорвавши* 11(4); *сосватавши* 3; *соскочивши* 5; *соскуча́вши* (*соскуча́ть* ‘соскучиться’, карт. сл. лит. яз.) 2; *соскучивши* 2; *состаривши* 17; *состоявши* (от гл. несв. вида); *состоявши* (от гл. св. вида: *сметана состоявши* Большое Тялино Кармановск. Смол.)[216]; *сотворивши; соткавши; сотлевши; сохранивши* 26; *сошетчи* 70; *спавши* 71; *спазёмши* (*спазёмить* ‘удобрить’, карт. пск. обл. сл.); *спаливши* (1); *спасши; спевши* (от гл. несв. вида); *спекши; спивши* 3, *сплевши* 3(3); *сплеснувши* (*сплеснувши с массами* Боровня Солецк. Новг.)[217]; *сплотивши; сплывши* 2(2); *сподевавши* (*сподеваться* ‘деваться’, ‘спрятаться ’, карт. сл. лит. яз.); *сползши; сполохавши* 2; *спотыкнувши; справивши* 20; *спрашивавши; спрятавши* 32(11); *спускавши; спустивши* 8; *спутавши* 6; *сработавши; сравнявши* 4; *сразивши* 2; *сре́завши; сробевши; сросши* 7; *срубивши* 3; *срядивши; ссевши; ссивевши* (*ссиветь* — св. вид. к *сиветь;* ср. Д. *сивый*); *ссохши* 19; *ссунувши; ставши* 24(24); *стаявши; стеливши* (*корова ноньмя второй раз стеливши* Шумилкино Качановск. Пск.); *стемневши; стемнявши* (*стемняться* ‘стемнеть’, карт. сл. лит. яз.); *стерши; стеснявши; стинивши* (*а когда лен стинивши — хряпа* Рассомухино Сошихинск. Пск.; ср. Д. *тина*); *стиравши; стиснувши; столокши* (1); *стоптавши* (1); *стоявши* 6; *стравивши* 3; *стративши* (1); *стронувши* 2; *стукнувши; судивши; суливши* 4; *сушивши* 2; *сфо-*

[215] Ср.: *напорознемся и не слёнем больше* Посадниково Новоржевск. Пск. (карт. пск. обл. сл.).

[216] Ср. в песне, записанной в Орловской обл.: *А я, млада, устоялась, Дожидала, покель вода состоялась* (карт. сл. лит. яз.).

[217] Ср.: Так, — задумчиво проговорил Елочкин,— очень хорошо, что сплеснулись мы с вами. Любопытно для меня в высшей степени (С. Голубов. Когда крепости не сдаются.— Карт. сл. лит. яз).

тографировавши 20; *схвативши* 9(2); *сховавши; сходивши* (от гл. св. вида без *-ся*) 9; *схоронивши* 5(1); *сцепивши* 3; *сшивши* 3; *съевши* 8; *съеживши; съездивши* 12; *съехавши* 15(4); *сыгравши; сыпáвши* (*Виталий не сыпáвши* Липовец 2-й Усть-Алексеевск. Вол.); *сябривши* (*где вы сябривши жить? у кого осябривши?* Немоево Сошихинск. Пск.; ср. Д. *присябриться*); *таскавши; теливши* 81; *ткавши* 2(2); *ткнувши* 2; *топивши* 7(7); *торговавши; трапивши* (см. Д. *траплять*); *треснувши; тронувши* 14(1); *трудивши* 2; *тягавши* (1); *убегáвши; убегши* 23; *убежавши* 35; *убивши* 22(22); *убиравши; убравши* 29(20); *убывши; уваливши; уваривши* 2; *увезши; увеличивши* (1); *увидевши* 2(1); *уволивши* 3(1); *увязши; угасши; угнавши* 18(18); *уговоривши; угоревши* 3; *угостивши; удавши* 5; *удаливши* 2; *ударивши* 5; *удобривши; удравши* 4; *удумавши; уехавши* 725; *ужинавши* 4; *узнававши; узнавши* 2(2); *уйдёмши* (от гл. *уйти*); *укипевши; уклавши* 3(1); *украви; украсивши; укрепивши* 8(2); *укрывши* 5; *укусивши* 2; *укутавши; уладивши* 2; *улегши* 4; *улетевши* 8; *уложивши* 2(1); *улыбнувши* 2; *умаявши* 2; *умевши* 4; *умерши* 318; *умокши; умолчавши; уморивши* 4; *умучивши; умывавши; умывши* 8; *унесши* 2; *унимавши; уносивши* (1); *упавши* 63; *упаковавши* (1); *уперши* 2; *упревши* 5; *упрятавши; упятивши* (1); *уродивши* 4; *уронивши; усáдивши* (*не, мама, я лучше на воскресник поеду — так и усáдивши на воскресник* Шамокша; ср.: одно из значений гл. *усадить* ‘уйти’, карт. сл. лит. яз.); *усевши* 6; *усмехнувши; уснувши* 10; *усопши; усохнувши; усохши* 2; *успевши; успокоивши; уставивши* 2; *уставши* 65; *установивши* 6; *устаревши; устеливши* (1); *устоявши* 3; *устрадавши; устроивши* 18; *утащивши* 2; *утекавши; утерявши* (1); *утонувши* 27; *утопивши* 6(3); *утопши* 2; *утрепавши; ухвативши; уцелевши* 2; *учивши* 22; *ушетчи* 866; *фотографировавши* 4; *хлопнувши; ходивши* 16; *хоронивши* (1); *хотевши* 2(2); *цвевши; цветавши* (*летось она не цветавши — уж ее стали искать* — о картошке, Демино Гусь-Хрустальн. Влад.); *читавши* 4(4); *шатавши; шивши* 2(2); *шлявши* 2; *шетчи* 19; *эвакуировавши* 23; *явивши* 15; *ягнивши* 13.

В настоящем разделе мы рассмотрим два круга вопросов: о степени лексического разнообразия предикативных форм на *-ши* по говорам и о составе глаголов, от которых образуются предикативные формы на *-ши*, с точки зрения трех признаков: переходности— непереходности, принадлежности к св. или несв. виду, наличию или отсутствию значения мутативности.

I. Выше мы показали соотносительность говоров по употреблению предикативных форм на *-ши* в плане количественном (см. карту-схему 1); теперь остановимся на вопросах, касающихся состава словоформ, отмеченных в разных говорах. В силу того, что количество рассматриваемых причастных словоформ, а тем более — словоформ, часто встречающихся в речи, является ограниченным, между количеством примеров и количеством лексем не может быть пропорциональности: чем больше примеров, тем неиз-

бежно большее место занимают среди них повторы лексем (так, например, если в населенном пункте записано 5 или даже 10 предложений с формами на *-ши*, то отношение числа употреблений формы к числу лексем может быть 1 : 1; при 50 предложениях такое отношение маловероятно, а при 100 — практически невозможно). Таким образом, соотнести между собой говоры, характеризующиеся регулярным употреблением предикативных причастных форм на *-ши*, с одной стороны, и говоры, где данное явление отмечено лишь спорадически, с другой , по широте круга глаголов, вовлеченных в образование данных причастных форм, достаточно сложно, и мы не можем здесь предложить никакого надежного показателя, который выводился бы из материалов атласа. (Объективным показателем было бы количество лексем, приходящееся на одно и то же — причем достаточно большое — количество примеров, записанных в разных говорах, но таким материалом мы сейчас не располагаем). Вместе с тем определить соотносительность говоров по данному признаку было бы важно не только для характеристики разных групп современных говоров, но и для восстановления истории предикативных причастных форм на *-ши* — в частности, для решения вопроса об исконном или неисконном характере конструкций типа *они здесь родивши, он давно ушетчи* в говорах, где соответствующие примеры фиксируются нерегулярно или даже редко [218]. Поэтому мы постараемся максимально представить здесь имеющийся материал, используя для этого разные способы.

1. Прежде всего остановимся на группе словоформ *выпивши, евши, обувши, одевши, пивши, разувши, раздевши, спавши*, имею-

[218] Ср., например, высказывание В. И. Чернышева о неисконном характере конструкций с предикативными формами на *-ши* в южнорусской языковой области и возражение ему со стороны В. А. Ивановой, которая пишет в своей монографии по брянским говорам: «Сказуемостное употребление неизменяемой причастной формы в изучаемых говорах позволяет не согласиться с мнением В. И. Чернышева относительно того, что предикативная функция указанной формы явилась следствием «моды» и инодиалектного влияния, осуществлявшегося через «бывалых» людей, главным образом, вероятно, через отходников. Но известно, что отходничество в Орловской, Курской и др. областях не направлялось в коренные места данного синтаксического диалектизма, в числе которых В. И. Чернышев называет Псковскую и Новгородскую области, а шло в южные пределы России, в основном на Украину, где к тому же «сказуемостное употребление деепричастий вовсе неизвестно» (см.: В. И. Чернышев. Описательные формы наклонений и времен в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. 1. М.— Л., 1949, стр. 221 и след.; В. А. Иванова. Простое предложение в говорах Брасовского района Брянской области. Автореф. канд. дисс. Л., 1953, стр. 12). Такой же точки зрения, как В. И. Чернышев, придерживается В. В. Земская (см.: В. В. Земская. Синтаксическое употребление деепричастий в современных южнорусских и среднерусских говорах. «Фольклорно-диалектологический сборник Челябинского гос. пед. ин-та». Кафедра русск. яз. и лит-ры. Челябинск, 1953, стр. 128).

щих в русском языке особую судьбу. В материалах атласов, относящихся к территории восточнее изоглоссы регулярного употребления предикативных форм на *-ши*, нередко указывается, что в предикативной функции отмечены лишь отдельные словоформы на *-ши*, и приводятся все или — чаще — часть из только что названных. Подобные же замечания можно встретить и в печатных работах, относящихся, например, к южнорусским говорам [219]. Словоформы из приведенного ряда в полупредикативном, а иногда и в предикативном употреблении — чаще со связкой прош. времени — отмечаются и в речи, которую нельзя, по-видимому, квалифицировать как диалектную. Так, предложения типа *она раздевши пошла; она раздевши была; я две ночи не спавши; не пивши, не евши были* можно услышать, в частности, от людей, говорящих на московском просторечии. Как известно, предикативное употребление словоформы *выпивши* признается допустимым и в современном литературном языке — в определенных стилях, конечно [220]. Таким образом, словоформы *выпивши*, *раздевши*, *евши* и другие из этого ряда отличаются в настоящее время более широкой сферой употребления в русском языке, чем другие формы на *-ши*. Словоформы данной группы выделяются и по своему грамматическому значению: они называют такой признак предмета, который уже с трудом связывается с действием — выступают как слова, почти чисто именные.

Представляется интересным проследить по разным говорам, какое место в собранных материалах среди всей массы примеров, включающих в себя предикативные причастные формы на *-ши*, занимают предложения со словоформами ряда *выпивши... спавши*. Относительная частота употребления конструкций с данными предикативными формами является объектом картографирования на карте-схеме 3.

Густотой цвета на рассматриваемой карте-схеме показано, какое количество предложений со словоформами типа *выпивши... спавши* приходится на каждые 100 предложений, в которых предикат выражен формой на *-ши*. При составлении данной карты-схемы был использован весь имеющийся у нас материал современных говоров (всего 18153 предложения), поскольку объектом картографирования на карте-схеме 3 является величина относительная; было допущено объединение материалов разных квадратов (тех же, что и на карте-схеме 2, см. выше), чтобы исходная

[219] См.: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 36; Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.— Л., 1949, стр. 200; В. В. Земская. Указ. соч., стр. 123; Л. М. Лосева. Синтаксические особенности русских народных говоров (пособие для студентов-филологов Черновицкого гос. ун-та). Черновцы, 1961, стр. 15.

[220] См., в частности: «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, стр. 487.

цифра в подсчетах всегда была достаточно большой (не менее 200 примеров).

Всего предложений с предикативными формами на *-ши*, приходящихся на картографированную территорию,— 17285, из них предложений со словоформами ряда *выпивши... спавши* — 380. На карте-схеме представлено 5 зон, общее количество примеров по которым и количество предложений с выделенными словоформами соответственно следующие: I — 14812—200; II — 1472—57; III — 318—22; IV — 268—25; V — 415—76.

Нарастание относительной частоты употребления конструкций со словоформами типа *выпивши, раздевши* происходит, как видно по карте-схеме, в направлении с северо-запада на юго-восток. Различия по говорам довольно значительны: в зоне I на каждые 100 примеров с предикативными формами на *-ши* предложений, включающих в себя словоформы ряда *выпивши... спавши*, 1—2; в зоне V — 10—20. В материалах, относящихся к территории восточнее изоглоссы регулярного употребления рассматриваемых форм, всего отмечено 868 примеров с формами на *-ши*; предложений с выделенными словоформами здесь — 423. Необходимо отметить, что относительная частота употребления конструкций со словоформами ряда *выпивши... спавши* не совсем одинакова на всей этой территории: если в севернорусских говорах предложения с данными словоформами составляют несколько более трети всего имеющегося материала (примерно 130 на 350), то в южнорусских — свыше 50%.

Рассматривая выше изменения по говорам относительной частоты встречаемости конструкций с вин. падежом объекта (карта-схема 2), мы констатировали, что увеличение доли данных конструкций, свидетельствующих о внутреннем разрушении диалектного явления, происходит по мере падения интенсивности употребления предикативных причастных форм на *-ши*. Для конструкций со словоформами ряда *выпивши ... спавши* обнаруживается та же закономерность: доля предложений типа *он выпивши, они были раздевши* среди всего количества предложений с формами на *-ши* минимальна в северо-западной части РСФСР, где рассматриваемые причастные образования распространены в предикативной функции наиболее широко, и максимальна на территории к востоку от изоглоссы регулярного употребления предикативных форм на *-ши*.

С точки зрения грамматического значения словоформы ряда *выпивши ... спавши* являются антиподом по отношению к формам на *-ши*, распространенным вин. падежом: если в последних процессуальность слишком подчеркнута и вытесняет именное начало, то в первых она почти совсем утрачена. И вместе с тем данные группы форм могут быть сближены: как те, так и другие характеризуются отходом от типового грамматического значения предикативных причастий на *-ши*.

2. Теперь приведем абсолютные цифры, показывающие, какое количество примеров с предикативными формами на *-ши* имеется в материалах по населенным пунктам на территории разных географических квадратов и какое количество разных лексем на них приходится. Несмотря на то, что из этих цифр нельзя построить, как отмечено выше, отношений для сравнения между собой разных территорий, известный интерес они, видимо, имеют. Дадим эти цифры в таблице, на которой схематично представлена территория, очерченная изоглоссой регулярного употребления предикативных форм на *-ши* (см. табл. 9). Знаменатель дроби называет количество примеров в материалах по тому или другому квадрату, числитель — количество разных лексем в этом материале. По территории, находящейся за пределами изоглоссы, подсчет произведен суммарно.

Из данной таблицы видно, что лексический состав предикативных форм на *-ши* разнообразен не только в говорах, характеризующихся широким употреблением рассматриваемых причастных форм, но и в говорах, где данное явление отмечается лишь спорадически или даже совсем редко. Так, на территории к востоку от изоглоссы регулярного употребления предикативных форм на *-ши* отмечено 247 разных лексем, которые приходятся на 868 примеров. Как было показано выше, почти половину здесь составляют предложения со словоформами ряда *выпивши ... спавши* — следовательно, остальная часть материала (445 примеров) характеризуется большим разнообразием состава: количество примеров даже в два раза не превышает количества лексем. Вот перечень лексем, зафиксированных на этой территории: *бегавши, бежавши, бывавши, бывши, ведавши, венчавши, взявши, видавши, воротивши, вскипевши, вскопавши, всплывши, вставлявши, вставши, выбиравши, выделивши, выдергавши, выехавши, вызябши, вылегши, вымывши, вынесши, выпивши, выпросивши, выспавши, вышетчи, гулявши, деливши, державши, доехавши, дождавши, досадивши, евши, езжавши, ехавши, жалевши, женивши, живши, жравши, заблудивши, заболевши, забравши, забывши, заварившии, завевши, завербовавши, заволновавши, завтракавши, заглянувши, загубивши, задравши, заехавши, зазнавши, закрывши, закутавши, заливши, замерзши, заперши, записавши, зародивши, зароссовши, заросши, заскудавши, заткнувши, затоплявши, затянувши, захворавши, зачитавши, знавши, избаловавши, измокши, изуродовавши, изучивши, кончивши, кричавши, купавши, купивши, кутавши, легши, лежавши, лопнувши, мывши, наблюдавши, нагнувши, нагулявши, наевши, наживши, называвши, накрывши, наморивши, напавши, напивши, насадивши, обгоревши, обедавши, обещавши, обмертвевши, обувши, одевши, окончивши, ожившии, опухши, оставши, отвыкши, отдавши, отделивши, открывши, откутавши, оторвавши, отпавши, отперши, отставши, отступивши, павши, переехавши, пережившии, перекидывавши, переки-*

Таблица 9

с. ш. \ в. д.	27°	28°	29°	30°	31°	32°	33°	34°	35°	36°	37°	38°	39°	40°
62°														
								65/125	138/364	20/20				
61°							225/660	149/400	41/76	37/54				
60°		324/841	169/367	100/205	141/370	176/472	111/276	187/493	134/286	54/76				
59°	227/509	394/1125	233/665	182/421	250/765	177/432	107/240	149/320	149/286	155/325	79/189	24/35	29/42	
58°		273/696	162/333	81/165	124/270	147/319	165/317	223/470	258/491	114/235	46/80	70/109	20/37	
57°		158/307	126/281	105/260	170/383	154/316	117/257	73/117	68/104	21/25				
56°			28/35	16/19	44/104	73/116	55/86	59/81	38/55					
55°					32/45	29/44	57/83	51/68	52/78	За пределами изоглоссы				
54°						35/38	73/90	44/49	36/52	32/39			247/868	
53°							17/19	47/55						
52°								16/18	41/54	28/33				
51°								13/13						
50°														

нувши, перепивши, перепревши, пересохши, пивши, повенчавши, повисши, повязавши, погибши, погревши, погулявши, подвыпивши, подгнивши, подоткнувши, подперши, поевши, поехавши, поживши, поивши, покрививши, покрывши, положивши, получивши, померши, попортивши, попросивши, поругавши, поселивши, пославши, поспевши, постаравши, постлавши, пострадавши, построивши, потаскавши, потерявши, похваставши, походивши, пошетчи, прибежавши, привыкши, пригнавши, приехавши, прижавши, приняв ши, приодевши, пришетчи, пробывши, проваливши, проглядевши, проголодёмши, прогулявши, проживши, проломивши, пропавши, проработавши, прорвавши, проснувши, проспавши, пустивши, работавши, разбивши, разваливши, разведёмши, раздавши, раздевши, разделивши, разогнувши, разувши, разъехавши, раскрывши, расписывавши, рассердивши, рассыпавши, растерявши, растрепавши, родивши (от гл. св. вида), *рожавши, сваливши, сваривши, сгонивши, сгоревши, сделавши, сдуревши, сживши, сказавши, скосивши, сливши, сломавши, служивши, снарядивши, собравши, согласовавши, согнувши, согревши, соединивши, сознавши, соравши, сосватавши, состоявши* (от гл. несв. вида) , *спавши, спрятавши, сразивши, сфотографировавши, сходивши, сыпавши, теливши, топивши, тронувши, трудивши, убивши, убравши, угасши, ударивши, уехавши, ужинавши, узнавши, укрывши, умевши, умерши, умывши, упавши, уставши, утрепавши, ушетчи, учивши, хлопнувши, ходивши, цветавши, читавши, явивши.*

Приведем примеры, относящиеся к разным говорам на территории восточнее изоглоссы: *вы были зачитавши* Пороги Ковжинск. Вол.; *весь клевер был вылегши* Верхне-Спасский Погост Тарногск. Вол.; *у нас называвши пестерь* Веретья Бабушкинск. Вол.; *коровушка опимшись* Беклемишево Устьянск. Арх.; *собака привыкши был* Новиково Сольвычегодск. Арх.; *мужик перепивши* Грибанова Гора Коношск. Арх.; *мы ехавши из Кирова* Малые Соболи Зуевск. Кир.; *я забывши свою жизнь* Станоговщина Сунск. Кир.; *вся морковь выдергавши* Богородское Богородск. Кир.; *на эко семейство одна работает, хозяйство упавши* Борок Буйск. Костр.; *теперече молодежь зазнавши* Калинино Буйск. Костр.; *он нигде не бывамши* Елизаровское Ореховск. Костр.; *здесь поживши уж была* Черново Середск. Яр.; *земля была не покрывши* Пигалево Любимск. Яр.; *проглядевши все глаза* Большие Поляны Заветлужск. Горьк.; *эти все поля раньше заросши были лесом* Надеждино Воротынск. Горьк.; *они в кружке не состоявши* Велетьма Кулебакск. Горьк.; *где только ни работамши* Шекшово Гаврилово-Посадск. Ив.; *кто честно трудивши, тот и трудодень получит* Клитино Палехск. Ив.; *как кончивши войну, так и живет в Москве* Дмитриево Кировск. Влад.; *мост был провалёмши* Заколпье Гусь-Хрустальн. Влад.; *у нас комнаты не убрамши* Новинск Мариинско-Посадск. Чув.; *бурмистр наблюдамши над барской землей* Медаево Чамзинск. Морд.; *они жимши много* Ольхово Озерск.

Моск.; *я печку не затоплямши* Ракитино Рузск. Моск.; *у тебя труба закрымши*? Захарово Звенигородск. Моск.; *бежавши от господ* Дубовка Золотовск. Сар.; *павши сынки-то* Журавлиха Болтайск. Сар.; *она уже свой дом построивши* Березовка Новопокровск. Сар.; *папаня поехамши* Паны Наровчатск. Пенз.; *он посламши* Димитриевка Русско-Камешкирск. Пенз.; *батя тады езжавши в город* Раево Моршанск. Тамб.; *я служивши* Шереметьево Рудовск. Тамб.; *зять пропавши* Осино-Гай Рудовск. Тамб.; *мы как раз год погоремши* Московка Молотовск. Лип.; *он разогнувши железку* Н. Мосоловка Грачевск. Лип.; *чай крепко заварёмши* Рогатово Елецк. Лип.; *не купамши по всей зиме* Боровок Новодеревенск. Ряз.; *лапти положимши* Буравцовка Токайск. Вор.; *скотина не поёмши* Студенки Усманск. Вор.; *самих стариков-то уж нет, которые оставши от панов* Песковатка Коротоякск. Вор.; *мать померши* Окороково Одоевск. Тул.; *он загоремши* Орловка Липецк. Тул.; *она отперши* (о двери) Ильинское Перемышльск. Калуж.; *она* (хата) *была вся заперши* Сильково Перемышльск. Калуж.; *он с ней записамши уже три года* Семеновка Касторенск. Кур.; *сеть подперши палкой* Копцево Боброво-Дворск. Белг.; *эта бутылка заткнувши* Прилепы Буденновск. Белг.; *вы проголодёмши* Каплино Старо-Оскольск. Белг.

3. Имеющиеся в наших материалах причастные словоформы на *-ши*, как уже было отмечено выше, очень сильно различаются между собой по степени употребительности: одни зафиксированы единично, другие — по несколько раз, третьи — свыше 10 раз, а есть и такие, количество примеров с которыми оказывается более 100 и даже более 500. Представляется интересным проследить, каковы с точки зрения степени употребительности те словоформы, которые отмечены в говорах, где предикативное использование причастных образований на *-ши* не является регулярным. Если рассмотреть с этой стороны приведенный выше перечень словоформ, отмеченных в восточной части русских говоров, то первое, что́ обращает на себя внимание,— это наличие здесь довольно большого количества (56) словоформ, встретившихся в наших материалах всего по одному разу. Аналогичное положение наблюдается и в говорах на южной части территории, очерченной изоглоссой регулярного употребления предикативных форм на *-ши*. Оказывается, что доля предложений со словоформами данной группы среди всего количества предложений с причастными образованиями на *-ши* наибольшая именно в тех говорах, где предикативное употребление рассматриваемых форм не является широко распространенным. Покажем это при помощи таблицы (см. табл. 10).

Приведенные в таблице цифры показывают для каждого географического квадрата или их группы, какое количество предложений со словоформами, единично зафиксированными во всем имеющемся материале, приходится здесь на каждые 100 случаев

Таблица 10

в.д. / с.ш.	27°	28°	29°	30°	31°	32°	33°	34°	35°	36°	37°	38°	39°	40°
62°														
61°									3,6					
60°							2,9	3,8		3,2				
59°		6,1	5,4	5,4	3,8	3,2	2,9	5,3	6,8					
58°	8,0	7,2	4,8	6,5	4,2	3,8	4,2	5,4	6,8	5,3	5,8	7,7		
57°		6,2	5,5	1,9		3,8	5,4	6,9	9,1	4,9				
56°		9,6	2,8	4,2	3,5	6,4	3,9		10,6					
55°				4,9				4,7		За пределами изоглоссы – 12,6				
54°							9,8							
53°								14,4						
52°														
51°									12,7					
50°														

предикативного использования причастных образований на *-ши*, не считая особо выделенных выше случаев со словоформами ряда *выпивши ... спавши*. Исключение предложений с формами типа *выпивши* сделано по тем же причинам, что и при составлении карты-схемы 2 (см. выше). Обработка материала велась с точностью до одной десятой [221]. Количество материала, которым мы располагаем для каждого отдельного географического квадрата (или их группы), невелико, поэтому надежность приведенных показателей нельзя преувеличивать, однако совокупность этих показателей все же дает представление об общей направленности имеющихся в пределах рассматриваемой территории изменений.

Анализируя далее в намеченном плане перечень словоформ, зафиксированных на территории за пределами регулярного употребления причастных образований на *-ши*, мы видим, что в нем есть словоформы, характеризующиеся разной степенью употребительности; словоформ, встретившихся в наших материалах по 2—5 раз, здесь 59; по 6—10 раз — 35; по 11—20 раз — 50; и, наконец, количество словоформ, отмеченных свыше 20 раз, равно 47. Мы провели обработку материала разных говоров при помощи таблиц, подобных только что приведенной (табл. 10), выделяя в качестве объекта рассмотрения группы словоформ, объединенных сходной (в известных пределах) употребительностью, а также отдельные широко распространенные словоформы (*уехавши*, *родивши*, *вышетчи*, *погибши* и др.). Оказалось, что в материалах по говорам, где предикативное употребление форм на *-ши* не является широко распространенным (говоры южной части территории, очерченной изоглоссой, и говоры за пределами изоглоссы), доля словоформ, предикативное использование которых зафиксировано по нашим материалам как более или менее редкое (2—5 примеров; 6—10; 11—20), бывает наибольшей; те же словоформы, которые отмечены по нашим материалам сотни раз, занимают здесь часто меньшее место, чем в говорах других территорий. Проиллюстрируем это последнее положение таблицей, где представлена доля предложений со словоформой *приехавши* среди всего количества предложений с предикативными формами на *-ши* (см. табл. 11).

Таким образом, оказывается, что своеобразие лексического состава форм на *-ши* на территории, где предикативное употребление этих форм не является широко распространенным, заключается не только в повышении удельного веса предложений со сло-

[221] В говорах на юго-западе РСФСР процент словоформ данной группы несколько повышен за счет того, что среди образований на *-ши* здесь встретились отдельные украинизмы, отсутствующие, естественно, на других территориях. Однако заметим, что изъятие этого материала изменило бы цифровые данные очень незначительно — в пределах десятых долей, а кроме того, единичные случаи образования форм на *-ши* от локально ограниченных глаголов имеют место и в других говорах (в частности, по-видимому, в псковских).

Таблица 11

в. д. / с. ш.	27°	28°	29°	30°	31°	32°	33°	34°	35°	36°	37°	38°	39°	40°
62°														
61°									8,4					
60°								6,0	6,6		6,0			
59°			4,2	6,8	5,4	9,6	3,8	4,7	4,3	3,6				
58°	5,0	3,7	4,7	6,3	5,5	4,7	7,6	3,8	2,8	4,7	6,9	3,8		
57°		3,8	3,7	4,0		7,6	4,1	4,5	4,2	5,8				
56°		4,0	6,4	10,1	5,1	7,0	7,1		7,7					
55°				7,2				6,1		За пределами изоглоссы – 0,9				
54°							2,0							
53°								1,2						
52°														
51°									1,9					
50°														

воформами типа *выпивши*, *раздевши*, но и в большой пестроте остальной части относящегося к этой территории материала.— Можно сказать, что здесь выше процент всяких «случайностей» в лексическом составе предикативных форм на *-ши*. В дальнейшем мы вернемся к этому вопросу и постараемся показать, что сумма «случайностей» — это проявление некоторой закономерности. Теперь же подчеркнем еще раз, что случаи предикативного использования словоформ, не относящихся к ряду *выпивши ... спавши*, отмечены на самых разных участках данной территории, хотя далеко не во всех населенных пунктах, которые были здесь обследованы.

II. Круг вопросов, касающихся состава глаголов, от которых образуются предикативные формы на *-ши*,— правда, применительно к части говоров — очень подробно изучен и освещен в печати В. И. Трубинским [222]. Наши замечания здесь будут носить характер некоторых дополнений к положениям данного исследователя (поскольку наш материал охватывает бóльшую территорию) и в какой-то степени возражений ему.

1. В. И. Трубинский, опираясь в известной мере на высказывания некоторых предшествующих исследователей, в частности П. С. Кузнецова, сформулировал положение о том, что одним из существенных условий для образования предикативных форм на *-ши* («предикативных деепричастий», по терминологии автора) является непереходность глаголов [223]. Нам представляется, что данная точка зрения в применении к современным говорам — даже если ограничиться обращением к говорам севернорусским и западным среднерусским — не является вполне правильной. С одной стороны, приходится считаться с тем фактом, что формы на *-ши*, хоть и изредка, но все же сочетаются с вин. и род. падежами объекта, с другой — и это положение кажется принципиально более существенным — рассматриваемые формы могут выступать в страдательных конструкциях, и в этих случаях они образуются, естественно, от глаголов переходных [224]. (Соответствующий мате-

[222] См.: В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада. (Канд. дисс., рукопись). Л., 1961; Он же. К вопросу о русском северо-западном перфекте. Л., изд-во ЛГУ, 1958; Он же. О лексической базе предикативного деепричастия в псковских говорах. «Псковские говоры. I. Труды первой Псковской диалектологической конференции 1960 года». Псков, 1962; Он же. О синтаксической омоформии деепричастий в русском языке (по материалам северо-западных говоров). «Вестник ЛГУ», № 8. Серия истории, языка и лит-ры, вып. 2. Л., 1966.

[223] См.: В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада, стр. 57 и след.; Он же. О лексической базе предикативного деепричастия в псковских говорах, стр. 176. Ср.: П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах, стр. 60 и след.

[224] В. И. Трубинский относит страдательные конструкции с формами

риал по разным говорам был рассмотрен выше.)— Применительно к русским говорам в целом мы бы считали возможным говорить об образовании предикативных форм на *-ши* лишь по преимуществу от непереходных глаголов. Это общее положение должно быть дополнено указанием на то, что использование в предикативной функции образований от глаголов переходных отмечается по говорам с разной относительной частотой: употребление данных форм в страдательных конструкциях, возможное в разных говорах, наиболее характерно для говоров селигеро-торжковских; относительная частота встречаемости причастных образований от переходных глаголов в действительных конструкциях нарастает по мере падения интенсивности предикативного употребления форм на *-ши* и с этим в какой-то степени связан высокий процент «случайных» словоформ на территории, где данное явление не предстает как широкое.

2. Все исследователи, описывавшие употребление причастных форм на *-ши*, отмечают, что предикативная функция характерна для образований св. вида. Наиболее категорическую формулировку находим в работах В. И. Трубинского: автор считает, что принадлежность к св. виду является условием для предикативного употребления деепричастия (хотя отдельные случаи использования в этой роли форм несв. вида приводятся им и для говоров северо-запада)[225]. Посмотрим, какие данные по этому вопросу содержатся в материалах, собранных для составления атласов (а также в наших личных записях).

Все количество словоформ несв. вида в наших материалах — 180, количество соответствующих примеров — свыше 800 (808), а если не считать предложений с выделенными в особую группу словоформами *евши*, *пивши* и *спавши* — свыше 500 (511). Дадим перечень словоформ несв. вида с указанием количества соответствующих примеров (отсутствие цифры означает, что словоформа отмечена один раз)[226]: *бачивши*, *бегавши* 4, *бивши* 3, *болевши* 6, *бравши* 5, *бривши*, *бывавши* 20, *валявши* 2, *варивши*, *вдовевши*, *ведавши*, *видавши* 16, *видевши* 4, *висевши*, *водивши*, *воевавши*, *возивши* 4, *волочивши*, *вряхáвши*, *вставлявши*, *встречавши*, *выбиравши*, *выполнявши*, *выходúвши* 2, *выявши*, *глупевши*, *глядевши*, *гнавши* 3, *говевши*, *годивши*, *гостивши*, *грабивши*, *гребши*, *гревши*, *гулявши* 11, *делавши* 7, *деливши*, *державши*, *добивавши*, *дожидавши*, *доивши* 2, *думавши*, *евши* 194, *ездивши* 7, *езжавши*, *ехавши* 4, *жалевши* 2, *живши* 44,

на *-ши* к числу неясных случаев и снимает их при подсчетах, см.: В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада, стр. 60 и след.

[225] См.: В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада, стр. 48—49; Он же. О синтаксической омоформии деепричастий в русском языке, стр. 129.

[226] Причастные формы, образованные от двувидовых глаголов (*бежавши*, *венчавши*, *женивши* и др.), в этот перечень не включены.

жравши 7, *зависевши*, *завтракавши* 5, *зажигавши*, *занимавши*, *запрягавши*, *затоплявши*, *знавши* 17, *зоривши*, *игравши*, *имевши*, *кипевши*, *клавши* 3, *клевавши*, *колосивши*, *кончавши*, *копавши* 5, *косивши* 5, *кричавши* 4, *крывши*, *купавши* 4, *кушавши* 8, *ладивши* 2, *лежавши* 5, *ленивши*, *ложивши*, *ломивши*, *любивши*, *месивши*, *моливши* 2, *молотивши*, *мывши* 9, *наблюдавши*, *наживавши*, *называвши* 3, *наливавши*, *находивши* 2, *начинавши*, *обедавши* 10, *остававши*, *отдыхавши*, *отличавши*, *пахавши* 5, *певши* 2, *пекши*, *перекидывавши*, *пеявши*, *пивши* 32, *пихавши*, *плакавши* 2, *плевши*, *плескавши*, *плясавши*, *подрубавши*, *подымавши*, *поивши* 2, *покупавши* 2, *получавши*, *потевши* 2, *привозивши*, *причитавшись*, *продававши* 2, *проходивши*, *прявши* 2, *прятавши*, *работавши* 12, *разбегáвши*, *разводивши*, *разоболокавши*, *разрешавши*, *разъезжавши*, *расписывавши* 3, *родивши* 3, *рожавши*, *росши* 2, *ругавши* 2, *руководивши*, *рывши* 2, *садивши*, *сажавши* 2, *сборивши*, *сидевши* 11, *скучавши* 2, *слонявши*, *служивши* 2, *случавши*, *слыхавши* 5, *слышавши*, *смеявши*, *смывавши*, *снимавши* 4, *собиравши* 2, *соливши*, *соприкасавши*, *состоявши*, *спáвши* 71, *спевши*, *спрашивавши*, *спускавши*, *стесняви*, *стиравши*, *стоявши* 6, *судивши*, *сушивши* 2, *сыпáвши*, *таскавши*, *ткавши* 2, *топивши* 7, *торговавши*, *трапивши*, *трудивши* 2, *тягавши*, *убегáвши*, *убиравши*, *ужинавши* 4, *узнававши*, *умевши* 4, *умывавши*, *унимавши*, *уносивши*, *утекавши*, *учивши* 22, *ходивши* 16, *хоронивши*, *хотевши* 2, *цевши*, *цветавши*, *читавши* 4, *шатавши*, *шивши* 2, *шлявши* 2, *шетчи* 19 [227].

Предикативное употребление форм на *-ши*, образованных от глаголов несв. вида, хотя и с разной относительной частотой, отмечается по всей обследованной территории. Покажем это при помощи таблицы (см. табл. 12). Числитель обозначает здесь количество предложений со словоформами от глаголов несв. вида (за исключением словоформ *евши*, *пивши*, *спавши*), а знаменатель — все количество примеров с предикативными формами на *-ши* (без учета пред-

[227] В число словоформ несв. вида мы не включили 6 слов со значением ‘родить’ применительно к разным видам животных: *жеребивши*, *козленивши*, *котенивши*, *котивши*, *поросивши*, *теливши* — все они употребляются в наших материалах только как образования со значением св. вида (так же, как и *ожеребивши*, *окотивши*, *отеливши*, *объягнивши*, *окозивши*). Как образования св. вида рассматриваются словоформы *фотографировавши* (ср.: *это сын мой здесь фотографировавши* Ефремково), *кулачивши* и *кусивши* (см. выше общий список словоформ на *-ши*). Формами св. вида являются, видимо, также причастные образования *сябривши* (хотя в том же населенном пункте отмечено *осябривши*) и *заоболочавши* (хотя известна и форма *заоболочивши*), ср.: *дурная погода— все заоболочавши* Большая Пустошь Лодейнопольск. Лен.

Необходимо оговориться, что, разграничивая словоформы св. и несв. вида, мы опирались в основном на соответствующие данные литературного языка (учитывая, правда, насколько возможно, и контекст) — поэтому не исключено, что видовая квалификация отдельных словоформ для всех или — скорее — для какой-то части говоров ошибочна.

ложений, включающих в себя словоформы ряда *выпивши... спавши*).

Из приведенной таблицы видно, что относительная частота употребления предложений с образованиями несв. вида выше всего ($\approx$ 12,6%) на территории к востоку от изоглоссы регулярного использования форм на *-ши* в предикативной функции. Что касается территории, очерченной этой изоглоссой, то здесь можно наметить повышение относительной частоты употребления предложений с рассматриваемыми словоформами в направлении к югу и к востоку, но изменение это идет неровно, со срывами. В пределах территории, характеризующейся наиболее широким употреблением предикативных форм на *-ши* (северо-запад европейской части РСФСР), на долю предложений с образованиями от глаголов несв. вида обычно приходится 1—3% (в отдельных квадратах и менее 1%).— Таким образом, материалы атласов подтверждают положение о редком употреблении в предикативной функции форм на *-ши* несв. вида, особенно в говорах северо-запада. И вместе с тем имеющийся материал по формам несв. вида не представляется нам настолько незначительным и случайным, чтобы можно было полностью согласиться с В. И. Трубинским и признать принадлежность к св. виду условием предикативного употребления причастных форм на *-ши*. Напомним, что факт использования форм на *-ши* несв. вида в предикативной функции был отмечен еще в 1948 г. Ф. П. Филиным. Характеризуя употребление форм на *-ши* в северо-западных говорах, Ф. П. Филин пишет: «Особенно важно здесь указать на то, что в отдельных случаях отпричастная форма — перфект — бывает, как можно полагать, и несовершенного вида. И таких случаев в наших записях не так уж мало»[228].

Очень сложным является вопрос о грамматическом значении предикативных форм на *-ши* несв. вида. Типовое значение предика-

[228] Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 32.— Предложения с формами на *-ши*, образованными от глаголов несв. вида, хотя и изредка, но отмечаются и в диалектологических материалах XIX — начала XX в., ср.: *не едши* вместо *не кушал* или *не ел* (Этнографические сведения о Куховском погосте Островского уезда Псковской губ., 1849 г. Архив русск. геогр. об-ва, ф. XXXII, № 12, стр. 2); *дети в Л...* [географическое название, написано неразборчиво] *учившись* (А. А. Шахматов. Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. Архив Акад. наук, ф. 134, оп. 1, № 225, л. 21 об.); *дети не евши* Бельско-Себежск. вол. Лужск. у. Петерб. губ. (Ответ на диалектологическую программу. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 189); (я) *у француженки обучавши* (М. М. Серова. Десять новгородских сказок говором. Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел, ф. 694, № 31); *один из казаков, наездник лихой наибольши год живши с женой с молодой* (Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии, стр. 257); см. также материал в книге: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 153—156.

Таблица 12

в. д. / с. ш.	27°	28°	29°	30°	31°	32°	33°	34°	35°	36°	37°	38°	39°	40°
62°														
61°								8/123	16/355	1/18				
60°							11/751	12/395	1/74	2/52				
59°		32/824	7/355	1/203	4/366	5/468	7/274	12/488	9/281	2/73				
58°	17/503	17/1108	4/661	5/416	6/760	9/423	4/236	7/314	8/281	8/318	9/185	3/26	2/36	
57°		19/623	5/328	3/158	7/270	8/313	8/313	14/466	19/485	3/226	4/74	10/95	1/25	
56°		12/302	11/280	7/258	10/376	14/313	7/254	1/115	2/100	1/20				
55°			1/35	3/17	2/102	3/110	4/83	3/77	5/54	За пределами изоглоссы				
54°					3/44	2/37	6/74	4/66	1/75			56/445		
53°						3/35	7/82	2/45	2/49	3/32				
52°							4/14	2/41						
51°								1/11	1/40	1/29				
50°									1/11					

тивных причастных форм — значение состояния, вызванного действием,— мы бы считали возможным уверенно констатировать только для тех случаев, когда субъект состояния и субъект действия не совпадают, т. е. для страдательных конструкций, ср.: *печка давно не топивши* Кленно Кингисеппск. Лен.; *корова второй год не доивши* Долговка Лужск. Лен; *у нее печка была не топивши* Шаготь Арефинск. Яр.; *вытащила картошку, а она — некоторая — не варивши* Трубники Ильинск. Вел.; *с Троицы пол не мывши* Кузнецово Большекозловск. Калин.; *поросенок будет не поивши* Пащино Удомельск. Калин.; *дом крывши дранкой* Ямок Медновск. Калин.; *она бравши* (замуж) *с Заходу, старше меня* Карманина Луковниковск. Калин.; *иди, пока не бивши* Эммануиловка Льговск. Кур.; *скотина не поёмши* Студенки Усманск. Вор. Обращает на себя внимание тот факт, что почти все приведенные предложения включают в свой состав отрицание. Можно думать, что здесь имеет место тот случай употребления форм несв. вида, о котором П. С. Кузнецов писал: «Предпочтительное употребление несовершенного вида в отрицательных предложениях выражается в том, что несовершенный вид употребляется и в случае действия единичного и такого, которое было бы законченным, если бы оно было выполнено, например: *уб'йл тóже ф сóснах, товó н'е jел*»[229]. Вероятно, в этот же ряд должны быть включены предложения со словоформой *учивши* типа: *сами-то не учивши, так ребятто хоть сколько поучить* Бурмакино Капшинск. Лен. В двух приведенных выше конструкциях без отрицания формы на *-ши* (*крывши* и *бравши*) имеют значение св. вида. (См. аналогичные случаи в разделах о причастных формах с суффиксами *-н-*, *-т-*).

В нестрадательных конструкциях современных говоров значение предиката — формы на *-ши* несв. вида воспринимается по преимуществу как значение действия [230]: *вода так подступивши, что чуть караул не кричавши* Щелейки; *брала брусницу,... того гада не видевши, он меня и укусил* Михалево Ефимовск. Лен.; *раз вы это не делавши, так трудно* Коскалово Кингисеппск. Лен.; *в блокаду, ох, как жалевши мы вас* Окороки Молвотицк. Новг.; *у нас называвши пестерь* Великий Двор Бабушкинск. Вол.; *газету читамши* Великая Кологривск. Костр.; *с забору бивши по нашей деревне* Полозово Ашевск. Пск.; *раньше сохой пахавши* Стукалово Качановск. Пск.; *молоко наливавши* Городище Печорск. Пск.; *он на литвинах пахавши* Касково Удомельск. Калин.; *я корову не доивши* Суковатиха

[229] П. С. Кузнецов. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.— Л., 1949, стр. 115 (разрядка наша.— *И. К.*).

[230] Ср. положение В. В. Виноградова о большей глагольности деепричастий прош. времени несв. вида по сравнению с аналогичными формами св. вида в современном литературном языке.— В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947, стр. 387 — 388.

Удомельск. Калин.; *картошку сажавши* Фролево Фировск. Калин; *бурмистр наблюдамши над барской землей* Медаево Чамзинск. Морд.; *он добивавши культурной жизни* Простево Всходск. Смол.; *это он так плескавши* Бугаевка Погарск. Брян.; *мы картошку копамши* Субботово Выгоничск. Брян. [231]

По-видимому, именно глагольным значением форм несв. вида объясняются две особенности предложений с данными формами, выявляющиеся при сравнении их со всем имеющимся у нас материалом по предикативным формам на *-ши*, — это повышенный процент случаев распространения предиката именем, называющим предмет, на который было направлено действие, и пониженный процент употребления в составе предиката связки прошедшего времени. Приведем цифры.

Если на долю предложений, в которых формы на *-ши* сочетаются с вин. падежом объекта, во всем нашем материале приходится меньше 1,5% (259 примеров из 18 153), то среди предложений с формами несв. вида случаи распространения именем в вин. падеже составляют почти 4,5% (36 примеров из 808). Необходимо, правда, оговориться, что данные цифры высчитаны применительно ко всему материалу, а не к количеству предложений с формами от переходных глаголов. (О невозможности строгого выделения группы предложений с формами, образованными от переходных глаголов, см. выше — стр. 119—121).

Количество предложений со связкой прошедшего времени во всем нашем материале — 3890, что́ составляет свыше 21% от общего числа примеров с предикативными формами на *-ши* (18153). Среди предложений, включающих в свой состав предикативные формы на *-ши* от глаголов несв. вида, случаев употребления связки прошедшего времени — 27 (не считая предложений со словоформами *евши*, *пивши* и *спавши*, о которых см. ниже); доля их — около 5% (напомним, что всего предложений с формами несв. вида, за вычетом материала со словоформами *евши*, *пивши* и *спавши*, 511). Следует отметить, что все эти предложения зафиксированы на территории регулярного употребления предикативных форм на *-ши* [232].

[231] М. Ф. Семенова определяет значение причастных словоформ типа *видевши* (*тут само коло нас люди видевши, деньги сушатся*) как «аористическое значение, имеющее оттенок длительности» (М. Ф. Семенова. К вопросу о формах прошедших времен глагола в латышском языке (сравнительно с русским). Автореф. канд. дисс. Рига, 1954, стр. 14).

[232] Вот некоторые примеры употребления связки прош. времени в сочетании с формами на *-ши* несв. вида: *она была гостивши, а теперь уехала* Карманина Луковниковск. Калин.; *он вчера не разоболокавши был* Блины Красногородск. Вел.; *он был вдовевши и сестра вдовела* Ямок; *а она была тоже уже гулявши, нетель-то* там же; *добровольцем были шотши* Шамокша; *подряд 10 лет была не выходивши замуж* Марлыково Кадуйск. Вол.; *она выходивши была замуж* Хомутово Ковжинск. Вол.; *мой сын был учивши* Судилово Ильинск. Яр.

(Для грамматического значения причастных форм показательна, конечно, и частота сочетаемости их с другими связками — *есть* и *буду, будешь...* — мы не даем здесь соответствующих сравнительных данных только потому, что этот материал в силу его небольшого объема менее показателен, чем материал со связкой прошедшего времени).

Другое значение — значение результата действия — отчетливо фиксируется, по-видимому, только в тех нестрадательных конструкциях с рассматриваемыми формами, где этот результат скорее может быть определен не как состояние, а как признак субъекта. Прежде всего мы имеем здесь в виду три образования несв. вида из ряда *выпивши... спавши — евши, пивши* и *спавши*. Указанное значение данные словоформы выражают, как правило, при сочетании с отрицанием, ср.: *целый день вы не емши* Б. Белыничи Зарайск. Моск.; *два дни не емши был* Забаи Муллинск. Перм.; *день-то не пивши были* Замежничье; *а че, не пивши будете*? Шарогорино Подосиновск. Кир.; *не спамши мама-то* Ляпня Б. Маресьевск. Горьк. По употреблению и грамматическому значению с названными словоформами сходно *мывши*, а также два синонима словоформы *евши — кушавши* и *жравши*, ср.: *я еще не мывши была, только встала* Ямок; *они прибегут теперь — наш-то не кушавши* Замежничье; *я не жравши, да буду вам рассказывать*?! Сорочкино Гатчинск. Лен. Возможно, что подобное значение присуще также некоторым словоформам, семантически близким к *евши*, при их употреблении с отрицанием, ср.: *весь день не обедавши* Куршалки Санчурск. Кир

Утверждать наличие особого, неглагольного значения по отношению к нестрадательным конструкциям современных говоров с какими-либо другими словоформами несв. вида мы не решаемся, но вполне допускаем такую возможность. Возьмем для примера следующие три предложения со словоформой *бывавши* из наших личных записей: *нигде не бывавши, людей не видавши, а не боимся людей* Гимрека; *как нигде не бывавши — вот и боятся, а как я на Лодейном выросши — вот и не боюся* (в первой части предложения говорит о своих соседях) Шамокша; *ты-то бывавши — тебе что* (старуха рассказывала, что боится предстоящей далекой поездки в город и в ответ на попытку ее успокоить сказала приведенную фразу) Красный Бор. Может быть, значение предиката в данных предложениях относится к одной временно́й плоскости — прошлому, а может быть, оно и более сложное — охватывает не только прошлое действие, но и последствия его,— т. е. является значением вызванного действием состояния. Возможности двояко трактовать значение предиката мы не исключили бы, например, и для следующих предложений: *я-то ведь много живши* Переволок Сланцевск. Лен.; (они) *на крестьянстве не живши* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *они никогда не работамши* Большое Тялино Кармановск. Смол.; *она и не гулявши — ялова* Мишина Гора Полновск. Пск.;

а она была тоже уже гулявши, нетель-то Ямок. (В двух последних предложениях мы считали бы даже допустимым видеть значение признака субъекта). Заметим, что, говоря об употреблении в предикативной функции форм на *-ши* несв. вида, Ф. П. Филин употребляет сочетание «отпричастная форма — перфект» (см. цитату, приведенную выше на стр. 173).

Поскольку формы на *-ши* от глаголов несв. вида употребляются в предикативной функции редко и при этом характеризуются по преимуществу значением, сходным со значением глагольных форм прош. времени, естественно, напрашивается вопрос о том, что они собой представляют — наследие прошлых эпох в истории языка или результат современного процесса разрушения диалектного явления.

По мнению Ф. П. Филина, предикативные формы несв. вида — это «пережиток более раннего состояния». Сопоставляя между собой две конструкции — с формами на *-л* и формами на *-ши* — на основании изученных им фактов северо-западных говоров, Ф. П. Филин пишет: «Разграничение обеих конструкций, как оно представлено в современных говорах, наметилось в древнерусскую эпоху независимо от категории вида. Однако впоследствии перфективное значение отпричастной конструкции сблизилось со значением совершенного вида, было, так сказать, поглощено более широким значением совершенности, в связи с чем в отпричастном перфекте стали в основном употребляться формы совершенного вида. Наличие же отпричастных форм несовершенного вида, сравнительно редкое в говорах, представляет собой пережиток более раннего состояния, когда отпричастные формы обозначали перфект независимо от вида» [233]

Мы бы считали, что для объяснения фактов современных говоров, взятых в целом, данное положение недостаточно. На эту мысль наводит прежде всего характер распределения материала с предикативными формами на *-ши* несв. вида по рассматриваемой территории — нарастание относительной частоты употребления предложений типа *он косивши, мы печку топивши* в тех ее частях, которые характеризуются сравнительно редким или даже единичным использованием причастных образований на *-ши* в предикативной функции (см. выше табл. 12). Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в списке словоформ несв. вида значительную долю (60%) составляют «случайные» — отмеченные в предикативной функции по нашим материалам всего один раз (их 108 из 180); среди них нередки формы, образованные от переходных глаголов, причем часть этих форм выступает в сочетании с именем в

[233] Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 33. — Той же точки зрения придерживается и В. И. Трубинский — см. : В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада, стр. 216 и след.

объектном падеже. Нам представляется, что употребление в современных говорах предикативных форм на *-ши* несв. вида связано в той или иной мере и с процессом внутреннего разрушения диалектных причастных конструкций.

Как видно из приведенного выше списка (стр. 171—172), большинство словоформ несв. вида образовано от глаголов первообразных, причем интересно, что к их числу относятся все словоформы, отмеченные в предикативной функции по нашим материалам пять раз и больше [234].

3. Проанализировав состав глаголов, от которых образуются предикативные формы на *-ши* в северо-западных русских говорах, В. И. Трубинский пришел к выводу, что во всех этих глаголах есть нечто общее. Это общее В. И. Трубинский определяет термином «мутативность», понимая под ним «способность обозначать реализованное изменение в общем состоянии или пространственном положении субъекта» [235]. Данное свойство глаголов является, по мнению автора, лексико-грамматическим: помимо семантики, оно включает в себя признаки непереходности и св. вида [236].

Как читатель, наверное, помнит, мы высказались против излишней, на наш взгляд, категоричности формулировок В. И. Трубинского относительно признаков непереходности и св. вида как условий предикативного употребления причастных форм на *-ши*. — Следовательно, и мутативность — даже в том ее широком понимании, которого придерживается В. И. Трубинский,— мы можем признать общим свойством лишь большинства глаголов, от которых образуются предикативные формы на *-ши*, но отнюдь не всех.

Из приведенного списка (стр. 145—159) видно, что количество словоформ, образованных от переходных глаголов, исчисляется десятками, причем многие из них отмечены значительное число раз, например: *взявши* 49 [237], *открывши* 42, *закрывши* 36, *сделавши* 35, *поевши* 31, *поставивши* 30, *надевши* 23, *покрывши* 22, *убивши* 22, *кончивши* 20, *убравши* 20, *давши* 19, *построивши* 19, *разбивши* 19,

[234] В современном литературном языке формы на *-ши* от глаголов несв. вида почти не образуются. «Деепричастные образования на *-ши*,*-в* и *-вши* от основ несовершенного вида, — пишет В. В. Виноградов, — в живом языке неупотребительны. Они вымирают» (В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 387 — 388). О процессе утраты литературным языком деепричастных оборотов с деепричастиями прош. времени несв. вида см. в кн.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 383.

[235] В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада, стр. 199.

[236] Там же, стр. 200 и след.

[237] Здесь и далее указывается количество таких случаев, где причастная форма образована заведомо от глагола без *-ся*.

угнавши 18, *заливши* 17, *раскрывши* 17, *сломавши* 17, *видавши* 16, *купивши* 16, *получивши* 16, *посеявши* 14, *истопивши* 13, *заперши* 13, *отдавши* 12, *выгнавши* 11, *спрятавши* 11, *настлавши* 10, *пригнавши* 10, *снявши* 10. Как уже было указано, количество словоформ несв. вида в наших материалах — 180, и среди них также есть образования, встретившиеся в предикативной функции 10 раз и более: *евши* 194, *спавши* 71, *живши* 44, *пивши* 32, *учивши* 22, *бывавши* 20, *шетчи* 19, *знавши* 17, *ходивши* 16, *видавши* (образование от переходного глагола) 16, *работавши* 12, *гулявши* 11, *сидевши* 11, *обедавши* 10.—Таким образом, в число глаголов, являющихся производящей базой для предикативных форм на *-ши*, входит некоторое количество и таких, которые называют конкретное действие предмета (в том числе — направленное на другой предмет), и таких, которые характеризуют его состояние,— последнее относится к ряду глаголов несв. вида [238].

На наш взгляд, из числа глаголов, от которых образуются предикативные формы на *-ши*, «способностью обозначать реализованное изменение в общем состоянии или пространственном положении субъекта», помимо глаголов, характеризующихся переходностью или принадлежностью к несв. виду, не обладают еще некоторые — правда, единичные — например *быть*, *остаться*, *сохраниться*. (Число предложений со словоформой *оставши* является в наших материалах наибольшим — 1153; словоформа *бывши* отмечена в предикативном употреблении 74 раза, *сохранивши* — 26.) Положение В. И. Трубинского о том, что глаголы типа *остаться*, *уцелеть* [239] могут быть причислены к группе мутативных, составляя особую ее разновидность — отрицательно-мутативных [240], не кажется нам убедительным.

ПАРАДИГМА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРЕДИКАТИВНЫМИ ФОРМАМИ НА *-ши*

Предложения, в состав предикативной основы которых входит причастная форма на *-ши*, имеют в говорах следующую систему форм или парадигму [241].

[238] Как видно из списка, приведенного на стр. 171—172, среди форм на *-ши* несовершенного вида имеются образования от глаголов, лексическое значение которых может быть определено как значение состояния (ср., например, такие словоформы, как *болевши*, *вдовевши*, *живши*, *висевши*, *сидевши*, *лежавши*, *стоявши*, *спавши*...). Некоторые из этих словоформ характеризуются сравнительно широкой употребляемостью в предикативной функции.

[239] В наших материалах словоформа *уцелевши* не зафиксирована.

[240] См.: В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада, стр. 202 и след.

[241] Как уже указывалось выше (см. стр. 24), схема парадигмы заимствована нами у Н. Ю. Шведовой.

Синтаксический индикатив

Наст. время *отец приехавши* или *отец есть приехавши*
Прош. время *отец был приехавши*
Будущ. время *отец будет приехавши*

Синтаксические ирреальные наклонения

Сослагат. накл. *отец был бы приехавши*
Условн. накл. *был бы отец приехавши*
Желат. накл. *хоть бы (лишь бы) отец был приехавши*
Повелит. накл. *чтоб ты был приехавши*
(Примеров долженствовательного наклонения в наших материалах не встретилось).

Приведем примеры, опустив, однако, приводившиеся ранее в большом количестве предложения в форме наст. времени без связки и в форме прош. времени.

Синтаксический индикатив: *она же здесь вышевши есте* (замуж) Давыдовская Винницк. Лен.; *да почто он пришоччи естя*? Гимрека; *мы не ездивши естя со своей деревни* там же; *он померши есть* Щелейки; *как на оборты ходят, так еле живеньки е ставши* Красный Бор; *погибши сын у меня е, погибши сын у меня* Чидово; *я выросши есть на почтовику* Ржаное Озеро Прионежск. Карел.; *наши одни оставши е* Васюковская Ошкинск. Вол.; *есть сахар к утрему — будете проспавши, тогда выпьете* Выбье Кингисеппск. Лен.; *не расстраивайтесь: будете уехатши* Спиридоновская Винницк. Лен.; *уже оставши все будут* Валя Тихвинск. Лен.; *грибы не будут прошотци* Заполек Маловишерск. Новг.; *умерши-то все будем* Ямок; *я вставши буду* Горнецкое Маловишерск. Новг.; *сейчас оны далече будут уехавши* Аксентьево Середкинск. Пск.; *будет с райкома приехатчи председатель* Гончарово Великолукск. Вел.; *там она будет воспитавши* Гряды Вышневолоцк. Калин.; *поросенок будет не поивши* Пащино Удомельск. Калин.; *магазин будет закрымши* Выгорь Мосальск. Калуж.; *пускай дверь открымши будет* Улемль Жиздринск. Калуж.; *я нагнувши хоть сколько буду* Лопатки Березовск. Вор.

Синтаксические ирреальные наклонения: *он был бы лягши, если чахотка* Заборовье Гдовск. Пск.; *на иншего бы мужика — я была б вылетевши с первого разу* (другой муж сразу выгнал бы за плохой характер) Редковцы; *если б желали, давно бы были вышецци* (замуж) Кроксово; *если б я с мужем, я ослепши не была б* Стуколово Качановск. Пск.; *я бы уже была бы пришоччи* (говорящая уже вернулась бы из леса, если бы ее не задержали) Замежничье; *если б в волю* (денег), *они опивши были б* там же; (привезла коровам корму), *а то бы давно сваливши были* Глушица Чудовск. Новг.; *я бы не была легши* Теребутицы Шимск. Новг.; *оны бы высохши были* Веснино Дрегельск. Новг.; *она бы давно упавши была* (о бане) Сомино Ефимовск. Лен.; *все померши были бы* Власова Гора Капшинск. Лен.; *дочь не померши была бы* Кратевно Киришск. Лен.; *он бы умерши*

был, дак легче бы (если бы муж умер, было бы легче, чем сейчас, когда он бросил) Шамокша; *а то б я погибши была* Афонино Дорогобужск. Смол.; *если б я был обозливши...* Стояницы Новоладожск. Лен.; *если бы ружье не было оголивши* Шамокша; *теперешнего года я была бы оставши, дак я бы жила* (если бы осталась вдовой в теперешнее время, не мучилась бы) Ефремково; *кабы оны не заболевши, так уж вы б у меня жили* Пушкино Осьминск. Лен.; *не сгоревши одежа если б была, переделать можно было* Жеребут Лужск. Лен.; *он если б и в бою не застреливши был, то его так убили* Логоза Тартуск. Эст.; *если выпивши бы был* Кириловское Рыбинск. Яр.; *кабы он был в партизанах померши, ей была бы помочь* Заполье Плюсск. Пск.; *она тут шлялась бы давно, если б одна была оставши* Патрово Псковск. Пск.; *она* (мошкара) *вас бы потеребила, если б была налетевши* Трубники Ильинск. Вел; *если б были доевши* Максаево Монастырщинск. Смол.; *тые хлебы-то не сгоревши бы* Лытницы Плюсск. Пск.; *у меня были свои приехавши — так всё ели — лишь бы выросши* (об огурцах) Колоколово; *хоть бы что было оставши* (после войны) Ямок; *хоть бы одна головешка оставши!* Усадище Осьминск. Лен.; *ступай домой и чтобы не была пришоччи* Бурмакино Капшинск. Лен.; *чтобы сейчас же была севши!* Шамокша; *чтобы не были вставши* Ратилово Тихвинск. Лен.; *чтоб были все подписавши* Подгощи Шимск. Новг.

Как уже указывалось выше, употребление связки *есть* — особенность части говоров на территории северо-запада; все предложения в форме ирреального наклонения, а также почти весь материал со связкой буд. времени относится к территории регулярного употребления предикативных форм на *-ши*.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ СТРУКТУРЫ ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ФОРМАМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ПРИ ПОМОЩИ СУФФИКСОВ *-н-*, *-т-* ИЛИ *-ши*

Настоящий раздел посвящен четырем частным вопросам, которые нам показалось более целесообразным рассматривать на сумме материалов, относящихся к разным причастным формам: 1) об особых случаях распространения предикативной основы причастных конструкций именем или предложно-падежным сочетанием со значением места или времени; 2) о распространении предикативной основы причастных конструкций сочетанием «*у* + род. падеж»; 3) об употреблении в сочетании с причастными формами связок *есть*, *буду*,... *был*...; 4) о сочетании причастных форм с инфинитивом или именными формами в составе предиката.

ОСОБЫЕ СЛУЧАИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНОЙ ОСНОВЫ ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ИМЕНЕМ ИЛИ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫМ СОЧЕТАНИЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕСТА ИЛИ ВРЕМЕНИ

Как известно, одним из признаков, объединяющих причастия и деепричастия литературного языка с глаголами, является их связь с зависимыми словами. То же в целом можно сказать и о причастных формах в говорах, причем те случаи, когда причастные формы употребляются предикативно, не составляют здесь исключения. (См. многочисленные приведенные в настоящей работе примеры распространения причастных форм). Однако в наших материалах встретилось несколько десятков предложений, где к предикативной причастной форме присоединяется такая зависимая часть, которая невозможна при соответствующем глаголе, ср.: *Колька-то был у меня забегши* Захонье Осьминск. Лен.; *вы были у ней зашоччи* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *ты не была у нас приехатчи* Свирская Слобода Лодейнопольск. Лен.; *не у тебя ли она приехачи?* (не у тебя ли она стоит на квартире?) Ефремково; *в Ленинграде я у них была заехатши* Кивуя Новоладожск. Лен.; *у председателя был заехавши* Лесково Лужск. Лен.; *у немцев была попаччи* Жабино Кингисеппск. Лен.; *попавши была у хороших хозяев* Никольское Тосненск. Лен.; *ейна сестра вышет за ейным сыном* Марьинско Лядск. Пск.; *моя сестра за ним была вышецци* Редковцы; *вторая за директором вышедци* Ляды Бежаницк. Вел.; *привезено в магазине есть* Дубняги Киришск. Лен.; *метел наношено в сенях* Серебрянка Ефимовск. Лен.; *наношоно утрось в кадке* Никулино Каппшинск. Лен.; *сидит на бережку и ноги в озере свешано* Дмитриевская Тотемск. Вол.; *в гостях у внучки придено вчерась* Малахово Бабаевск. Вол.; *у меня выйдено в этом дому* там же; *у меня наношена вода в баньке-то* Погорелово Велико-Устюжск. Вол.; *говорят, что в Пинеге привезены* (яблоки) Малетино; *которы минеры, те в городе забрато* Верендаль Ашевск. Пск.; *плуги в колхозе были привезен* Бурцево Нелидовск. Вел.; *у нас угнато в Руднове* Фролево Фировск. Калин.; *он был в эвакуации отправлено* Ермолино Фировск. Калин.; *бурак надет на голове* Мосеево Вашкинск. Вол.; *у меня на сарае выкинута кость* Унежма Сорокск. Карел. [242]; *навожено на берегу-то* Теребино Вельск. Арх.; *луку у меня вытаскано на потолке* Самокража Мстинск. Новг.; *партизаны были в лесе ушоччи* Жабино Кингисеппск. Лен.; (мы) *эвакуировавши были в Сибири* Шамокша; *пришоччи был в Клину* Антропшино Павловск. Лен.; *теперя многи разошоцци в покосах* Калласте Тартуск. Эст.; *дедко у меня был в снегу упавши* Нивы Пестовск. Новг.; *мы в колхозе не были вошотши* Перегино Поддорск. Новг.; *волк в лесу забравши* Верховье Лядск.

[242] Записи Ф. П. Филина 1939 г. (Картотека словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, рук. 242, стр. 35).

Пск.; *они в щелочках забравши* Мишина Гора Полновск. Пск.; *я попавши была в лыках* Черпеса Великолукск. Вел.; *были в Москве уехавши* Стояново Молоковск. Калин.; *в малинах ушоччи* Оленкино Ржевск. Калин.; *корова на огороде вошоччи* Карино Осьминск. Лен.; *была эвакуировавши на Урале — как было хорошо* Шамокша; *на работе вышецци не были* Захонье Осьминск. Лен.; *на сенокосе она ушоччи* Щелейки; *сын мой на войны был ушоцци, а теперь дома — в колхозе работает* Юрьево Старорусск. Новг.; *он был на мельнице заехавши, был у его* Касково Удомельск. Калин.; *и слезы на лице выкативши* Язвиха Сандовск. Калин.; *за лесом уйдено* Ольково Андомск. Вол.; *за мостом оны убежавши* Усадище Осьминск. Лен.; *вы за рекой не были перешотци* Валюшка Тихвинск. Лен.; *мальчишка под кустом забравши* Модолицы Ломоносовск. Лен.; *был попавши много раз под вихрем на озере* Луневщина Гдовск. Пск.; *все были ушоцци для линии* Порховок Бежаницк. Вел. [243]; *он был пришотци здесь, поел и ушел* Люблино Лужск. Лен.; *скобари были тут выехавши, и вот называли их скобари* Черемша Середкинск. Пск.; *и как-то был тут приехаччи* Шамокша; *а сено-то павши, а я и не вижу, а он там забравши* (кот в сено) — *чуть не убила* Гимрека; *ой, смотрите, что-то там попавши* (говорит, глядя в кринку с молоком) Щелейки; *две дочки уехавши там* Гостерачки Молоковск. Калин.; *после Ленинграда везде попавши* Шамокша; (дочь) *замужем отдана* Счастливка; *я и замужем была вышецци* Язвиха Сандовск. Калин.

В рассматриваемых предложениях связка буд. времени не встретилась, связка наст. времени отмечена один раз (*привезено в магазине есть* Дубняги Киришск. Лен.), связка прош. времени употребляется примерно в половине случаев (так, из 80 предложений, где форма на *-ши* распространена сочетанием предлогов *в*, *на* с предл. падежом имени, связку *был* включают в себя 38). В качестве распространителя предикативной причастной формы выступают предложно-падежные сочетания с пространственным или объектным значением, наречия места и наречие *замужем*.

В приведенных здесь и им подобных случаях лексическое значение причастной формы и структура распространяющего ее члена противоречат друг другу: причастные формы образованы от глаголов со значением конкретного направленного действия (чаще всего — движения), что́ предполагает распространение предложно-падежным сочетанием или наречием, указывающим, куда это действие направлено (ср.: *уйти в лес*, *выйти на дорогу*, *убежать за мост*, *попасть под вихрь*, *забежать ко мне*, *выйти замуж за директора*); те же предложно-падежные сочетания и наречия, которые предстают здесь, соответствовали бы главному слову со значением

[243] Употребляющийся в пространственных конструкциях диалектный предлог *для* имеет значение ‘возле’, ‘подле’, ‘около’.

бытия, существования, местонахождения (ср.: *быть* или *находиться в лесу, на дороге, за мостом, под вихрем, у меня*; *быть замужем за директором*). Конструкции типа *ушетчи в лесу, вышетчи на дороге, забежавши у меня...* появляются, как можно думать, в результате того, что лексическое значение причастной формы оказывается перекрытым грамматическим значением, присущим сочетанию причастной формы со связкой (в том числе нулевой) — значением вызванного действием состояния, которое мыслится не в движении и становлении, а в статике, в наличии. Отдельные случаи этого рода возможны и в литературном языке: так, например, глагол *надеть* распространяется сочетанием предлога *на* с вин. падежом имени (*надеть на голову*), а при предикативной причастной форме возможно и сочетание с предл. падежом (*шляпа надета на голове*) [244].

Сочетание причастной формы со связкой является категорией предложенческого уровня — следовательно, называть конструкции типа *ушетчи в лесу, привезено в магазине* словосочетаниями было бы неточным: по сути дела они представляют собой синтаксические построения, возникающие при включении словосочетаний типа *уйти в лес, привезти в магазин* в предложения. Если предложно-падежное сочетание *в лес* распространяет глагол (со значением движения), то сочетание *в лесу* в составе предложений типа *они ушетчи в лесу* скорее является распространителем предикативной основы предложения (с определенной формой предиката). В связи с этим представляется интересным обратить внимание на порядок слов в предложениях, куда входят построения типа *ушетчи в лесу*. Первое, что надо здесь отметить,— это контактное расположение частей рассматриваемых построений в подавляющем большинстве случаев (так, из приведенных выше 60 предложений, включающих с свой состав причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* и *-ши*, дистантное расположение имеет место в 7). С точки зрения характера расположения частей, следовательно, рассматриваемые построения функционируют в составе предложения сходно со словосочетаниями типа *уйти в лес, выйти на дорогу, зайти ко мне, приехать сюда*. Вторая же черта интересующих нас построений — преимущественная постановка предложно-падежного сочетания или наречия п е р е д глагольным компонентом (см. приведенные примеры) — отличает их от словосочетаний. Если тенденция к выдвижению предложно-падежных сочетаний или наре-

[244] Употребление предложно-падежного сочетания с предл. падежом вместо вин. отмечено по нашим материалам также в предложениях с полными причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-* (5 раз) и с формой на *-учи* (1 раз): *Арсений в холодной стороне согнатый* Денисово Калининск. Калин.; *он тоже в мальчиках был отданный* Воронино Батецк. Новг.; *он на дворе загнанный* Ямок; *сын-то на курсах был отправленный* Бурмакино Капшинск. Лен.; *сын-то на курсах отправленный* Денисово Калининск. Калин.; *она* (Красивая Мечь) *впадаючи в Дону* Еременка Сафоновск. Тул.

чий вперед приводит к тому, что они оказываются в начале предложения, получаются структуры, аналогичные предложениям с детерминантом в литературном языке, ср.: *в колхозе она записанось* Матинка Череповецк. Вол.; *в паутине забравши* Еглизи Тосненск. Лен.; *в деревне пришоцци русские* Даймище Гатчинск. Лен.; *в Сотневе были выселивши* Клюки Кудеверск. Вел.; *на каланче забравши* Борки Плюсск. Пск.; *за стенкой была приехатчи дочка* Нижняя Прионежск. Карел.; *у меня бумага пришетчи* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *у председателя был заехавши* Лесково Лужск. Лен. [245]

Рассматривая включение предложно-падежных сочетаний и наречий, указывающих местонахождение предмета, в предложения, где предикат выражен причастными формами, образованными от глаголов со значением направленного действия (чаще всего движения), как явление, родственное детерминации, мы должны вместе с тем напомнить, что здесь существуют и определенные исторические предпосылки: как известно, факты, свидетельствующие о неполном разграничении пространственных конструкций (словосочетаний) со значением направления и местонахождения, зафиксированы в разных славянских языках и в том числе — в древнерусском [246].

По отношению к некоторым из тех конструкций, где именной компонент указывает местонахождение предмета, возможен и третий аспект рассмотрения — с позиции межъязыковых взаимодействий. Так, Велта Руке-Дравиня, высказав предположение, что отмеченные в русском говоре на территории Латвии диалектные случаи употребления слова *где* обусловлены латышским влиянием, пишет: «Кроме того, в русском говоре Дагдского района констатированы и многие другие заимствования из окружающих латышских говоров, главным образом в фразеологии и синтаксисе, например, форма предложного падежа с предлогом *в* при глаголах движения:... *врач был в Риги* (= *в Ригу*) *уйехаччы*, *а мы в лясу* (= *в лес*) *были с ней пашоццы*, подобно и *ана была дома* (= *домой*) *пайехаччы*. Такие конструкции напоминают сходное колебание между формами локативного и иллативного значения в латышском языке» [247]. Как читатель видит, во всех приведенных здесь

[245] Ср.: Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения.

[246] См. об этом, в частности: А. Д. Григорьева. К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке. «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1. М. — Л., 1948, стр. 135 и след.; В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 70 — 71, 78. (Подобные явления известны и другим индоевропейским языкам — см., напр.: А. В. Попов. Синтаксические исследования, т. 1. Воронеж, 1881, стр. 16 и след.).

[247] Велта Руке-Дравиня. Диалектное *где* (=который). — Сб. «Lingva viget commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky». Helsinki, 1965, стр. 119.

примерах предикат выражен сочетанием формы на *-ши* со связкой прош. времени [248]. Смешение пространственных конструкций со значением направления и места возможно и в говорах литовского языка [249].

По-видимому, для какой-то части русских говоров возможность влияния соседних языков в данном случае и не должна исключаться [250], однако определяющим этот фактор быть не может уже хотя бы потому, что распространение рассматриваемых конструкций отнюдь не ограничивается районами, соседними с Прибалтийскими республиками. Покажем это на примере распределения по территории предложений, включающих в себя формы на *-ши* и сочетания предлогов *в*, *на* с предл. падежом вместо ожидаемого винительного (см. табл. 13). Цифры в клетках показывают здесь количество интересующих нас примеров, зафиксированных в материалах по населенным пунктам, относящимся к территории соответствующего географического квадрата.

Как видно из таблицы, конструкции типа *ушетчи в лесу*, *забравши на каланче* отмечены по всей территории, характеризующейся наиболее широким употреблением предикативных форм на *-ши* (ср. данную таблицу с зоной I на карте-схеме 1).

Грамматическим значением предикативных причастных форм может быть обусловлено включение в предложения с ними и некоторых распространителей временно́го характера. Мы имеем в виду случаи, подобные следующим: *где у ей муж столько лет уехавши*? Погребище Плюсск. Пск.; *Сашки дома нет — всю неделю уехаччи* Шамокша; *не смеют прийти* (соседки), *что на карандаш возьмут — а старуха второй день попавши* (о работе с

[248] Данные примеры заимствованы автором у М. А. Новгородова, причем сам М. А. Новгородов объясняет появление конструкций, подобных трем приведенным, влиянием на падежную форму имени связки *был*, «которая воспринимается в значительной степени не как связка, а как слово с лексическим значением пребывания, наличия» (в его материалах употребление предложно-падежных сочетаний типа *в Риге*, *в лесу* вместо *в Ригу*, *в лес* имеет место почти исключительно в предложениях со связкой *был*) — см.: М. А. Новгородов. Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР, стр. 294, 297 — 298.

[249] См.: О. Н. Шулене. Синтаксис русского говора Зарасайского района Литовской ССР. (Простое предложение). (Канд. дисс., рукопись). Вильнюс, 1964, стр. 82.

[250] Так, в русских говорах Зарасайского р-на Литовской ССР О. Н. Шулене зафиксировала ряд различных структур, свидетельствующих о нечетком разграничении способов выражения значений места и направления, причем предикат в соответствующих предложениях может быть выражен и формами изъявительного наклонения (см.: О. Н. Шулене. Указ. соч., гл. 1, § 2). Впрочем, отдельные случаи употребления предложно-падежных сочетаний со значением места вместо ожидаемых сочетаний со значением направления при спрягаемых формах глагола отмечаются и в других русских говорах, ср.: *она в четвертом перешла* Красный Бор; *там был брат, под поездом попал* Ефремково.

Таблица 13

с. ш. \ в. д.	27°	28°	29°	30°	31°	32°	33°	34°	35°	36°	37°	38°	39°	40°
62°									2	1				
61°								3	4		1			
60°		4	3	2	4	3	2			1				
59°		4	3	3	2	1	2	3		3	4	1		1
58°		2	5		1	1			2	3			1	
57°				1	1	2	2	1	1					
56°														

диалектологом) Чидово; *две недели около маю была ушоцци* Замошье Лядск. Пск.; *лет, наверное, десять были разошоцци* (а потом сошлись опять) Редковцы; *два месяца женивши был, а потом он на фронт пошел* Скирино Солецк. Новг.; *три ночи не легши была* Быково Боровичск. Новг.; *три месяца спрятавши была* Кошкино Кингисеппск. Лен.; *вот эта девочка была три дня в лесу заблудивши* Красный Бор; *я тоже год была попавши в тюрьмы* Чидово; *три года были уехаччи* Деревянное Прионежск. Лен.; *был сын приехатши две недельки* Блазново Плоскошск. Вел.; *заболевши была семь лет* Жегалово Пурдошинск. Морд. Очевидно, что словосочетаний типа *уехать* (*приехать, заблудиться, заболеть...*) *всю неделю* (*две недели, три дня, семь лет...*) не существует: глаголы, называющие такие действия, которые не мыслятся растянутыми во времени, не могут быть распространены именными сочетаниями с количественно-временным значением.— Следовательно, распространяется здесь предикативная основа предложения — сочетания типа *всю неделю, три дня* имеют детерминирующий характер. В большинстве случаев они находятся в начале предложения.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРЕДИКАТИВНОЙ ОСНОВЫ ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СОЧЕТАНИЕМ «*У* + РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ»

Как было показано выше, сочетание «*у* + род. падеж», называющее субъект действия, употребляется прежде всего в конструкциях с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, но также и в конструкциях с формами на *-ши*. Интенсивное использование данного способа обозначения субъекта действия

имеет место в пределах широкого северо-запада — на той территории, которая показана на карте 4 как территория свободного употребления конструкций с предикативными причастными формами, образованными от переходных и непереходных глаголов. Данная территория состоит из трех частей: на основной части широко распространены как конструкции с формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, так и конструкции с формами на *-ши*; для северо-восточной части характерны только конструкции, включающие в себя формы с суффиксами *-н-*, *-т-*; для юго-восточной части (селигеро-торжковские говоры) — конструкции с формами на *-ши*. Соответственно различна в пределах данной территории и сфера применения сочетания «*у* + род. падеж» для выражения субъекта действия, причем заметим, что основная масса примеров типа *у меня давши платок ему* Пятницкое Брусовск. Калин.; *у него было выпивши уж* Староселье Тосненск. Лен. относится к юго-востоку показанной территории. Сочетание «*у* + род. падеж» как форма выражения субъекта действия отмечается — хотя значительно реже — и за пределами названной территории — в севернорусских говорах лачских и вологодских [251].

Вопрос о значении сочетания «*у* + род. падеж», выступающего в причастных конструкциях, не раз ставился в литературе [252]. Исходным для всех современных исследователей является положение А. А. Потебни о неразграниченности в данном сочетании значения субъекта действия и посессивности — значений apud quem и a quo [253]. Очень подробно и интересно вопрос о значении сочетания «*у* + род. падеж» освещен в работе В. А. Матвеенко, к которой мы и отсылаем читателя [254], ограничившись здесь лишь самыми общими замечаниями.

Когда мы говорим, что употребление сочетания «*у* + род. падеж» для выражения субъекта действия ограничено западными

[251] В наших материалах по южнорусским говорам, как уже отмечалось выше, нет предложений, где бы сочетание «*у* + род. падеж» могло быть однозначно квалифицировано как форма выражения субъекта действия. Но такое предложение имеется в материалах Н. Н. Дурново по Тамбовской губернии: *Клад'и́ ру́к'и, сястра́. Ан'и́* ('а они') *уш у н'ей пълажо́ны. Он йей ат'с'е́к и уйе́хъл* (запись сказки; см.: Н. Дурново. Заметки о говоре Шацкого уезда Тамбовской губернии. «Изв. ОРЯС», т. 5, кн. 3. СПб., 1900, стр. 952).

[252] Довольно подробно останавливался на этом вопросе уже Н. П. Некрасов — см.: Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 234—235.

[253] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 204.

[254] См.: В. А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах, стр. 121—128. См. также статью Ю. С. Маслова, где делается попытка сопоставить русский материал с фактами других индоевропейских, а также и неиндоевропейских языков: Ю. С. Маслов. К вопросу о происхождении посессивного перфекта. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та». Серия филол. наук, вып. 14. Л., 1949.

среднерусскими и севернорусскими говорами, то имеем в виду такие случаи, где значение данного сочетания является только значением apud quem, ср.: *мое же всё сожжено у немцев* Ямок; *вот у этого мужика иконы и пропиты* Малетино; *лошадь заведена была* (в пустую церковь) *у ребят* там же; *у сына уйдено косить* Типиницы; *наплаканось у Нюры* там же; *рожь горит — наверно, у немцев зажжовши* Лединки Лядск. Пск.; *не у лисицы ли к нашему сараю прошоцци?* Язвиха Сандовск. Калин.; *да у тебя с годов вышоццы* Чидово. Что же касается использования рассматриваемого сочетания для выражения сложного значения, соединяющего в той или иной пропорции значения субъекта действия и посессивности (ср.: *пусти в кино — у меня уж билеты взяты* Ямок; *у меня наложено* (дров) *— только затопить* там же; *у меня уж корова подоивши* Чертены Дновск. Пск.; *у меня там кипяток вскипятивши* Колоколово), то его можно считать, по-видимому, фактом общерусским [255]. Специфика северо-западных говоров заключается здесь лишь в большом наборе типов причастных конструкций (с формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, и с формами на *-ши*), в которых данное сочетание может быть употреблено [256].

В псковских говорах для выражения субъекта действия иногда употребляется сочетание предлога *у* или *в* с предл. падежом имени, ср.: *овес у птицах склевано* Заозерье Порховск. Пск.; *дырки наделаны у крысах* там же; *у робятенках было разломано* Салтаново Пушкиногорск. Пск.; *он у партизанах послан* там же; *— погляди, пташечка была принесена кем? — у кошках, ночью* Шарыгино Сережинск. Вел.; *в добрых людях всё было закопано* Монастырек Сланцевск. Лен.; *в господах был разогнан стариков* Переузино Красно-

[255] Об употреблении сочетания «*у* + род. падеж» с различным значением в современном русском литературном языке см.: R. Mrázek, J. Brym. Sémantika a funkce ruského genitivu s předložkou «u». «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», roč. XI, 1962, řada jazykovědná, A. 10.

[256] В. А. Матвеенко приводит несколько предложений, где сочетание «*у* + род. падеж» выступает при предикате — форме на *-ло*, *-лось* (см.: В.А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах, стр. 126—127). Добавим к этому один случай употребления данного сочетания в предложении с безличным глаголом, имеющим форму наст. времени: *у его и не спится* Кириловское Рыбинск. Яр. (материал Ф. П. Филина). Сочетание «*у* + род. падеж» встречается и в безглагольных предложениях, ср.: *у председателя сельсовета не сладко ходить* (ему жмет обувь) Малахово Бабаевск. Вол.; *у него еще надо водопровод провесть* (он должен) Пятино Ефимовск. Лен.; *у меня у самые у дочек без документов* Ануфриево Белозерск. Вол. (см. этого рода примеры также в работе В. А. Матвеенко — стр. 127).

В северо-западных говорах нередко можно услышать фразы, где имеется «нагромождение» сочетаний «*у* + род. падеж» с разным значением, ср.: *это у котов у тебя съедено всё* Словыть Мстинск. Новг.; *а у меня со вторым-то сошотчи — так у него у жены-то не было детей* Гимрека; *платьев у ней у невестки накуплено, нашиты* Шамокша.

горск. Вел. [257] Сочетание с предл. падежом представляет собой, на наш взгляд, не новую форму выражения субъекта действия (такова точка зрения В. А. Матвеенко [258]), а вариант сочетания «*у* + род. падеж» — вариант, возникновение которого связано с целым рядом процессов — фонетическим, морфологическим и синтаксическим [259].

УПОТРЕБЛЕНИЕ В СОЧЕТАНИИ С ПРИЧАСТНЫМИ ФОРМАМИ СВЯЗОК *есть, буду..., был...*

1. Употребление связки *есть* в сочетании с причастными формами — явление, известное некоторым говорам северо-запада. Соответствующие конструкции зафиксированы в Архангельской, Ленинградской, Новгородской, Псковской, Калининской, Вологодской, Ярославской областях, а также в русских говорах на территории Прибалтийских республик и Карельской АССР; основная часть имеющегося материала относится к населенным пунктам на участке между Ладожским и Онежским озерами, по р. Оять и на части побережья Онежского оз. Приведем иллюстративный материал, относящийся к различным русским говорам: *лекарство ей выписано есть* Пожары Хвойнинск. Новг.; *торф копан естя* Шапкино Боровичск. Новг.; *капустки е посажен* Теребутицы Шимск. Новг.; *что у меня е окомежено — сарафан-то налево надет* Гимрека; *так вот, милая: у бабушки испытано есть* там же; *вот в Гимреке не у всех и крашено е* Красный Бор; *всяко работано е* Щелейки; *там курицы есть три выпущено* Шамокша; *у меня краски-то е взято..., краска взята* там же; *девочка только еще есть рожена — 4 месяца* Машезеро Прионежск. Карел.; *рожь-то естя выжата* Ржаное Озеро Прионежск. Карел.; *в евангелии есть писано* Типи-

[257] В наших материалах есть одно предложение, где сочетание «*в* + предл. падеж» употреблено при форме глагола в прош. времени: *а в мухах разъели* (ответ на вопрос, почему у собаки ухо в крови) Редковцы.

[258] См.: В. А. Матвеенко. Страдательно-безличный оборот в восточнославянских языках, стр. 16; О на же. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в псковских говорах, стр. 130.

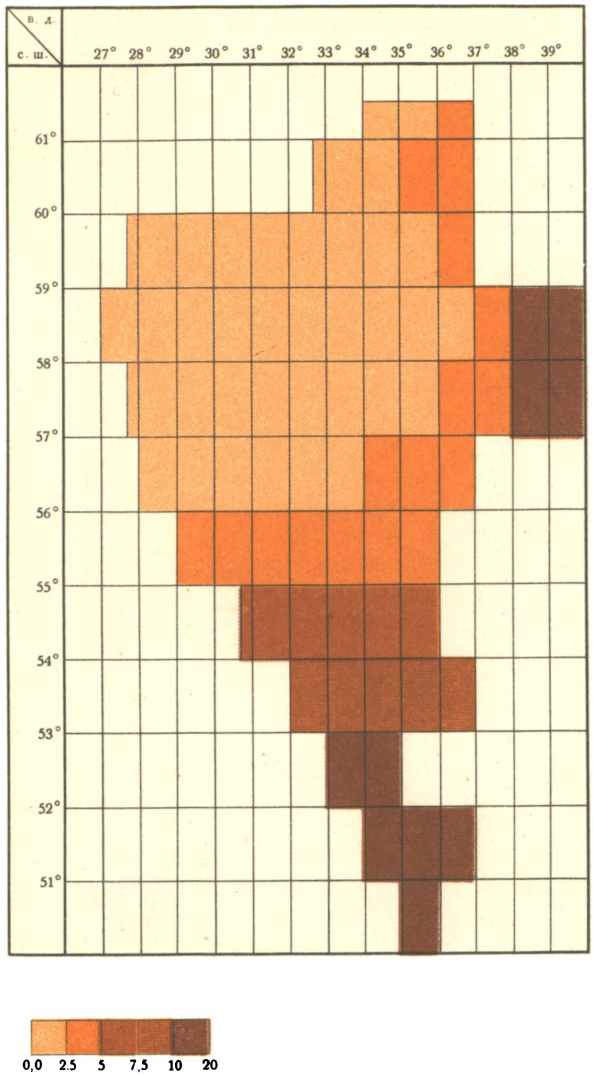
[259] Некоторые соображения по этому вопросу мы высказали в статье: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. О различительных явлениях русских говоров в области предложных словосочетаний («Изв. Акад. наук». Серия лит-ры и языка, т. XXIII, вып. 4. М., 1964, стр. 324—325). См. об этом также: М. А. Новгородов. Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР, стр. 295—297.

Об употреблении для указания на субъект действия тв. падежа имени, а также сочетания «*от* + род. падеж» мы говорили выше применительно к различным типам причастных конструкций. О единичных случаях выражения субъекта действия другими формами, отмеченными в страдательно-безличных оборотах, см. в статье В. А. Матвеенко «Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах» (стр. 129—131).

ницы; *у меня есть операция делана, дак на зрение повлияло* Малетино; *так тут написано есть* (на брикете — как варить суп) там же; *куды же е брошена юбка?* Васюковская Оштинск. Вол.; *всё е пережито у этой бабки* там же; *у тебя не привыкнуто есть* Малахово Бабаевск. Вол.; *теленочко есть еще не поено* Труфаново Масловск. Яр.; *в кого что е сохранен* Черемша Середкинск. Пск.; *это всё есть в науке описано* там же; *йоду там есть достато* Городище Печорск. Пск.; *ножницы зашиты естя* Язвиха Сандовск. Калин.; *паренек е далеко уехаччи* Федово Пестовск. Новг.; *сыновья есть оставши* Новотроицы Валдайск. Новг.; *мы развевши естя в 34 году* Кузра Початовская Винницк. Лен.; *там, наверно, забравши уже естя куры* Люблино Лужск. Лен.; *она немножко есть рехнувши* Выбье Кингисеппск. Лен.; *у меня е только полгода оставши* Павшино Тихвинск. Лен.; *печка прогоревши уж есть* Давыдовская Винницк. Лен.; *век е теперь прошоцци* Гимрека; *Настя уж чаю попивши е* Красный Бор; *погибши сын у меня е, погибши сын у меня* Чидово; *сын естя померши* Педасельга Прионежск. Карел.; *тут медведь е рывши, лось большой тут ходил* Ржаное Озеро Прионежск. Карел.; *ты совсем опьяневши есть* там же; с *Вологды дедко пришотчи есть* Кузнецовская Оштинск. Вол.; *два года или три умерши есте* там же; *наши козы одни оставши е* Васюковская Оштинск. Вол.; *бензину есть оставши* Мельница Пушкиногорск. Пск.; *белого хлеба есть оставши* Заболотье Лесной Калин. (См. также примеры выше, на стр. 25, 81—82, 102, 181).

Рассматриваемые причастные конструкции представляют собой звено в целой цепи известных северо-западным говорам диалектных конструкций, включающих в свой состав *есть*, «лишнее» с точки зрения литературного языка и других говоров [260]. *Есть* участвует здесь в оформлении разных типов именного и глагольного сказуемого, ср.: *его сестра мне-ка золовка есть* Типиницы; *жена его естя секретарем* Гимрека; *отец-то еговый естя с-под Костромы* Красный Бор; *они пустые люди есть* Малетино; *эта корова наша е* Селище Бокситогорск. Лен.; *у меня е пол намытый* Гимрека; *у многих сена есть сгнившие* Кихита Тартуск. Эст.; *здесь красиво естя, воздух чистый* Красный Бор; *я дома ведь е* Гимрека; *Варшава в Польше есть* Поржала Каргопольск. Арх.; *собака е на цепе* Большая Жердянка Сланцевск. Лен.; *в теплых сторонах там всего есь наросло* Шамокша;— *где Коля? — там внизу есь сидит* Малетино; *рожь-то естя выжата, ячмень есть начинать* Ржаное Озеро Прионежск. Карел.

[260] О различных типах этих конструкций см.: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 52—54; И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах. «Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу». М., 1968. См. также: В. И. Черных ев. Описательные формы наклонений и времен в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. 1. М.—Л., 1949, стр. 212—217.

Карта-схема 3. Среднее количество примеров со словоформами ряда *выпив-ши... спавши*, приходящееся на 100 случаев предикативного употребления форм на *-ши*.

И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко

Употребляясь в составе сказуемого, *есть* может, как нам представляется, быть и чисто формальным элементом (например, при сочетании с именем в им. падеже), и элементом, несущим в себе какую-то долю экзистенциального значения глагола *быть* (например, при сочетании с группой «предлог *в* или *на* + имя в предл. падеже»). Что касается причастных конструкций, то они в этом плане, по-видимому, неоднородны. Конечно, д о к а з а т ь наличие или отсутствие у связки *есть* той или иной доли экзистенциального значения в большинстве случаев невозможно, однако кое-какие данные формального характера, подтверждающие положение о разном характере *есть* в причастных конструкциях, все же можно привести. В том, что *есть*, сочетающееся с причастными образованиями, может быть чисто формальным элементом, лишенным всякого лексического значения, нас убеждают случаи употребления *есть* в конструкциях односоставных (типа *тут написано есть*) или таких двусоставных, где подлежащее выражено местоимением *что* (типа *что у меня есть окомежено*). С другой стороны, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что *есть* чаще сочетается с причастными словоформами, несущими в своей семантике нечто от бытийности, наличия, ср.: *усадьба есте дадена тама* Сологубовка Мгинск. Лен.; *у меня всё есь заготовлено* Малетино; *у меня есть заработана с колхоза медаль* Ефремково; *тут гнездов есть сколько навито* Бутковичи Лужск. Лен.; *друга* (жена) *нажита есь уж?* Типиницы; *приехать нужно за сучьям(и)*, *еще есь сучья оставши* Выбье Кингисеппск. Лен.; *еще девушка есь приехавши* Шелехово Лихославльск. Калин. Заметим, что из 134 предложений, где предикат представлен сочетанием *есть* с формами на *-ши*, в 32 случаях выступает словоформа *оставши*; предложений с сочетанием *есть пришетчи* в наших материалах 12, в то время как сочетание *есть ушетчи* отмечено здесь только 6 раз, хотя словоформа *ушетчи* встречается в предикативной функции даже чаще, чем *пришетчи* (см. список форм на *-ши*). Не исключено, что в случаях типа *есть оставши сенца* (Михалево Овинищенск. Калин.) имеет место своего рода тавтология в предикате.

Выше уже было сказано, что далеко не всегда можно определить, является ли связка *есть* в причастных конструкциях чисто формальным элементом или она наделена и лексическим значением. К этому необходимо прибавить, что в сущности нет строгих показателей и для разграничения конструкций, где *есть* — связка, наделенная долей экзистенциального значения, и конструкций, где *есть* — полнозначный глагол, а причастная форма — атрибут (типа *есть разбивши зеркала* Ермолино Фировск. Калин.; см. стр. 246—247).

Мы вынуждены признать, впрочем, что для развернутого анализа причастных конструкций с *есть* в настоящее время еще не располагаем достаточным материалом: «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского

языка» специально предусматривала фиксацию *есть* только в глагольных конструкциях (см. вопрос № 126), поэтому свидетельства обо всех остальных случаях употребления *есть* разрознены и даже случайны; значительным количеством примеров мы располагаем только из нескольких близко расположенных друг к другу населенных пунктов, которые были обследованы нами лично [261].

Интересно, что разнофункциональным в северо-западных говорах оказывается не только *есть*, но и *нет* [262], и это обстоятельство наглядно предстает в материале, касающемся причастных форм. Здесь можно встретить и конструкции, где *нет* является, по-видимому, самостоятельным предикатом (со значением 'не имеется'), и конструкции, в которых *нет* может рассматриваться только как отрицательная частица, синоним *не*, ср.: 1) *еще нету ни одного стога поставлено дак* Щелейки; *нет ли чего послано у его?* Чидово; *горшочек намытый, только поглядите, нет ли с краешка чего приставши* Шамокша; 2) *нету писано* ('отчего умер брат') *— телеграмма ведь* Щелейки; *у нас еще нету взято* ('мы не взяли') Нижняя Прионежск. Карел.; *нету поработано* с. Вяжино на р. Свирь [263]; *у тебя нету и снято это?* ('у тебя не снята конфорка?') Ржаное Озеро Прионежск. Карел.; *никогда нет натучивши* Логоза Тартуск. Эст.; *да еще нету вышеччи* ('невестка-вдова пока не вышла еще раз замуж') Гимрека; *так и нету еще развевши, ни что?* ('еще не развелись?') там же [264].

Для разграничения различных конструкций с *нет* так же, как и конструкций с *есть*, трудно найти формальные критерии (особенно при небольшом материале) и трудно, следовательно, рассчитывать что-либо доказать, поэтому мы позволим себе лишь высказать предположение о том, что, наряду с названными выше полярными типами, имеются и такие конструкции, где *нет* является не самостоятельным предикатом, а только его частью (вторую часть составляет причастная форма) и вместе с тем не приравнивается полностью к частице, сохраняя, подобно связке *есть*, какую-то

[261] Всего предложений, где *есть* выступает в сочетании с причастными формами, в наших материалах (включая данные из ответов на диалектологические программы конца XIX — начала XX в.) несколько более 300.

[262] О соотношении *есть* и *нет* см., в частности: R. Z i m e k. Nulová spona v ruštině v porovnání s češtinou. «Bull. Vysoké školy ruského jazyka a literatury». Praha, 1962, стр. 27.

[263] А. И. Б е л и н с к и й. Особенности говора населения в районе с. Вяжино на Свири. Картотека словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, рук. № 279.

[264] Отметим и другие случаи, где *нет* является частицей: *у нас это нет принято*. Стуколово Качановск. Пск.; *нет ли жарко?* Ржаное Озеро Прионежск. Карел.; *она нету така зла* — русский говор на северном побережье Чудского оз. (территория Эстонии); *дочка замужем нету* там же (двумя последними предложениями мы обязаны доценту Тартуского гос. ун-та Т. Ф. Мурниковой). Предложения типа *она нет пришла* употребляются в русских говорах на территории Латвии (как нам сообщила доцент Рижского гос. ун-та М. Ф. Семенова).

долю экзистенциального (отрицательно-экзистенциального) значения.

Приведем некоторые случаи этого рода: *выгона нету для лошадей огорожено* Б. Сварец Лядск. Пск.; *у молодых нет по 40 трудодней заработан* Ямно Чудовск. Новг.; *а дачников нету пущено?* Горка Мгинск. Лен.; *а продавца подыскано нет* Гавсарь Мгинск. Лен.; *табаку нету привезено?* Кузнецовская Вытегорск. Вол.; *покуля его нету явивши* Городище Печорск. Пск., *может, еще и приехавши нету?* (продавца) Ямок; *ей дома нет пришоччи* Монастырек Сланцевск. Лен.; *повойника-то нету оставши* Заполье Кингисеппск. Лен.; *говоруна-то нету пришотчи* Втроя Сланцевск. Лен.; *Шурки нет приехаччи, значит?* Ефремково.

2. В сочетании со связкой буд. времени причастные формы выступают редко — всего в наших материалах встретилось 52 случая: 35 с формами на *-ши* и 17 — с формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-* (см. соответствующие примеры на стр. 25, 82, 102–103, 181)[265]. Данный факт объясняется причинами нелингвистическими: по-видимому, в речи редко возникает потребность выразить значение состояния, отнесенного в будущее[266]. Поэтому мы не согласились бы с теми исследователями, которые считают сочетания причастных форм со связкой *буду* неживым звеном системы[267]. Отметим, что в наших материалах есть несколько предложений без связки, содержание которых относится к будущему, ср.: *пусть она привыкнувши* Ефремково; *приедут, сосватавши когда* Михайловское Ровдинск. Арх.; *я как пришовши* (т. е. как приду), *с ним ляжу* Красные Горы Тартуск. Эст.; *это как от венца приехавши* Ременик Вируск. Эст.; *ты говорила, давши одную чашечку чаю, я и пришел, а то думал и тую выпьешь* Рамосово Старорусск. Новг.; *они прибегут теперь — наш-то не кушавши, дак покушавши* Замежничье; *гуляли так прежде: круг большой установивши, стоишь в большом кружку...* Драготин Полновск. Пск.; *не будут расти в плотном, так они заглохши* Палиха Осташковск. Калин.; *чуть ветер не в ту сторону, так повалившн* Плотично Пеновск. Вел.; *пусть открывши* Устоша Мосальск. Калуж.; *пусть, пусть откутавши* (о двери) Плоское Дмитровск. Орл.; *раздавши* (от гл. *раздавить*) *ты его* (велосипед) Успенка Должанск. Орл. Один подобный пример

[265] Ряд предложений, где причастные формы сочетаются со связкой *буду...*, приведен в работе М. А. Новгородова «Образование и употребление деепричастий в старожильческом русском говоре Дагдского района Латвийской ССР» (стр. 375).

[266] Ср. аналогичное замечание П. С. Кузнецова, сделанное на основании совершенно другого материала,— см.: П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II. М.—Л., 1950, стр. 162.

[267] См.: В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада, стр. 277.

приведен А. А. Шахматовым в его записях по Олонецкому краю: *ты куда, барин, поехадчи от нас*? (куда поедешь?') [268].

3. Связка *был...*, в отличие от *есть*, употребляется при причастных формах без территориальных ограничений и, в отличие от *буду...*, достаточно часто.

Как известно, традицией русской разговорной речи является дифференцированное употребление причастных форм со связкой прош. времени и без связки (имеются в виду, конечно, те формы, предикативное использование которых свойственно литературному языку, т. е. формы с суффиксами *-н-*, *-т-*)[269]. Разное значение имеют предложения с предикатами типа *поставлен* и типа *был поставлен*, а также типа *приехавши* и типа *был приехавши* и в современных говорах: если формы без связки (или со связкой *есть*) употребляются для выражения значения состояния, актуального в момент речи, то формы типа *был поставлен*, *был приехавши* выступают в тех случаях, когда требуется показать, что не только действие, вызвавшее определенное состояние, но и само это состояние относится целиком к плану прошлого, ср.: 1) *теперь дети выращен — некому и плакать* (поэтому можно умирать) Ямок; *у меня у матери печь топлена — пойду париться* Ефремково; *ягод набрано — надо варенье сварить* Чидово; *а дедка дома нет — ушоччи* Колоколово; *собака вышеччи из будки прочь и лает* Заполье Кингисеппск. Лен.; *эта бабушка не гораздо робеет — она привыкши* Нагаткино Старорусск. Новг.; 2) *часть у него было выгнато в Германию, но возвратились* Никольское Гатчинск. Лен.; *ну, тогда вас еще рожено не было* Шамокша; *было раньше покошено сенца-то, как руки-те ходили* Никифорово Вельск. Арх.; *когда я была брошена мужем, я не видала себе хорошего ничего* Счастливка; *Наполеон был на гору Голгофу сошовши* Загорье Печорск. Пск.; *не вспоминают, как были разошоцци* (супруги, которые потом опять соединились) Редковцы; *не надо* (трогать спину): *у меня еще спина не поправивши — сгоревши была*

[268] А. А. Шахматов. Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. (Архив Акад. наук, ф. 134 оп. 1, № 225, л. 21 об.).

[269] См. об этом, в частности, в кн.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 205—209. Иначе в речи письменной — см. там же, а более подробно — в работах Л. А. Булаховского и П. С. Кузнецова (Л. А. Булаховский. Из русского синтаксиса первой половины XIX в. «Наук. зап. Харківського держ. пед. ін-ту», т. X. Харків, 1947; Он же. Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954, стр. 316—318; П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в.).

[270] Следует, однако, заметить, что сферы употребления причастных форм со связкой прош. времени и без этой связки практически не так отчетливо разграничены, как это могло бы показаться. По-видимому, в речи

Колоколово [270]. В наших материалах зафиксированы случаи, когда причастные формы без связки выступают в тех предложениях, где ожидалось бы употребление сочетаний их со связкой *был...*,— в предложениях, содержание которых, очевидно, ни в коей мере не включается в одну временну́ю плоскость с моментом речи, ср.: *как отступали, машин-то нагнато* Дрени Пыталовск. Пск.; *у кого захоронено — раскладывали* (немцы) Васильево Псковск. Пск.; *в яму фином впёрснута, пришли русски и вытащили* Бакачино Старорусск. Новг.; *вечор угнано, в 9 часов пришли* (коровы) Нижняя Прионежск. Карел; *два разы у меня захвачено семь коров* Кузнецовская Оштинск. Вол.; *два раза выйдено* (замуж) Замошье Андомск. Вол.; *где раньше пахано, теперь пустошь* Белозерье Мурашинск. Кир. [271]; *у меня не раз кожа съехавши от сохи* Княжицы Новосельск. Пск.; *а вы загорели или вы раньше загоревши*? Колоколово; *его взяли, как только красная власть установивши* Подборовье Полновск. Пск.; *когда война начавши, у ней сынок болевши* Залучье Куньинск. Вел.; *когда отвоевавши, пришел* Пень Спировск. Калин.; *когда мы наголодавши, мы по сотне яиц ели* Нехино Батецк. Новг.; *они прилетевши еще снег был* Голиково Молвотицк. Новг.; *ноги распухши — разула сапоги — опали, ломят* Долговка Лужск. Лен.; *они вошли в деревню, когда всё уже успокоивши* Заполье Кингисеппск. Лен.; *до солнышка уходили — еще солнышко не вставши* Дудачкино Новоладожск. Лен.; *Валька замуж вышетци — вышла, да и развелась* Сомино Ефимовск. Лен.; *дочка там замуж вышоцци, да разошоцци* Чидово; *оставшись с ребятами, когда мне было 31 год* Пятино Ефимовск. Лен.; *да сгоревши — дак теперь настроивши снова* Шамокша; *я уставши и спать хотела* (когда несколько лет назад к ней пришел диалектолог работать) там же; *сюда вчерась*

совсем не редки такие случаи, когда то или иное сообщение может быть представлено говорящим и как связанное с наст. временем, и как полностью от него оторванное — ср. такие пары сходных между собой контекстов: *поработано у меня* Гремячево Киришск. Лен. и *у нас было поработано* Морозово Волковск. Лен.; *у бабушки жито в Ленинграде* Гимрека и *у сестры было столько лет жито в Петрозаводске* там же; *слез пролито за войну*! Навалок Подборск. Новг. и *погоревано было в войну-то* Бурмакино Капшинск. Лен.; *прядено-то у меня пряжу* Заэрап Кадуйск. Вол. и *дратвы было прядено* Ортино Ковжинск. Вол. Подобного рода колебания возможны и в литературном языке, ср.: *мое синее платье (было) куплено в этом магазине; это письмо (было) написано вчера*. Ср. замечание В. А. Матвеенко о предложениях *на строительство этого дома истрачено очень много денег* и *на строительство этого дома было истрачено очень много денег* русского литературного языка.— В. А. Матвеенко. Временное значение главного члена страдательно-безличного оборота (на материале украинского и белорусского языков). «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, стр. 88.

[271] Ряд примеров пропуска связки прош. времени при причастных формах с суффиксами *-н-*, *-т-* см. в кн.: В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах, стр. 55.

котенок сваливши (потом его вытащили) Раменье Большесельск. Яр.; *когда почтальонша приходила, все уже ушоччи* там же [272].

Не исключено, что пропуск связки прош. времени (а также и будущего) иногда связан со стремлением к большей краткости и легкости построения разговорной речи. Наиболее правдоподобным такое предположение представляется по отношению к случаям, где могло бы получиться нагромождение связок, ср.: *брату с отцом было прощено, а дяде были выдолбаны глаза и в подвал брошен* (сказка) Пустошки Островск. Пск.; *некоторые были оставши, а ины все поразошоцци* Замежничье. Думается, что так же может объясняться пропуск связки в предложениях, имеющих форму ирреальных наклонений, ср.: (в рассказе, как мочить яблоки) *гнеток не тяжелый — только бы они скрыты* Счастливка; *а коли не выворожен бы, дак...* (если бы над ребенком не ворожили, он был бы уродом) Замежничье; *во двор чтоб не хожено* Новошино Красноборск. Арх.; *поезжай — чтоб ехано, ехано — и всё* Слободка Харовск. Вол.; *если бы знато* Гремячий Колодезь Свободинск. Кур.; *давно бы уже улегши*! (о ребенке) Ямок; *у меня были свои приехавши — так всё ели — лишь бы выросши* (об огурцах) Колоколово. Однако для основной части имеющегося материала напрашивается, как кажется, другое объяснение. Случаи пропуска связки прош. времени далеко не равномерно распределяются между группами конструкций с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, и с формами на *-ши* — предложения типа *старик заболевши весной и помер вчерась* (Заполье Белебелковск. Новг.); *они как раз чай пили — с бани пришоцци* (Редковцы) составляют здесь значительное большинство, и именно предложений с формами на *-ши* касается это второе предположение. Выше — при рассмотрении случаев употребления в конструкциях с формами на *-ши* вин. падежа прямого объекта и при характеристике значения конструкций с формами на *-ши* от глаголов несв. вида — мы уже говорили о том, что во всех современных говорах в той или иной степени проявляется тенденция к утрате предикативными причастными образованиями на *-ши* их специфики, вытекающей из их именной сущности,— к сближению этих образований с глагольными формами (на *-л*). Мы бы считали, что и случаи пропуска связки прош. времени могут быть отнесены к числу реализаций данной тенденции. Интересно, что относительная частота употребления предло-

[272] В числе иллюстраций имеется ряд предложений с причастными формами, входящих в состав сложного предложения. Для нас в данном случае было существенно, что эти предложения, как и все остальные приведенные здесь, принадлежат к таким, которые на основе сравнения с десятками или даже сотнями других подобных им текстов воспринимаются как случаи пропуска связки прош. времени при причастных формах, вопроса же о специфике употребления форм времени в сложном предложении мы здесь не касаемся.

жений со связкой прош. времени оказывается по говорам не одинаковой, что́ особенно заметно, если не учитывать материала со словоформами ряда *выпивши... спавши*, которые во всех говорах имеют сугубо именной характер. Если на северо-западе, где образования на *-ши* широко используются в предикативной функции, предложения с предикатом типа *был приехавши*, *была выросши* составляют в среднем около 1/4 всего количества предложений с рассматриваемыми предикативными формами [273], то в южной части территории, очерченной изоглоссой регулярного употребления предикативных форм на *-ши*, доля предложений со связкой — 14%, за пределами же данной изоглоссы — менее 11% (48 предложений из 445) [274]. Факт более редкого использования сочетаний причастных образований на *-ши* со связкой *был* в говорах южной части очерченной изоглоссой территории, и особенно за пределами изоглоссы, обусло́влен, как нам представляется, тем, что процесс внутреннего разрушения диалектных конструкций с данными причастными формами пошел здесь дальше (ср. увеличение на этих территориях относительной частоты употребления конструкций с вин. падежом прямого объекта и доли предложений с предикативными формами от глаголов несв. вида) [275].

[273] Приведем конкретные цифры для нескольких географических квадратов: числитель показывает количество примеров со связкой, отмеченных в материалах по населенным пунктам, относящимся к территории соответствующего квадрата, знаменатель — все количество примеров с предикативными формами на *-ши* (не считая примеров со словоформами ряда *выпивши... спавши*).

с. ш. \ в. д.	27°	28°	29°	30°
60°		204/824	73/355	
59°	121/503	241/1108	167/661	
58°		179/693	81/328	
57°		84/302	82/280	
56°				

[274] Приведенные сопоставления можно признать правомерными, конечно, только в том случае, если принять допущение, что количественное соотношение речевых ситуаций, когда следует употребить причастную форму со связкой, с одной стороны, и без связки — с другой, является стабильным.

[275] На основании некоторых диалектологических материалов конца XIX — начала XX в. можно предполагать, что несколько десятилетий на-

СОЧЕТАНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ С ИНФИНИТИВОМ ИЛИ ИМЕННЫМИ ФОРМАМИ В СОСТАВЕ ПРЕДИКАТА

Причастные формы, образованные при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, и формы на *-ши* могут выступать в качестве составной (первой) части предиката, сочетаясь с инфинитивом или именными формами. Рассмотрим этот материал.

1. Все имеющиеся у нас предложения, предикат которых выражен сочетанием инфинитива с формами на *-ши*, относятся к одному типу — это личные конструкции с субъектным инфинитивом. Из причастных словоформ здесь выступают следующие: *ушетчи*, *уехавши*, *пришетчи*, *приехавши*, *улегши*, *оставши*, *привыкши*, *умевши*, *уставши* — все они являются образованиями от глаголов непереходных; в значительном большинстве случаев (32 из 35) инфинитив — несовершенного вида. Приведем иллюстрации: *Катя ушоччи собаку кормить* Ефремково; *был уехавши в Россию разминировать* Стуколово Качановск. Пск.; *он пришовши жалиться* Городище Печорск. Пск.; *я уж спать была улегши* Иногоща Окуловск. Новг.; *бойкий — вот и оставши жить* Логоза Тартуск. Эст. Как видно из примеров, данные сочетания функционируют аналогично сочетаниям типа *ушла кормить*, *остался жить* в литературном языке.

Предложения, где инфинитив сочетается с краткими формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, распадаются прежде всего на две группы — на безличные (основная масса) и личные. Одну часть безличных предложений составляют общерусские конструкции, главный член которых выражен причастной формой от глагола со значением мысли, решения, волеизъявления и инфинитивом, называющим конкретное действие, другую — диалектные конструкции, соотносительные с такими предложениями литературного языка, где субъектный инфинитив выступает при формах глагола прош. времени. Примеры первых: *караулить мне здесь всё препоручено* Воронино Батецк. Новг.; *ишь ты, задано такое списать всё* Патрово Псковск. Пск.; *здесь запрещено было ходить* Барские Кусони Батецк. Новг.; *не велено в горох пускать* Щетинское Мяксинск. Вол.; *ему* (священнику) *разрешоно служить* Вяжли Пичаевск. Тамб. Примеры вторых: *у ей в Ленинград поступать уехано* Новая Деревня Кадуйск. Вол.; *или у него спать ляженось?* Малахово Бабаевск. Вол.; *не думано пить молока* Б. Толбицы Псковск. Пск.; *а теперь брошено думать* Лесково Лужск. Лен.; *три года на торфу было заставлено работать* Жеребут Лужск.

зад связка *был* сочеталась с формами на *-ши* чаще, чем в современных говорах — см., в частности: М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878, стр. 251—252; В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. «Изв. ОРЯС», 1912, т. XVII, кн. 2, стр. 124.

Лен.; *звонить было заказано* Усть-Рыбежна Пашск. Лен.; *было запоздано пахать* Сохи Усмынск. Вел.; *было у ей другу неделю справленось ехать* Типиницы; *у него было взятось скосить гектар* Дуброво Уломск. Вол. Помимо имеющихся в приведенных примерах, здесь отмечены еще следующие причастные словоформы: *отвыкнуто*, *наваленось*, *прошено*, *хожено*, *пойдено*, *уйдено*, *прийдено*, *пробовано*, *записанось*, *забыто*, *научено*, *насыпано*, *поставлено*. В предложениях, соотносительных с глагольными предложениями литературного языка, как правило, употребляются причастные словоформы, образованные от глаголов непереходных или переходных в непереходном значении (см. все приведенные выше примеры), однако возможны и такие случаи, когда причастная форма имеет переходное значение, ср.: *у Анны в оккурат насыпан ягод варить* Ямок; *молочка поставлено варить* Руковишниково Велико-Устюжск. Вол.; *тебя послато записывать всё?* Ржаное Озеро Прионежск. Карел.; *положено ягод в печку сушить* — мстинский говор[276].

Имеющиеся в нашем материале личные предложения, предикат которых выражен сочетанием инфинитива и краткой формы с суффиксом *-н-*, не составляют единой группы. В трех предложениях выступают причастные формы, имеющие переходное значение — имя-подлежащее называет предмет, на который соответствующее действие переходит: *попрошено соседи были помочь дом строить* Быково Молвотицк. Новг.; *заставлен был принести* Плоское Борисово-Судск. Вол.; *заставлены вы писать* Дубняги Киришск. Лен. Подобного типа конструкции, правда, с другими причастными словоформами, употребительны и в литературном языке, ср.: *мы приглашены обедать*; *они были наняты всё убрать*. В трех случаях имя-подлежащее называет предмет, являющийся объектом того действия, которое заключено в инфинитиве: *оны запрещено у нас бить* (о выдрах) Заполье Лужск. Лен. (причастие имеет форму безличную или несогласованную); *баня заказана топить* Юксовичи Лодейнопольск. Лен.; *который клевер мною запрещен косить* Гридино Мошенск. Новг. Особняком стоят следующие два предложения: *я не запрещена еще по улице ходить* Ефремково; *брошена доить-то* там же. В первом имя-подлежащее обозначает предмет, являющийся косвенным объектом действия «запретить», второе представляет собой активную конструкцию.

2. Из словоформ на *-ши* в сочетании с различными именными формами широко используются четыре — *бывши*, *ставши*, *сделавши*, *оставши*; по нашим материалам в данной функции отмечены также *пришотчи*, *родивши*, *сваливши*, *напивши*, *нажравши*. Приведем иллюстрации: *старик-то бывши не дурак* Драготин Полновск. Пск.; *я так думаю, что вы тоже учительницей бывши* Редковцы; *вятша — бывши пахано, но брошено* Гверестка Гдовск. Пск.; *старик ставши ста-*

[276] Н. П. Гринкова. Мстинский говор, стр. 193.

ростой Лесково Лужск. Лен.; *сухой чего-то кот ставши, больной* Ефремково; *скотина-то умна ставши* Боровые Чагодощенск. Вол.; *Поля сделавши как не в своем уму* Княжицы Новосельск. Пск.; *папа совсем сделавши ласковее, как он был* Лесково Лужск. Лен.; *пчел меньше сделавши* Заполек Маловишерск. Новг.; *жив оставши* Луневщина Гдовск. Пск.; *теперь одна совсем я оставши* Бабино Кингисеппск. Лен.; *он пришотчи голый, босый* Усадище Осьминск. Лен.; *она родимши такая глупая* Бахметово Андреевск. Смол.; *отец был сваливши пьяный* Заборовка Лядск. Пск.; *пьяный был напивши, аль так?* Редковцы. Формы на *-ши* функционируют здесь аналогично формам прош. времени соответствующих глаголов в литературном языке.

Из форм с суффиксами *-н-*, *-т-* в связочной функции отмечены образования как от переходных, так и от непереходных глаголов. Количество соответствующих предложений в нашем материале невелико — приводим их все: *Ленька поставлена сторожем* Ямно Поддорск. Новг.; *она была трехнедельная у меня взян* Углы Новосельск. Пск.; *оставлена я виноват* Сохи Усмынск. Вел.; *он был устроен отделивши* Березуги Фировск. Калин.; *сын пьяный снятось* Корчагино Пудожск. Карел.; *холостым уйдено было на службу* Песчаное Пудожск. Карел.; *а это-то у него холостым снятось* Типиницы; *а это у него у живого снято* там же; *бытось кошено, да вся мокрешенька* там же. О конструкциях с причастными формами от переходных глаголов можно сказать, что они имеют общерусский характер (если отвлечься от некоторых особенностей в выражении именного компонента); конструкциям же с формами от непереходных глаголов по функции соответствуют в литературном языке конструкции типа *ушел холостым, снялся живой, было кошено.*

Во всех рассмотренных конструкциях, где причастные формы выступают в качестве составной части предиката, они сохраняют, как нам представляется, свое типовое грамматическое значение.

Среди приведенных предложений, включающих в свой состав сочетание причастной формы с именем, немало таких, где именной компонент относится не только к предикативно функционирующей причастной форме, но и ко второму элементу предикативной основы предложения — имени-подлежащему. В данном отношении причастные конструкции не заключают в себе какой-либо специфики: с точки зрения функции именного компонента причастные конструкции типа *он угрюмый сделавши, старик-то бывши не дурак, сын пьяный снятось* ничем, по-видимому, не отличаются от соотносительных с ними глагольных конструкций литературного языка.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ С СУФФИКСАМИ *-н-*, *-т-* И *-ши* В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГОВОРОВ

В настоящем разделе, имеющем в значительной степени итоговый характер, рассматривается следующий круг вопросов: о соотношении по значению и употреблению двух групп причастных форм, образованных от глагольных основ прош. времени (форм с суффиксами *-н-*, *-т-* и форм с суффиксом *-ши*); о грамматической сущности сочетаний типа (*есть*) *поставлен*, *был поставлен*, (*есть*) *уехавши*, *будет уехавши*...; о соотносительности говоров по употреблению предикативных причастных форм. Некоторые из рассматриваемых здесь вопросов принадлежат к числу весьма сложных, и мы хотели бы предупредить читателя, что ни в коей мере не претендуем на окончательность выдвигаемых положений,— прежде всего это относится к грамматической квалификации сочетаний типа (*есть*) *поставлен*, ... *будет уехавши*: однозначное решение данного вопроса представляется нам вообще вряд ли возможным в настоящее время хотя бы в силу отсутствия общепризнанного критерия для разграничения синтаксических и морфологических единиц — структур, являющихся именным предикатом, и аналитических форм слова [277].

Как уже указывалось выше, типовое грамматическое значение кратких причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* и с суффиксом *-ши* при предикативном их употреблении одно и то же — это значение состояния, вызванного предшествующим действием. Применительно к основной массе случаев — обычно при св. виде производящего глагола — значение предикативных причастных форм можно квалифицировать более определенно: как состояние, являющееся результатом законченного ранее действия. В зависимости от формы сочетающегося с причастным образованием глагола *быть* названное состояние относится к тому или другому временно́му плану, а при употреблении в предложении определенных частиц или союзов состояние может быть представлено как возможное, желаемое и т. п. (см. приводившиеся выше парадигмы причастных конструкций.)

И формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, и формы с суффиксом *-ши* образуются в говорах от глаголов, относящихся к разным грамматическим группам, и выступают как в качестве единственного организующего предложение центра, так и в качестве составной части предикативной основы предложения (именной ее компонент может

[277] Ср., например, теоретические положения, взятые за основу в разных статьях сборника «Аналитические конструкции в языках различных типов» (М.—Л., изд-во «Наука», 1965), представляющего результаты дискуссии по соответствующей проблеме.

быть при этом выражен им., вин. или род. падежом. Таким образом, при участии форм с суффиксами *-н-*, *-т-* и *-ши* в говорах образуется целый ряд конструкций, в которых общее грамматическое значение данных форм конкретизируется и уточняется. Эти конструкции находятся между собой в довольно сложных соотношениях; некоторые из конструкций с причастными формами, образующимися от одних и тех же глагольных основ, могут, видимо, рассматриваться как функциональные дублеты. Напомним кратко, какой круг конструкций образуется с участием причастных форм от переходных и от непереходных глаголов и покажем, какие функциональные ряды здесь возникают.

Конструкции с причастными формами от переходных глаголов

I. Двукомпонентные конструкции:

1. Конструкции, в которых входящее в предикативную основу имя называет предмет, послуживший объектом того действия, которым вызвано данное состояние:

1) конструкции, в которых имя называет предмет, целиком подвергшийся действию:

а) типа *изба помыта* (имя в им. падеже и координирующая с ним форма, образованная с помощью суффикса *-н-* или *-т-*);

б) типа *изба помыто*, *избу помыто*, *дом помыто* (имя в им.— вин. падеже и форма на *-но* или *-то*);

в) типа *изба помыт*, *окно помыт* (имя в им. падеже и форма на *-н* или *-т*);

г) типа *изба помывши*, *дом помывши* (имя в им. падеже и форма на *-ши*);

2) конструкции с партитивным значением:

а) типа *хлеба принесено* (имя в род. падеже и форма на *-но* или *-то*);

б) типа *хлеба принесен* (имя в род. падеже и форма на *-н* или *-т*);

в) типа *хлеба* (*было*) *принесши* (имя в род. падеже и форма на *-ши*);

3) конструкции с распределительным значением:

а) типа *по пять патронов дано* (предложно-падежное сочетание с предлогом *по* и форма на *-но* или *-то*);

б) типа *по пять патронов дан* (предложно-падежное сочетание с предлогом *по* и форма на *-н* или *-т*);

в) типа *по пять патронов* (*было*) *давши* (предложно-падежное сочетание с предлогом *по* и форма на *-ши*).

2. Конструкции, в которых входящее в предикативную основу имя называет субъект действия — типа *я чашку помывши*, *он воды принесши* (имя в им. падеже и форма на *-ши*).

II. Конструкции с одним организующим центром:

а) типа *у меня поставлено, здесь вымыто* (форма на *-но* или *-то*);

б) типа *у меня поставлен, здесь вымыт* (форма на *-н* или *-т*);

в) типа *у меня поставивши, здесь убравши* (форма на *-ши*) [278].

Как видно из приведенной схемы, конструкции с причастными формами от переходных глаголов группируются в четыре функциональных ряда [279]; особняком стоят только действительные конструкции типа *я чашку помывши, он воды принесши*, в которых причастные формы, как отмечалось выше, уподобляются по значению спрягаемым формам глагола. Второй, третий и четвертый функциональные ряды включают в себя конструкции с одним и тем же набором причастных форм: на *-но, -то*; на *-н, -т* и на *-ши*. Первый ряд пополняется еще одним членом — конструкциями, в которых употребляются причастные формы, координирующие с именем.

Территория распространения всех указанных типов конструкций подробно описывалась выше, здесь же мы напомним соответствующий круг фактов лишь в общих чертах. Все конструкции с формами на *-но, -то* употребляются по преимуществу в говорах западных среднерусских (за исключением основной части селигеро-торжковских) и севернорусских. Конструкции с формами на *-н, -т* распространены на меньшей территории — они характерны для западных среднерусских говоров (за тем же исключением) и небольшой части примыкающих к ним севернорусских. Конструкции с координацией компонентов предикативной основы являются общерусскими — редко отмечаются они только все в тех же селигеро-торжковских говорах. Что же касается конструкций с формами на *-ши*, то они, будучи возможными, хотя и редкими, в разных говорах, концентрируются как раз в селигеро-торжковских (особенно заметно это для безличных конструкций).— Таким образом, наблюдается тенденция к территориальному размежеванию конструкций с причастными формами, образованными от переходных глаголов при помощи суффиксов *-н-, -т-*, и конструкций с формами на *-ши* от тех же глаголов. Конструкции же, включающие в свой состав разные формы с суффиксами *-н-, -т-* (изменяемые: на *-но, -то*; на *-н, -т*), конкурируют между собой, но нигде не оказываются территориально противопоставленными.

[278] Чтобы не осложнять схему, мы не учитываем здесь внутреннего подразделения конструкций с одним организующим центром (в зависимости от их соотносительности или несоотносительности с личными предложениями) — см. об этом на стр. 101—102.

[279] Ряд — это единица следующего порядка после типа. Типы конструкций обозначены в данной схеме при помощи букв (а, б, в). Следовательно, ряд выделяется по тому заглавию, которое непосредственно предшествует подразделению на пункты а), б), в). Это обстоятельство необходимо специально оговорить потому, что соответствующие заглавия могут занимать в приведенной схеме разное место — имеем в виду схему в целом, т. е. распределение конструкций с формами и от переходных и от непереходных глаголов (последнее см. ниже).

Конструкции с причастными формами от непереходных глаголов

I. Личные конструкции:

а) типа *я замазавши(сь)*, *девушка уехавши* (имя в им. падеже и форма на *-ши*);

б) типа *я замазанась*, *девушка уехана* (имя в им. падеже и координирующая с ним причастная форма, образованная с помощью суффикса *-н-* или *-т-*);

в) типа *я замазанось*, *девушка уехано* (имя в им. падеже и форма на *-но(сь)* или *-то(сь)* [230].

II. Безличные конструкции:

1. Конструкции с причастными формами, образованными от личных глаголов:

1) конструкции с род. падежом субъекта действия:

а) типа *людей наехавши*, *чего не бывши* (имя в род. падеже и форма на *-ши*);

б) типа *людей наехано*, *чего не было* (имя в род. падеже и форма на *-но*, *-то*);

2) конструкции с субъектом действия, выраженным сочетанием «*у* + род. падеж» или без указания на субъект действия:

а) типа (*у меня*) *наученось*, (*у него*) *уйдено* (конструкции с формами на *-но(сь)*, *-то(сь)*);

б) типа (*у меня*) *уйден* (конструкции с формами на *-н*, *-т*);

в) типа (*у меня*) *научивши(сь)*, (*у него*) *ушетчи* (конструкции с формами на *-ши*).

2. Конструкции с причастными формами, образованными от глаголов безличных или личных в безличном значении:

а) типа *здесь растаявши* (конструкции с формами на *-ши*);

б) типа *здесь растаяно* (конструкции с формами на *-но*, *-то*);

в) типа *здесь растаян* (конструкции с формами на *-н*, *-т*).

Итак, конструкции с причастными формами от непереходных глаголов мы распределили по четырем функциональным рядам. Дадим к каждому из них некоторые пояснения.

Из трех типов личных конструкций регулярно употребляющимися являются только первые — с формами на *-ши*; конструкции же с формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, представлены всего несколькими десятками примеров, которые отмечены в разных говорах, но по преимуществу в тех, для которых не характерно употребление форм на *-ши*. Оба типа конструкций второго ряда — с именем в род. падеже — представлены весьма небольшим материалом, однако все же можно заметить тенденцию к их территориальной дифференциации: конструкции, включающие в себя формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, в большинстве случаев

[230] Аналогичных конструкций с формами на *-н*, *-т* в наших материалах не встретилось.

зафиксированы восточнее изоглоссы регулярного употребления форм на *-ши*. Относящиеся к третьему ряду конструкции, в которых выступают формы, образованные при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, с одной стороны, и конструкции, включающие в свой состав формы на *-ши*, с другой, территориально дифференцированы: немногие имеющиеся в наших материалах примеры типа *у него ушетчи* (кроме одного) зафиксированы в говорах, где все типы конструкций с суффиксами *-н-*, *-т-* встречаются редко,— говорах селигеро-торжковских. Их двух типов конструкций с формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, первые — типа *у него уйдено* — распространены на более широкой территории и характеризуются большей интенсивностью употребления (как показывалось выше, на стр. 98—99, формы на *-н*, *-т* выступают по преимуществу в личных конструкциях). Из конструкций четвертого ряда практически употребляющимися являются только конструкции с формами на *-ши*; предложения типа *здесь растаян(о)* абсолютно единичны.

При сравнении между собой выделенных здесь четырех рядов конструкций с точки зрения выражаемого ими реального содержания нетрудно заметить, что два из них — первый (*девушка уехавши*, *девушка уехана*, *девушка уехано*...) и третий (*у него уйдено*, *у него уйден*, *у него ушетчи*...) — близки между собой: во всех случаях здесь сообщается о конкретных действиях какого-то лица (лиц). Из относящихся к данным рядам типов конструкций регулярным употреблением в определенной части говоров характеризуются два — *девушка уехавши*, *я научивши(сь)* и *у него уйдено*, *у меня наученось*. На соотношении этих последних типов следует остановиться подробнее, причем здесь существенно учесть как характер распространения тех и других конструкций, так и круг глаголов, от которых образуются употребляющиеся в них причастные формы.

Рассматривая выше лексико-грамматический состав непереходных глаголов, от которых образуются предикативные причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, мы отметили, что значительное место здесь занимают глаголы несв. вида и глаголы с префиксом *по-* типа *поработать*, *поездить*, также называющие действие, растянутое во времени. Формы же на *-ши* от данных групп глаголов образуются относительно редко. Приведем некоторые сравнительные данные: от глаголов *побегать*, *побродить*, *погрешить*, *поплакать*, *пореветь* и от ряда других с *по-* в наших материалах отмечены только причастия с суффиксами *-н-*, *-т-*; от некоторых глаголов причастия с *-н-* образуются чаще, чем формы на *-ши*,— так, *поработано* встретилось в наших материалах 64 раза, *поработавши* — 6; *пожито* — 38, *поживши* — 11; *поезжено* — 10, *поездивши* — 1; *езжено* — 34, *ездивши* — 7; *работано* — 40, *работавши* — 12. (Сравнивая приведенные цифры, следует помнить, что вообще-то предикативные формы на *-ши* употребляются куда чаще, чем формы с суффиксами *-н-*, *-т-* от непереходных глаголов, что́ очевидно из сравнения ко-

личества материала в соответствующих списках). Интересно, что место, занимаемое образованиями несв. вида и образованиями с префиксом *по-* среди всех причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* от основ непереходных глаголов, не во всех говорах одинаково.

Сравнительно широкое использование конструкций с причастными формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-* от основ непереходных глаголов, имеет место как в говорах, характеризующихся интенсивным употреблением конструкций с формами на *-ши*, так и в говорах, где эти последние являются редкими или даже единичными (ср. изоглоссы, представленные на картах 2 и 3), но при этом лексико-грамматический состав форм с суффиксами *-н-*, *-т-*, употребительных в данных двух группах говоров, оказывается различным. В говорах, где причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* выступают наряду с предикативными формами на *-ши* (новгородские, псковские говоры), они образуются по преимуществу от невозвратных глаголов несв. вида и глаголов типа *поработать*, *поездить*... (см. таблицу на стр. 112 и комментарии к ней) — здесь наблюдается тенденция к разграничению предикативных причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* и с суффиксом *-ши* по составу производящих глаголов. Свободное же образование и использование причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* от различных основ непереходных глаголов, в том числе возвратных, а также невозвратных св. вида без префикса *по-*, отмечается только на территории за пределами изоглоссы регулярного употребления конструкций с формами на *-ши* — в говорах онежских, лачских и белозерских, а также в северной части вологодских. Конструкции с формами на *-но*, *-то* (*-нось*, *-тось*) в системе этих последних говоров представляется возможным рассматривать как функционально дублетные с типом «им. падеж (субъекта действия) + форма на *-ши*» в системе других, более западных говоров.

Подведем итог всему сказанному о круге конструкций с предикативными причастными формами, употребляющихся в русских говорах, и еще раз вернемся к вопросу об их распространении. Всего мы выделили восемь рядов конструкций, а если считать типы *девушка уехавши* и *у девушки уехано* функциональными дублетами, то семь рядов. Таким образом оказывается, что полный «семантический набор» причастных конструкций состоит из семи единиц: значение состояния, вызванного предшествующим действием, или, если определять его по основной массе случаев,— результативное значение конкретизируется в семи вариантах: состояние предмета, полностью подвергшегося действию со стороны другого предмета; состояние предмета, частично подвергшегося действию другого предмета и т. д. (о частном значении каждого типа конструкций см. в соответствующих разделах). Необходимо, однако, подчеркнуть, что конструкции, составляющие один функциональный ряд, не всегда абсолютно идентичны по значению. Укажем здесь на два момента: 1) если в личной конструкции употребляется причастная

форма, координирующая с именем, то значение состояния неизбежно воспринимается как более близкое к признаку, чем при неизменяемой причастной форме; 2) в безличных конструкциях состояние предстает, если можно так выразиться, в более чистом виде, чем в личных, поскольку здесь невозможен оттенок признака и сложнее связь с действием.

Из семи коммуникативно существенных частных значений, возможных для рассматриваемых причастных конструкций, одни могут быть выражены (так или иначе) в большем, другие в меньшем количестве говоров. Напомним основные относящиеся сюда факты. (Большая часть их представлена на картах 1—3 и на сводной карте 4.)

Из четырех рядов с формами от переходных глаголов два — *изба помыта...* и *по пять патронов дано...* (для краткости определяем ряд по первому члену)—представлены повсеместно [281], два других — *хлеба принесено...* и *у меня поставлено, здесь вымыто...* — по преимуществу связаны с западными среднерусскими говорами и частью севернорусских. Существенно заметить, что все типы конструкций с формами на *-ши* концентрируются на территории селигеро-торжковских говоров (см. карту 4).

Из конструкций с формами от непереходных глаголов регулярно употребляющимися являются только такие, где сообщается о состоянии, вызванном конкретным действием определенного лица (лиц). Конструкции типа *я замазавши(сь), девушка уехавши* — характерная черта говоров на западе РСФСР (см. карту 3); конструкции с формами на *-но, -то* отмечаются на довольно широкой территории — в западных среднерусских говорах и части севернорусских (см. карту 2), однако концентрируются они на небольшом участке в пределах севернорусских говоров (см. карту 4). Конструкции типов *людей наехавши* и *здесь растаявши* спорадически отмечаются на западе РСФСР, типов *людей наехано* и *здесь растаян(о)* — как единичные в пределах территории, очерченной изоглоссой типа *у него уйдено*.

Если сопоставить между собой все приведенные здесь сведения о распространении причастных конструкций, относящихся к семи выделенным функциональным рядам, нетрудно заметить, что весь «семантический набор» представлен на трех участках, охватывающих в сумме территорию западных среднерусских говоров и западной части севернорусских — ладого-тихвинских, онежских и частично белозерских и лачских: 1) где конструкции с формами на *-ши* сосуществуют с различными конструкциями, включающими в себя формы, образованные при помощи суффиксов *-н-, -т-* от переходных глаголов (в том числе типов *хлеба принесено* (*у меня*) *поставлено*) — говоры псковские, новгородские, ладого-тих-

[281] По отношению к конструкциям типа *по пять патронов дано* данное мнение высказывается предположительно (см. стр. 76, 90).

винские и часть онежских; 2) где широко употребляются предикативные формы на *-ши* не только от непереходных, но и от переходных глаголов и где они свободно входят в конструкции разных типов — селигеро-торжковские говоры; 3) где регулярно употребляются формы на *-но*, *-то* от разных глагольных основ, в том числе непереходных св. вида и возвратных,— часть говоров онежских, белозерских и лачских. Существенно подчеркнуть также, что именно на данной территории — в говорах западных среднерусских и западной части севернорусских — конструкции с предикативными причастными формами, образованными от основы глаголов прош. времени, употребляются с наибольшей регулярностью. Для того чтобы понять характер и глубину диалектных различий, связанных с предикативными причастными формами, необходимо представить себе место данных форм в грамматической системе современных русских говоров. К рассмотрению этого последнего вопроса мы сейчас и перейдем.

Из истории разных индоевропейских языков известно, что для именных предикатов с именной частью, выраженной причастиями, характерна тенденция превращаться в неразложимые грамматические единства — аналитические формы глагола [282]. Такой путь прошли, в частности, сочетания типа *есть*... (*былъ*...) *пришелъ* в истории русского языка. Трансформация именного предиката, структуры синтаксической, в морфологическую единицу — сложный и длительный процесс, и объективно определить момент, когда то или другое сочетание уже стало аналитической формой, по-видимому, далеко не всегда возможно — во всяком случае, одни и те же структуры нередко понимаются разными исследователями по-разному [283]. Именно так обстоит дело и с сочетаниями, рассматриваемыми в настоящей главе.

Начиная с середины XIX в. в России стали появляться работы, в которых предикативные причастные формы типа *поставлен*, *сказано*, *вставши* сближаются с перфектом, а сочетания типа *был поставлен*, *было сказано*, *был вставши* — с плюсквамперфектом

[282] См. об этом, например, в следующих работах: М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале истории немецкого языка). «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955; Она же. Причастие II германских языков. «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. XI. М., 1957; А. И. Смирницкий. Перфект и категория временной отнесенности. «Иностр. яз. в школе», 1955, № 1, 2. О. А. Смирницкая. Происхождение аналитической формы перфекта в древних германских языках. (Автореф. канд. дисс.). М., 1965; С. И. Груздева. Атрибутивные и предикативные функции причастия на -es в литовском языке в сравнении с русскими конструкциями. «Уч. зап. ЛГУ», № 235. Исследования по грамматике русского языка, 1. Л., 1958.

[283] См., в частности: В. М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях. «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., изд-во «Наука», 1965.

классических (главным образом греческого), а также новых западноевропейских языков. Данные сопоставления имеют место как в работах по русскому языку, так и в работах, заключающих в себе сделанные для русского читателя описания грамматических систем других языков [284]. Наиболее развернутую характеристику значения предикативных причастных форм, употребляющихся в русском языке, именно как значения перфектного дал С. И. Соболевский в своем труде по латинскому языку. Он пишет: «Perfectum praesens (или perfectum logicum) означает состояние, последовавшее за действием как результат и существующее в настоящее время. Таким образом, в этом типе перфекта как бы соединено понятие о прошедшем действии и о настоящем состоянии: fecit он сделал (когда-то) и (теперь) есть сделавший,— причем главное внимание обращается на теперешнее состояние, а не на прошедшее действие ... Всего лучше по-русски передается perfectum praesens в просторечии прошедшим деепричастием с подразумеваемой формой глагола *быть* в настоящем времени, например: *он — выпивши*; этим оборотом выражается, что упомянутый субъект в какое-то, ближе не определяемое, прошедшее время выпил вина и в настоящую минуту находится в состоянии опьянения, являющемся последствием этого прошедшего действия. Вообще же в русском литературном языке perfectum praesens действительного залога переводится прошедшим недлительного вида, причем для ясности часто прибавляются слова *уже*, *теперь*, *в настоящее время* и т. п. или употребляется описание посредством глагола (*уже*) *успел* с неопределенной формой. Но для перевода этого типа перфекта страдательного залога в русском языке имеется вполне соответствующая форма, именно причастие прошедшего времени недлительного вида с подразумеваемой формой настоящего времени глагола *быть*» [285].

Семантическую близость предикативных причастных форм русских говоров с формами перфекта признают едва ли не все исследователи, но при этом одни из них рассматривают сочетания

[284] См.: С. Шафранов. О видах русских глаголов в синтаксическом отношении. М., 1852, стр. 10—11; Он же. Исследование о видовых формах в русском и греческом глаголе.— ЖМНП, 1875, май, июнь, стр. 133; В. Стоюнин. Высший курс русской грамматики. СПб., 1855, стр. 72—73; А. Добиаш. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897. См.: «Изв. ист.-филол. ин-та князя Безбородко в Нежине», т. XVI. Нежин, 1898 (стр. 119); Л. П. Размусен. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках.— ЖМНП, 1891, июнь, июль, сентябрь (см. прежде всего § 6).—Заметим, что некоторые современные авторы ошибочно связывают определение перфектного значения предикативных причастных форм русского языка только с именем Н. Н. Дурново (имеется в виду работа Н. Н. Дурново 1924 г. «Очерк истории русского языка», § 520).

[285] С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. Морфология. Синтаксис. М., 1948, стр. 203.

типа *(есть) поставлен, был поставлен, (есть) вставши, был вставши* в рамках синтаксиса (А. А. Потебня, А. М. Пешковский, Б. Гавранек, В. И. Борковский, А. Б. Шапиро, Ф. П. Филин, Н. Ю. Шведова [286] и др.), другие же идут в сближении данных сочетаний с перфектом (плюсквамперфектом) дальше и более или менее уверенно квалифицируют их как единицы морфологические — как сложные формы времени (М. А. Колосов, Л. П. Размусен, Н. П. Гринкова, М. Ф. Семенова, В. И. Трубинский и др. [287]). Примечательно, что П. С. Кузнецов, уделивший много внимания изучению предикативных причастных форм русских говоров, в своей специальной работе о данных формах не решается причислить сочетания типа *(есть) поставлен, ... был вставши* ни к синтаксическим, ни к морфологическим единицам, склоняясь по существу к процессуальному их рассмотрению. Так, сблизив по значению сочетания типа *(есть) вставши, был вставши* со старым русским перфектом и плюсквамперфектом, П. С. Кузнецов пишет: «Старый русский перфект и плюсквамперфект, несомненно, представляют собой единую аналитическую форму. Решить вопрос о том, представляет ли собой рассматриваемое нами деепричастие и его сочетание с «был» единую (хотя бы аналитическую) форму или составное сказуемое, трудно. Любая аналитическая форма когда-то возникла из свободного синтаксического сочетания, т. е. из составного сказуемого» [288]. Закономерность и целесообразность процессуального подхода к структурам, характеризующимся непоследовательными признаками аналитизма, была затем убедительно, с нашей точки зрения, обоснована В. М. Жирмунским [289].

[286] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 138 и след.; А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 226—227; B. Havranek. Указ. соч., § 225; В. И. Борковский. Из наблюдений над языком деревень Вольная Березна и Кирилловщина (Лычковский район) и деревни Рыкалово (Павловский район) Ленинградской области, стр. 119; А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 168—169; Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 28—50; Н. Ю. Шведова. Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного языка XVIII—XIX вв.— ВЯ, 1960, № 6, стр. 21—22.

[287] См.: М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северовеликорусского наречия, стр. 27; Л. П. Размусен. Указ. соч., § 6; Н. П. Гринкова. Мстинский говор, стр. 195; М. Ф. Семенова. Указ. соч., стр. 14—16; В. И. Трубинский. Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии; Он же. Балтийские и восточнославянские формы нечленного действительного причастия в системе глагольных времен. «Вопросы теории и истории языка. Сборник статей, посвященных памяти Б. А. Ларина». Л., 1969.

[288] П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах, стр. 67.

[289] См.: В. М. Жирмунский. О границах слова.— Сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963; Он же. Об аналитических конструкциях.

Считая наиболее правильным определение сочетаний типа (*есть*) *поставлен*, ...*был вставши* как структур, находящихся в процессе развития, мы должны были, однако, в настоящей работе, имеющей синхронный характер, так или иначе квалифицировать их при конкретном анализе. Исходя из фактов русских говоров в целом, мы бы считали более оправданным связывать данные сочетания прежде всего со сферой синтаксиса. Здесь следует отметить несколько моментов.

1. Сочетания типа (*есть*) *поставлен*, ...*был вставши* не являются изолированными: они входят в определенные ряды структур, оказываясь при этом соотносительными с такими построениями, синтаксический характер которых очевиден. Ряды соотносительных конструкций создаются, во-первых, за счет того, что говорам известно предикативное употребление не только кратких, но и полных причастных форм — по преимуществу форм с суффиксами *-н-*, *-т-* (о конструкциях типа *дом после войны поставленный*, *он непоспевший был* см. в ч. III настоящей работы), и, во-вторых, за счет возможности для форм на *-ши*, а в отдельных случаях и для форм, образованных при помощи суффиксов *-н-*, *-т-*, выступать в сочетании с полузнаменательными, а также и полнознаменательными глаголами (см. об этом в следующей главе). Интересно, что в употреблении сочетаний типа *остался неучивши*, *пришел уставши* и типа (*есть*) *неучивши*, *был уставши* по говорам наблюдается определенный параллелизм — как по частоте употребления, так и по лексико-грамматическому составу причастных форм (см. подробнее ниже, стр. 236 и след.). — Таким образом, для причастного сказуемого оказывается возможной замена его составных частей, что́, как известно, не может иметь места в сложной глагольной форме [290].

2. Как показывалось выше (см. стр. 191 и след.), формы глагола *быть* при предикативных причастных формах могут сохранять известную долю экзистенциального значения, что́ скорее можно допустить для связки, чем для вспомогательного глагола [291]. Существенно заметить, что связка наст. времени сочетается с причастными формами в русских говорах (северо-запад европейской части РСФСР) с частотой, характерной для именных, а не для глагольных конструкций [292].

[290] На заменяемость частей составного сказуемого, в отличие от компонентов сложной глагольной формы, указал еще Д. Н. Овсянико-Куликовский (см.: Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр. 61).

[291] О возможности сохранения части лексического значения *быть* писал, в частности, А. И. Смирницкий (см.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 124—125 и др.)

[292] Материал, показывающий, что конструкции типа *есть пришел* употребляются в русских говорах значительно реже, чем конструкции, где *есть* сочетается с именными формами, в том числе причастными, см. в статье:

3. Сочетания причастных форм, образованных при помощи суффиксов *-н-*, *-т-* и *-ши*, с формами глагола *быть* не содержат в своем грамматическом значении таких моментов, которые бы не вытекали из значения их составных частей (подобно тому, как значение прош. времени в немецких формах типа ist gekommen не заключено ни в одной из частей данного сочетания, а возникает только при их соединении) [293].

4. Общеизвестно, что рассматриваемые причастные образования генетически являются формами, противопоставленными по залоговому признаку. В современных же говорах, как показывает материал, эта противопоставленность в известной мере стерта. С одной стороны, формы на *-ши* выступают в страдательных (в том числе страдательно-безличных) конструкциях, с другой — формы с суффиксами *-н-*, *-т-* образуются от непереходных глаголов и употребляются для выражения состояния, вызванного таким действием какого-либо лица, которое не было направлено на другое лицо (предмет). Думается, что даже частичная залоговая нейтрализация вряд ли была бы возможна для спрягаемых глагольных форм (в том числе сложных) [294].

5. Как было показано выше, в конструкциях с предикативными причастными формами иногда употребляются обстоятельства, которые могут быть сближены с детерминантами, — имеем в виду случаи типа *он в лесу ушетчи*, *он был на каланче забравши* (см. стр. 183—188). Этот факт, как мы бы считали, также свидетельствует в какой-то мере в пользу того, что рассматриваемые причастные сочетания являются единицами предложенческого уровня.

Итак, мы показали, что сочетания типа (*есть*) *поставлен*, ... *был вставши* характеризуются рядом признаков, свойственных единицам синтаксическим. Однако нельзя не заметить известного сходства их и с морфологическими единицами — данные сочета-

И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах. «Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу». М., изд-во «Наука», 1968, стр. 150—161.

[293] На грамматическую неразложимость как один из признаков аналитических структур указала М. М. Гухман — см.: М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале истории немецкого языка), стр. 345; Она же. Причастие II германских языков, стр. 69 и след.

[294] Надо заметить, что оба указанные здесь случая залоговых нарушений прежде всего связаны не с теми говорами, которые характеризуются сосуществованием предикативных форм на *-ши* и форм с суффиксами *-н*, *-т-*. Кроме того, напомним, что при сосуществовании форм на *-ши* и форм на *-но*, *-то*, образованных от непереходных глаголов (территория северо-запада), наблюдается тенденция к дифференциации их по кругу лексем.— Следовательно, положение об ослаблении противопоставленности типов причастных образований больше относится к русским говорам в целом, чем к отдельным диалектным системам. Применительно же к последним правильнее, по-видимому, говорить о частичном преодолении той или другой формой ее залоговой ограниченности.

ния, с нашей точки зрения, уже встали на путь трансформации в сложные глагольные формы. С морфологическими единицами сочетания типа (*есть*) *поставлен*, ... *был вставши* сходны по характеру употребления — мы имеем здесь в виду регулярную их встречаемость в речи (говоры на территории северо-запада) и функциональную соотносительность с простыми глагольными формами [295]. Из двух названных моментов особенно существен второй: если большая частотность употребления предикативных причастных сочетаний лишь свидетельствует в известной мере об их движении в сторону морфологии, то соотносительностью с простыми глагольными формами определяется и то, в какие именно морфологические единицы данные сочетания могут трансформироваться,— как будет показано ниже, с нашей точки зрения, сближение их с временными формами — не единственное возможное решение данного вопроса.

Вопрос о соотношении предикативных причастных форм с простыми глагольными формами, а точнее — образований на *-ши* и на *-л* — давно привлек внимание ученых. Показывая, что формы типа *вставши* и *встал* функционируют в речи сходно — употребляются в тех случаях, когда является необходимость назвать действие, предшествующее моменту речи,—многие исследователи отмечают и частные различия в их значении — см., например, работы Н. М. Каринского, И. И. Смирнова, Н. Н. Соколова, В. Н. Мансикки, Н. Н. Дурново, В. И. Чернышева, А. А. Шахматова, В. И. Борковского, П. С. Кузнецова, Н. П. Гринковой, Ф. П. Филина, С. П. Обнорского, В. И. Трубинского [296]. Так,

[295] Заметим, что факт вхождения в единую систему грамматических противопоставлений с морфологическими формами слова Н. Д. Арутюнова предлагает считать критерием при выделении аналитических форм (см.: Н. Д. Арутюнова. О критерии выделения аналитических форм. «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., изд-во «Наука», 1965).

[296] См.: Н. М. Каринский. О некоторых говорах по течению рек Луги и Ореджа.—РФВ, т. XL, № 3, 4. Варшава, 1898, стр. 111; И. Смирнов. Кашинский говор. «Сб. ОРЯС», т. 77, № 9. СПб., 1904, стр. 148; Н. Н. Соколов. Поездка в Тихвинский уезд Новгородской губернии. «Труды МДК», вып. 2. Варшава, 1910, стр. 109; Он же. Говоры Псковской губернии. «Труды МДК», вып. 8. М., 1919, стр. 4; В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии, стр. 124; Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М. —Л., 1924, стр. 337; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 206; В. И. Борковский. Из наблюдений над языком деревень Вольная Березна и Кирилловщина (Лычковский район) и деревни Рыкалово (Павловский район) Ленинградской области, стр. 119; Н. П. Гринкова. Мстинский говор, стр. 197—198; В. И. Чернышев. Говор города Осташкова. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., 1949, стр. 274; С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 156; П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах, стр. 67 и след.; Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 28 и след.; В. И. Трубинский. Балтийские и восточнославянские формы нечленного действительного причастия в системе глагольных времен, стр. 343 и след.

В. И. Борковский пишет: «Можно заметить определенную закономерность в употреблении деепричастия и формы на *-л*. Первая из отмеченных форм обычно указывает не на действие, а на признак, состояние, как результат действия (если имеется при деепричастии связка *был*, то она указывает, что признак, состояние возникли в прошлом и не имеют места в настоящем). Форма на *-л* употребляется тогда, когда надо указать на действие»[297]. Весьма подробно характеризует специфику форм на *-ши* и их отличие от форм на *-л* Н. П. Гринкова. Она пишет: «Однако и наш сравнительно ограниченный материал подводит к некоторым предположениям относительно функций тех и других конструкций. Обращает, например, внимание постоянное употребление только отпричастных конструкций в выражениях *помёрши*, *выросши*, *поставивши* (в значении *построились*, *обосновались*). Анализируя семантику этих выражений, можно отметить, что в данном случае отпричастная конструкция употреблена для показа законченности в прошлом действия, имеющего своим результатом какое-то новое состояние. При наличии показа законченного в прошлом действия, не дающего перехода в новое состояние, предпочтительно употребляется форма прошедшего времени на *-л*»[298].

В настоящей работе вопрос о соотношении форм на *-ши* и форм на *-л* не мог быть поставлен во всем объеме, поскольку формы

[297] В. И. Борковский. Из наблюдений над языком деревень Вольная Березна и Кирилловщина (Лычковский район) и деревни Рыкалово (Павловский район) Ленинградской области, стр. 119.

[298] Н. П. Гринкова. Мстинский говор, стр. 197—198.

К формулировкам о значении форм на *-ши* и на *-л*, имеющимся в опубликованных работах, нам хотелось бы прибавить несколько интересных, на наш взгляд, определений, сделанных учителями земских школ и хранящихся в рукописных диалектологических материалах (ответах на старую диалектологическую программу): 1) (Деепричастия) «употребляют с окончанием *-вши*. Только, по-моему, это не деепричастия, а глаголы среднего залога совершенного вида настоящего времени, чего наши грамматики не признают» (Ракушинск. приход Рахинск. вол. Крестецк. у. Новг. губ. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 146); 2) «Разница между оборотами *он напился* и *он напивши* — есть; второй оборот показывает как бы качественное состояние, в котором предмет находится в данный момент» (Велильск. вол. Демьянск. у. Новг. губ. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 144); 3) «Если говорят: *он уехал*, то это показывает, что действие совершилось сейчас, а если говорят: *он уехатчи* — то это уже действие давнее, после него прошло некоторое время» (Село Кукуй Тихвинск. у. Новг. губ. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 148); 4) «*Он уехал* означает только что сейчас или недавно, а *уехатчи* — в отсутствии находится, подобно иностранным прошедшим временам совершенным и несовершенным» (Калязин Тверск. губ. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 264); 5) «Разницу между двумя указанными оборотами с формами на *-ши* и на *-л* трудно указать. Как будто оборот с причастием обозначает событие, более отдаленное по времени и более осязательное по результату действия» (Бельско-Себежск. вол. Лужск. у. Петерб. губ. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 189).

на *-л* не были здесь предметом специального изучения. Мы рассмотрели только одну сторону данного вопроса: описывая конструкции с формами на *-ши*, показывали, насколько это представлялось возможным, в каких случаях они имеют специфическое (обычно перфектное) значение, а в каких — семантически сближаются с глагольными конструкциями. На основе некоторых статистических данных (об относительной частоте употребления конструкций с вин. падежом прямого объекта, конструкций со связкой прош. времени и др.) было определено, что внутреннее разрушение причастных конструкций (сближение их с глагольными) усиливается по говорам в направлении с северо-запада на юго-восток — по мере падения интенсивности употребления предикативных форм на *-ши*. Однако тенденция к сближению образований на *-ши* с формами на *-л* не чужда даже говорам на территории северо-запада. На основании изучения материалов именно этих говоров, относящихся причем еще к 40-м годам, Ф. П. Филин писал: «Отпричастная конструкция в современных говорах довольно разнообразна по своему значению. Нужно учитывать, что диалекты, имеющие этот оборот, в течение длительного времени подвергались (и подвергаются) воздействию со стороны литературного языка и соседних говоров, не знающих отпричастных конструкций. В результате этого воздействия данный синтаксический диалектизм начинает вытесняться конструкцией прошедшего времени на *-л*, в связи с чем прежние взаимоотношения между предложениями — «он уехал» и «он уехавши» — начинают затемняться, и теперь не легко разобраться в их различии» [299].

В заключение замечаний о соотношении форм на *-ши* и на *-л* укажем еще, что, работая по материалам картотеки «Псковского областного словаря», мы встретились с фактами, свидетельствующими о лексическом разграничении форм на *-ши* и на *-л*, т. е. с той тенденцией, на которую обратила внимание Н. П. Гринкова (см. приведенную выше цитату). Так, от глагола *жениться* в материалах словаря нет ни одной формы на *-л*, тогда как форма *женивши* встречается постоянно; редкими, даже единичными здесь оказываются и формы таких часто употребляющихся глаголов, как *прийти*, *приехать*, *уехать*, *остаться*, *умереть* — при необходимости выразить значение прош. времени в псковских говорах говорят *пришетчи*, *приехавши* и т. д.

Что касается причастных образований с суффиксами *-н-*, *-т-*, то их соотносительность с простыми глагольными формами очевидна, поскольку они являются в русском языке формами страдательного залога (заметим, что в грамматиках русского литературного языка структуры типа *был поставлен* рассматриваются обычно

[299] Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 29.

и в морфологическом и в синтаксическом разделах) [300]. Иначе — не по залоговому признаку — соотносятся с формами на *-л* те причастные формы, имеющие суффиксы *-н-*, *-т-*, которые образованы от непереходных глаголов и употребляются для выражения состояния, вызванного действием какого-либо лица, не направленным на другое лицо (предмет). Конструкции типа *у Юрки встато*, *у хозяйки отстряпанось* функционально дублетны с личными конструкциями, включающими в свой состав формы на *-ши* (*Юрка вставши*, *хозяйка отстряпавши*), и подобно этим последним отличаются от предложений с формами на *-л* перфектным значением.

Говоря о функциональной соотносительности предикативных причастных форм с формами на *-л*, мы должны обратить внимание читателя еще на два момента. 1. В силу того, что современный русский язык располагает в системе спрягаемых форм всего одной регулярно употребляющейся формой прош. времени [301], она оказывается функционально соотносительной не только с причастными структурами, выражающими перфектное значение (*уйдено*, *есть уйдено*, *вставши*, *есть вставши*), но и с теми, значение которых может быть определено как плюсквамперфектное (*было уйдено*, *был вставши*). 2. В тех говорах, где нестрадательные конструкции с предикативными причастными формами выступают как регулярные, формы на *-л* соответственно оказываются суженными в своем употреблении по сравнению с другими говорами и литературным языком.

Сочетания причастных форм со связкой наст. времени (в том числе нулевой) и связкой прош. времени составляют абсолютное большинство среди всех предикативных причастных сочетаний, поэтому неудивительно, что именно они оказываются в центре внимания исследователей при определении места предикативных причастий в грамматической системе. Все сочетания рассматриваемых причастных форм со связками *есть* и *был* так или иначе соотносительны по функции с формами на *-л* и, следовательно,

[300] См., напр.: «Грамматика русского языка», т. I. Фонетика и морфология; т. II. Синтаксис, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960.

[301] Материалы атласов не показывают регулярного употребления сложных форм типа *был пришел* ни для одной группы современных говоров — всего предложений с данными формами (включая сомнительные) в наших материалах немногим более 300, причем с точки зрения территориальной они достаточно разбросаны. Надо сказать, что и в литературе о формах типа *был пришел* обычно говорится как о редких и не имеющих отчетливого значения (см., напр.: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 55). Насколько нам известно, иначе характеризует данные формы только В. И. Чагишева применительно к говору Кадуйского р-на Вологодской обл. (заметим, что формы на *-ши* в этом говоре не употребительны) — см.: В. И. Чагишева. Формы прошедшего времени в говоре Кадуйского района Вологодской области. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена». Кафедра русск. языка, т. 130. Л., 1957.

могут рассматриваться как компоненты временно́й системы (если строить эту систему, включая пассив), а точнее — как формы прош. времени [302]. Если же взять предикативные причастные конструкции в целом — учитывая, что причастия могут выступать в сочетании и со связкой буд. времени, и с формами ирреальных наклонений (*был бы вставши, чтоб был вставши...*) [303],— то окажется, что рамки системы прошедших времен и даже вообще временно́й системы для предикативных причастных сочетаний узки. В силу сказанного мы бы считали возможным применительно к тем говорам, где употребление предикативных причастных конструкций как со страдательным, так и с нестрадательным значением характеризуется регулярностью, т. е. применительно к говорам на территории северо-запада, говорить об особой грамматической категории — категории перфекта.

Под перфектом мы понимаем систему грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия [304]. Данная система включает в себя три временны́х формы (для наст. времени два варианта — без связки и со связкой *есть*) и формы ирреальных наклонений (несмотря на то, что формы буд. времени, а также и ирреальных наклонений встречаются в речи довольно редко, они представляются нам вполне живыми, закономерными элементами данной системы).

Естественно встает вопрос о том, в какой соотносительный ряд входят формы перфекта и формами какой более общей грамматической категории они являются. Ответ на этот вопрос мы находим в работах А. И. Смирницкого, написанных на материале английского языка, но имеющих общее теоретическое и методологическое значение [305]. А. И. Смирницкий показывает, что формам перфекта могут быть противопоставлены только формы неперфекта, т. е. система грамматических единиц, выражающих собственно процесс. В поисках той общей категории, которая включает в себя оба ряда форм, А. И. Смирницкий приходит к определению перфектного значения как значения предшествования (действие мыслится предшествующим какому-то определенному моменту), а неперфектного — как такого, где идея пред-

[302] Наиболее развернутую характеристику предикативных причастных форм как форм прош. времени дал В. И. Трубинский (см. его работы, называвшиеся выше).

[303] См. выше парадигмы всех рассматриваемых в настоящей главе причастных конструкций (стр. 25—26, 82, 103, 181—182).

[304] Заметим, что перфектное значение нередко бывает свойственно и формам на *-л* (ср.: *пруд уже вастыл*), однако оно не является в них формализованным.

[305] См.: А. И. Смирницкий. Перфект и категория временной отнесенности. «Иностр. языки в школе», 1955, № 1, 2; Он же. Морфология английского языка. М., 1959.

шествования отсутствует. Противопоставляя перфект и неперфект как «форму предшествования» и «форму безотносительной, непосредственной данности», А. И. Смирницкий рассматривает их вместе как формы выражения временно́й отнесенности. Приведем собственные слова А. И. Смирницкого, характеризующие его понимание соотношения форм перфекта и неперфекта и их места в грамматической системе: «В случае английского перфекта, очевидно, определенная грамматическая категория, отличная и от категории вида и от категории времени, образуется противопоставлением всего ряда перфектных форм всему ряду неперфектных, причем противопоставление этих двух рядов не распространяется наличием еще какого-либо ряда, с которым эти два были бы соотносительны в той плоскости, в которой они соотносятся между собой. Таким образом, перфект и неперфект являются по отношению друг к другу двумя разными категориальными формами, конституирующими одну и ту же грамматическую категорию, которая и исчерпывается этими двумя категориальными формами. Что же это за категория? Если перфект изображает известный процесс как предшествующий по отношению к некоторому данному моменту, характеризуемому определенной ситуацией и т. п., то неперфект изображает такой же процесс как непосредственно, безотносительно данный в то или иное время (в какое — определяется уже по линии категории времени). Следовательно, перфект и неперфект в самых общих чертах характеризуются как форма п р е д ш е с т в о в а н и я и форма безотносительной, непосредственной д а н н о с т и ... Перфект (предшествование) и неперфект (непосредственная данность) образуют в соотношении друг с другом особую грамматическую категорию глагола, отличную и от времени, и от вида, — категорию временной отнесенности» [306].

С категорией перфекта связаны диалектные различия двух уровней. Во-первых, говоры, которым свойственна категория перфекта, противопоставлены тем, где она не развита; во-вторых, говоры, грамматическая система которых характеризуется наличием рассматриваемой категории, противопоставлены друг другу по кругу выражающих ее единиц (см. выше о трех участках, представленных на карте 4). Заметим, что первое с точки зрения типа представляется нам самым глубоким грамматическим различием русских говоров: мы не знаем больше случая, когда бы различие касалось самого состава присущих говорам категорий. Следует, однако, учесть, что, если в развитом виде категория перфекта и свойственна только северо-западным говорам [307], то

[306] А. И. С м и р н и ц к и й. Перфект и категория временной отнесенности, стр. 27, 28.

[307] Напомним, что в этих говорах представлен полностью семантический набор перфектных конструкций и употребление их характеризуется наиболь-

совсем чуждой ее нельзя считать и для других говоров. Как мы старались показать в работе, данное диалектное различие в очень значительной степени связано с моментом количественным. Дело в том, что почти все типы конструкций с предикативными причастными формами встречаются в той или иной мере и за пределами северо-запада, а страдательные конструкции с изменяемыми причастными формами прочно входят в грамматическую систему всех говоров, а также литературного языка.

С точки зрения употребления конструкций с перфектным значением говоры за пределами территории, характеризующейся развитой категорией перфекта, распадаются на три части, что́ отчетливо видно на карте 4: 1) западные южнорусские говоры, где, помимо общерусских конструкций типа *изба поставлена*, *дом поставлен*, употребляются конструкции с предикативными формами на *-ши*; 2) вологодские говоры (за исключением самой южной части) и примыкающие к ним лачские, для которых характерны разные конструкции с формами, образованными при помощи суффиксов *-н-*, *-т-* [308] и 3) восточные среднерусские говоры, восточная часть южнорусских и южная часть севернорусских (костромские и южные вологодские) — регулярно употребляющимися здесь являются только конструкции с изменяемыми причастными формами. Очевидно, что наиболее резко противопоставлены северо-западным говоры территории 3: на каждой из двух других территорий представлена часть тех явлений, которые сконцентрированы на северо-западе. Для территории 1 это — употребление предикативных форм на *-ши*, обеспечивающее возможность выразить перфектное значение в действительном залоге [309]; для территории 2 — прежде всего широкое употребление конструкций, включающих в свой состав такие причастные формы от переходных глаголов, которые не координируют с именем (формы на *-но*, *-то*) [310]; кроме того, здесь отмечаются — хотя

шей регулярностью; кроме того, типовое грамматическое значение данных конструкций сохраняется здесь в большей цельности, и именно здесь причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* нередко употребляются в личных конструкциях без координации с именем — признак, который может свидетельствовать о тенденции к морфологизации данных форм.

[308] Показанная на карте 4 изоглосса очерчивает территорию регулярного употребления конструкций с формами от переходных глаголов. Территория, в пределах которой отмечаются иногда конструкции с формами от непереходных невозвратных глаголов, несколько у́же (см. ее на карте 2).

[309] Степень употребительности данных форм здесь колеблется (см. карту 3 и карту-схему 1).

[310] Из двух групп конструкций с формами на *-но*, *-то*, известных северо-западным говорам,— личных и безличных — здесь выступают почти исключительно вторые (напомним, что предложения типа *дом поставлено* применительно к данным говорам мы квалифицировали как предложения с именем в вин. падеже). Широкое употребление безличных конструкций — это, как нам представляется, своего рода сдвиг в сторону превращения причастных образований в неизменяемые формы.

и нерегулярно — конструкции с формами от непереходных глаголов типа *у него уйдено*, *здесь евжено*; заметим, что на данной территории несколько чаще, чем на территории других незападных говоров, встречаются конструкции типа *он ушетчи*. В общем виде соотношение современных русских говоров по употреблению конструкций с перфектным значением можно охарактеризовать при помощи такого сравнения: вдоль западной границы РСФСР с юга на север и по северу РСФСР с востока на запад текут две реки; по мере приближения к устью они становятся все полноводнее и, сливаясь, образуют на северо-западе глубокое озеро.

* * *

Итак, мы изложили в настоящем разделе некоторые соображения по вопросу о том, какое место в грамматической системе должно быть отведено предикативным причастным формам или вернее — сочетаниям. Была сделана попытка показать, что структуры типа (*есть*) *поставлен, ... был вставши, ... буду вставши...* обладают суммой признаков, одна часть которых скорее свидетельствует в пользу их синтаксической природы, другая же указывает на известное сходство с единицами морфологическими. О близости данных структур к морфологическим единицам больше оснований говорить в том случае, если исходить из фактов, относящихся к говорам на территории северо-запада. Характер функционирования сочетаний типа (*есть*) *поставлен, ... был вставши...* в этих говорах позволяет, с нашей точки зрения, рассматривать их как структуры, которые, не порывая своих синтаксических связей, включились или по крайней мере имеют тенденцию включиться и в морфологическую систему. Учитывая, что причастные сочетания образуют целую систему форм, характеризующихся определенным (результативным) значением, мы сочли возможным определить их как формы перфекта, противопоставив в целом всей совокупности глагольных форм, выражающих действие как процесс, — формам verbum finitum. При этом существенно подчеркнуть, что сочетания причастных форм, образованных от непереходных глаголов, со связкой наст. времени (в том числе нулевой), т. е. сочетания, которые могут быть названы формами наст. времени перфекта в активе, имеют очевидную тенденцию к сближению с простыми глагольными формами прош. времени, что́ объясняется близостью их значения. — Указывая, что тенденция к сближению с простыми формами прош. времени характерна для образований типа английского перфекта, употребляющихся в разных языках, А. И. Смирницкий пишет: «... ведь настоящее время перфекта обозначает все-таки (хоть оно и называется настоящим) осуществление процесса в п р о ш л о м, так как значение перфектности есть значение предшествования (т. е. относительного прошедшего) и так как в настоящем

времени перфекта имеется в виду предшествование не какому-либо моменту в будущем или прошлом, но именно н а с т о я щ е м у моменту. Но ведь предшествующее настоящему моменту и есть обыкновенное прошедшее, т. е. как раз то время, которое изображается как таковое посредством формы обычного прошедшего (неперфектного, простого (Simpl Past)» [311]. Семантическое сближение форм на *-ши* с формами на *-л* в большей мере ощутимо в тех говорах, где употребление первых не является фактом регулярным [312].

Изложение вопроса о месте предикативных причастных форм в грамматической системе нам хотелось бы закончить словами М. И. Стеблина-Каменского, которые, как нам представляется, очень подходят к реальной картине современных русских говоров: «... действительность, которую приходится исследовать грамматисту, чрезвычайно сложна и противоречива. Систематизировать и описать факты этой действительности исключительно трудно. В сущности, любая грамматическая система, принятая для описания фактов этой действительности, навязывает им стройность, которую автор такой системы хотел бы в них видеть, но которой в них на самом деле нет» [313].

[311] А. И. С м и р н и ц к и й. Морфология английского языка, стр. 293—294.

[312] Тенденция к сближению с формами на *-л* не затрагивает причастных словоформ ряда *выпивши... (не) спавши*, имеющих, как было показано в соответствующем разделе, атрибутивный характер.

[313] М. И. С т е б л и н-К а м е н с к и й. Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957, стр. 3.

Глава 2

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОЕ И НЕПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Полупредикативное употребление причастных форм (в том числе и с суффиксами *-а*, *-учи*, см. гл. 2, ч. II данной работы) в диалектном языке сводится к двум функциям: 1) предикативного атрибута (*не всё дедушку делать — он приедет уставши* Шамокша; *да так и осталась крыша не крыта сей год* Типиницы) и 2) предикативного обстоятельства (*дочка... приехавши сюда работает учителем* Касково Удомельск. Калин.). Формальным основанием объединения в полупредикативном употреблении указанных функций для нас послужило то обстоятельство, что в обоих случаях причастная форма, как правило, входит в состав предложения, где основную предикативную нагрузку несет на себе глагол.

В функции предикативного атрибута причастные формы выступают в сочетании со знаменательным или реже — полузнаменательным глаголом-связкой. При непереходных глаголах-связках причастные формы, являясь именной частью составного сказуемого, включаются в предикативную основу предложения (см. приведенные примеры), что́ составляет большинство случаев их полупредикативного употребления. При переходном глаголе-связке причастная форма находится в определительных отношениях с прямым объектом (*Кольку там увидели ти писавши, ти говоривши — подумали, что шпион* Ковали Ильинск. Вел.); этот тип полупредикативного употребления для большинства причастных форм не характерен.

Функцию предикативного обстоятельства (см. также ниже — ч. II, гл. 2), когда причастная форма, обозначая второстепенное действие, является признаком предикативного признака[1] (*я пошла поздно — уж печку истопивши* Радухово Осташкинск. Калин.; *жизнь хорошую наживши, умирать-то не больно охота* Касково

[1] Иную трактовку форм на *-ши* в данной функции, а именно — как непредикативных, см.: В. И. Трубинский. О синтаксической омоформии деепричастий в русском языке (по материалам северо-западных говоров). «Вестник ЛГУ», 1966, № 8. Серия истории, языка и лит-ры, вып. 2, стр. 129.

Удомельск. Калин.), как известно, из числа кратких форм не могут выполнять образования с суффиксами *-н-*, *-т-*.

В непредикативном употреблении формы на *-ши* и формы с суффиксами *-н-*, *-т-* могут быть атрибутами (*завалившu дерево называется колодой* Дубровка Куйбышевск. Калуж.; *есть у меня еще посолен немножко* (огурцов) Ямок), но эта функция для обеих групп форм не характерна. Сравнительно широким является употребление форм на *-ши* с определительно-обстоятельственным значением, когда они обозначают состояние предмета как непредикативный признак, сопутствующий признаку предикативному (*один скосивши глядит* (кот на рыбу) *и другой* Колоколово).

Выделив для анализа наиболее очевидные примеры с формами на *-ши* в полупредикативном употреблении, с одной стороны, и непредикативном — с другой, мы должны предварительно заметить, что далеко не всегда есть возможность установить отчетливые границы между этими двумя группами конструкций: есть целый ряд переходных случаев, свидетельствующих о переплетении, неразграниченности синтаксических значений и функции данных форм, когда бесспорным является лишь тот факт, что причастная форма — не самостоятельный предикат (см. об этом ниже). Поэтому общее сравнение с предикативным употреблением мы могли произвести, лишь суммировав все примеры с полупредикативными и непредикативными формами, без внутреннего подразделения их.

Полупредикативные и непредикативные формы на *-ши* в той или иной степени их употребительности известны самым разным говорам, но по частоте употребления, сравнительно с остальными, выделяются говоры, находящиеся на территории регулярного употребления данных форм в предикативной функции [2] (см. карту 3). Об этом свидетельствуют прежде всего данные, полученные нами при сравнении материалов по употреблению причастных форм в говорах нескольких населенных пунктов, специально изучавшихся для настоящей работы. Мы сопоставили материалы, включающие разные конструкции с формами на *-ши*, по четырем деревням, расположенным на территории регулярного предикативного употребления этих форм (Ефремково, Шамокша, Замежничье, Ямок), и по двум, находящимся за пределами указанной территории (Малетино, Типиницы; географическую приуроченность названных деревень см. во Введении). Были подсчитаны все примеры с предикативными формами на *-ши*, с одной стороны,

[2] Иное определение территории преимущественного распространения данных форм, выступающих не в функции предиката, см.: В. В. Земская. О диалектных формах деепричастий. (К вопросу о географическом распространении, образовании и происхождении деепричастий на *-ши*). «Вопросы истории и диалектологии русского языка», вып. 1. Челябинск, 1965, стр. 123.

и все примеры, включающие полупредикативные или непредикативные формы, — с другой; для каждой из этих двух групп форм было выведено отношение количества примеров к определенной длине текста. Результаты подсчетов представлены ниже.

Населенный пункт	Колич. страниц текста	Предикативное употребление		Полупредикативное и непредикативное употребление	
		Общее колич. примеров	Колич. примеров на 2 стр. текста	Общее колич. примеров	Колич. примеров на 2 стр. текста
Ефремково	16	162	≈20	11	≈1
Шамокша	44	277	≈12	21	≈1
Замежничье	12,5	94	≈15	9	≈1
Ямок	80	474	≈11	32	≈1
Тишиницы	68	—	—	2	≈0,06
Малетино	75	—	—	1	≈0,03

Данная таблица отражает два основных факта: 1) полупредикативные и непредикативные формы в пределах изоглоссы регулярного употребления предикативных отмечаются значительно реже последних [3] (их соотношение в отдельных говорах может быть достаточно различным — от ≈1 : 11 до ≈1 : 20); 2) полупредикативные и непредикативные формы в пределах указанной изоглоссы употребляются намного чаще, чем за ее пределами (соотношение по употребительности на разных территориях для отдельных говоров может равняться ≈1 : 16, 1 : 33; правда, нужно иметь при этом в виду, что в полученных соотношениях участвуют слишком малые абсолютные числа).

Массовые материалы диалектологических атласов также свидетельствуют о том, что основное количество примеров с полупредикативными и непредикативными формами приходится на территорию их регулярного предикативного употребления. Соотносительная частота употребления рассматриваемых форм, с одной сто-

[3] Это обстоятельство подчеркивается и исследователями синтаксиса тех говоров, где формы на *-ши* регулярно употребляются в функции предиката; см., напр.: В. С. Овчинникова. Очерки по синтаксису поозерского говора. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. ун-та», 1957, т. 52. Труды ист.-филол. фак-та, вып. 5, стр. 59; М. А. Новгородов. Из наблюдений над фонетикой и морфологией говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Даугавпилсского гос. пед. ин-та», 1958, вып. 1, стр. 367; В. И. Трубинский. Указ. соч., стр. 127 (автор отмечает значительно меньшую, по сравнению с предикативными, употребительность форм на *-ши* в конструкциях типа *зямлю́ взара́ўшы пахаць начинаем*, т. е. здесь речь идет лишь об употреблении, которое определяется нами как функция предикативного обстоятельства — см. соответствующий раздел ниже).

роны, и предикативных — с другой, по данным атласов, для диалектного языка в целом равна $\approx 1:10$ (приблизительно 2000 случаев полупредикативного и непредикативного употребления форм с суффиксом *-ши* приходится на общее количество около 20000 примеров предикативного их употребления).

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ НА *-ши*

В диалектном языке полупредикативное употребление причастных форм, как уже говорилось, не представляет собой однородного явления: оно включает в себя две функции, характеризующиеся выражением весьма различных синтаксических отношений — определительных, с одной стороны, и обстоятельственных, с другой. Конкретное рассмотрение нашего материала мы начнем с тех предложений, в которых форма на *-ши* является предикативным атрибутом.

ФУНКЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО АТРИБУТА

Функционируя в качестве предикативного атрибута, формы на *-ши* обычно входят в состав предикативной основы предложения — как именной компонент составного сказуемого, но иногда они относятся к дополнению. Рассмотрим последовательно указанное употребление.

1) Сочетаясь с непереходным глаголом в составе сказуемого, причастная форма является определительным признаком имени подлежащего, и поэтому данное функционирование форм на *-ши* оказывается наиболее близким предикативному [4].

Грамматическая семантика форм на *-ши* — предикативных атрибутов определяется: а) кру́гом глаголов, которые сочетаются с ними в качестве связок, и б) грамматическими признаками самих причастных форм.

а) Хотя известно, что в роли связки потенциально может выступать любой знаменательный глагол [5], практически круг этих глаголов оказывается более или менее ограниченным как в семантическом, так и грамматическом планах: функцию связки из числа знаменательных глаголов выполняют преимущественно глаголы со значением пребывания в определенном состоянии или перехода из

[4] Ср. положение В. И. Трубинского о включении форм на *-ши* — компонентов составного сказуемого в лексическую базу «основной предикативной формы деепричастия» (В. И. Трубинский. Указ. соч., стр. 128—129).

[5] См., напр.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 125—126.

одного состояния в другое, а также глаголы движения [6], отличительным грамматическим признаком которых является непереходность.

В качестве связки по говорам употребляются почти исключительно глаголы со значением движения (*идти*, *ходить*, *ехать*, *бегать* и их приставочные образования, а также некоторые другие) и состояния (*сидеть*, *стоять*, *лежать*, *жить*, *спать* и т. п.), ср.: *дед доволен, что сыто живем, а сам оборвавши ходит* Лентьево Устюжинск. Вол.; *тетка-то все расстроивши ходит* Нижняя Принежск. Карел.; *зимой только и приодеться, а так все не убравши ходит* Красные Горы Лужск. Лен.; *девка иде вся вымазавши* Усадище Осьминск. Лен.; *убежала не мывши* Шамокша; *она не раздевавши прибежала* Колоколово; *приде сюда весь ободралши* Редковцы; *идут обмотавши* Синичино Ленинск. Вел.; *к венцу поедет накрымши* Байдино Арсеньевск. Тул.; *на карантине стоишь весь сдохши* Красный Бор; *127 дней она стояла с иконой остолбеневши* Ямок; *стоят покрывши* Печки Новоторжск. Калин.; *лошади стояли спутамши* Дубровка Должанск. Орл.; *сидит машина завязши* Семеновское Октябрьск. Вел.; *оны сидят завернувши* Красные Горы Лужск. Лен; *да Жучка там лежит в соломы зарывши* Ефремково; *лодка опрокинувши лежит* Моркины Горы Теблешск. Калин.; *завернумши лежал* Овстуг Жуковск. Брян.; *у меня топор сломавши лежит* Новая Дубровка Красногорск. Брян.; *ребятишки завесивши спят* Копорье Ломоносовск. Лен.; *оны обе закрывши спят* Логода Тартуск. Эст.; *живут не расписавши* Бородино Высоковск. Калин. Изредка глагол-связка имеет значение перехода из одного состояния в другое: *набривши всегда, набривши и умру,— говорил* Жеребут Лужск. Лен.

Из полузнаменательных глаголов в качестве связки по говорам отмечены *стать*, *остаться*, *сделаться*, *бывать*, ср.: *дома́ заливши, всё заливши стало* Плотично Подпорожск. Лен.; *все руки стали кровью наливши* Колоколово; *здесь деревня осталася не сгоревши* Дядно Качановск. Пск.; *бригадир-от не думавши делал, вот сеното и осталось не сушивши* Борисково Даниловск. Яр.; *пересохши бывает ручей* Звицево Череповецк. Вол.; *часто выпивши бывают* Ефремково; *не бывал больше пришотци* Новинка Тихвинск. Лен.; *я бывала сердцем стронулши с первых годов* (тосковала) Редковцы;

[6] О характере глаголов-связок и их грамматическом значении см. также: Д. И. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр. 158, 160; Н. Дурново. Повторительный курс грамматики русского языка, вып. II. Синтаксис, ч. 1. М.—Л., 1929, стр. 19, 21; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 181—183; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 250—253; М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957, стр. 196, 197; В. М. Жирмунский, Об аналитических конструкциях. «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., изд-во «Наука», 1965, стр. 43, 46.

у нас присгоревши бывают, то от грязи, то так (при пожарах) Салтаново Пушкиногорск. Пск.; *разувши бывает* Верещакино Кардымовск. Смол.; *какие собравши где бывают, песни поют* Солище Пречистенск. Смол.; *бывают выпимши* Елагино Каменск. Тул.

Указанный круг глаголов, выполняющих функцию связки, характеризуется весьма существенным, с нашей точки зрения, признаком, отмеченным А. А. Шахматовым: глаголы движения и состояния «могут иметь при себе в качестве второго сказуемого название пассивного признака» [7]. Вероятно, именно этим фактом лимитируется состав тех словоформ с суффиксом *-ши*, которые в сочетании с данными глаголами выполняют функцию предикативного атрибута.

б) Как видно уже из приведенных примеров, одним из формальных признаков форм на *-ши* в данном употреблении является принадлежность их к глаголам св. вида: такие образования отмечаются здесь в абсолютном большинстве случаев. Лишь в немногих предложениях употреблены образования от глаголов несв. вида, имеющие при себе отрицательную частицу (см. об этом ниже). Вторым формальным моментом, определяющим функционирование причастных форм в качестве предикативного атрибута, должно быть соположение их с глаголами в составе сказуемого: типичное для данной функции постпозитивное их положение отмечается чаще, чем препозитивное, однако и в препозиции они выступают достаточно часто (см. приведенные примеры).

В функции предикативного атрибута выступают преимущественно одиночные формы на *-ши*, а если и отмечаются распространенные формы, то характер распространения свидетельствует об их определительных отношениях в предложении, об отнесенности выражаемого ими признака к имени, т. е. в данном случае — это формальный показатель функционирования неизменяемой причастной формы как предикативного атрибута, ср.: *приходит весь переменивши* Холм Волховск. Лен.; *пришли все перемокши* Подоспа Гдовск. Пск.; *повели на допрос — вышел весь счерневши* Гверестка Гдовск. Пск.; *девчушка ходит вся исплакавши* Труевая Маза Шир-Буеракск. Сар.; *сын-то сделался очень выпивши* Воеводино Емельяновск. Калин.; *силы совсем упавши делаются* Макарьево Лысковск. Горьк.

В отдельных случаях формы на *-ши* — предикативный атрибут присоединяются к глаголу-связке с помощью сравнительного союза *как*, которым также подчеркивается определительный характер причастной формы, ср.: *люди все ходили* (после похорон), *как заболевши* Гверестка Гдовск. Пск.; *шатается, как выпивши* Кануновщина Гдовск. Пск.; *другой раз становишься так, как глазы закрывши* Лединки Лядск. Пск.; *ходя, как задумавши* Зайцева Валкск.

[7] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 182.

Латв; *без часов, как заблудивши ходишь* Фетинино Новосокольническ. Вел.

В качестве именного компонента составного сказуемого наиболее широко по говорам употребляются лексикализованные образования *обувши... не спавши* (см. их характеристику в 1-й главе I части нашей работы), однако степень употребительности их в разных говорах оказывается весьма различной: если на территории регулярного предикативного употребления форм на *-ши* доля лексикализованных образований, употребляемых в функции предикативного атрибута, составляет менее трети (184 пр. из 601), и основное количество примеров приходится на лексически не ограниченные формы, то в говорах за пределами указанной территории, наоборот, лексикализованные формы составляют почти 9/10 всех примеров (46 из 66). Приведем некоторые иллюстрации: *отец сказал: какая дочи раздевши прибежит к столу...; неслух — прибегла раздевши к столу* Волчий Ручей Красноборск. Арх.; *пришел раз выпимши* Боровня Солецк. Новг.; *неужто полезу в реку обувши!* Гоголево Подберезинск. Вел.; *в орехи разувши ходили* Ивонино Стодолищенск. Смол.; *разумши смоляла* (бегала); *а сейчас — господа какие! — все обумши да обумши* Еременка Сафоновск. Тул.

Анализируя соответствующий диалектный материал, а именно — конструкции типа *перешли в брод не разувши, так и лег не раздевши, живут не разделивши*, Ф. П. Филин квалифицирует выступающие в них причастные формы как предикативные определения со страдательным значением [8]. Если под страдательным значением понимать тот факт, что причастная форма выражает состояние одного предмета как результат действия другого предмета, то для некоторых из наших предложений это определение будет также действительно (ср. выше примеры типа *лошади стояли спутамши*). Однако для большинства случаев мы бы дали более широкое определение значения причастной формы: она выражает окачествленное состояние предмета как результат предшествующего действия, причем этот признак может быть не только пассивным, но и активным (ср. из числа приведенных выше такие примеры, как *силы упавши делаются, не бывал пришотци, ... как заблудивши ходишь* и т. п.).

2) В сочетании с переходными глаголами относящаяся к имени — дополнению причастная форма — предикативный атрибут может выражать: а) пассивный признак (по-видимому, чаще), б) ак-

[8] Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень диалектол. сектора Ин-та русского языка», 1948, вып. 4. М.—Л., стр. 35. — Иначе определяется функция форм на *-ши* в конструкциях этого типа (а именно — как деепричастие) в кандидатской диссертации А. В. Крутовой «Говор с. Б. Болдино Горьковской области» (рукопись. Л., 1949, стр. 378—383).

тивный признак, ср.: а) *немцы раздемши заставляли работать* (т. е. раздетыми) Молозино Зубцовск. Калин.; *в газете я видел нарисовавши* (артистов) Терелесово Вышневолоцк. Калин; *нашли корову заломавши* Тарасково Каменск. Калин.; *ее мытши привели* (т. е. мытую) Гришутино Лихославльск. Калин; *нашли его затряхнувши* Ломы Красногородск. Вел.; *держи мне нагнумши пузырек* Бычково Уваровск. Моск.; *дверь открымши держу* Мамоново Кировск. Калуж.; *рот закрымши не держите* Протасово Второе Малоархангельск. Орл.; *хаты не бросай открымши* Кононыхино Свободинск. Кур.; б) *ничего его не на поезде избили, а воровавши картошку*; *не бывавши дома его опять заведывать школой поставили* Рославлево Петровск. Яр.; *лист упамши увидишь* Буево Погорельск. Калин.; *меня дождь поймал с сена ишотчи*; *никогда мы не слышим плакавши его* Песчанка Пустошкинск. Вел.; *мыши съели* (пальто) *лежамши* Залапино Неверкинск. Пенз.; *их не гулямши брали* Сусово Тумск. Ряз.

Из этих примеров видно, что активный признак имени выражается, как правило, образованиями от глаголов несв. вида: причастная форма обозначает действие предмета, находящееся в одной временно́й плоскости с действием, выраженным глаголом [9]. Изредка аналогичное показанному употребление причастных форм отмечается и в диалектологических материалах конца XIX — начала XX в., ср.: *видал ее ишодши* или *ишодцы* Островск. Пск. [10]; *теперь обуяла меня скука одну живши в деревне* Бежецк. Твер. [11] Примечательно, что единственное предложение с формой на *-ши* — предикативным атрибутом, относящимся к дополнению, из числа специально изученных для настоящей работы фольклорных произведений (см. предварительные замечания к ч. II) отмечено в записях на территории регулярного предикативного употребления данных форм: *Вот приехало опять двенадцать разбойников. Опять нашли ону умерши* Михайловское Опочецк. Пск. [12]

[9] Ср. замечание Е. Кржижковой о категории времени причастий, которые «можно считать формами, специально предназначенными для выражения временной соотносительности; однако вследствие свойственной им полупредикативной функции обозначаемые ими действия отодвигаются на второй план» (Е. К р ж и ж к о в а. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке.— ВЯ, 1962, № 3, стр. 22).

[10] Материалы ответов на диалектологическую программу по Островск. уезду Пск. губ. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 192.

[11] Материалы для изучения говора Бежецк. уезда Тверск. губ., начало XX в. Отдел рукописей БАН, 45.12.156. — Следует заметить, что употребление форм на *-ши* как предикативного атрибута в сочетании с непереходными глаголами в указанных выше материалах отмечается сравнительно часто.

[12] «Сказки и легенды Пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева». М.—Л., 1950, стр. 71 (записано в 1927 г.).

ФУНКЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Как известно, грамматиками литературного языка признается, что деепричастия (и деепричастные обороты) выполняют в предложении функцию обстоятельственного признака предикативного признака. Обычно с помощью деепричастий обстоятельственный признак обозначается как процесс, что́ и позволило некоторым ученым назвать соответствующий член предложения предикативным обстоятельством (см. ч. II, гл. 2 нашей работы). Известен и другой подход к определению роли в предложении словоформ с обстоятельственным значением,— когда их относят к предложению в в целом [13]. В данном случае мы принимаем это положение, разработанное на материале современного русского литературного языка Н. Ю. Шведовой [14]: в соответствии с ним формы на *-ши* (а также формы на *-а* и *-учи*, см. ниже) являются детерминантами, если они, выражая обстоятельственные отношения, распространяют предикативную основу предложения любой структуры (последнее является одним из характерных признаков детерминантов). Функция предикативного обстоятельства — это один из частных случаев употребления форм на *-ши* как детерминантов.

В диалектном языке формы на *-ши* (а также формы на *-а* и *-учи*) употребляются в качестве предикативных обстоятельств сравнительно редко, преимущественно в двусоставных предложениях с глагольным сказуемым при одном и том же субъекте главного и второстепенного действия (как и соответствующие им по функции деепричастия в литературном языке); кроме того, в говорах формы на *-ши* могут быть детерминирующими обстоятельствами в двусоставных предложениях с разными субъектами главного и второстепенного действия; и, наконец, они шире, сравнительно с литературным языком, детерминируют разные структурные типы односоставных предложений [15]. Начнем наше описание с более типичных случаев употребления форм на *-ши* — предикативных обстоятельств.

[13] Ср.: А. В. Попов. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, стр. 94; В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. (На материале русского языка). «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 419.

[14] См.: Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения.— ВЯ, 1964, № 6; Она же. Построение раздела «Синтаксис словосочетания и простого предложения». «Основы построения описательной грамматики современного русского языка». М., 1966, стр. 157—161; Она же. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? — ВЯ, 1968, № 2.

[15] Принятая нами типология простого предложения разработана Н. Ю. Шведовой, см.: Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967.

Двусоставные предложения с глагольным сказуемым и одним субъектом главного и второстепенного действия

Из общего числа ≈ 2000 примеров употребления форм на *-ши* не в качестве самостоятельного предиката выделяются ≈ 360 предложений указанного структурного типа, в которых функция причастной формы может быть определена как предикативное обстоятельство. Следует заметить, что абсолютное большинство этих предложений (≈ 340) записано в говорах на территории регулярного предикативного употребления форм на *-ши*.

В отличие от функционирования причастных образований в составе сказуемого, где выбор словоформ — предикативных атрибутов регламентируется необходимостью выразить определительный признак имени в сочетании с семантически ограниченной группой непереходных глаголов, употребление причастных форм как самостоятельных распространителей предложения характеризуется значительно более широкими возможностями с точки зрения их лексико-грамматических признаков. Этим объясняется отчасти и тот факт, что здесь образования от глаголов несв. вида могут употребляться без отрицания, обозначая второстепенное действие предмета, находящееся в одной временно́й плоскости с действием, выраженным глаголом. Сравнительно высокая доля образований от глаголов несв. вида в общем количестве примеров с формами на *-ши* — предикативными обстоятельствами (≈ 0,3—10% пр.) может иметь и другое объяснение: в говорах регулярного употребления предикативных форм на *-ши* (а почти все предложения с предикативными обстоятельствами — причастными формами глаголов несв. вида приходятся именно на эту территорию) последние в обстоятельственной функции выступают как бы заместителями других причастных форм, и в частности — форм на *-а*, образуемых от основы наст. времени глаголов несв. вида [16].

В определении функции предикативного обстоятельства мы опираемся на следующие формальные моменты: 1) распространение причастной формы, свидетельствующее о проявлении ее глагольных свойств; 2) препозицию нераспространенных образований от глаголов св. вида; 3) употребление образований от глаголов несв. вида без отрицания. Приведем некоторые иллюстрации:

1) *он уехал выселивши с семьей* Ель Осташковск. Калин.; *шапку ходят скинувши, чтоб им дали земли* Погребище Плюсск. Пск.; *пошла выполовши картошку в огород, так там ребята все огурцы перепортили* Калласте (Красные Горы) Тартуск. Эст.; *...когда на улицы становятся все кругом взёмши за руки* Черемша

[16] Ср. замечание Ф. И. Буслаева об употребительности в народном языке «деепричастий прош. продолженного вида вм. настоящего»: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 379.

Середкинск. Пск.; *я сегодня всталши там вымыла* Редковцы; *плачет пришотци с ребятам* Макарино Бежаницк. Вел.; *голову задравши ячмень клюют* Дивны Себежск. Вел.; *в гору поднявши сел* Цыковка Хиславичск. Смол.; *с армии пришотчи сени покрыл* Улемль Жиздринск. Калуж.; *на нее глядевши умрешь* Палиха Осташковск. Калин.; *помрешь с вам сидевши* Блазново Плоскошск. Вел.; *хоть ты лоб разбей моливши богу* Иванцево Куньинск. Вел.; *убьешься плясамши под эту музыку* Ведерники Вяземск. Смол.; *я гряды поломши тоже вон как загорела* Вятское Тумановск. Смол.; *я ехавши оттуль видал* Горожанка Суземск. Брян.; *яблоней-то насажал — вот я их измучилась поливамши* Кузовлево Михневск. Моск.;

2) *он женившись ушел к ней* Райки Комсомольск. Ив.; *дочка переодевши даст вам молока* Зимник Устюженск. Вол.; *прочитавши берет другую* Аносово Зубцовск. Калин.; *мама косит... она в обед покосивши приходит* Касково Удомельск. Калин.; *женивши стал жить на крестьянстве* Новая Деревня Молвотицк. Новг.; *отработавши выехал в деревню* Борисово Старорусск. Новг.; *она, змея, не знает, а пришотци указывает* Рошелево Струго-Красненск. Пск.; *вот пришотци немного полежит, и опять ковыряться* Кроксово; (в рассказе о льне): *снявши будут трепать его треплом; отрепавши будут чесать его* Черемша Середкинск. Пск.; *заехатши ожидает трактор Сеня* Загорье Порховск. Пск.; *я вот ей пришотци сказала* Чертены Дновск. Пск.; *собравши передавали друг дружке* Федоровка Суражск. Брян.; *помолёмши начинаешь обкладать дом* Выползово Солнцевск. Кур.;

3) *не сама ли потеряла бесивши?* Лискино Брейтовск. Яр.; *цыпленок надоел пищавши* Дягельково Лежневск. Ив.; *идет с портфелем помахивавши* Конецкая Ковжинск. Вол.; *я утром доила выпускавши* Сологубовка Мгинск. Лен.; *шаль давеча намочила мотавши* Мякинницы Луковниковск. Калин.; *руки и ноги одубинеют копавши* Шишелево Брусовск. Калин.; *песни играешь прявши* Карцево Великолукск. Вел.; *сама по себе идет клоктавши* Поляки Октябрьск. Вел.; *он лает стоявши* Раменье Ленинск. Вел.; *спит писамши* Красный Бор Подберезинск. Вел.; *поздно-поздно приезжали пахамши* Косичино Людиновск. Калуж.; *это ты повырывал ходивши?* Горожанка Суземск. Брян.; *дорога кака плохая, мост у них худой, шовши ногу сломишь* Ведомша Нагорьевск. Яр.; *сидевши могу все делать* Карцево Великолукск. Вел.; *собиравши* (т. е. побираясь) *его кормишь* Блазново Плоскошск. Вел.; *гулявши оны и про дом забудут* Милеево Глинковск. Смол.; *а колхозницы работамши сбегают в речку, помоются* Косичино Людиновск. Калуж.; *баловамши голову открутишь* Овстуг Жуковск. Брян.

Как видно из приведенных примеров, в функции предикативного обстоятельства распространенные формы на *-ши* и образования от глаголов несв. вида не связаны строго закрепленной позицией в предложении. Впрочем, и образования от глаголов св.

вида выступают не только препозитивно: исходя из контекста, в ряде случаев мы определяем их как предикативное обстоятельство и в постпозиции, ср.: *иду с гумна помолотивши* Путятино Лужск. Лен.; *как откуда-то приду поработавши, а она...* (кошки все в доме перевернут) Ямок; *с поля идем — пожавши-то аль покосивши,— то идем артелью и поем* Рамушево Старорусск. Новг.; *...потом боронят, потом сеют побороновавши* Княжицы Новосельск. Пск.; *гуляй же теперь наклевавши* Старищи Порховск. Пск.; *месяца два пожил съездивши* Мельница Пушкиногорск. Пск.; *утром приедешь поработавши, и начинать неохота* Новая Деревня Вируск. Эст.; *когда с землемером расставался, так плакал привыкши* Зайцева Валкск. Латв.; *хлеб спекли вечерком, сходивши, а потом опять в болота и кусты* Ново-Орловичи Себежск. Вел.; *хозяин любит пришотчи чаек* Ведерники Глиновск. Смол.; *домой приходили наработамши* Косичино Людиновск. Калуж. Таким образом, здесь учет контекста, в котором выступают нераспространенные формы на *-ши* глаголов св. вида, их связей с другими словоформами в предложении приобретают решающее значение.

Приведенные примеры свидетельствуют также о том, что причастные формы обозначают относительное время, каким характеризуются в литературном языке и соответствующие деепричастия: образования св. вида — предшествующее глагольному, образования несв. вида — совпадающее с глагольным. Однако есть ряд предложений, в которых эти соотношения сдвинуты: образования от глаголов св. вида обозначают время, совпадающее с глагольным, образования от глаголов несв. вида — предшествующее глагольному, ср.: *всяких поживши людей-то видал* Шамокша; *провожал-то ее любимый брат, проводивши наказывал* Антропшино Павловск. Лен.; *пошатавши всякую всячину слышала* Заозерье Порховск. Пск.; *убивши* (т. е. надрываясь) *работали* Таложня Новоторжск. Калин.; *мужики, ска, глядевши уехали* (уехали после того, как осмотрели товар на пароходе) Гимрека; *я приду оттуль доивши* Кроксово; *когда приехали оттуда хоронивши, тогда и написала*; *пришла доивши, да Васька отнял* (мать пришла, подоив, а сын отнял молоко) Ямок; *он справлявши пошел — меня спросил* (т. е. справившись пошел) Але Новосокольническ. Вел.; *иду гусей глядемши* Воткино Хвастовичск. Калуж.; *они вчера пришли ночью стоговамши* Крапивна Ульяновск. Калуж.; *пошел косёмши домой*; *скирдовамши пошли* Бельня Барятинск. Калуж.

В данном употреблении форм на *-ши* можно, по-видимому, выделить разные факты: семантика некоторых словоформ (*поживши, пошатавши*) допускает указанный сдвиг в обозначении временных отношений; глагол *доить* может выступать и со значением св. вида, и тогда употребление словоформы *доивши* в отмеченных контекстах является закономерным; часть образований несв. вида носителями говора воспринимается как формы глаголов св. вида, ср. следующее замечание: «*косёмши пошли* — это по-старински;

теперь скажут: *накосились и пошли*» (Плота Барятинск. Калуж.). В целом же по отношению к формам на *-ши* — детерминирующим обстоятельствам можно говорить, вероятно, о некоторой нейтрализации видовых противопоставлений, что имеет место не только в полупредикативном, но и в непредикативном их употреблении.

На вопросе о частных обстоятельственных значениях форм на *-ши* — детерминантов, решение которого целиком относится к области лексико-семантических связей их с другими членами предложения, мы остановимся в заключение настоящего раздела.

Некоторые замечания о лексико-грамматическом характере причастных форм

Существует мнение, высказанное В. И. Трубинским по отношению к северо-западным говорам, что формы на *-ши*, употребляемые в функции предиката, с одной стороны, и в функции предикативного обстоятельства («второстепенного сказуемого», по терминологии В. И. Трубинского) — с другой, образуются «от глаголов разных залогов» [17].

Наши материалы в целом не подтверждают указанного положения. Наоборот, они свидетельствуют о том, что одни и те же — с точки зрения лексико-грамматических признаков — причастные образования могут выступать в разных синтаксических функциях (что́ мы и пытаемся показать в настоящей главе). Однако мы считали необходимым специально проанализировать материалы говоров, однородных с теми, которые изучались В. И. Трубинским. Для этого мы выбрали из предложений, записанных в говорах Ленинградской, Новгородской, Псковской и Великолукской областей, все словоформы на *-ши* — предикативные обстоятельства и сопоставили их с соответствующими словоформами, которые употребляются на этой же территории в качестве предиката (см. ч. I, гл. 1). Ниже в алфавитном порядке приводится список словоформ на *-ши* — предикативных обстоятельств. В нем принят следующий порядок подачи материала: 1) звездочка указывает на то, что данная словоформа отмечена и в предикативной функции; 2) словоформы, образованные от возвратных или непереходных глаголов и отмеченные в употреблении один только раз, не имеют при себе никаких цифровых помет; 3) при возможности образования словоформы и от невозвратного, и от возвратного глагола количество случаев, однозначно определяемых как образования от невозвратных глаголов, показывается в скобках.

*бегавши**, *блудивши*, *болтавши*, *вернувши**, *взявши** 4(1), *вошеци**, *всталши**, *выкупавши**, *вымывши**, *выпивши** (1), *выполовши** (1), *выпускавши* (1), *выселивши** 2, *выспавши**, *вытягáвши* (1), *вытянувши** (1), *глядевши** 2(2), *держалши*, *доивши** 4(4), *дошовши**,

[1] В. И. Трубинский. Указ. соч., стр. 123.

*ездивши**, *ехатчи** 3, *женивши** 4, *живши**, *завтракавши**, *здравши** (1), *заехатши**, *залезши**, *заразивши**, *зарывши** (1), *засохши**, *засыпавши*, *заткавши*, *испугавши**, *клоктавши*, *кончивши** (1), *косивши** (1), *купавши**, *купивши**, *мёвши* (1), *моливши**, *моловши* (1), *молотивши** (1), *мывши**, *надувши ** (1), *надушивши**, *накатавши*, *наклевавши*, *накосивши** (1), *напаривши*, *напивши**, *носивши* (1), *обернувши**, *обидевши**, *обнёмши**, *обступивши**, *одуревши*, *опрокинувши**, *отощавши**, *отработавши** (1), *отрепавши* (1), *отслуживши**, *отставши**, *паривши**, *переехаччи**, *пиливши* (1), *писавши* (1), *плакавши**, *плясавши**, *побороновавши* (1), *повенчавши** 6, *погодивши* 5, *пограбивши* (*иду сено пограбивши* Заозерье Порховск. Пск.), *подоивши**, *поевши** (1), *пожавши** (1), *поженивши**, *поживши** 2, *покосивши* 2(2), *покупивши* (1), *покуривши* (1), *помолотивши** 2(2), *попивши* 2, *поплясавши*, *поработавши** 2, *поразмаявши*, *посмотревши** (1), *поспавши*, *потолкавши**, *похоронивши** (1), *почесавши* (1), *пошатавши**, *привыкши**, *приехавши** 5, *прижавши ** (1), *пришетчи** 14, *проводивши* (2), *прослуживши**, *проходивши** (гл. св. вида), *прявши** (1), *работавши**, *распустивши** (1), *родивши** (гл. св. вида), *сознавши*, *сбандивши* (1), *сделавши** (1), *севши** 4, *сидевши** 3, *скинувши** (1), *слезши**, *смешавши**, *смеявши**, *снявши** 3(3), *собиравши** (1), *собравши** 6, *сорвавши**, *сошетчи** 2, *спавши** 2, *справлявши*, *стоявши**, *схватившись**, *сходивши**, *съездивши**, *тягамши** (1), *убравши**, *увидевши** (1), *упавши**, *усевши**, *уставши**, *установивши** (1), *хоронивши* (1) (всего 131 словоформа, 190 примеров).

Представленный список словоформ на *-ши* — предикативных обстоятельств позволяет сделать следующие выводы. 1) Почти $^3/_4$ общего количества словоформ на *-ши* — предикативных обстоятельств (97) употребляется также в предикативной функции. 2) Чаще других в полупредикативном употреблении отмечаются, как правило, те же словоформы, которые сравнительно часто употребляются и как предикаты (ср.: *взявши*, *женивши*, *приехавши*, *пришетчи*, *севши*, *собравши*). Данный факт объясняется, по всей вероятности, не языковыми закономерностями, а частотой встречаемости соответствующих словоформ в речи. 3) Бо́льшую часть словоформ, отмеченных только в полупредикативном употреблении, составляют образования от глаголов св. вида (20 из 34); образования же от переходных и непереходных глаголов распределяются примерно поровну (соответственно 19 и 15).

Таким образом, наши материалы по северо-западным говорам также не подтверждают указанного выше положения В. И. Трубинского, как не подтверждают они вывода о том, что «глаголы, образующие данную форму, в их подавляющем большинстве характеризуются либо переходностью, либо несовершенностью вида, либо тем и другим свойством одновременно» [18].

[18] В. И. Трубинский. Указ. соч., стр. 128.

Двусоставные предложения с глагольным сказуемым и разными субъектами главного и второстепенного действия

Части говоров, преимущественно среднерусским акающим и южнорусским, известно употребление форм на *-ши* — предикативных обстоятельств в предложениях с самостоятельными субъектами главного и второстепенного действия (в наших материалах $\approx$ 60 таких предложений). Форма на *-ши* выступает в них, будучи как распространенной (а), так и нераспространенной (б), ср.: а) *служит год*; *отслуживши год отпуск полагается* Антропшино Павловск. Лен.; *еще не дошовши до вокзала едет куда-то пожарна дружина* Подборовье Полновск. Пск.; *нога заболела проходивши день* Моложане Новосельск. Пск.; *стоит* (лен) *на ниве, постоявши на ниве обирают мужчины*; (о посевах озимых): *так взошотци накрывает снегом* Мышино Опочецк. Вел.; *осеней ушотчи Колюто убили* Хмельнички Свечинск. Кир.; *миновавши картохи тропочка будет* Пестова Котельническ. Кир.; *не выехатчи с города тропочка будет* Хреновая Сычевск. Смол.; *подходивши туда дождь застал* Селище Пречистенск. Смол.; *не пошотши работать усадьбы не дадут* Вертка Старая Батуринск. Смол.; *по дороге ехамши перегорождают дорогу, чтоб яйца перенять* Овчинец Суражск. Брян.; *девочку хоронёмши немцы отняли лошадь* Косичино Людиновск. Калуж.; б) *трудодни не работавши в книжки впише* Заполек Маловишерск. Новг.; *не кричавши дело исправится* Березье Выроск. Эст.; *не державши унесет вьюга* Косово Молоковск-Калин.; *заторы делаются прямо прокопавши* Федоров Двор Есеновичск. Калин.; *голова закружилась писатши* Гришутино Лихославльск. Калин.; *не болемши смерть пришла* М. Санчур Ляховск. Влад.; *возьми угости* (соседа, хозяина бани), *вином напой, а не угостивши не даст баню затопить* Мешкова Куньинск. Вел.; *перевенчамши невесте кибилку надевает свата*; *живот заболел смеямши* Б. Семеновка Карачевск. Брян.; *нашла бедность погоревши* Буда Жирятинск. Брян.; *откуда деньги будут учивши* Пантусово Стародубск. Брян.; *у меня была книга, сдула буря из вагона ехавши* Горожанка Суземск. Брян.; *спина заболела сидемши* Гришина Слобода Жуковск. Брян.; *сидемши никто ничего не принесет* Лосиная Кировск. Калуж.; *а поемши холодная вода никогда вреду не приносит* Дынная Жиздринск. Калуж.; *не работамши не дадут* Рахмановка Лосевск. Вор.; *устал язык говорёмши* Ново-Троицкое Ст.-Шайговск. Морд. [19]

[19] См. также в опубликованных работах, напр.: Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 536; В. И. Чернышев. Дополнения к сведениям о говоре г. Мещовска. «Сб. ОРЯС», 1900, т. 68, № 6, стр. 34; Н. П. Гринкова. К вопросу о щукарях. «Изв. ОРЯС», 1925, т. 30, стр. 2 0; Л. Копецкий. К изучению языка и стиля русской сказки. «Slavia», 1927, т. 6, № 2, 3, стр. 299—300; В. А. Иванова. Простое предложение в говорах Брасовского района Брянской области. (Автореф. канд. дисс.). Л., 1953, стр. 12.

Из приведенных примеров видно, что в данных конструкциях субъект второстепенного действия, как правило, формально не выражен: он или мыслится обобщенно или ясен из ситуации (см. приведенные выше примеры). Формальное выражение субъекта отмечается единично: а) с помощью им. падежа имени: *справивши невестка батька с маткой садятся* Стуколово Качановск. Пск.; *война замирёмши два раза в Москве была* Огорь Жиздринск. Калуж.; *обед отошрдши немного погодять*; *отошодчи обед беруть извару* [20]; б) с помощью дат. падежа местоимения: *дён пять прошло ему родивши*; *семь годов ему померщи* [21] Ново-Ямское Севск. Брян.

Данное явление ученые квалифицируют либо как архаизм, отражающий относительную свободу употребления причастных форм, их бóльшую предикативность в прошлом [22], либо как анаколуфы, невольные смешения конструкций [23], либо как то и другое одновременно [24].

По отношению к современным русским говорам мы бы считали возможным также говорить о сохранении большей предикативности, большей самостоятельности причастной формы в показанном употреблении. Но если для говоров за пределами территории регулярного предикативного употребления форм на *-ши* рассматриваемую функцию можно объяснить лишь как архаизм, то в говорах регулярного предикативного их употребления последнее оказывает, на наш взгляд, свое поддерживающее влияние в данном случае (следует заметить, что большинство наших примеров записано именно на этой территории, правда — на ее южных окраинах):

[20] М. К а р а у л о в. Говор палех Жиздринского уезда Калужской губернии.— РФВ, 1900, т. 43, стр. 229.— Ср. также в фольклоре: *я расстанщись с милым — слезы покатилися.* (Материалы по народной словесности и языку, собранные в Новгородской губернии. Архив Акад. наук, ф. 216, оп. 10, № 110, л. 5 об.).

[21] Структурную основу данного предложения составляет сочетание существительного с числительным, однако мы привели его здесь в числе глагольных предложений как одно из двух имеющихся у нас свидетельств сохранившейся в говорах древней конструкции с так называемым дательным самостоятельным.

Отметим также чрезвычайно редкое употребление формы на *-ши*, образованной от безличного глагола: *пароход теперь приходит рассветамши* Ново-Трехсвятское Иссинск. Пенз. (здесь обозначенный причастной формой признак, естественно, не может быть приписан какому-либо субъекту). С этой же словоформой есть пример у А. А. Шахматова, см.: А. А. Ш а х м а т о в. Указ. соч., стр. 472.

[22] См.: А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 198 и след.; Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й. Указ. соч., стр. 71 и след.; А. А. Ш а х м а т о в. Указ. соч., стр. 470; и др.

[23] См., напр.: J. R u ž i č k a. O používání prechodníkov. «Slovenská reč», ročn. 21, № 5. Bratislava, 1956, стр. 283—284.

[24] См.: Л. А. Б у л а х о в с к и й. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 340, 344; М. К о ц ь. Дієприслівник у сучасній українській літературній мові (специфіка зв'язків та їх значень). Київ, 1964, стр. 41 и след.

функция предикативного обстоятельства здесь как бы сливается с функцией зависимого предиката, когда причастная форма, хотя и относится к имени — самостоятельному субъекту выражаемого ею второстепенного действия (сопровождающего или предшествующего главному действию, см. приведенные примеры), но весь оборот с формой на *-ши* получает свое значение как детерминирующее обстоятельство только в отношении к двусоставному предложению с глаголом — независимым предикатом при самостоятельном подлежащем.

Двусоставные неглагольные предложения

Употребление форм на *-ши* в предложениях, структурная основа которых не включает глагола,— явление чрезвычайно редкое (мы располагаем менее чем 20 такими примерами).

Прежде всего здесь следует указать предложения, где в функции предиката выступают также формы на *-ши* (эти предложения и количественно преобладают): *приставши я горазд ничего не делавши* Жилино Осьминск. Лен.; *а я спать легши пришотци* Погребище Плюсск. Пск.; *кушаком опоясавшись был косить отравивши* Чертены Дновск. Пск.; *вы замерзши на улице сиделши* Чурилово Пустошкинск. Вел.; *пришотши покосивши* Рамушево Старорусск. Новг.; *привыкши в деревне живши* Русская Гора Вышневолоцк. Калин.; *устамши кур гонямши* Кишлеево Ставровск. Влад.; *гулямши всё растерямши* Рокотушка Ново-Спасск. Ульян.

В нескольких случаях предикативную основу предложения составляют им. падеж имени и причастная форма с суффиксом *-н-* или *-т-*, либо только последняя: *он был устроен отделивши* Березуги Фировск. Калин.; *исполнитель побит ходёвши* Неварь Дмитриевск. Кур.; *перетерпёмши спасен будешь* Степинищево Мичуринск. Тамб.

Единично отмечено употребление формы на *-ши* — предикативного обстоятельства в предложении, структурная основа которого состоит из местоимения и краткого прилагательного — *я ничего не сделавши буду виноват* Авдеенки Красногородск. Вел.

Далее мы проиллюстрируем также употребление форм на *-ши* в односоставных предложениях, а затем остановимся на вопросе о том, какие обстоятельственные значения они выражают,— с учетом разных структурных типов предложения.

Односоставные предложения

В качестве предикативных обстоятельств односоставных предложений формы на *-ши* отмечаются также главным образом в среднерусских акающих и южнорусских говорах, которым известно и употребление предложений с разными субъектами главного и второстепенного действия, рассмотренное выше. Односоставные пред-

ложения с формами на *-ши* — предикативным обстоятельством — явление в говорах, по-видимому, сравнительно редкое, но все же они отмечаются приблизительно в два раза чаще, чем предложения с разными субъектами главного и второстепенного действия (по нашим данным, односоставных предложений около 150).

Наиболее широко формы на *-ши* употребляются в предложениях наречного типа, как распространенных инфинитивом [25], так и нераспространенных (возможно, что из всех структурных типов односоставных предложений в диалектной речи именно наречный является самым употребительным). Приведем некоторые примеры:

так гулявши и голову в два счета можно потерять Нахаловка Сокольск. Ив.; *там надо работать живши* Блазново Плоскошск. Вел.; *лучше сделать по закону — не ругавши* Иванцево Куньинск. Вел.; *не знамши трудно найти* Китенево Высоковск. Моск.; *надо жить знавши* Ольгино Клепиковск. Ряз.

трудно в жару не купавши Лукинское Чагодощенск. Вол.; *пороли нас; а нас и нельзя не поровши, а то не слушают* Наволок Поддорск. Новг.; *запалёмши тепло — сидели да гомонели* Сенча Суражск. Брян.; *помывши в бане легко* Скоробогатая Слобода Новозыбковск. Брян.; *поемши надо самовар* Бесово Вяземск. Смол.; *не топёмши печку нельзя* Большие Фоменки Батуринск. Смол.; *ну как вкусно в русской печке сварёмши* Дынная Жиздринск. Калуж.;

из пустой-то руки взёмши ничего нет Горка Мгинск. Лен.

Помимо предложений наречного типа, употребление форм на *-ши* — предикативного обстоятельства отмечается также в предложениях спрягаемо-глагольного и инфинитивного типов, ср.: *от слободы ехавши мово папу раза по три заводило* Рославлево Петровск. Яр.; ... *после этого два года в школу проходил; в школу проходивши стало мне 14 лет* Новая Деревня Молвотицк. Новг.; *17 годов отживши всего бывало* Карцево Великолукск. Вел.; *в роте пересохло с ним говорёмши* Хреновая Сычевск. Смол.; *не мыкавши горя не видать добра* Зубари Халтуринск. Кир.; *выткавши — снять, залить, белить* Лесково Лужск. Лен.; *куда это набравши-то переезжать* (нельзя переезжать с большим багажом) Замежничье; *гулявши и спать не хочется* Увелье Красногорск. Брян.; *наморёмши знаешь как на работу идти* Сильково Перемышльск. Калуж.

И наконец, единично отмечено употребление форм на *-ши* в односоставных предложениях именного типа: *да, не покуривши кака работа!* Вахрушево Вологодск. Вол.; *не спавши да истомивши — какое дело?* Модолицы Ломоносовск. Лен.; *милое дело не женёмши* Хотень Сухиничск. Калуж.; *Где старяста? — Фсю*

[25] Ср.: А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 127 и след.; Г. В. Валимова. Особые случаи употребления деепричастий. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. ун-та», 1945, т. IV, стр. 15.

деревню прашедшы, первый дом с краю Гнилуша Черкизовск. Моск. [26]

Как и в случаях распространения двусоставных предложений с самостоятельным субъектом действия, выраженного глаголом, при распространении формой на *-ши* — предикативным обстоятельством односоставного предложения субъект выражаемого ею действия чаще всего мыслится обобщенно (*за парту севши надо дело делать* Кашуты Торопецк. Вел.; *набравши грибов надо жарить их* Блазново Плоскошск. Вел.; *не работамши жить нельзя* Пареево Верейск. Моск.; *в миру живши все надо перенесть* Ново-Ямское Севск. Брян.; *кому и не нравилось вместе жимши, жили вместе* Бели Дзержинск. Калуж. (см. также примеры выше) или ясен из ситуации (*а то приехавши радость*! (насмешливо: что за радость дочери говорящего приехать в деревню) Замежничье; *надоест с блюдом бегавши* Язвиха Сандовск. Калин.; *от папашки десяти лет остамши всего повидаешь* Воткино Хвастовичск. Калуж.; *прокипемши можно посолить* Мужитин Жиздринск. Калуж.; *пяти годов умереть не болемши*! Княжичи Жирятинск. Брян.), реже он обозначен в предложении: *ей надо поевши косить* Копорье Ломоносовск. Лен.; *привыкши людям ничего не тяжко* Пуповичи Новосокольническ. Вел.; *а мне не помывшись не лекци* (лечь) *спать* Малахово Бабаевск. Вол.; *эй, кот, ведь опять понравилось лёгши спать* (на белое покрывало) Нижняя Прионежск. Карел.; *мне надоело на печке валявши* Ильинское Лихославльск. Калин.; *вам уж надоело про историю-то говоривши* Павловское Максатихинск. Калин.; *надоело мне ставимши* Демино Гусь-Хрустальный Влад. Из приведенных примеров видно, что субъект действия, выраженного причастной формой, обычно передается именем в дат. падеже.

* * *

В заключение раздела о формах на *-ши* — предикативных обстоятельствах мы остановимся на вопросе, общем для всех структурных типов предложения,— о тех синтаксических отношениях, которые детерминируются в предложении с помощью данных причастных форм. Как известно, в решении этого вопроса каждый раз приходится исходить из определенного контекста, в котором выступает та или иная причастная словоформа (для литературного языка — деепричастие [27]).

[26] В. И. Чернышев. Сведения о говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. «Сб. ОРЯС», 1904, т. 75, стр. 45—46.

[27] См., напр.: Г. В. Валимова. Деепричастные конструкции в современном русском языке. «Уч. зап. Ростовского н/Д гос. пед. ин-та», 1940. Кафедра общего и русского языкознания, т. II; Л. Я. Браве. К вопросу о значении деепричастий совершенного вида.— РЯШ, 1940, № 6; Л. А. Тюкшина. Синтаксические функции деепричастных конструкций в соз-

Судя по имеющимся у нас материалам (см. примеры выше), в абсолютном большинстве случаев формы на *-ши* детерминируют в р е м я осуществления предикативного признака.

Особенно отчетливо это значение выступает при сочетании их с другим детерминантом обстоятельства времени (напр., наречием), ср.: *потом пойдем, попимши* Косколово Кингисеппск. Лен.; *тогда, молотивши, неколи буде ходить* Палкино Ашевск. Пск. Реже детерминируются прочие обстоятельственные значения, напр.: у с л о в и е — *и бранила мать сыночка: не бранивши, не учивши было матери нельзя* (сочинение самой рассказчицы) Воскресенское Пречистенск. Яр.; *если не клавши, тогда трудно найтить* (старик сам не положил ключ и не может его найти) Гимрека (в последнем предложении условное значение причастной формы подчеркивается соответствующим союзом); п р и ч и н а — *заболели заразивши* Кивуя Новоладожск. Лен. Обычно обстоятельство причины может быть истолковано и как обстоятельство времени, ср., напр.: *я устала болтавши* Сологубовка Мгинск. Лен.; *да, сиди — скотина не убрана сидевши* Гимрека (см. также выше). То же следует заметить и относительно выражения формой на *-ши* обстоятельства о б р а з а или с п о с о б а д е й с т в и я: лишь изредка на это значение не накладывается значение обстоятельства времени (*он действовал смешавши с родственником Архиповым* Бор Залучск. Новг.), в большинстве же случаев для формы на *-ши* оно неотделимо от этого значения, ср., напр.: *вымазалась лазимши* Летошники Жуковск. Брян.; *чёрт их знае что навирзять гомонёмши* Сенча Суражск. Брян.; *всю юбку порвешь под проволоку лазивши* Вёртка Старая Пречинстенск. Смол.; *изорвешь надевамши* Шубино Загорск. Моск. Таким образом, при выражении формами на *-ши* ряда обстоятельственных значений сказывается известный синкретизм их как детерминантов, что является также (как и употребление в разных структурных типах предложения) одним из признаков данных членов предложения.

НЕПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ НА *-ши*

В непредикативном употреблении формы на *-ши* выполняют главным образом функцию обстоятельства (≈500 пр., по нашим данным) и, кроме того, они выступают в качестве атрибута (≈40 пр.). В нескольких случаях (≈10 пр.) отмечено употребление субстантивированных форм (о котором также будет сказано в настоящем разделе).

временном русском языке. (Автореф. канд. дисс.) М., 1951; В. С. Б е л о в а. О выражении обстоятельственного значения цели в предложениях с деепричастными оборотами.— РЯШ, 1958, № 2.

ФУНКЦИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Формы на *-ши* — непредикативные обстоятельства употребляются преимущественно в двусоставных предложениях с глагольным сказуемым (как и предикативные обстоятельства): обозначая состояние предмета, которое сопутствует действию, выраженному глаголом, они передают в предложении определительно-обстоятельственные отношения, ср., напр.: *вот котенок-то сидит хвост подогнувши* Заполье Кингисеппск. Лен.; *вечером дою закрывши глазы* Сабцы Лужск. Лен.; *спит свернувшись клубышем* Загорье Оредежск. Лен.; *сидел на стол облегнувши, голову зажомши* Стуколово Качановск. Пск.; *все скорчивши пригунули в углу и ждём, что будет* (при немцах, во время войны) Засово Залучск. Новг.; *зажмуривши выбегут из избы* Углы Новосельск. Пск.; *вы по-колхозному привыкайте — разумши* Колосово Высоковск. Моск.; *обнявши на горки лезем* Виженка Брасовск. Брян.; *выстой нагнувши 12 часов* Успеновка Кореневск. Кур.

Обращает на себя внимание тот факт, что в данном употреблении выступают большей частью образования от глаголов св. вида. Образования же от глаголов несв. вида всегда употребляются только с отрицанием, ср.: *бригадир-от не думавши делал...* Борисково Даниловск. Яр.; *вот зять, он пойдет не знавши — малины наберет*; *пойдет не знавши — грибов наберет* Шелково Тутаевск. Яр.; *брал не стеснявши* Пеньково Брусовск. Калин.; *не ужинавши и спать ложишься* Ямок; *на девчонку получают не зарегистрировавши* Фетинино Новосокольническ. Вел.; *что ты не знамши шлёпаешь?!* Косичино Людиновск. Калуж.; *солому нажну не мямши* Мамоново Кировск. Калуж.; *не заробишь не трудёмши* Белый Колодезь Вейделевск. Белг.; *хочет прожить не работавши* Ломигоры Воловск. Лип.; *теперь и без замужа — не расписывавши проживают* Федоровка Суражск. Брян. Наличие при форме на *-ши* отрицания вызвано коммуникативными задачами соответствующих сообщений. Употребление же в этих случаях образований от глаголов несв. вида, в свою очередь, определяется наличием при данной словоформе отрицания, так как для русского языка является типичным употребление при отрицании глагольных форм несв. вида [28]. Таким образом, в данной функции выступает тот же лексико-грамматический круг форм на *-ши*, что и в функции предикативного атрибута (см. выше), а именно — те словоформы, которые более всего способны выражать определительные отношения [29]. А если при этом учесть, что в качестве сказуемого могут употребляться те

[28] См., напр.: Л. Р а з м у с е н. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках.— ЖМНП, 1891, ч. 276, июль, стр. 22; Н. Д у р н о в о. Указ. соч., стр. 42.

[29] Ср.: В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947, стр. 273—274; Л. Я. Б р а в е. Указ. соч., стр. 25.

же непереходные глаголы со значением движения и состояния, которые употребляются и в функции связки, то для определенной группы предложений мы уже лишены возможности однозначно определить функцию причастной формы, ср.— помимо приведенных выше — такие примеры: *хозяйка ужахнувши сидела* (когда молния влетела)... Новоселье Лужск. Лен.; *он пришел недолечёмши* Сухолетово Кармановск. Смол. Указанное обстоятельство может служить иллюстрацией для следующего положения А. М. Пешковского: «Здесь мы имеем один из бесчисленных случаев п е р е х о д н ы х рубрик в языке, который вообще «не делает скачков». И описывающему остается только жертвовать в таких случаях чистотой своих определений и схем ради верности передачи фактов...» [30]

В качестве детерминанта односоставного предложения непредикативные формы на *-ши* распространяют преимущественно предложения наречного типа (включая и сочетания с инфинитивом), изредка — инфинитивного, ср.: *всяко пожито — не горазд обувшись, не горазд одевшись* Жеребут Лужск. Лен.; *надо сразу — не пилши, не елши — поллитра ему* Редковцы; *раскрымши нельзя* Погибелка Каменск. Тул.; *нельзя не емши до вечера* Ранино Мичуринск. Тамб.; *тама можно прямо, не разгинавши, ходить* Палкино Ашевск. Пск.; *в колхозе не записавши работать можно* Носовка Полновск. Пск.; *можно зажмуривши вязть* Взвад Старорусск. Новг.; *не бывавши можно заблудить* Тонище Фировск. Калин.;

не евши чего спасибо-то говорить Речица Бабаевск. Вол.

Как видно из этих примеров, обстоятельственно-определительное значение формы на *-ши* — детерминанта иногда подчеркивается соответствующим наречием (*всяко*, *прямо*), которое также выступает в качестве детерминанта.

В заключение представляется необходимым привести примеры непредикативных форм на *-ши* — детерминантов с обстоятельственно-определительным значением в предложениях, структура которых определяется употреблением их в разговорной речи, ср.: *куды ты не умывши?* Гущины Котельническ. Кир.; *мне не спавши и прямо на работу?* Шерогорино Подосиновск. Кир.; *как нагнувши — не могу* Жабино Кингисеппск. Лен.; *не мывши и не моливши — на работу* Менюша Шимск. Новг.; *другой раз долго не обедавши* Подберезье Батецк. Новг.; *теперь не венчавши* Голбицы Псковск. Пск.; *сходила бы в лес, так как разувши!* Носовка Полновск. Пск.; *что же вы закрывши-то?* Колоколово; *я к вам уже не стучавши* Твориши-

[30] А. М. П е ш к о в с к и й. Указ. соч., стр. 250. Ср. также: Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й. Указ. соч., стр. 76—77; В. В. В и н о г р а д о в. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка), стр. 420; Г. В. В а л и м о в а. Деепричастные конструкции в современном русском языке, стр. 88 и след.; А. Г. Р у д н е в. О происхождении деепричастия. «Casopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR». Praha, 1956, № 1; Л. І. К о л о м і є ц ь. До питання про формування категорії дієприслівника в українській мові. «Уч. зап. Харківського держ. ун-ту», 1958, т. 99.

но Гордеевск. Брян.; *а мне покрывши?* (спрашивает, когда ее фотографируют) Шибаевка Сухиничск. Калуж.; *я ей по чести — не ругамши* Плюсково Козельск. Калуж.; *да ты не ну́камши!* Ивановка Николаевск. Ульян.; (на вопрос «чем топят?» отвечает): *а так, не топлёмши* Демушкино Сасовск. Ряз.

ФУНКЦИЯ АТРИБУТА

Любая словоформа, функционирующая в качестве атрибута, входит, как известно, в состав именного словосочетания с определительным значением. Для неизменяемых словоформ на *-ши* данная функция может быть определена только при употреблении соответствующего словосочетания в предложении с самостоятельным предикатом — как глагольным, так и именным, ср., напр.:

а лес они заготовляют — приехатчи молодые-то, а бабка дома Ефремково; *девчата — приехатчи студентки — пололи кукурузу* Шамокша; *засахаривши мед не рекомендуется на корм* Окороки Молвотицк. Новг.; *оставши старики сгорели с своей изобкой* Пустошки Островск. Пск.; *не молотивши снопы куда класть?* Карцево Великолукск. Вел.; *лед переломавши зовем плахи* Калласте (Красные Горы) Тартуск. Эст.;

засиневши поле — костёр, синец Рыдалы Карамышевск. Пск.; *нетель — это двухлетняя скотина, не теливши* Посад Мстинск. Новг.; *овраг — это котлован между горами или яма проваливши* Кайно Вытегорск. Вол.; *село — несколько деревень сливши* Дундуково Вытегорск. Вол.

Приведенные иллюстрации показывают, что наиболее очевидной функция атрибута для формы на *-ши* бывает при употреблении ее в препозиции по отношению к определяемому имени, однако возможно и постпозитивное употребление. Имя, которое определяется причастной формой, обычно является в предложении подлежащим. Но иногда форма на *-ши* может относиться и к дополнению, ср.: *такой будем давать хлеб — немножко не веявши* Бор, Залучск. Новг. (причем атрибутивный характер ее в данном случае подчеркивается относящимся к тому же имени определительным местоимением *такой*).

Атрибутивной является функция форм на *-ши* в предложениях со сказуемым — экзистенциальным глаголом *есть*. Следует, однако, иметь в виду, что *есть* сравнительно часто выступает как связка в составе сказуемого с предикативными формами на *-ши* (см. в гл. 1 настоящей части работы), и разграничение этих двух функций *есть*, с одной стороны, и причастной формы — с другой, представляет значительные трудности. По-видимому, в позиции начала предложения *есть* наиболее часто является экзистенциальным глаголом, а употребленная здесь же форма на *-ши* относится к имени как его атрибут, ср.: *е, Ирочка, старухи сюды приехатчи*

на стройку Красный Бор; *есть которые после войны бабы оставши без мужиков* Выбье Кингисеппск. Лен.; *есть вот некоторые пришотци с фронта*; *в Сольцах есть тоже прибывши* Боровня Солецк. Новг.; *есть кое-где веточки поспевши* Тарасково Каменск. Калин.; *есть разбивши зеркала* Ермолино Фировск. Калин.; *ести така изба поставивши у тетки моей, а то ни у кого нету* Дубище Удомельск. Калин.; *есь один в приемыши вышетчи* Верхний Конец Борисово-Судск. Вол. Но в ряде случаев *есть*, будучи экзистенциальным глаголом, может занимать позицию и не начала предложения, ср.: *в одных местах естя не замерзнувши* (морошка) Ефремково; *вот тут есть женщины в тот колхоз перешот* Колоколово; *вальки есть и выгнувши* Ново Каменск. Калин. Как свидетельствуют приведенные примеры, *есть* — экзистенциальный глагол во всех случаях оказывается в препозиции по отношению к причастной форме.

Предложениям с *есть* — экзистенциальным глаголом и формой на *-ши* — атрибутом, утверждающим наличие определенного признака у имени, соответствуют предложения, предикативную основу которых составляет слово *нет* и в которых названный причастной формой признак имени, выступающий как его атрибут, либо отрицается, либо ставится под сомнение (в вопросительных предложениях). Но и в сочетании с *нет* (как это было и для сочетаний с *есть*) причастные формы далеко не всегда выполняют функцию атрибута: здесь нередки случаи предикативного их употребления (см. выше). Приведем некоторые предложения, в которых формы на *-ши*, с нашей точки зрения, являются атрибутом: *нет ли кого забравши в сене*? Гимрека; *горшочек намытый, только поглядите, нет ли с краешка чего приставши* Шамокша; *нет никого оставши тоже* Острова Уторгошск. Новг.; *а у нас ничего нет приготовивши* Стуколово Качановск. Пск.; *тут никого нет родивши* Карцево Великолукск. Вел.; *ни одного нет наклюнувши* Большие Фоменки Батуринск. Смол. Заметим, что в предложениях этого типа *нет* употребляется так же препозитивно по отношению к причастным формам, как и *есть* — экзистенциальный глагол в приведенных выше примерах.

К экзистенциальным предложениям примыкает единично отмеченное предложение со сказуемым — глагольной формой *имеется*, где форма на *-ши* является определением имени, обозначающего предмет, наличие которого утверждается: *дом оставши имеется* Рогачи Чудовск. Новг.

В наших материалах имеются также примеры атрибутивного употребления постпозитивной формы на *-ши* в приложении (или в так называемой аппозиции), на которое указывает пауза (обозначаемая на письме тире). Непредикативной форму на *-ши* здесь можно считать, видимо, лишь в одном случае: *а тот — руки связавши* (со связанными руками)—*побег* Мамаевка Мглинск. Брян., — где данная форма имеет значение страдательного причастия. Характер связи с именем в остальных предложениях можно определить как полу-

предикативный, поскольку здесь обнаруживается связь, характерная для причастия действительного залога [31], ср.: *пассажир-то, раньше-то севши* Шамокша; *вот эта-то, дома-то котора, оставши-то — поможет* Ефремково; *я ушотци была с этим — сено косивши* Абрамова Гора Ефимовск. Лен.; *а вчера удивлялась эта — с сенокосу зашотци* Редковцы; (насмешливо): *да, понимают там бабы, собравши около этого* (о собравшихся у автобуса, которые рассматривают испортившийся в пути мотор) Замежничье. Почти все имеющиеся у нас примеры с атрибутивными формами на *-ши* относятся к территории регулярного предикативного их употребления (как это видно и по приведенным иллюстрациям).

Субстантивация форм на *-ши*, отмечаемая в говорах также преимущественно на территории регулярного употребления их в функции предиката, является чрезвычайно важным фактом, свидетельствующим об именной сущности данного разряда форм глагола: из числа глагольных форм субстантивироваться могут только причастия [32]. Будучи субстантивированными, формы на *-ши* употребляются в качестве подлежащего, дополнения (прямого или косвенного), сказуемого (единично), ср.:

зарудевши — это как грязный: заскорузши, зарудевши Волошово Лужск. Лен.; *в тылу намазавши да накрасивши, духам от них пахне* Лесково Лужск. Лен.; *эв! косивши домой идут* Луневщина Гдовск. Пск.; *приехавши сено косят* Черемша Середкинск. Пск.; *лядина — а просто такое болото густое, ничего там не расте; заглушевши — это лядина* Углы Новосельск. Пск.; *пришло без вести пропавши* Плоское Дмитровск. Орл. В следующем предложении форма на *-ши*, видимо, также является субстантивированной и выступает в функции подлежащего: *вышла отбывавши заключение* Тяжино Большесельск. Яр.;

Дуня показала мне в банке скисши Новая Деревня Вируск. Эст.; *хочешь покрошивши? — дай покрошивши* (*покрошивши* — картошка, нарезанная с огурцом) Шишелево Брусовск. Калин.; *по дверям стукнут, как бы крестят, а без крестивши их не пустят* (из свадебного обряда) Луневщина Гдовск. Пск.; *не возьмешь хлеба, дак без евши и сходишь; целой день без етши работал* Шубяны Верховинск. Кир.;

перекресть — это перекрестивши Зайцева Валкск. Латв.

Таким образом, наш материал не только не подтверждает вывода В. И. Трубинского об утрате русскими диалектными формами на *-ши* их атрибутивного характера [33], но, напротив, свидетельствует

[31] Ср., напр.: Н. Дурново. Указ. соч., стр. 26—27; Е. Кржижкова. Указ. соч. стр. 22.

[32] «Так как причастие есть прежде всего прилагательное, то оно разделяет все свойства прилагательных, в том числе и способность переходить в существительные» (А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 136).

[33] См.: В. И. Трубинский. Балтийские и восточнославянские фор-

о сохранении указанного характера, поскольку формы на *-ши* способны выражать определительные отношения как в пределах словосочетания, так и в предложении — при употреблении в качестве предикативного атрибута в составе сказуемого (см. выше).

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ С СУФФИКСАМИ *-н-*, *-т-*

В данном употреблении краткие формы с суффиксами *-н-*, *-т-* выполняют функцию предикативного атрибута: сочетаясь с непереходными глаголами,— как правило, со значением движения или состояния,— которые выступают в роли связки (см. об этом в соответствующем разделе о формах на *-ши*), они образуют в предложении составное сказуемое.

Для диалектного языка полупредикативное употребление названных форм, по-видимому, не характерно (в наших материалах имеется всего 26 примеров с ними, причем в некоторых случаях, особенно для южнорусских говоров, можно допустить употребление стяженной формы, ср.: *развяза́та хожу* Подгородняя Слобода Суземск. Брян.; *наряжо́ны ходют* Новоселки Каменск. Тул.). При рассмотрении нашего материала в зависимости от формы причастия (изменяемая/неизменяемая) и структуры предложения (двусоставное/односоставное) мы выделяем следующие конструкции: 1) двусоставные предложения с координируемыми главными членами; 2) двусоставные предложения с некоординируемыми главными членами; 3) односоставные предложения.

1) Употребление изменяемых причастных форм в составе сказуемого двусоставного предложения с координацией главных членов спорадически отмечается в разных говорах, но все же 1/3 всех примеров (4 из 12) относится к северо-западной территории, где данные формы широко употребляются в предикативной функции, ср.: [изба] *стоит отво́рена* Ст. Александровка Балаковск. Сар.; *столы собраны стоят* Долговка Лужск. Лен.; *а это что в люльке лежит принесено* Луневщина Гдовск. Пск.; *я рвана ходи́ла* Марьинско Лядск. Пск.; *деньги открыти лежать* Счастливка; (*он*) *ходил обут, одет* Тамбовка Федоровск. Сар. В одном предложении при форме с суффиксом *-н-* в качестве связки употреблена причастная форма на *-ши*: *так мы и оставши не учены*[34] Шамокша. Единично отмечено полупредикативное употребление кратких

мы нечленного действительного причастия в системе глагольных времен. «Вопросы теории и истории языка. Сборник статей, посвященных памяти Б. А. Ларина». Л., 1969, стр. 348—349.

[34] В двусоставных предложениях данной структуры связка, выраженная неизменяемой причастной формой, не может быть координируема с подлежащим, координируема причастная форма — предикативный атрибут.

причастий в фольклоре: *смотрит, а там его обе лошади привязаны к дереву стоят*[35]; *меня хают и ругают, а я хаяна живу*[36].

2) В говорах, употребляющих неизменяемые краткие формы с суффиксами *-н-*, *-т-* в качестве предиката (см. гл. 1 настоящей части работы), отмечается также и полупредикативное их употребление, ср.: *сады стоят оборван* Бахново Дедовичск. Пск.; *такие кучи-то бывают у их* (муравьев) *наволочено* Путятино Вилегодск. Арх.; *изба моего отца рублено стоит* Тонище Фировск. Калин.; *она накрашенось пошла* Георгиевское Белозерск. Вол.; *я уже сплю окутонося* Матенжа Вытегорск. Вол.

Причастные образования на *-нось* передают не только определительные отношения, они приобретают также и обстоятельственный оттенок значения, что́ и вызывает соответствующие комментарии у авторов ответов, ср.: «Причастие на *-н-* употребляется в смысле наречия: *он раньше так жил, не венчанось*» Верхняя Тойма Сольвычегодск. Вол. [37]; *они живут не записаносе* («не расписавшись)» Нюхча Сорокск. Карел.[38]; «Попадаются случаи, когда роль деепричастия играет краткое страдательное причастие прош. времени: *Катька-то замуж вышла тоже не венцяносъ* (не венчавшись)» Онежск. у. Арх. губ. [39]

3) Полупредикативное употребление причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* из односоставных предложений отмечено в инфинитивном и в предложении с главным членом — формой на *-но*: *спать разутось* Радухово Осташкинск. Калин.; *у Шурки было вчера прийдено намазанось* (т. е. Шурка пришел измазанный) Малахово

[35] Н. А. Елохов ский. Сказки, причеты, легенды, поверья и прибаутки Тысяцкой вол. Новоторжского уезда Тверской губ. (1913—1915 гг.). Картотека словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, папка 11, рук. 35-II, стр. 38.

[36] Там же, стр. 76. См. также: «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения». Под ред. В. И. Борковского. М., 1968, стр. 6, 8.

[37] См.: Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 34.

[38] См.: Картотека словарного сектора. Рукописный фонд, рук. 212, стр. 75.

[39] И. М. Калинин. Материалы Турчасовского говора (бывш. Онежск. уезд Арх. губ.). Рукопись, 1933. Картотека словарного сектора Ин-та русского языка. Рукописный фонд, папка 33, рук. 181, стр. 83. — О функционировании в качестве предикативного атрибута неизменяемых причастных форм, как и об употреблении в этой функции координируемых форм с суффиксами *-н-*, *-т-*, см.: З. М. Петрова. Наблюдения над вторыми падежами причастий в памятниках древнерусской письменности и в современных псковских говорах. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1959, т. 202. Кафедра рус. языка и сов. лит-ры. — В этой работе приводятся интересные примеры полупредикативного употребления кратких страдательных причастий на *-но*, *-то* из памятников древнерусской письменности, т. е. употребление их в функции вторых падежей без согласования с первыми (см. стр. 30 и след.). Этот факт заслуживает тем большего внимания, что соответствующие данные из памятников старорусской письменности (XV—XVII вв.), специально исследованных с точки зрения употребления в них вторых косвенных падежей причастия, отсутствуют. См.: «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения», стр. 131.

Бабаевск. Вол. Кроме того, в одном случае структурную основу односоставного предложения образует сочетание связки — полузнаменательного глагола *бывало* с формой на *-то*: *всяко жито бывало* Красный Бор Подберезинск. Вел.

Проиллюстрировав разные случаи полупредикативного употребления кратких причастий с суффиксами *-н-*, *-т-*, остановимся на вопросе о том, какими лексико-грамматическими признаками характеризуется круг отмеченных здесь словоформ, поскольку с этим вопросом связано определение выражаемых ими значений. Большинство словоформ с суффиксами *-н-*, *-т-*, употребляемых в качестве предикативного атрибута, представляет собой образования от глаголов св. вида. В обозначаемом с их помощью признаке имени передается состояние предмета как следствие предшествующего действия. В части примеров (3 из 7) употребление образований от глаголов несв. вида объясняется наличием в предложении отрицательной частицы *не*, вызванным коммуникативными задачами сообщения (см. об этом выше, в разделе, посвященном употреблению форм на *-ши* в функции обстоятельств; ср. также с употреблением форм на *-а-* как предикативного атрибута). Во всех этих случаях мы имеем полную аналогию с употреблением в качестве предикативного атрибута соответствующего круга словоформ на *-ши* [40].

Значение образований с суффиксами *-н-*, *-т-* от глаголов несв. вида, употребленных без отрицания, каждый раз определяется конкретной семантикой лексем, выступающих в составе сказуемого: словоформы *рвана*, *рублено*, сочетающиеся со знаменательным глаголом-связкой в предложениях *я рвана ходила*, *изба моего отца рублено стоит* называют качественный признак имени (вызванный определенным действием); словоформы *жито*, *держано* в сочетании с полузнаменательным глаголом *бывало* обозначают признак имени как процесс, длительность которого подчеркивается семантикой глагола-связки.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает употребление формы на *-то* как предикативного атрибута в следующем предложении: *у его не выпито приехал* (Нос Ефимовск. Лен.) Предикативную основу данного предложения образует форма на *-то* в сочетании с непереходным глаголом-связкой; она распространена сочетанием *у его*, детерминирующим субъект действия. Примечательно же здесь употребление причастия с суффиксом *-т-* для выражения состояния предмета как следствия действия этого же предмета, которое обычно передается формой на *-ши*. Перед нами один из тех случаев проявления безразличия к залоговому признаку причастной формы, которое отмечается и при употреблении полных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* (ср. в ч. III настоящей работы: *они спали выпитые* и т. п.; см. там же объяснение данного явления [41].

[40] Ср.: З. М. Петрова. Указ. соч., стр. 35 и след.
[41] Ср.: А.В. Попов. Указ. соч., стр. 175—176.

НЕПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ С СУФФИКСАМИ *-н-*, *-т-*

В непредикативном употреблении, т. е. в качестве атрибута, краткие причастия с суффиксами *-н-*, *-т-* могут выступать, по-видимому, только в предложениях со сказуемым — экзистенциальным глаголом *есть*, а также в предложениях, структурную основу которых составляет слово *нет* со значением «не имеется» (см. выше соответствующее употребление форм на *-ши*), ср.:

вона, естя у меня курятина варена, я не горазна до обедов-то Красный Бор; *есть у меня еще посолен немножко* (огурцов) Ямок; *Клава! есть у тебя хлеб неприходовано?* Кануновщина Гдовск. Пск.; *есть крестьяне обеспечен* Стуколово Качановск. Пск.; *у нас есть божие матери, матеря есть нарисованы* Дядно Качановск. Пск.; *на кофточку есть не шито еще* (о куске материи) Прягаево Кадуйск. Вол. [42];

нет ли чего послано у его Чидово; *ще нету ни одного стога поставлено дак* Щелейки; *нет красивей придумано у русских* Ременик Вируск. Эст.; *нет на пястки накошен* Навалок Поддорск. Новг. Возможно, что в следующем предложении краткие причастия в неизменяемой форме также функционируют как атрибуты: *им дадут травы привезёно, накошоно* Малетино.

Показанное атрибутивное употребление кратких причастий с суффиксами *-н-*, *-т-*, как и употребление их в функции предикативного атрибута, вполне аналогично соответствующему употреблению причастных форм на *-ши*.

[42] З. М. Петрова в статье «Наблюдения над вторыми падежами причастий в памятниках древнерусской письменности и в современных псковских говорах» к рассмотренному выше явлению, т. е. к атрибутивному, с нашей точки зрения, употреблению форм с суффиксами *-н-*, *-т-* подошла как к употреблению вторых падежей причастий. При этом автор полагает, что во всех приведенных в работе примерах *есть* является глаголом бытия, а *нет* выступает со значением «не имеется». Однако, на наш взгляд, это не во всех случаях так. В следующих предложениях *есть* может быть квалифицировано как связка, а причастная форма, следовательно, — как именная часть сказуемого: *Там фрицкай* (немецкий плуг) *есть исправлина. А то какой-нибуть припуник е ф каво зделана. А ф тябя угуречки есь посажен, дочь?* (З. М. Петрова. Указ. соч., стр. 34—35). Основным содержанием первых двух процитированных из работы З. М. Петровой предложений, по нашему мнению, является сообщение о том, что плуг исправлен, припуник сделан, а суть последнего заключается в вопросе: посажены ли огурцы? Мы не можем понять эти предложения как такие, в которых утверждается наличие имени и связанного с ним непредикативной связью признака, выраженного причастной формой.

Часть II

УПОТРЕБЛЕНИЕ КРАТКИХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Прежде чем описывать синтаксические функции причастных форм типа *наклоня* и типа *умеючи*, представляется необходимым охарактеризовать, насколько это позволяют имеющиеся у нас данные, их употребительность и распространение по говорам. Помимо материалов диалектологических атласов и записей диалектной речи, сделанных специально для настоящей работы в нескольких населенных пунктах, которые по своим говорам относятся к разным группам, мы считаем возможным использовать для указанной характеристики некоторые фольклорные произведения, а именно — публикации народных сказок, записанных также на территории разных говоров.

Исходя из данных диалектологических атласов, можно сделать два предположения: во-первых, что формы на *-а* и на *-учи* в диалектном языке употребляются достаточно редко [1] (с названными формами зафиксировано соответственно $\approx$120 и $\approx$80 примеров); во-вторых, что они функционируют главным образом в говорах, находящихся за пределами изоглоссы регулярного предикативного употребления форм на *-ши* (см. карту 3); в пределах же указанной изоглоссы их употребление чаще отмечается в ладого-тихвинских говорах.

Предположительные выводы, сделанные по материалам диалектологических атласов, подтверждаются данными, которые мы получили по населенным пунктам, специально обследованным для настоящей работы.

Формы на *-а* и на *-учи* по их синтаксическим функциям можно сравнить только с рассмотренными выше формами на *-ши*. По-

[1] Следует, однако, оговориться, что в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.— Л., 1947) не спрашивается об употреблении данных форм, и поэтому приведенные количественные показатели в целом, вероятно, являются заниженными.

этому, чтобы представить себе сравнительную частоту употребления тех и других, мы — на материале говоров девяти населенных пунктов — сопоставили количество примеров, зафиксированных для каждой из форм, не разграничивая синтаксические функции последних. Поскольку, по данным диалектологических атласов, для употребления форм на *-а* и на *-учи* оказалось небезразличным, входят ли они в систему говора, где широко функционируют формы на *-ши* (преимущественно в предикативной функции, см. об этом ч. I нашей работы), или, наоборот — где формы на *-ши* не употребительны, первые четыре избранные нами деревни относятся к территории регулярного предикативного употребления форм на *-ши*, последующие пять расположены за пределами этой территории. В них представлены следующие группы говоров: ладого-тихвинская — Ефремково и Шамокша; новгородская — Ямок; псковская — Замежничье; архангельская — Малетино; онежская — Типиницы; курско-орловская — Счастливка, Торкуновка, Озеривле (географическую приуроченность этих деревень см. во Введении).

Таблица 1

Населенный пункт	Область	Колич. страниц текста	Общее количество примеров			Количество примеров на 2 стр. текста		
			-ши	*-а*	*-учи*	*-ши*	*-а*	*-учи*
Ефремково	Ленинградская	16	173	—	6	≈21,6	—	0,75
Шамокша	Ленинградская	44	298	3	6	13,5	≈0,1	≈0,3
Ямок	Новгородская	80	506	—	—	≈13	—	—
Замежничье	Псковская	12,5	103	—	—	≈17	—	—
Малетино	Архангельская	75	1	1	—	≈0,03	≈0,03	—
Типиницы	Карельск. АССР	68	2	1	—	≈0,06	≈0,03	—
Счастливка, Торкуновка, Озеривле	Орловская	58	13	3	1	≈0,4	≈0,1	≈0,03

Из приведенной таблицы (см. табл. 1) следует: 1) что употребление форм на *-а* и на *-учи* в говорах названных деревень — явление достаточно редкое; 2) что в пределах изоглоссы регулярного предикативного употребления форм на *-ши* оно отмечается в севернорусских говорах ладого-тихвинской группы; в тех же населенных пунктах, которые относятся к среднерусским говорам, образования на *-а* и на *-учи* не зафиксированы (добавим, что эти формы не отмечены в деревнях Колоколово и Кроксово Псковской обл., говор которых изучался для данной работы); 3) что менее распространенными, по сравнению с другими причастными формами, являются формы с суффиксом *-учи*.

Сказанное о характере распространения по говорам кратких причастных форм, образованных от основы глаголов наст. времени, подтверждает, на наш взгляд, следующее положение, рассмотренное во 2-й главе I части: в говорах регулярного предикативного употребления форм на *-ши* последние берут на себя и те функции, которые в остальных говорах могут быть выполнены либо другими причастными формами, либо формами иных классов слов. Это же положение для настоящей части работы может быть сформулировано по-иному: за пределами широкого употребления форм на *-ши* некоторые из выполняемых ими синтаксических функций берут на себя формы на *-а* или на *-учи*, но преимущественно в системах этих говоров формы на *-ши* замещаются другими глагольными формами или же формами слов других классов [2].

Что же касается соотносительной употребительности в отдельных говорах изучаемых форм и образований на *-ши*, то представляется интересным сравнить с приведенными выше соответствующие данные по одному из русских говоров на территории Латвийской ССР, описанному М. А. Новгородовым: автор сообщает, что «из 800 случаев употребления деепричастий... немногим более 1 процента [приходится] на деепричастия с суффиксом *-а*» [3]. Говор старожильческого русского населения Дагдского р-на по ряду фонетических и грамматических черт определяется автором как псковский. Однако мы должны иметь в виду, что этот говор в течение трех столетий находится в иноязычном окружении. Это обстоятельство не могло, по-видимому, не отразиться в частности на его грамматической системе: можно предположить, что есть в ней факты, которыми говор русского старожильческого населения Латвии отличается от говора современных жителей Псковской обл. Иноязычное окружение могло, с одной стороны, вызвать к жизни какие-то новые черты в системе старожильческого говора, с другой — способствовать консервации в нем старых черт. Вероятно, употребление причастных форм на *-а* для грамматической системы этого говора в настоящее время можно рассматривать как

[2] Так, напр., на территории «Атласа русских говоров центральных областей к югу от Москвы» в ряде говоров Тамбовской, Воронежской, Пензенской и Саратовской областей полупредикативные словоформы в сочетаниях типа *ходит разувши*, *раздевши*; *сидит развязавши* заменяются образованиями наречного характера: *ходит разувкой*; *раздевкой* или *раздёшкой*; *сидит развязкой*; *ходит раздеткой*, *разуткой* (последние соответствуют, по-видимому, причастным формам с суффиксами *-н-*, *-т-*).

Некоторые исследователи специально обращают внимание на отсутствие в изучаемом ими говоре деепричастий и описывают способы замещения их глагольными формами, см., напр.: В. Мансикка. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии. — РФВ, т. 68, вып. 2, № 4. Варшава, 1912, стр. 279.

[3] М. А. Новгородов. Образование и употребление деепричастий в старожильческом русском говоре Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Кафедра русск. языка, вып. 9. М., 1959, стр. 372.

архаизм, поскольку в современных псковских говорах на территории РСФСР оно, по свидетельству наших материалов, фактически отсутствует.

Предположение о том, что псковские говоры утратили или утрачивают в системе глагольных форм образования с суффиксом *-а* — формы на *-учи*, им, по-видимому, и ранее были не свойственны (см. приведенную ниже табл. 2),— подтверждается, с нашей точки зрения, и фактами, которые отражены в записях народных сказок, сделанных в 20-е годы XX в. на территории Псковской губ.

Правомерность использования фактов языка произведений устного народного творчества, в частности для русской диалектологии, убедительно доказана, по нашему мнению, в работах А. П. Евгеньевой и И. А. Оссовецкого [4]. Для нас существенными являются следующие высказанные ими положения: «Говор», «диалект» населения, живущего на определенной территории, наряду с различными и разнообразными формами речи, заключает в себе обязательно отработанную, «литературную» речь этого говора, находящую выражение в устном творчестве, которое живет в области распространения этого говора: в прозе (сказке, побывальщине) — более свободную, менее выработанную (разрядка наша.— *Е. Н.*), в поэзии — более совершенную и связанную традицией» [5]. Характеризуя язык бытовой или сатирической сказки, И. А. Оссовецкий пишет: «...Ее язык целиком укладывается в нормы диалекта» [6], а в заключение интересной, как нам представляется, в методологическом отношении статьи «Язык фольклора и диалект» говорится: «В фольклоре, в том числе и традиционном, в значительной степени представлен говор исполнителя, не испытавшего влияния регламентирующих норм литературного языка» [7].

Кроме того, мы можем также сослаться на наш опыт использования фольклорных текстов при изучении одного из диалектных явлений русского языка [8].

Для сопоставления с приведенными выше диалектными данными о сравнительном употреблении причастных форм с суффиксами *-ши*, *-а* и *-учи* (см. табл. 1) были использованы материалы следующих фольклорных произведений: «Сказки и легенды Пуш-

[4] См., напр.: А. П. Евгеньева. О языке фольклора.— РЯШ, 1939, № 4; Она же. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.— Л., 1963, стр. 13 и след.; И. А. Оссовецкий. Язык фольклора и диалект. «Основные проблемы эпоса восточных славян». М., 1958.

[5] А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв., стр. 17.

[6] И. А. Оссовецкий. Указ. соч., стр. 179.

[7] Там же, стр. 190.

[8] См.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах. «Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу». М., 1968.

кинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева» (М.— Л., 1950); «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (М.— Л., 1961); «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова» (М.— Л., 1964). В выборе для наших целей именно сказок мы находим поддержку в приведенных выше положениях о языке фольклора; выбор же их по признаку территориальной приуроченности определялся необходимостью сравнивать между собой записи, отражающие по возможности однородные говоры: избранные нами тексты зафиксированы как на территории регулярного употребления причастных форм на *-ши* (Псковская губ.), так и за ее пределами (все остальные местности, см. табл. 2). К территориям, где были записаны указанные сказки, относятся следующие говоры: среднерусские — западные и восточные («Сказки и легенды Пушкинских мест...»); севернорусские — онежские и архангельские («Севернорусские сказки...»); южнорусские — восточные и западные, среднерусские — восточные («Великорусские сказки...»).

Соотносительные данные об употреблении указанных трех групп форм, представленные в табл. 2, свидетельствуют о следующем: 1) наименее распространены по говорам формы на *-учи*[9]; 2) из числа всех представленных говоров по частоте употребления форм с суффиксом *-ши* выделяются псковские (полученное по данному признаку для тульских и псковских говоров отношение 1 : 2 можно объяснить только очень разной длиной текстов, записанных в Тульской и Псковской губ.: ср. соотношение количества страниц — 8 : 194); 3) для остальных говоров редким является употребление образований не только с суффиксом *-а*, но также и с суффиксом *-ши*, поскольку все эти говоры находятся за пределами изоглоссы регулярного предикативного употребления последних.

Сопоставляя данные таблиц 1 и 2, мы должны помнить, что некоторые различия между ними могут быть отнесены за счет характера источников, из которых извлекался материал для табл. 2 Представляется вполне вероятным, что в «литературном» произ. ведении говора — в сказке — исполнитель ее стремится, например, избежать употребления форм на *-ши*, обычных для бытовой речи окружающего его говора, или — наоборот — свободнее упот-

[9] К сожалению, мы не можем привлечь для определения территории распространения по говорам форм на *-учи* сведения из ответов на специальный вопрос «Программы для собирания особенностей русских народных говоров» («Изв. ОРЯС», т. I, кн. 1. СПб., 1896) об употреблении этих форм, поскольку соответствующий вопрос ставился лишь по отношению к севернорусским говорам. В рукописных материалах, содержащих ответы на указанный вопрос, приводятся примеры употребления образований с суффиксом *-учи* по говорам Архангельской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Тверской, Симбирской, Ярославской губерний (см.: Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 2, 7, 8, 35, 78, 79, 88, 139, 140, 149, 151, 153, 154, 237, 262, 265, 316).

Как свидетельствуют данные наших обеих таблиц, эти формы, хотя и редко, отмечаются также в южнорусских говорах.

Таблица 2

Название источника	Местность, где записаны сказки	Колич. страниц текста	Общее количество примеров			Количество примеров на 2 стр. текста		
			-ши	*-а*	*-учи*	*-ши*	*-а*	*-учи*
Сказки и легенды Пушкинских мест	Псковская губ.	194	97	18	—	1	≈0,09	—
	Нижегородская губ.	62	9	7	—	≈0,3	≈0,2	—
Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова	Заонежье	82	9	11	—	≈0,2	≈0,3	—
	Пинега	111	2	15	—	≈0,03	≈0,3	—
Великорусские сказки в записях И. А. Худякова	Рязанская губ.	140	15	7	6	≈0,2	≈0,1	≈0,09
	Тульская губ.	8	2	1	—	0,5	0,25	—
	Орловская губ.	5	1	—	—	0,4	—	—
	Московская губ.	11	3	—	—	≈0,5	—	—
	Нижегородская губ.	21	2	—	—	≈0,2	—	—

реблять причастные формы, обыденной разговорной речи не свойственные. С этих позиций можно было бы объяснить соотношение 1 : 17, полученное для употребления форм на *-ши* в псковских говорах по фольклорным материалам и нашим современным записям (в д. Замежничье), а также — сравнительно более частое употребление по говорам форм с суффиксом *-а*, как оно отражено в фольклорных произведениях. Но можно предположить и другое: употребление форм с суффиксом *-ши* в современных псковских говорах — явление продуктивное, развивающееся, в то время как формы на *-а* для диалектного языка в целом представляют собой явление непродуктивное, уходящее из употребления. Основное же значение приведенных таблиц состоит в том, что они обе — в большей или меньшей степени — отражают, по-видимому, объективную картину употребления по говорам причастных форм (иногда их цифровые показания абсолютно совпадают, хотя выводились они независимо друг от друга,— ср. данные обеих таблиц о количестве примеров употребления форм на *-ши*, приходящемся на каждые две страницы текста, по пинежским и орловским говорам).

Описание синтаксических функций кратких причастных форм с суффиксами *-а* и *-учи* мы начнем с функции предиката, поскольку такой порядок рассмотрения материала принят для всех частей нашей работы. Однако следует иметь в виду, что специфика данных форм состоит не в предикативном их употреблении, чем и обусловлен объем следующей главы.

Глава 1

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

1. Формы с суффиксом *-а* как предикат в современных говорах, видимо, почти не употребляются. Так, в материалах диалектологических атласов имеется всего один пример с предикативной формой на *-а*: *печку истопили, лежанку не топя́* Костино Талдомск. Моск. (Однако следует иметь в виду, что программа для составления диалектологического атласа русского языка соответствующего вопроса не предусматривает.) Нет указаний на предикативную функцию данных форм и в тех печатных работах, которые характеризуют их употребление при описании конкретных говоров [1]. Правда, такое употребление названных форм наблюдается в говоре переселенцев из б. Орловской губ. (переселение относится к началу XIX в.) в Одесскую, описанном И. Ф. Нелюбовой. Автор указывает на лексическую ограниченность форм на *-а* в данном употреблении: это словоформы *растворя́*, *отворя́*, *разоря́*, *заморя́*, *зажмуря́*, *прижмуря́*, *отделя́* (*отделиться*) в предложениях типа *хата растворя́; у нас печка разоря́; сам зажмуря́; по́сля абе́да сильма́х бу́дить аткры́вшы, нонча ни бу́дить сильма́х атворя́; пришо́л яво́ брат ста́ршай, а йо́н уже был аддоля́;... ла́вка была затворя́* [2]. Здесь же приводятся примеры *суп недосоля*, *картошка*

[1] См., напр.: Н. Д у р н о в о. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903; В. Ф. С о л о в ь е в. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии. «Сб. ОРЯС», т. 77, № 7. СПб., 1904; И. Т. С м и р н о в. Кашинский говор. «Сб. ОРЯС», т. 77, № 9. СПб., 1904; В. М а н с и к к а. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. «Изв. ОРЯС», т. 17, кн. 2. СПб., 1912; И. М. К а л и н и н. Материалы турчасовского говора (бывш. Онежск. уезда Арх. губ.). Рукопись, 1933. Картотека словарного сектора Ин-та русского языка, папка 33, рук. 181; В. В. З е м с к а я. Синтаксическое употребление деепричастий в современных южнорусских и среднерусских говорах. «Фольклорно-диалектологический сборник Челябинского гос. пед. ин-та». Кафедра русск. языка и лит-ры. Челябинск, 1953; М. А. Н о в г о р о д о в. Образование и употребление деепричастий в старожильческом русском говоре Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Кафедра русск. языка, вып. 9. М., 1959.

[2] И. Ф. Н е л ю б о в а. К вопросу о значении и употреблении деепричастий в южновеликорусских говорах. «Наук. зап. Станіславського пед. ін-ту». Іст.-філол. серія, т. 1. Київ, 1956, стр. 118 и след.

пересоля, зафиксированные в Брянской обл., на основании чего предполагается, что данное явление не чуждо вообще южнорусским говорам [3]. Однако это предположение не подтверждается ни материалами говоров тех населенных пунктов Орловской обл., синтаксис которых специально изучался для данной работы (см. о них во введении), ни нашими личными наблюдениями синтаксиса некоторых южнорусских говоров [4], ни свидетельствами известных нам работ по южнорусским говорам [5]. Поэтому можно думать, что указанное явление лишь спорадически отмечается в отдельных говорах. Нет у нас бесспорных примеров предикативного употребления образований с суффиксом *-а* и из фольклора [6].

Ввиду того, что у нас отсутствует материал, на основании которого можно было бы судить о характере и значении предикативных форм на *-а*, мы можем здесь сослаться лишь на работу И. Ф. Нелюбовой. Отметив лексическую ограниченность названных форм и образование их от глаголов св. вида, автор делает следующий вывод о значении причастных форм в конструкциях

[3] См.: И. Ф. Нелюбова. Указ. соч., стр. 121.

[4] Во время диалектологических экспедиций, целью которых было собирание материалов для атласов русских говоров, мы имели возможность наблюдать синтаксис диалектной речи жителей Смоленской, Калужской и Курской обл., и ни в одном из этих говоров не было отмечено предикативного употребления причастных форм на *-а*.

[5] См., напр.: Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование, словарь. СПб., 1904; П. Тиханов. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии. «Сб. ОРЯС», т. 76, № 4. СПб., 1904; М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. «Сб. ОРЯС», т. 76, № 5. СПб., 1904; Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. «Сб. ОРЯС», т. 99, № 6. Пг., 1922; «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. XI. «Сб. ОРЯС», т. 99, № 3, Пг., 1922; Н. П. Гринкова. Воронежские диалекты. (Докт. дисс.) «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 55. Л., 1947; Н. М. Мешковская. Синтаксические явления в моршанских говорах Тамбовской области. (Канд. дисс., рукопись). М., 1950; О. Г. Гецова. Говор села Катагощи. (Канд. дисс., рукопись). М., 1952; В. В. Земская. Указ. соч.; В. А. Иванова. Простое предложение в говорах Брасовского района Брянской области (Канд. дисс., рукопись). Л., 1953; В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах (По материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961.

[6] В. И. Чернышев в тексте сказки «О верной жене», записанной в Болдинском р-не, определяет ряд словоформ типа *думая*, *обращая*, *учитывая* и т. п. как деепричастия и считает, что они у данного рассказчика имеют значение сказуемого (см.: «Сказки и легенды Пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева». М.—Л., 1950, стр. 131). Однако нам представляется, что здесь приняты за деепричастия формы 3-го лица ед. числа глаголов в наст. времени — с утратой конечного *-т* и фонетически измененным заударным *е*. Приведем некоторые примеры: *Ну, как он был холост, отцу и матери было прискорбно, что он холост, так как они были преклонных лет. Уговаривая его и склоняя его всеми, как это сказать, чувствами к супружеству* (стр. 131); *Является к нему, и он с нетерпением ей предлагая прежние вопросы* (стр. 135); *И так почтительно впускает кучера, и не обращая внимания на всадника, помогая кучеру выпрягать лошадей* (стр. 138).

типа *хата растворя, сам зажмуря*: «По своему значению эти деепричастные формы, употребляясь в роли сказуемого, близки к страдательным причастиям прошедшего времени» [7].

2. Как и формы на *-а*, причастные формы с суффиксом *-учи* могут выполнять в современных говорах предикативную функцию, по-видимому, так же весьма ограниченно: в материалах диалектологических атласов есть всего несколько примеров (мы их все приводим), которые записаны на территории некоторых севернорусских (главным образом вологодских) и западных южнорусских говоров, ср.: *я у их живучи* Логовичи Лодейнопольск. Лен.; *я ведь старуха-то умеючи, только ребенка не носила — это не умеючи* Пестовы Котельническ. Кир.; *ты не пиваючи что ли?* Б. Ковали Свечинск. Кир.; *бражку изладить крепкую, чтобы с ног сшибаючи была* Толкуново Кайск. Кир.; *он рыбу глушучи все лето* Новая Дубовка Красногорск. Брян.; *сегодня я хвораючи* Почтенное Дмитриевск. Кур.; *она* (Красивая Мечь) *впадаючи в Дону* Еременка Сафоновск. Тул.

Если сравнить эти примеры с аналогичным употреблением причастных форм на *-а*, описанным И. Ф. Нелюбовой, то нельзя не отметить прежде всего тот факт, что все словоформы с суффиксом *-учи* представляют собой образования от глаголов несовершенного вида, в то время как приведенные выше словоформы с суффиксом *-а* образованы от глаголов совершенного вида. Общим для тех и других форм является структурный тип предложения: они выступают в качестве сказуемого двусоставных предложений. Что же касается грамматического значения, то оно для каждой группы форм связано с их принадлежностью к глаголам св. или несв. вида: формы на *-а* — образования от глаголов св. вида — определяют предикативный признак имени — состояние предмета, обозначенного соответствующим именем, как следствие совершенного в прошлом действия [8]; формы на *-учи* — образования от глаголов несв. вида — обозначают предикативный признак имени, протяженный во времени, т. е. передают, по-видимому, значение действия — признак активный, который обычно передается глаголом. Особенно ярко значение процессуальности выступает в тех случаях, когда предикативная основа предложения, состоящая из имени и причастной формы на *-учи*, распространяется детерминирующим обстоятельством времени — ср.: *сегодня я хвораючи*,— или когда при этом причастная форма, подобно глаголу, еще и управляет именем в вин. падеже — *он рыбу глушучи все лето*.

Однако, выступая в предложении подобно глаголу, т. е. передавая значение действия, формы на *-учи* не утрачивают того из

[7] И. Ф. Нелюбова. Указ. соч., стр. 119.

[8] На основании примеров, приведенных И. Ф. Нелюбовой, можно думать, что эти формы не всегда выступают со значением страдательных причастий, ср., напр., в таких предложениях: *сам зажмуря*; *...йон уже был аддяля*.

специфических признаков причастий, который сближает их с именем прилагательным,— значение качественной характеристики, передающей определительные отношения. Это значение наиболее отчетливо выступает в таких предложениях, как *я ведь старуха-то умеючи* (т. е. какая?); или ... *чтобы с ног сшибаючи была* (о бражке). Следует также заметить, что данные причастные формы могут иметь значение наст. или прош. времени — в зависимости от контекста [9]. Вероятно, чаще им свойственно выражение признака, актуального все же для настоящего времени. Слишком незначительное количество примеров их предикативного употребления не позволяет, однако, сделать на этот счет какие-либо определенные выводы.

Наконец укажем, что в фольклорных материалах, использованных для настоящей работы, формы на *-учи* в предикативной функции не зафиксированы (напомним, что всего в них приведено шесть примеров с этими формами, записанных в Рязанской губернии, т. е. на территории восточных южнорусских говоров, а по данным диалектологических атласов предикативное употребление форм на *-учи* отмечается в западных южнорусских говорах). Правда, в фольклорных источниках иного жанра — в былинах, записанных на территории севернорусских говоров, мы отметили некоторые примеры соответствующего употребления, но и они не являются бесспорными, ср.: *Приезжает он ко меньшой реки... Он нашел тут тридцать три богатыря. Он с добра коня слозовающи* (так!), *Он ниской поклон им воздавающи: Уш вы здрастуйте, донъски казаки!* Пинега [10]; *День тот едут не доедучись, А другой едут не видаючись, А на третий-то день доезжаючись* Пудога [11].

[9] Ср.: F. T r á v n í č e k. Historická mluvnice česká, III. Skladba. Praha, 1956, стр. 180 и 182. — Автор, определяя конструкции типа žena nesuci для древнечешского языка как именные, считает, что предикативные формы могут обозначать любое из трех времен глагола в индикативе.

[10] «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.,» т. I, ч. 2. М., 1904, стр. 339.

[11] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». СПб., 1873, стр. 339.

Глава 2

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОЕ И НЕПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

Для диалектного языка полупредикативное употребление форм с суффиксами *-а* и *-учи* не характерно. Об этом в какой-то мере может свидетельствовать и количественное отношение имеющихся у нас предложений с полупредикативными формами к общему числу случаев их употребления: оно равно $\approx 1 : 10$. Однако и при столь редком полупредикативном употреблении данные формы отмечаются в тех же функциях, что и рассмотренные выше формы на *-ши* (см. вторую главу I части), а именно — в функции предикативного атрибута, распространенного и нераспространенного детерминирующего обстоятельства.

ФУНКЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО АТРИБУТА

1. В составе предикативной основы предложения формы на *-а* сочетаются чаще, по-видимому, с непереходными глаголами (что́ характерно для форм с суффиксом *-ши* — предикативных атрибутов, см. об этом ч. I, гл. 2), но иногда в качестве связки употребляются и переходные глаголы, ср.: *дверь стоит отворя* Бабынино Белевск. Тул.; *заголя идет* Суворово Золотовск. Сар.; *сила курей подохла не кормя* (т. е. не будучи кормленными) Никольское Белгородск. Белг.; в говоре русских переселенцев из Мценского уезда Орловской губ. в Одесскую: *По́лькя сиди́ть зажмуря́*; *платбчка не́ была и ряшы́ли игра́ть зажмуря́; са стяпу́ приду́ть замаря́* и: *ади́н глас ме́ньшы, ана́ яво́ де́ржыть зажмуря́* [1]; *корову не доя спустила* Раменье Большесельск. Яр.; *коров гоняет не доя* Покасс Ширингушск. Морд.

[1] И. Ф. Н е л ю б о в а. Указ. соч., стр. 119.
Среди примеров образования форм на *-а* от глаголов св. вида, приводимых С. П. Обнорским из фольклорных источников, в следующих причастная форма является предикативным атрибутом, и сочетается она с переходным глаголом: *что ты... повеся держишь буйну голову, потупя держишь очи ясныя.* См.: С. П. О б н о р с к и й. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 223.

Значение причастных форм — предикативных атрибутов обусловлено, во-первых, тем, от глаголов какого вида данные формы образованы, во-вторых — переходностью или непереходностью соответствующих глаголов. В тех случаях, когда причастная форма образуется от непереходного глагола св. вида, она обозначает состояние предмета как следствие действия, произведенного самим предметом, испытывающим данное состояние (*заголя идет*, *сидит зажмуря* — от глаголов *заголиться*, *зажмуриться*); в случаях же образования причастной формы от переходного глагола св. вида она обозначает состояние предмета, которое явилось результатом действия другого предмета (*дверь стоит отворя*, *она его* [глаз] *держит зажмуря* — от глаголов *отворить*, *зажмурить*). Для образований от глаголов св. вида, таким образом, характерно, что обозначаемое ими состояние предстает как результат предшествующего ему действия. Образования же от глаголов несв. вида передают состояние, вызванное определенным действием, не отнесенным обязательно к прошлому. Однако значение форм, образуемых от глаголов несв. вида, меняется при употреблении их с отрицательной частицей: сочетание последней с глагольными формами нейтрализует их видовые различия (см. об этом ч. I, гл. 2). Тот факт, что в двух приведенных выше примерах употреблены образования от глаголов несв. вида, объясняется наличием при их отрицательной частицы, когда для русского глагола обычной является именно форма несв. вида. Поэтому о сочетаниях *не доя*, *не кормя* можно сказать, что каждое из них обозначает состояние предмета как следствие не совершившегося в прошлом действия, т. е. по существу мы не видим здесь принципиального отличия от значения, выражаемого причастными формами глаголов св. вида. Этот вывод представляется важным для общей характеристики причастных форм на *-а*, выступающих в функции предикативного атрибута, как таких, для которых существенна связь с глаголами совершенного вида: эти образования обладают бóльшими возможностями выражать качественную характеристику предмета [2].

[2] В. В. Виноградов по отношению к причастиям русского литературного языка заметил, что особенно легко в круг форм с качественным значением включаются «формы причастий с отрицанием *не-*, придающим слову ярко выраженный оттенок потенциального качества...» — см.: В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947, стр. 273—274.

В цитированной работе И. Ф. Нелюбовой приводится (к сожалению, без контекста) один пример образования формы на *-а* от глагола несв. вида, употребленного с отрицанием — *ни пая́* (гл. *поить*), см.: И. Ф. Нелюбова. Указ. соч., стр. 118.

Ср. также перечень деепричастий на *-а* несв. вида, употребляемых в литературном языке с отрицанием: В. И. Чернышев. Отрицание «не» в русском языке. Материалы для словаря русского языка. Л., Изд-во АН СССР, 1927, стр. 5—6.

Для синтаксических отношений, которые обнаруживает причастная форма как предикативный атрибут, не безразличным является разграничение глаголов-связок по их принадлежности к переходным или непереходным: в сочетании с непереходными глаголами, преимущественно движения или состояния, причастная форма является признаком подлежащего, в сочетании с переходными — признаком дополнения (см. приведенные примеры). Характеристика глаголов, с которыми сочетаются в диалектном языке причастные формы, выполняющие функцию предикативного атрибута, дается в ч. I, гл. 2 при описании соответствующего употребления форм с суффиксом *-ши*. Здесь мы сошлемся лишь на то, что «связка обозначает характер существования признака...; замена одной связки другой означает изменение и характера существования признака» [3]. Возможность сочетания форм на *-а* преимущественно с непереходными глаголами, а именно — глаголами движения или состояния, свидетельствует о проявлении в этих случаях у причастных форм признаков, которые сближают их с именами прилагательными: на первый план выступают определительные отношения, которыми характеризуется причастная форма как член составного сказуемого [4]. Для данного функционирования причастных форм в составе сказуемого существенно замечание А. А. Шахматова о том, что глаголы движения и состояния «могут иметь при себе в качестве второго сказуемого название пассивного признака» [5].

2. В отличие от причастных форм с суфф. *-а*, формы с суфф. *-учи* в качестве предикативного атрибута сочетаются только с переходными глаголами и, следовательно, они являются в предложении признаком дополнения, ср.: *сидячи нашли* (мертвую) Шамокша; *а умрет, так сидючи положу* Б.Кольки (Сур-Колкья) Тартуск. Эст.; *его вдень бачили из стада идучи* Сенча Суражск. Брян.

Указанное обстоятельство связано с тем, что формы на *-учи* образуются почти исключительно от глаголов несв. вида и передают признак имени как процесс, т. е. обозначают активный признак. Формы на *-учи* могут употребляться в предложениях и с непереходными глаголами, но при этом меняется синтаксическая функция причастных форм, и они, как правило, утрачивают значение процессуального признака (см. ниже).

[3] М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале истории немецкого языка). «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 346.

[4] Употребление связочных непереходных глаголов в конструкциях типа *он пришел веселый* А. М. Пешковский объясняет тем, что «непереходный глагол, как ни с чем, кроме подлежащего, в предложении не связанный, легче может вступать в связь с прилагательными, чем переходный, для которого эта связь явится уже добавочной и второстепенной» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 251).

[5] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 182.

Употребление форм на *-учи* в качестве предикативного атрибута — явление, для диалектного языка в целом чуждое (мы привели все примеры, имеющиеся в материале диалектологических атласов). Возможно, что прежде оно было свойственно некоторым (по-видимому, преимущественно севернорусским) говорам: в материалах Московской диалектологической комиссии (МДК) имеются соответствующие примеры из говоров Вологодской [6], Архангельской, Костромской, Новгородской, Олонецкой, Ярославской губ. [7]

Соответствующее употребление форм типа *сидючи*, *поедучись* нашло отражение в языке севернорусских былин, и этот факт привлек к себе внимание исследователей уже во второй половине XIX — начале XX в. [8] Мы не будем здесь цитировать те примеры из фольклорных произведений, которые имеются в указанных трудах Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Л. Л. Васильева и других. Приведем в дополнение к ним лишь один — из записей А. А. Шахматова в Олонецком крае: *вы не учите гоголя по воды плавучи, а меня храброго богатыря с татарами биючи* [9].

С точки зрения синтаксической функции, причастные формы в этих конструкциях разными исследователями интерпретируются по-разному: Ф. И. Буслаев называет их независимыми деепричастиями [10], А. А. Потебня — формами, заместившими второй, или предикативный вин. падеж, т. е. зависимыми [11]. Исследователи языка фольклора — наши современники также различаются в своем толковании функции причастных форм, сочетающихся с переходным глаголом — сказуемым предложения и относящихся к имени в вин. падеже — дополнению. Например, И. А. Оссовецкий, определяя указанные обороты как «синтаксические архаизмы, сохранившиеся в песенном языке лишь в силу поэтической традиции», роль форм на *-учи* рассматривает как «своеобразную предикативную функцию» [12]; О. И. Богословская, ссылаясь на

[6] См.: Ответы на программу МДК. «Сб. ОРЯС», т. 87. СПб., 1910, стр. 54, 88.

[7] См.: Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 2, 7, 8, 78, 140, 151, 154, 316, а также — ф. 134, оп. 1, № 225: А. А. Шахматов. Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. (Рукопись), л. 21 об.

Напомним, что вопрос об употреблении образований с суффиксом *-учи* имелся только в программе, относящейся к севернорусским говорам.

[8] См.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 536; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 312 и след.; Л. Васильев. Язык «Беломорских былин». «Изв. ОРЯС», т. 7, кн. 4. СПб., 1902, стр. 41; и др.

[9] А. А. Шахматов. Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. (Рукопись). Архив Акад. наук, ф. 134, оп. 1, №225, л. 21 об.

[10] См.: Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 536.

[11] См.: А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 313.

[12] И. А. Оссовецкий. Об изучении языка русского фольклора. — ВЯ, 1952, №3, стр. 105.

«Синтаксис русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского, называет их употребление независимым [13]. В нашем определении данных форм как предикативных атрибутов мы опираемся на мнение, высказанное А. А. Потебней.

В применении к языку песенного фольклора, а также по отношению к абсолютному большинству говоров мы можем, вслед за И. А. Оссовецким, назвать изучаемые нами конструкции синтаксическим архаизмом. Тем более, что автор статьи «Язык фольклора и диалект», отметил весьма показательный факт утраты причастных форм в речи исполнителей былин: один и тот же сказитель, употребив сначала причастную форму (...Сквозь воду увидел *пекучись* красное солнышко...), десять лет спустя заменил ее формой глагола в наст. времени (А увидел — скрозь воду *пекет* красно солнушко) [14]. Есть, однако, говоры, где употребление формы на *-учи* в качестве предикативного атрибута — живое явление и для настоящего времени. Об этом свидетельствуют данные О. И. Богословской, записавшей в одном из современных онежских говоров следующие примеры: *Максимова не видела идутчи*; *было слышно идутчи* (корову); *увидишь парохот оттуда выдутчи, дак надо ехать* [15]. Незначительное количество приведенных предложений (в которых обращает на себя внимание лексическая ограниченность образований на- *учи*) не позволяет сделать какие-либо дополнительные выводы о рассмотренной функции причастных форм. Лишь специальное и интенсивное изучение говоров в этом отношении может дать необходимый материал.

ФУНКЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Детерминируя обстоятельственные отношения, причастные формы распространяют, как уже говорилось, предикативную основу предложения в целом (см. вторую главу первой части настоящей работы). Причем полупредикативными они бывают в тех случаях, когда обозначают обстоятельственный признак как процесс, или — говоря иначе — когда они являются предикативными обстоятельствами [16]. Процессуальность обстоятельственного признака более или менее отчетливо проявляется при распространении

[13] О. И. Богословская. Синтаксические диалектизмы в языке былин сказителей Рябининых. «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», т. XV, вып. 1. Пермь, 1959.

[14] И. А. Оссовецкий. Язык фольклора и диалект. «Основные проблемы эпоса восточных славян». М., 1958, стр. 183.

[15] О. И. Богословская. Указ. соч., стр. 73.

[16] См., напр.: Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр. 75; Н. Н. Дурново. Повторительный курс грамматики русского языка, вып. 4. Синтаксис, ч. 1. М. —Л., 1929, стр. 24.

причастных форм, но именно такое употребление рассматриваемых образований диалектной речи по существу не свойственно [17].

1. Формы с суффиксом *-а* — предикативные обстоятельства представлены в наших материалах единичными примерами. При определении данной функции прежде всего выделяются следующие признаки (в их совокупности): распространение причастной формы, образование ее от глагола несв. вида и употребление в предложении без отрицания, ср.: *я измучился по нем ходя* Васильково Кесовогорск. Калин.; *дремлю сидя у стола* Расховецк Уколовск. Белг. Если же причастная форма образована от глагола св. вида или при образовании от глагола несв. вида есть отрицание, существенным является также характер распространения причастной формы: при сильном управлении (именем в вин. падеже) значение действия выступает явственнее, при слабом оно почти стерто. Приведем имеющиеся у нас примеры: *вижу, голову загня, четыре лося* Дуброво Горецк. Калин.; *не топя печку молотили* Борок Буйск. Костр.; *не заходя в дом пошла* Кириловское Рыбинск. Яр.; *береза прислоня к земле стоит* Грибанова Гора Коношск. Арх. В последнем предложении причастная форма выступает не только с обстоятельственным, но и с определительным значением (т. е. сочетание *прислоня к земле* может отвечать не только на вопрос «как стоит береза?», но и «какая береза?»). Эта двойственность значения причастной формы связана, по-видимому, с тем, что она входит в предложение со сказуемым — непереходным глаголом с семантикой состояния (в разделе о предикативном атрибуте говорилось, что роль связки при форме на *-а* чаще выполняют непереходные глаголы движения или состояния). Вероятно, перед нами один из тех случаев диффузности семантики причастной формы — детерминанта в двусоставном предложении с глагольным сказуемым, о которых говорилось и по отношению к форме на *-ши*.

Сравнительно с бытовой, непринужденной диалектной речью, в языке фольклора распространенные причастные формы — детерминанты встречаются чаще. Этот факт, объясняемый спецификой языка фольклора как художественного произведения, вместе с тем свидетельствует, по-видимому, о более частом употреблении соответствующих структур в бытовой диалектной речи прежнего времени [18]. Приведем некоторые иллюстрации из сказок, записанных на территории разных говоров: *Колдун, конешно, видя перед*

[17] Ср., напр.: Н. М. Мешковская. Пути и способы воздействия норм литературного языка на говоры Моршанского района Тамбовской области. «Уч. зап. Армавирского гос. пед. ин-та», т. 1. Армавир, 1957, стр. 120.

[18] Ср. наблюдения И. А. Оссовецкого над языком фольклора в области фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики: «Эти архаизмы, вышедшие из употребления в разговорной речи, удерживаются в фольклоре и ... начинают играть роль художественного средства, в известной степени формируя «высокий» стиль фольклора, отличный от обычного разговорного стиля» (И. А. Оссовецкий. Язык фольклора и диалект, стр. 178):

собой генерала, хотя частично растерялся, говорит генералу... Тубозеро, Заонежье; *В перву очередь царица, не уверяясь этих жиров, дала собаке, а во вторую очередь горничной; Узная это, братья ненависть со стороны школьников, заявили отцу; Идя дорогой, привернули к кузнецу; Увидя такого богатыря, она сделала ему 12 верст туман* Сура, Пинега Арх. [19]; *Итак, находяся он в столичных городах, поимел себе товарищей; Придя домой, ну, жалко ей этих денег, думает: как мне их взять*?; *Пройдя две станции, нанялся на постоялый двор за дворника* Б. Болдино Лукояновск. Нижег.; *Тогда охотник, обращаясь к солдату, говорит* Стеги Бежаницк. Пск. [20]; *Но он ей рассказал все подробно, любя ее* Селино Веневск. Тул. губ. [21]

На вопросе о том, какие именно обстоятельственные значения передаются распространенной причастной формой — детерминантом, целесообразнее остановиться после рассмотрения соответствующей функции форм на *-учи* и после характеристики некоторых других случаев полупредикативного употребления причастных форм с обстоятельственным значением.

2. Формы на *-учи*, употребляемые в качестве распространенного детерминанта, образуются почти всегда от глаголов несв. вида. Процессуальность признака детерминирующих обстоятельств для них так же характерна, как она характерна для определительного признака предикативного атрибута — форм на *-учи*, ср.: *обнаружили мину, в нашу деревню едучи* Гимрека; *устала до смерти, в байне моючи* Давыдовская Винницк. Лен.; *хозяева-то не заметили, крадучи хлеб* Ольгово Галичск. Костр.; *жалеючи тебя пришла* Шахово Судиславск. Костр.; *поминаючи ее говорила* Голодаево Зуевск. Кир.; *устала, гостей подчуючи; ногу досадила, гряды копаючи; печь растопляючи плакала* Муромля Петрозаводск. Олон. [22]

В фольклоре распространенные формы на *-учи* чаще, по-видимому, употребляются в произведениях песенного характера (былина, частушка...), чем в бытовой сказке. Приведем некоторые иллюстрации: *А уж я тебя наладила бы, тебя жалеюци* Космозеро Заонежье[23]; *Не хвастай, змея, к мосту идучи, а похвастай, змея, от моста идучи* Дерегузово Заонежье [24]; *И как мне дожи-*

[19] «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова». М. —Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 106; 126—128.—Следует учесть, что последние четыре примера извлечены из сказки, записанной в Суре за грамотным рассказчиком, крестьянином 29 лет.

[20] «Сказки и легенды Пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева». М.—Л., 1950, стр. 131, 135, 136, 262.

[21] «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова». М. —Л., изд-во «Наука», 1964, стр. 245.

[22] Ответы на диалектологическую программу. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 154.

[23] «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова», стр. 51.

[24] Там же, стр. 82—83.

вать мой горький век, лица твоего не видаючи, ласковых речей твоих не слыхаючи [25]; *Нигде не бываючи и не живаючи По чужим по сторонушкам Жила бедная сиротушка* Барские Кусони Батецк. Новг.; *Признобило ноженьки До ключика идучи, Прихватило рученьки Свежу воду черпучи* Новг. [26]; *Саша с Машей речи бают, С поля идучи домой...; Все я глазки проглядела, Дружка дожидаючи, Всем подружкам надоела, Его вспоминаючи* Оятск. Лодейнопольск. окр. [27]; (Катерина Викулична)... *насыпала коню белояровой пшены, Пойдучи от коня поклонилася* Повенец; *И спят добры молодцы высыпаются, Темную ночь коротаючись; На эти он речи не взираючись, И спущает стрелочку каленую; Не доедучи Индеи богатыя, Выстали на гору на высокую* Кижи; *Да помутилисе у мня-де очи ясные, Да смотрячись-де на красоту Чурилову; Да и выпей ту чашу руды, Стоючись перед Звягой царем; Он мечет палку ту под облаки, До земли не допускаючи* Кенозеро [28]; *Сватался на Домнушке князь Митрей Васильевиць По три зимы, по три летика, От окошечка не отойдуцись, От воротець не отъедуцись* Нюхча; *Приутихли-приумолкли круты красны берешки, Гляжуцись-смотрицись да во чисто полё* Колежма Поморский край [29].

Проиллюстрировав употребление форм на *-учи* в качестве распространенного детерминирующего обстоятельства, далее все вопросы, связанные с указанной функцией, мы будем рассматривать одновременно для обеих групп форм.

Из приведенных примеров видно, что и формы на *-а*, и формы на *-учи* являются детерминантами двусоставных предложений с глагольным сказуемым. Единично отмечено употребление формы на *-а* как детерминанта в двусоставном предложении со сказуемым — кратким страдательным причастием: (он) *был выслан лишая прав* [30]. Однако, поскольку детерминанты могут распространять предложения разной структуры (см. об этом выше в гл. 2— в разделе о полупредикативном употреблении форм на *-ши*), причастные формы в этой функции употребляются и в односоставных предложениях — инфинитивного или наречного, а также спря-

[25] С. А к с а к о в. Аленький цветочек. Цит. по картотеке словарного сектора Ин-та русского языка АН СССР (Ленинградское отд.).

[26] «Материалы по народной словесности и языку, собранные в Новгородской губернии». Архив Акад. наук, ф. 216, оп. 10, № 110, л. 5.

[27] «Деревенские частушки Лодейнопольского округа Оятского (б. Шапшинского) района, собранные и записанные в период времени с 1912 по 1925 г.». Рукописный отдел БАН, шифр 45.7. 43, стр. 25,43.

[28] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». СПб., 1873, стр. 148, 563, 567, 782; 1064, 1129, 1200.

[29] «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I, ч. 1. Поморье. М., 1904, стр. 51, 79.

[30] С. Е р е м и н. Характеристика народных говоров по р. Костроме. «Труды Костромского науч. о-ва по изучению местного края», вып. 41. 4-й Этнографический сборник. Кострома, 1927, стр. 11.

гаемо-глагольного типа [31], ср.: *мимо ходучи лошадь-то запрягать* Ворона Кикнурск. Кир.; *на лодке едучи его можно догнать* Муромля Петрозаводск. Олон.[32]; *пъгл'ад'á на нáс тък нáдъ знáт'| штó н'а л'бккъ; тáк нал'з'á | а уш нъ машы́ны с'и́д'а мóжнъ* [33]; *немного посидя в саду, ему стало скучно* Сура, Пинега [34]; *Живучи одной головой, и обед варить неловко; Живучи в Москве, пожить в тоске; Говоря про людей, устанется, а слушая про себя достанется* [35].

Общим для обеих групп форм является также вопрос о категории времени. Образования от глаголов св. вида, употребляемые в говорах, определялись как деепричастия со значением прош. времени еще в конце XIX — начале XX в. [36] Наравне с видом, в этом определении решающую роль играет и контекст: при его помощи устанавливается временна́я соотносительность причастной и глагольной формы — сказуемого. В данном случае нам представляется правомерным сближение с деепричастиями литератур-

[31] Напомним, что в данной работе принята типология простых предложений, разработанная Н. Ю. Шведовой, см.: Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). «Русский язык. Грамматические исследования». М., изд-во «Наука», 1967.

[32] Ответы на диалектологическую программу. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 154.

[33] М. А. Новгородов. Образование и употребление деепричастий в старожильческом русском говоре Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Кафедра русск. языка, вып. 9. М., 1959, стр. 388.

[34] «Северорусские сказки в записях А. И. Никифорова», стр. 130.

[35] П. Глаголевский. Синтаксис языка русских пословиц. — ЖМНП, 1871, т. 46, июль, стр. 347, 380, 763.

Представляется интересным сопоставить следующие два факта, касающиеся литературного языка: если в первой половине XIX в. употребление деепричастных оборотов в односоставных предложениях нормативной грамматикой не допускалось (ср.: «Нельзя сказать... *Играя в карты, можно потерять здоровье. Зная грамматику, непозволительно ошибаться. Мне жаль, видя, как вы страждете.* — Н. И. Греч. Чтения о русском языке, ч. II. СПб., 1840, стр. 266), то сто лет спустя А. А. Шахматов приводит достаточное количество примеров употребления в литературном языке распространенных деепричастий, относящихся к односоставным предложениям тех же типов, которые названы выше по отношению к диалектному языку (см.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 127, 128).

[36] См., напр.: М. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878, стр. 251; Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903, стр. 190.

Ср. также замечание А. Х. Востокова: «В употребление вошло давать деепричастиям прошедшего времени глаголов совершенных окончание на *я*, *а* вместо *въ* или *ши*: напр.: *принеся* вм. *принесши*» («Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная». СПб., 1831, стр. 121).

Вопрос о том, как складывалось значение прош. времени у форм типа *принеся*, рассматривается в монографии С. П. Обнорского, посвященной русскому глаголу. Здесь приводится также сумма фактов, отражающих употребление этих форм и в говорах, см.: С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 222—223.

ного языка рассмотренных причастных форм — детерминирующих обстоятельств со значением процессуального признака: такое употребление последних, хотя в целом для диалектного языка и не характерное (как уже говорилось), вполне аналогично употреблению соответствующих форм в литературном языке. Тот факт, что деепричастия не обладают морфологической категорией времени,— общепризнанный в современной лингвистике — имеет в русской грамматической науке уже давнюю традицию [37]. Из вышеприведенных примеров видно, что временные значения причастных образований от глаголов несв. вида, с одной стороны, и св. вида, с другой — не совпадают. Если учесть разные структурные типы предложений — как двусоставные, так и названные выше односоставные,— то эти значения могли бы быть сформулированы следующим образом: признак, выраженный образованиями несв. вида, находится в одной временно́й плоскости с предикативным признаком предложения; признак же, выраженный образованиями св. вида, относится к иному временному плану: обозначаемое причастной формой действие или состояние предмета относится, как правило, ко времени, предшествующему тому, которое выражено в предикативной основе предложения.

Некоторые факты в употреблении распространенных причастных форм могут быть объяснены, по-видимому, как влияние на говоры литературного языка, ср.: *он едет, работая руками* Большие Бутырки Волынск. Лип.; *работал, пользуясь технической литературой* Вожгалы Вожгальск. Кир.; *будучи рядовым колхозником, потом* (меня) *поставили бригадиром* Рославлево Петровск. Яр.

Помимо совершенно незначительного количества записанных в в современных говорах предложений с распространенными причастными формами — предикативным обстоятельством (они все приведены выше, их немногим более десяти), в наших материалах есть несколько предложений с одиночной причастной формой — обстоятельственным детерминантом, также определяющим предикативный признак как процесс. В большинстве случаев (9 приме-

[37] Так, напр., Н. П. Некрасов пишет: «...формы на *а, я*... не обозначают собою не только настоящего времени, но и никакого вообще времени, короче, не имеют временного значения» (Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 259).

Значение относительного, т. е. синтаксического времени формулируется, напр., следующим образом: «...русское *деепричастие формы настоящего* времени глаголов краткого вида... не выражает настоящего времени, а наравне с *деепричастием* (и *причастием*) *прошедшего* времени от глаголов *краткого вида* (напр., придя = пришедши; увидя = увидев...) имеет значение *предшествования* своего действия... действию главного глагола обоих видов, в каком бы времени последний ни стоял» (стр. 23—24). «Причастия и деепричастия продолженного вида наст. и прош. времени означают действие или состояние (всех времен) *одновременное* с действием или состоянием главного глагола, в каком бы виде или времени он ни стоял» (стр. 95). (Э. Черный. Об отношении видов русского глагола к греческим временам. — ЖМНП, 1876, т. 188, ноябрь и декабрь).

ров из 12) выступают причастные формы, образованные от глаголов несв. вида, причем половину примеров составляют предложения со словоформой *хбдя*. Процессуальность обстоятельственного признака для образований от глаголов несв. вида определяется тем, что они употреблены без отрицания, ср.: *всё ходя смеется* Бурцево Нелидовск. Вел.; *могу ходя отвечать* Кудь Пеновск.Вел.; *надоест ходя* Кунеево Гаврилово-Посадск. Ив.; *ты, баушка, ходя помрешь* Счастливка; *устанем гуляючи* Давыдовская Винницк. Лен.; *я, верно, мешаю тебе решучи* (т. е. говоря) Красный Бор; *ходучи поем* Елкино Пестовск. Новг. В случаях же с образованиями от глаголов св. вида обстоятельственный признак как процесс обнаруживается в причастной форме, употребленной препозитивно по отношению к предикативной основе предложения, а при постпозиции причастной формы решающую роль играют ее лексико-семантические связи с предикатом [38], ср.: *спрося покосишь* Ровдино Подосиновск. Кир.; *нат'* (надоть) *спрося да сесть на лавочку* Лихая Шалга Каргопольск. Арх.; *вот и выпили благословесь* Типиницы.

По отношению ко всем рассмотренным случаям употребления причастных форм в качестве детерминирующего обстоятельства встает вопрос о том, какие же именно обстоятельственные значения они выражают. Но поскольку решение этого вопроса в основном зависит не от формальных — морфологических или синтаксических — критериев, а находится в области лексико-семантических отношений конкретных словоформ, мы отказались от попытки каждый раз определять эти значения и классифицировать материал по данному признаку (как и при анализе соответствующего употребления форм на *-ши*, см. выше, ч. I, гл. 2). В связи с тем, что показанное функционирование причастных форм по существу не отличается от употребления соответствующих деепричастий в литературном языке, общими являются и выражаемые ими обстоятельственные значения, напр., времени (*спрося, покосишь; узная это... заявили отцу; идя дорогой, привернули...; обнаружили мину, в нашу деревню едучи; пойдучи от коня поклонилася*), образа или способа действия (*на лодке едучи его можно догнать; не топя печку молотили; вижу, голову загня...*). По-видимому, эти значения более других характерны для обстоятельственных детерминантов, и особенно — последнее из указанных [39]. Но в ряде случаев мы не считаем возможным определить, какое именно из обстоятельст-

[38] Ср.: В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове), стр. 387 и след.

[39] Ср.: Л. А. Дербас. Деепричастные конструкции в роли обстоятельства. — РЯШ, 1953, № 4; Ив. Васева. К вопросу о синтаксических функциях деепричастий и деепричастных конструкций в современном русском языке. (Обстоятельственные значения деепричастий). «Годишник на Софийския университет». Филологически факултет. София, 1963, т. 57, № 2, стр. 399 и след.

венных значений выражено причастной формой, напр.: обстоятельство времени или обстоятельство образа действия (*говоря про людей устанется, а слушая про себя достанется*; *я, верно, мешаю тебе решучи*; и др.); обстоятельство времени или обстоятельство причины (*я измучился по нем ходя*; *устала до смерти в байне моючи*; и др.). Не всегда вполне очевидной оказывается даже функция причастной формы. Так, в следующих предложениях форма на *-а* может иметь как определительное, так и обстоятельственное значение [40]: *входя в магазин, его встретили швейцары* Б. Болдино Лукояновск. Нижег.[41]; *дай мне, боже, на боку лежа* Юрьевско-Девичье Корчевск. Твер. [42] (причастная форма является либо предикативным атрибутом — и тогда приведенные примеры соотносительны с конструкциями *входящего.... его встретили...*; *дай мне... лежащему*,— либо предикативным обстоятельством — и тогда наши примеры соотносятся с предложениями, включающими детерминант обстоятельства времени, т. е. имеют значение 'когда он вошел в магазин...', 'дай... пока я лежу'). Таким образом, при весьма незначительном количестве случаев, объединяющих по рассмотренному употреблению причастных форм литературный и диалектный языки, специфика последнего заключается в том, что здесь одни и те же причастные формы — с точки зрения их морфологической характеристики — объединяют в себе разные грамматические значения (по отношению к полупредикативному употреблению — определительный и обстоятельственный признаки), являются формами полифункциональными, причем разные функции не всегда дифференцируются между собой.

Прежде чем перейти к описанию непредикативных форм с суффиксами *-а* и *-учи*, остановимся на двух фактах, связанных с их полупредикативным употреблением.

1) Из предшествующего изложения вытекает, что причастные формы — детерминирующие обстоятельства, как правило, употребляются в двусоставных предложениях с глагольным сказуемым, причем подлежащее этих предложений обозначает субъект действия, выраженного и глагольной, и причастной формой (в литературном языке — деепричастием [43]). Соответствующее упот-

[40] Ср.: Е. Л. Голубева. Синтаксические функции именных причастий действительного залога в памятниках письменности XVII века. (Канд. дисс., рукопись). М., 1952, стр. 108 и след. (Автор приводит ряд предложений, «в которых трудно установить, в какой функции выступают причастия, в функции определения или второстепенного сказуемого»).

[41] «Сказки и легенды Пушкинских мест», стр. 137.

[42] «Памятники народного творчества: пословицы, поговорки, присловья и проч.» Архив Географического об-ва, ф. 41, № 61.

[43] Данное употребление деепричастий позволило Л. В. Щербе высказать следующее суждение: «Насколько мы находимся во власти традиции и одностороннего формализма, видно на примере хотя бы русской грамматики: она до сих пор видит в деепричастиях особую категорию, тогда как по функции они совершенно сходны с обычными, так называемыми личными

ребление деепричастий в литературном языке, как известно, регламентируется нормативной грамматикой. Сравнительно с литературным языком, в говорах причастные формы с обстоятельственным значением употребляются свободнее: на это мы находим указания в некоторых грамматических исследованиях русских ученых [44]. Имеется в виду так называемое независимое употребление деепричастий — в предложениях с самостоятельным субъектом действия, обозначаемого деепричастной формой. Мы не располагаем соответствующим материалом по современным говорам для форм с суффиксами *-а* и *-учи* (об аналогичном употреблении форм на *-ши* см. ч. I, гл. 2) и можем здесь сослаться лишь на некоторые примеры, зафиксированные в разного рода источниках или опубликованных трудах: *ана́ | Сав'ел'йъвну прайд'а́ | нал'е́въ ад дарóг'и жыв'о́т* [45]; *не снося злато сносится, не стерпя горе скажется* Арх.[46]; *пошла стряпня, рукава стряхня*; *хороша ежа не придет лежа* [47]; *минучи время пришел*; *едучи из лесу колесо сломалось* Аргаш Карсунск. Симб.[48]; *слушаючи беседу работа не столь тяжкой кажется* [49]; *Как мое сердечко Поизныло плакучи...* Новг.[50]; *Мимо нашего окошка Есть протоптана дорожка, Не коней гоняючи, С тальяночкой гуляючи* Лодейнопольск. окр. [51]; (Кострюк) *До зени-то не допадучи, А летма в верёх да скоро летячи, На нем кожа вся же перелопала* Повенец; *Да нельзя признать Добрынюшки Микитьевича: Да езжучись детина по чисту полю, Стоячись-де детина под сырым дубом, Истаскалося да платье цветное....* Кенозеро; *А назад-то палка опущается, Он на белые руки подфатаю-*

формами глагола, обозначая или действие одновременное — у глаголов вида несовершенного — или действие предшествующее — у глаголов вида совершенного. То, что эти формы не имеют ни личных, ни числовых примет, не может иметь никакого значения, да они в них и не нуждаются, так как лицо, число, а иногда и род обозначены всегда глаголом, к которому они примыкают, согласование же вещь вовсе не обязательная» (Л. В. Щ е р б а. Очередные проблемы языковедения. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1945, т. IV, вып. 5, стр. 177).

[44] См., напр.: Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й. Указ. соч., стр. 71 и след.; А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка, стр. 234; А. М. П е ш к о в с к и й. Указ. соч., стр. 434—435.

[45] М. А. Н о в г о р о д о в. Указ. соч., стр. 389.

[46] И. К а л и н и н. Песни онежан (записаны в Онежском уезде Арх. губ. летом 1912 г.). Рукописный отдел БАН, шифр 45. 8. 256.

[47] П. Г л а г о л е в с к и й. Указ. соч., стр. 484, 551.

[48] Ответы на диалектологическую программу. Архив Акад. наук, ф. 197, оп. 2, № 237.

[49] А. Г р а н д и л е в с к и й. Родина М. В. Ломоносова. «Сб. ОРЯС», 1907, т. 83, № 5, стр. 66.

[50] «Материалы по народной словесности и языку, собранные в Новгородской губернии». Архив Акад. наук, ф., 216, оп. 10, № 110, л. 5.

[51] «Деревенские частушки Лодейнопольского округа Оятского (б. Шапшинского) района, собранные и записанные в период времени с 1912 по 1925 г.» (Рукопись). Рукописный отдел БАН, шифр 45. 7. 43, стр. 40.

чи, *До сырой земли не допускаючи* там же [52]. Судя по примерам, употребление так называемых независимых причастных форм связано почти исключительно с произведениями фольклорного характера.

Употребление деепричастных оборотов с самостоятельным субъектом действия в литературном языке, утраченное ко второй половине XIX в. [53], называется некоторыми учеными независимым [54] Объясняется это явление «большой предикативной силой деепричастий» [55], а некоторые ученые склонны видеть в деепричастиях рассматриваемых конструкций даже самостоятельные предикаты[56]. Однако нам представляется, что в этих случаях не может идти речь ни о независимости, ни о самостоятельной предикативности краткой причастной формы (деепричастия): весь смысл причастного (или деепричастного) оборота, с нашей точки зрения, заключается в том, чтобы в составе синтаксически единого отрезка речи определить то или иное обстоятельство совершения действия, выраженного глаголом. Таким образом, мы относим данное употребление причастных форм к полупредикативному и определяем последние как детерминирующие обстоятельства, но в целом это явление для говоров совершенно не характерно. Вполне вероятно, что происхождение таких оборотов в разговорной речи можно объяснить, вслед за Л. А. Булаховским, анаколуфами [57].

2) В работе В. И. Чернышева, посвященной говору г. Осташкова (архаичному, по словам автора), приводится следующий пример: *барабанщик, придя из гальевова цеха тавар, закладает тавар в барабан* [58], в котором причастный оборот относится к двусоставному глагольному предложению с самостоятельным подлежащим. Полупредикативная форма на *-а* внутри причастного оборота вы-

[52] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года», стр. 140, 1058, 1081.—Интересно отметить, что у другого сказителя форма на *-учи* в аналогичном контексте отнесена к субъекту главного действия: *Он мечет палку-то под облаки, До земли не допускаючи, На белы руки подхватаючи* (там же, стр. 1200).

[53] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века». Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964, стр. 397 и след.

[54] См., напр.: Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 536; А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 435.

[55] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 340.

[56] См.: С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 246 и след.

[57] См.: Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 344.— Данную точку зрения разделяет также автор работы, посвященной употреблению деепричастия в современном украинском языке, см.: М. Коць. Дієприслівник у сучасній українській літературній мові (специфіка зв'язків та їх значень). Київ, 1964, стр. 41 и след.

[58] В. И. Чернышев. Говор города Осташкова. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.— Л., 1949, стр. 275.

ступает с определительным значением (сочетание *придя товар* автор комментирует как «пришедший товар»). Весь же причастный оборот по отношению к глагольному предложению можно рассматривать, по-видимому, как детерминирующее обстоятельство времени. Подобное употребление причастных форм, чуждое вообще разговорной речи, для говоров также никогда, видимо, не было характерным.

НЕПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

Достаточно ограниченное употребление форм с суффиксами *-а* и *-учи* в диалектном языке почти сводится к функции детерминирующего обстоятельства способа совершения действия. Выражаемое причастной формой состояние предмета является непредикативным признаком, сопутствующим предикативному признаку. Рассмотрим для каждой из указанных двух групп форм, чем характеризуется данное употребление их.

1. Из числа примеров с формами на *-а*, по нашим данным, выделяются: 1) предложения с образованиями, лексически не ограниченными; 2) предложения с образованиями, лексически ограниченными; 3) предложения, включающие в свой состав фразеологизмы с данной формой.

1) Лексически не ограниченные образования с суффиксом *-а* выступают в предложении преимущественно с отрицанием (36 примеров из 43), ср.: *косила, поди, не оглядываясь* Коростылево Сямженск. Вол.; *не спрося ваше корыто взяла* Шустручей Подпорожск. Лен.; *два овина не отдохня молотили* Калинино Буйск. Костр.; *не уча в попы не ставят* Акулово Сусанинск. Костр.; *они* (куры) *не спрося возьмут* Б. Варакино Сусанинск. Костр.; *так вот и жила не любя* Сабурово Сонковск. Калин.; *они* (молодежь) *не смысля в город рвутся* Счастливка; *эдак жизнь проживешь не трудя* Алексеевка Боринск. Лип.; *не топля сидим* Никольское Белгородск. Белг.; *не спеша строили церковь* Воробьевка Хлевенск. Вор.; *не надо брать не спрося* Сороковые Боговаровск. Костр. Без отрицания причастные формы употребляются, по-видимому, очень ограниченно: по данным диалектологических атласов, всего три словоформы— *любя́, наклоня́*(*-сь*), *сги́бя* — не имеют при себе отрицательной частицы: *сходилися любя* Вятский Починок Шарьинск. Костр.; *косят наклоня* Красавино Никольск. Вол.; *идет наклонясь, как серп* Талица Рослятинск. Вол.; *мы раньше-ту сгибя косили, а теперь стойми* Макуши Бельск. Кир.

На основании нашего материала можно сделать следующие замечания: а) в непредикативном употреблении используются причастные образования от глаголов как св. вида, так и несв. вида, но последние выступают только с отрицанием (см. об этом выше — в разделе о полупредикативном употреблении данных форм, а так-

же ч. I, гл. 2); б) одиночные причастные формы распространяют, как правило, двусоставные предложения с глагольным сказуемым; в) формы на *-а* почти во всех случаях детерминируют способ совершения действия, выраженного глаголом (исключение составляет, по-видимому, только пример, записанный в Счастливке, см. выше). Таким образом, они являются детерминирующими обстоятельствами глагольного признака, но при этом сами обозначают непредикативный признак — преимущественно окачествленное состояние предмета, сопутствующее действию. В ряде примеров, наряду с причастной формой, как однородный член предложения употребляется наречие — в той же функции детерминанта со значением обстоятельства образа действия.

2) Лексически ограниченные образования — *лёжа, сидя, стоя* — являются наиболее употребительными [59]: почти половину всех примеров непредикативного употребления составляют предложения именно с этими словоформами. Приведем некоторые иллюстрации: (доска) *ставлена стоя так* Гимрека; *стоя с тобой не выдержу ругаться, а сидимши я тебе докажу* Бахтино Судогодск. Влад.; *работала на коленях да сижа* Беловолжск Козловск. Чув.; *сижа не треплют* Летнево Лысковск. Горьк.; *собравшись баяли басни сидя* Лоскотово Демидовск. Смол.; *лёжа парюсь* Федово Пестовск. Новг. Нам представляется, что указанная группа словоформ должна рассматриваться в ряду других причастных образований, т. е. в системе глагола, поскольку данные лексикализованные формы являются в предложении не только признаком глагола, подобно наречию, а относятся одновременно и к имени — подлежащему, обнаруживая как причастие определительные связи с последним [60]; иначе говоря, эти словоформы имеют отношение к предикативной основе предложения в целом, совпадая по своему значению, на наш взгляд, с лексически не ограниченными образованиями. В отличие от рассмотренных, словоформа *шутя* — в том употреблении по говорам, как она зафиксирована, — утратила непосредственную связь с глаголом, и ее можно рассматривать как наречие, ср.: *нонче шутя жить*; *нонче учиться шутя* Зыково Межевск. Костр.; *шутя да шутя напоили* Кажирово Пыщугск. Костр.

[59] Ср.: Е. А. Земская. Русская разговорная речь. (Проспект). М., 1968, стр. 41.

[60] В данном случае мы целиком присоединяемся к мнению Н. П. Некрасова относительно различий в значениях словоформ *стоя* и *хорошо*, выступающих в одинаковых синтаксических условиях (см.: Н. Некрасов. Указ. соч., стр. 266).

По отношению к литературному языку словоформы *стоя, лежа...* признаются то деепричастиями, то наречиями (см., напр.: Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. «Русская речь». Новая серия, II. Л., 1928, стр. 15), однако при этом критерии распределения их по разным классам слов не указываются.

Часть лексически ограниченных образований выступает в функции предлога: а) в пространственных конструкциях, ср., напр.: *не доходя логу — коммунарско поле* Старый Завод Кырчанск. Кир.; *я ближе сюды была — еще не доходя до Судая* Шартаново Судайск. Костр.; *изойдя села....* Мигалиха Дальне-Константиновск. Горьк.; *на мясокомбинат — не доезжая города* Шамокша; *начиная от Варшавы* Марлыково Кадуйск. Вол.; б) во временных конструкциях, ср.: *начиная с апреля месяца и кончая с Октябрьской* Шартаново Судайск. Костр.; *пройдя немного время...* Покасс Ширингушск. Морд.; *переезжая неделю...* Липовка Пичаевск. Тамб.

3) В говорах отмечены следующие фразеологизированные сочетания с формой на *-а*: *некогда руки сложа сидеть* Шамокша; *рукава стряхня* Васильково Кесовогорск. Калин.; (стоит) *разиня пропасть* Русская Козинка Чернавск. Лип.; (работала) *не укладая рук* Тужилки Воскресенск. Лип.; *сидел руки подожмя* Ревны Карачевск. Брян. Все эти фразеологизмы являются детерминирующими обстоятельствами образа действия.

2. Употребление лексически не ограниченных форм на *-учи* отмечается сравнительно редко (8 примеров из 59). Все они представляют собой образования от глаголов несв. вида и употребляются как с отрицанием, так и без отрицания, ср.: *дочку отдали не жалеючи* Исаиха Ветлужск. Горьк.; *однажды сидела перед зеркалом не мигаючи* Саватеево Некрасовск. Яр.; *пошли в четверг не спрашиваючи* Сенча Суражск. Брян.; *хлопотал ейный муж жалеючи, хлопотал* Поцепы Кесовогорск. Калин.; *лило — что могучи* (о дожде); *косячи-то, говорит, самая таковская рубашечка* Ефремково. Как видно из примеров, формы на *-учи* в глагольных предложениях не отличаются по функции и значению от лексически не ограниченных форм на *-а*. Словоформа *косячи*, детерминирующая односоставное именное предложение, видимо, определяет назначение называемого предмета.

Основное количество случаев непредикативного употребления форм на *-учи* (около 90%) составляют лексически ограниченные образования. Здесь так же, как и для форм на *-а*, выделяются, с нашей точки зрения, следующие две группы словоформ: а) входящие в разряд глагольных форм — *лежачи, сидячи, стоячи, умеючи*; б) утратившие связь с глаголом — *живучи* (определяется как наречие со значением ‘раньше’, ‘в прошлом’...), *крадучи* или *украдучи* (наречие ‘украдкой’), *припеваючи*. Приведем некоторые примеры: а) *сидячи берут эдак — ягод-то много* Гимрека; *а уберу, тихонько сидячи все сделаю*; *стоючи нельзя, а сидячи* (моются в печке); *лежучи мама закатится* Шамокша; *пололи лежачи* Власова Гора Капшинск. Лен.; *стоючи поспать* Озерецкая Духовщинск. Смол.; *в чужих людях надо жить умеючи* Выбье Кингисеппск. Лен.; *кто умиючи, кто не умиючи садит* Лом Подосиновск. Кир.; б) *вот как жили живучи*; *«плясать» называлось живучи*; *живучи по пестуньям ходила* Ефремково; *живучи мы не так гуляли*

Крестовая Окуловск. Новг.; *живучи не встречала, какой обиходный кот-от* Ворона Кинурск. Кир.; *а то крадучи делают* Кириловское Рыбинск. Яр.; *украдучи ушла* Тяжино Большесельск. Яр.; *что так-то крадучи кладут?* Вязовик Ливенск. Орл.; *припеваючи надо жить* Юрьево Котельническ. Кир. Словоформы *сидячи, лежачи, стоячи*, как и образования от соответствующих глаголов с суффиксом *-а*, детерминируя обстоятельства образа действия, одновременно обозначают состояние предмета, сопутствующее действию.

Часть III

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНЫХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Из числа полных причастных форм, употребляемых в литературном языке, для диалектного языка типичными являются только образования от основы прош. времени с суффиксами *-н-*, *-т-* (*сломаный/сломатый*, *обутый*, *привезёный*), которые одним говорам свойственны в большей, другим в меньшей степени (см. ниже). Нехарактерно, но все же отмечается по разным говорам употребление форм с суффиксом *-ш-* (*прокисший*, *обувший*, *заблудимший*...). (О том, что в системе глагольных форм диалектного языка нет полных причастий, образуемых от основы наст. времени, говорилось в разделе, посвященном образованию причастных форм).

Прежде чем перейти к характеристике употребления причастных форм, необходимо сделать некоторые общие замечания относительно использованного для описания материала, а также сравнить в количественном отношении для каждой из групп форм распределение примеров между разными функциями.

Две группы полных причастных форм, образуемых от основы прош. времени,— типа *снятый*, *выученый* и типа *выросший* — очень различаются между собой по широте распространения и употребительности: если формы с суффиксами *-н-*, *-т* широко распространены по говорам и во многих из них являются регулярно функционирующими образованиями, то формы с суффиксом *-ш-*, наоборот, в большинстве говоров не употребляются и, следовательно, являются для них фактом, стоящим вне системы глагольных форм. Такое соотношение данных групп форм вытекает из свидетельств изученной нами диалектологической литературы (некоторые из работ см. в разделе «Замечания об образовании причастных форм», сн. 7), а также подтверждается материалами диалектологических атласов: на 670 предложений, включающих формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, приходится около 50 примеров с формами типа *выросший*. (Мы обращаем внимание на тот факт, что ука-

занные цифровые данные, хотя и основанные на материалах диалектологических атласов, получены не из ответов на специальные вопросы программы об употреблении названных форм (таких вопросов в ней нет): они извлечены, во-первых, из ответов на вопрос № 114, посвященный образованию страдательных причастий, где интересующие нас формы часто приводятся без контекста, и, следовательно, материал этих ответов полностью не мог быть использован для нашей работы; во-вторых — из ответов на вопросы программы № 118—120 об употреблении форм на *-ши*, а также из текстов-приложений. Из сказанного вытекает, что приведенные цифры не отражают действительной картины количественного употребления изучаемых форм, поскольку они являются, безусловно, заниженными. Однако вполне вероятно при этом, что соотносительная частота употребления данных форм более или менее соответствует действительности).

Что касается синтаксических функций, то для форм с суффиксами *-н-*, *-т-*, основное количество случаев их употребления (≈90% всех предложений с данными формами) приходится на функцию предиката; полупредикативное и атрибутивное употребление, следовательно, для форм этого типа не характерно. Интересно в этой связи отметить, что в работе В. И. Собинниковой по синтаксису южнорусских говоров сравнительно много примеров с формами на *-ный*, *-тый* в предикативном употреблении и единичны случаи атрибутивного и полупредикативного их употребления [1]. Еще более показательны в этом отношении данные И. Ф. Нелюбовой, специально изучавшей синтаксис одного из южнорусских говоров: для полных форм отмечено только сказуемостное употребление — *я харашо́ запли́тёная*, *ён зярно́м ни ко́рмлинай*; *пле́чки атарва́тыи* и др. [2] Формы с суффиксом *-ш-*, по нашим данным, характеризуются приблизительно одинаковым по количеству примеров распределением между предикативной и атрибутивной функциями.

[1] См.: В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах. (По материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961, стр. 56—57, 129).

[2] См.: И. Ф. Нелюбова. Заметки по диалектному синтаксису. «Наук. зап. Станіславського держ. пед. ін-ту». Філол. серія, т. III. Київ, 1959 стр. 112.

Глава 1

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

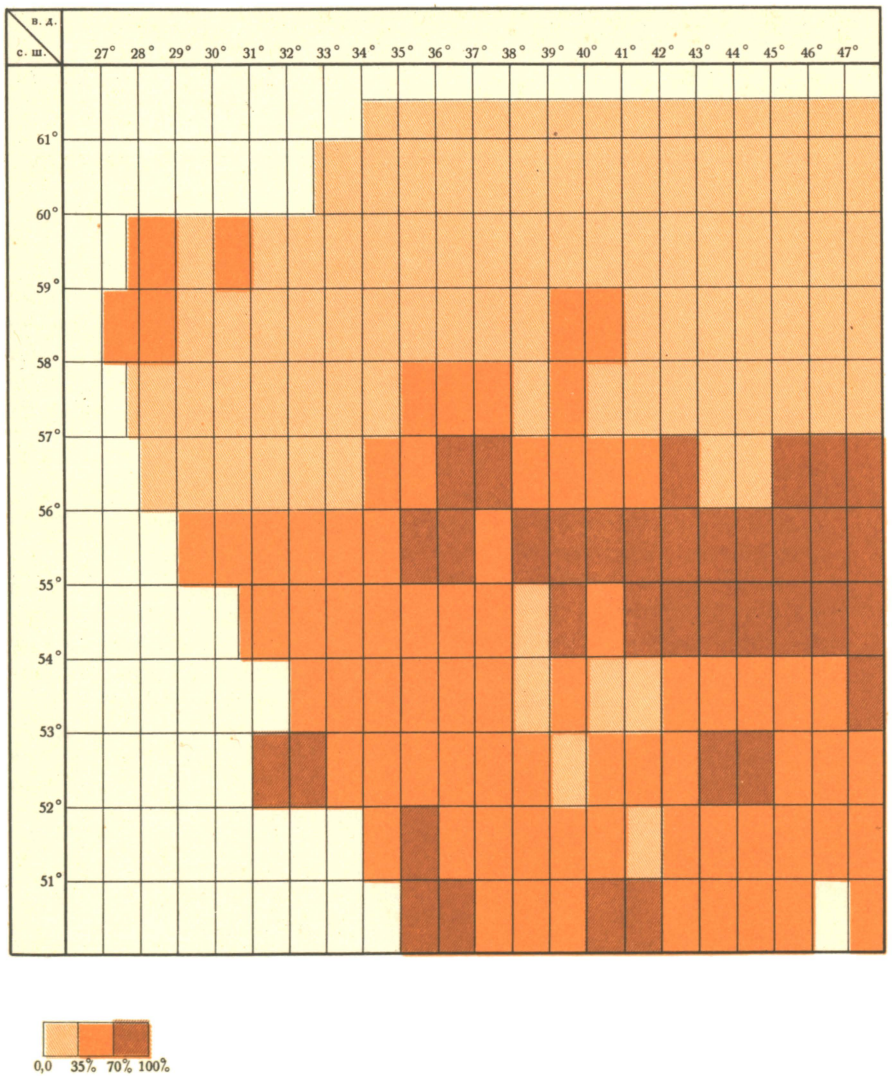
Как уже говорилось в предварительных замечаниях к настоящей части работы, из двух групп полных причастных форм, употребляемых в говорах, типичными для последних являются только формы с суффиксами *-н-*, *-т-*. В связи с этим представляется целесообразным начать наше описание с употребления названных форм.

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНЫХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ С СУФФИКСАМИ *-н-*, *-т-*

Описывая функционирование по говорам названных форм в качестве предиката, мы ставим перед собой две основные задачи: 1) на основании материалов атласов попытаться охарактеризовать различия говоров по соотносительному употреблению кратких и полных форм, и тем самым определить группы говоров, в которых наиболее широко употребляются полные формы; 2) в связи с решением вопроса о значении этих форм (далее называемых формами на *-ный*, *-тый*) попытаться установить, от какого круга глаголов — с точки зрения переходности/непереходности и видовой принадлежности — они образуются.

1) Предикативное употребление форм на *-ный*, *-тый*, как и данное употребление кратких форм с суффиксами *-н-*, *-т-* в двусоставных предложениях с координацией главных членов — явление, присущее абсолютному большинству русских говоров (об особом положении данных форм в части селигеро-торжковских говоров см. ч. I, гл. 1, стр. 21—22). Однако употребительность полных форм, с одной стороны, и кратких — с другой, в разных говорах является различной. Существует мнение, что предикативное употребление полных страдательных причастий преобладает в южнорусских говорах [1]. Для того чтобы проверить это пред-

[1] См.: В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах. (По материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961, стр. 57.

Карта-схема 4. Доля примеров с полными формами в общем количестве случаев предикативного употребления форм с суффиксами *-н*, *-т-*.

положение, был взят материал ответов на вопрос № 114 «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.—Л., 1947)[2], по каждому населенному пункту были выписаны все примеры кратких и полных страдательных причастий в форме им. падежа ед. числа муж. рода (по отношению к которой снимается вопрос о стяжении гласных в окончании), и по сетке атласов для каждого географического квадрата[3] была установлена доля употребления кратких форм в общем количестве отмеченных причастных образований с суффиксами *-н-*, *-т-*. В результате выяснилась следующая картина употребления названных причастных форм в разных русских говорах (отчасти подтвердившая мнение о характере различий между южнорусскими и севернорусскими говорами по рассматриваемому явлению): наиболее высокий процент употребления кратких форм (от 65 до 100%) приходится на севернорусские и западные среднерусские говоры (исключая восточную часть селигеро-торжковских, в которых формы с суффиксами *-н-*, *-т-* почти не употребляются); по сравнению с ними в южнорусских говорах доля кратких форм меньшая (от 30 до 65%), а в части рязанских говоров (которые выделяются и по другим чертам) она оказывается такой же, как и в северных. Наиболее же низким процентом употребления кратких причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* (от 0 до 30%) и, следовательно, наиболее широким употреблением полных форм характеризуются главным образом восточные среднерусские акающие говоры и примыкающая к ним часть владимирско-поволжских говоров, а из южнорусских — главным образом пограничные с украинскими и белорусскими[4] (см. карту-схему 4).

2) Предикативные формы на *-ный*, *-тый* употребляются в диалектном языке как сказуемые двусоставных предложений с координацией главных членов, ср.: *дом большой выстроеный* Замежничье; (кот) *ночью был выгнаный* Шамокша. Из других структурных типов единично отмечено односоставное предложение с глав-

[2] Данный вопрос, как уже отмечалось, касается образования, а не употребления страдательных причастий, в связи с чем материал приводится в ряде случаев без контекста. Однако возможное завышение доли полных форм за счет употребления их в атрибутивной функции одинаково вероятно для говоров разных групп и общей картины соотношения рассматриваемых форм по говорам не может нарушить.

[3] О понятии «географический квадрат» см. в ч. I, гл. 1, стр. 29.

[4] Возможно, что здесь наложилось еще влияние украинских и белорусских говоров, для которых предикативное употребление полных форм — весьма распространенное явление. Представляется интересным привести для сопоставления данные И. Ф. Нелюбовой по одному из южнорусских (орловских) говоров: из 46 примеров сказуемостного употребления причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* 30, т. е. $\approx 65\%$, составляют предложения с полными формами. См.: И. Ф. Нелюбова. Заметки по диалектному синтаксису. «Наук. зап. Станіславського держ. пед. ін-ту». Іст.-філол. серія, т. III. Київ, 1959, стр. 112.

ным членом — полной формой: *у нас всего запасёное* Бурмакино Каршинск. Лен.

Признак имени, выраженный предикативными формами на *-ный, -тый*, обычно является актуальным для наст. времени, и соответственно изучаемые формы употребляются по преимуществу в предложениях со значением наст. времени: в абсолютном большинстве говоров причастные формы выступают с нулевой связкой, в части говоров употребляется связка *есть* (об употреблении связки *есть* см. ч. I, гл. 1). Сравнительно широко распространены предложения со значением прош. времени, единично отмечены — со значением буд. времени. Из синтаксических ирреальных наклонений у нас представлены только сослагательное и условное. Приведем некоторые иллюстрации, расположив материал в соответствии с названными временами и наклонениями (если в населенном пункте записано больше одного примера— обычно это относится к специально обследованным деревням,— то они разделяются точкой с запятой): *и горох-то весь снятый — коровы ходят дак; иной е, конечно,— он и не щипнутый нигде — помёрши* (т. е. и без ранения умер); *два угла отпавши, а третий-то сломленый* Ефремково; *была в декрете — ребеночек роженый; сейчас передача — магазин закрытый; другой в офицеры выученый* Шамокша; *кому ключ даденый?* Модолицы Ломоносовск. Лен.; *котеночек у меня выгнаный из-за цыплят; давно уже это забытое; сегодня стол не мытый* Никулино Пяльнинск. Лен.; *он в войну роженый; дом после войны поставленый; он* (бык) *на двори загнаный* Ямок; *у меня живот-то досаженый — упавши я с воза* Ямно Чудовск. Новг.; *вином весь аппарат испорченый; это у меня принесеный ваш пирог* Колоколово; *дом большой выстроеный; еще камень не засыпаный, так тряско* (на дороге) Замежничье; *сын-то на курсах отправленый; Арсиний в холодной стороне согнатый* Денисово Калининск. Калин.; *глиной он обмазаный* Лукино Южск. Ив.; *дом разделеный* Липицы Серпуховск. Моск.; *йон разореный* Писково Сычевск. Смол.; *носочки ваши высушеные; а клевер-то у ней не перевезеный; и волос-то весь не тронутый; мое сердце не болит, что они брошеные* Счастливка; *лоб е сломаный весь* (у куклы); *у меня е пол немытый* Гимрека; *у другой жены естя привезеный* Горное Морино Новгородск. Новг.; *внучок 27-го года взятый есть* Дядно Качановск. Пск.; *боров е некладеный* Патрово Псковск. Пск.; *кольцо сломаное есть* Ермолино Фировск. Калин.; *сын е убитый* Деревянное Прионежск. Карел.;

этот ребенок был прогнаный с дому Шамокша; *в то время он был переименованный* Гимрека; *во хлеве свет-то был проведёный* Чидово; *сын-то на курсах был отправленый* Бурмакино Каршинск. Лен.; *вот этот рассадничек был помидорами посажоный* Щелейки; *мой узел был с собой взятый* Летошицы Волосовск. Лен.; *старый дом был тесом обшитый* Замогилье Полновск. Пск.; *взятый он был окопы копать у немцев* Стукалово Качановск. Пск.;

он был раненый в голову Барские Кусони Батецк. Новг.; *такой был с бересты черпак сделаный* Ямок; *я не расписаный с ней был* Счастливка;

и ребенок в яслях будет устроеный Шамокша; ... *будет проданый* Красная Слобода Суземск. Брян.;

она бы дома была, дак у меня бы был уж зеркальный шкап купленый Красный Бор; *а нет* (т. е. если бы не помогли с лесопункта) — *так это и покос бы не кошóный был* Чидово; *в мирно время у нас бы этот дождь был унятый* Ямок;

сын-то был бы как сбережоный от этой шайки, так може бы не стал... (убивать) Красный Бор.

Предложение *чай бы пусть бы не выпитый* (Типиницы), вероятно, употреблено со значением пожелания.

Единично отмечена форма на *-ный* в сочетании с *нет*, которое является, по-видимому, отрицательной частицей: *неужоль он нит в книге записаный* [5].

В говорах, которым свойственно выражение субъекта действия с помощью сочетания предлога *у* и имени в род. падеже, предложения с формами на *-ный, -тый* — сказуемым также могут быть распространены указанным сочетанием, ср.: *ковшика нет — у ребят взятый*; *придешь домой — у матери завтрак налаженый* Ефремково; *вона фикус есть, у сына даный*; *это у капитана принесеный* (шкаф) Красный Бор; *у мамы был завет даный* Шамокша; *у меня маятник поднятый*; *она у меня провереная* Ямок (см. также среди приведенных выше примеров).

Как известно, в литературном языке при употреблении данных форм в роли сказуемого «на первый план выступает значение качественной характеристики; эти причастия почти всегда находятся на пути к переходу в класс имен прилагательных» [6]. Особенно сильно подвержены процессу окачествления образования от глаголов св. вида [7].

Если в литературном языке формы на *-ный, -тый* образуются от переходных глаголов почти исключительно св. вида, с чем связывают указанный процесс адъективации причастий, то в говорах достаточно продуктивны и распространены образования от глаголов несв. вида (в наших материалах они составляют почти половину всех примеров; список соответствующих словоформ см. ниже), а также возможно образование полных форм от непереходных глаголов. Приведем некоторые примеры употребления образований от глаголов несв. вида: *а у меня горшок* (масла) *опять кладеный*

[5] А. А. Шахматов. Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. (Рукопись). Архив Акад. наук, ф. 134, оп. 1, № 225, л. 21 об.

[6] «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1. М., Изд.-во АН СССР, 1960, стр. 483.

[7] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947, стр. 281.

двухлитровый Ефремково; *этот у меня стираный недавно* (абажур); *шкап у самих деланый* Шамокша; *вечор печёный этот хлеб* Чидово; *мама не была учёная* Щелейки; (кирпич) *здесь деланый*; *платья все хорошие, в городе шитые* Ямок; *йон клятый* Михновка Погарск. Брян.; *огород не копаный* Алешенка Брасовск. Брян.; (он) *не судёный был* Воткино Хвастовичск. Калуж.; *замашки не браные* Вытебеть Знаменск. Орл.; *хата не метёная* Владимирское Шаталовск. Белг.; *солома молоченая* Александровка Гремяченск. Вор.; (он) *не убира́ный* Шульги Невельск. Вел.; *сорочки были вышива́ные* Творишино Гордеевск. Брян.; (каша) *зава́риваная из муки* Хотня Дятьковск. Брян.

Как свидетельствуют материалы диалектологических атласов, полные формы образуются не только от бесприставочных глаголов несв. вида (что́ возможно и для литературного языка) — этот вид образований в диалектном языке территориально не ограничен, — но также возможно образование их и от приставочных глаголов — формы типа *убира́ный*, *вышива́ный* более характерны, по-видимому, для говоров западных территорий [8].

Приведенные иллюстрации употребления форм, образованных как от глаголов св. вида, так и несв. вида, не различаются, с нашей точки зрения, по своей грамматической семантике: и в том, и в другом случае изучаемые формы, по-видимому, обозначают качественный признак предмета как результат имевшего место в прошлом действия, ср., напр.: *они раскрытые — девки* Александровка Гремяченск. Вор.; *двор крытый* Малый Кушум Балаковск. Сар.; *хлеб не молоченый* Митрофановка Федоровск. Сар.; (о яблоке): *вот это — тресканое, спелое* Счастливка (а также см. выше). Однако в целом по отношению к полным формам мы бы не могли говорить об однородности их грамматического значения: для одних из них связь с глаголом не актуальна, они характеризуются большей степенью окачествления и оказываются более близкими прилагательным; другие обнаруживают более тесную связь с глаголом, обозначая состояние предмета, вызванное предшествующим действием — они не так близки прилагательным. Более отчетливо значение состояния, для которого связь с действием остается актуальной, выступает в тех случаях, когда в предложении обозначен субъект действия, вызвавшего данное состояние, ср.: *малинник голый — наверно у Стасьи объеденый* Ануфриево Белозерск. Вол.; *стол был у ей купленый* Машозеро Прионежск. Карел.; *у меня супчик сварёный, покушайте* Типиницы; *это у меня принесёный ваш пирог...*; *у Светки отколоченый* (о собаке); *у меня чайник там*

[8] Соответствующие образования отмечены М. А. Новгородовым в одном из говоров псковской группы: *пъкупаный, въпряваный, убираный, въвиваный, абиваный, абливаный*. См.: М. А. Новгородов. Из наблюдений над фонетикой и морфологией говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР. «Уч. зап. Даугавпилсского гос. пед. ин-та», 1958, вып. 1, стр. 366.

поставленый Колоколово; *ейный муж у белых* (т. е. белыми) *расстреляный* Замежничье; *бережок не был окошоный у Евгеньи-ты* Чидово; *а у ней топор налаженый*; *это у ей посланый тюль*; *у тебя взятый мальчик, так и без заботы* Красный Бор; *приду — у его сварёный обед* Гимрека. Кроме того, параллельное употребление в функции сказуемого краткой и полной формы также, по-видимому, свидетельствует о близости их грамматического значения, хотя полные формы и при этом могут заключать в себе известную долю качественного признака, ср., напр.: *дак ведь аванец взятый*, *авансу взято* Шамокша; *огород весь на себе выкопан и посажоный* Бурмакино Капшинск. Лен; *три ремня принесено*, *один ремень в гостях оставленый* Никулино Капшинск. Лен.; *дом был срублен, а не обделаный* Замежничье; *у меня тоже экзамен был сдан, похвальный лист полученый* Барские Кусони Батецк. Новг.; *там было намерено* (земли), *был огромный сад разведеный* Ямок.

Было бы очень интересно, как нам представляется, на широком диалектном материале сравнить между собой предикативное употребление в говорах полных и кратких форм с суффиксами *-н-*, *-т-* и выявить их сходство или различия при употреблении в данной функции[9]. К сожалению, мы не располагаем сопоставимыми в этом отношении материалами по всем говорам (поскольку в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» спрашивается о предикативном употреблении только кратких форм), и можем сравнивать употребление указанных форм в предикативной функции по говорам только тех населенных пунктов, в которых соответствующий материал был собран специально для настоящей работы (перечень этих деревень и их географическую приуроченность см. во Введении). Однако, прежде чем произвести данное сравнение, мы считаем необходимым указать, по какому принципу был сделан отбор соответствующего материала, к каким говорам относятся населенные пункты, где этот материал был собран, и привести количественные показатели соотносительного употребления предикативных причастных форм по каждому из них.

Для сопоставления привлекался материал по тем населенным пунктам, где предикативное употребление причастных форм представлено более чем 100 примерами. В одном случае для однородных южнорусских говоров трех деревень (Счастливки, Торкуновки и Озеривле) было допущено обобщение материалов, так как последние лишь в сумме дают более 100 примеров.

[9] Для этого следовало бы проделать работу, аналогичную той, которая выполнена Н. Ю. Шведовой по отношению к сказуемостному употреблению полных и кратких форм прилагательных в литературном языке (см.: Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке. «Уч. зап. Московского гос. ун-та», вып. 150. Русский язык. Изд. МГУ, 1952).

Населенные пункты, материал по которым нами используется, расположены на территории следующих говоров: онежских — Гимрека, Красный Бор, Типиницы; ладого-тихвинских — Ефремково, Чидово, Шамокша; новгородских — Ямок; гдовских — Колоколово; псковских — Замежничье, Редковцы; курско-орловских — Счастливка, Торкуновка, Озеривле.

Приведем сведения о количестве примеров с предикативными причастными формами по указанным выше населенным пунктам (см. табл. 1).

Таблица 1

Населенный пункт	Количество примеров		Общее колич. примеров	Доля полных форм в общем колич. примеров (в %)
	с краткими предикативными формами	с полными предикативными формами		
Гимрека	125	25	150	≈17
Красный Бор	100	27	127	≈13
Типиницы	407	34	441	≈8
Чидово	100	15	115	≈13
Ефремково	143	20	163	≈12
Шамокша	238	31	269	≈12
Ямок	442	55	497	≈11
Колоколово	100	16	116	≈14
Замежничье	99	17	116	≈15
Редковцы	107	1	108	≈ 1
Счастливка, Торкуновка, Озеривле	78	27	105	≈26

Данная таблица показательна в двух отношениях: во-первых, она в целом свидетельствует о преобладании в предикативном употреблении кратких причастных форм по сравнению с полными (объяснение этому явлению мы постараемся дать ниже); во-вторых, на материале разных групп говоров, специально наблюдавшихся для настоящей работы, она подтверждает те данные, которые были получены нами при статистической обработке материалов диалектологических атласов (см. карту-схему 4).

В связи с полученными выводами о количественном соотношении полных и кратких причастных форм с суффиксами *-н-*, *-т-* в говорах разных групп, представляется необходимым обратить внимание читателя на следующее: полные формы, хотя и значительно реже, чем краткие, употребляются также в говорах на территории русского Северо-Запада, в том числе — и в говорах Псковской обл. Этот факт мы вынуждены были специально оговорить,

поскольку по отношению к говорам, расположенным на территории Псковской обл., существует утверждение об отсутствии в них полных причастных форм. З. М. Петрова в статье «Посессивный перфект в псковских говорах» («Псковские говоры, II. Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года». Псков, 1968) пишет: «... в псковских говорах нет членных страдательных причастий» (с. 124). (Следует заметить, что З. М. Петрова, в соответствии с прежней группировкой, к псковским говорам причисляет и гдовские; поэтому и мы далее также привлекаем материалы последних). Приведенное утверждение опровергается нашими данными: употребление полных форм зафиксировано в говорах всех трех деревень, обследованных для настоящей работы (Колоколово, Замежничье, Редковцы); правда, из 97 населенных пунктов Псковской обл., специально обследованных по сетке «Атласа русских народных говоров северо-западных областей» (рукопись), оно отмечено только в 36. В записях по этим населенным пунктам числится 67 предложений с полными формами. Вот некоторые примеры: *в кого-нибудь защёбаный* (т. е. убит — о змее) Редковцы; *сынок убитый* Луневщина Гдовск.; *черепок был датый* Замогилье Полновск.; *скот выгнаный был*; *повойник не был шитый*; *змей в бутылку посаженый*; *он не разбитый* Драготин Полновск.; *внучек взятый* Дядно Качановск.; *у ей наверно прошеный* (сахар); *у нашего был припертый* Колоколово.

При сопоставлении полных и кратких форм с суффиксами *-н-*, *-т-* в предикативном употреблении мы ставим перед собой задачу выявить те условия — лексического или грамматического порядка,— которыми может определяться употребление именно полной формы, в отличие от краткой. Поскольку некоторые выводы в этом отношении строятся на ограниченном материале, они, естественно, имеют лишь предварительный характер.

Как свидетельствуют наши материалы, выбор той или иной причастной формы в предикативной функции лексически не обусловлен: для этого достаточно сравнить между собой иллюстрации, приводимые в первых главах I и III частей настоящей работы. Ограничение употребления полных форм диктуется прежде всего условиями грамматического, точнее — синтаксического характера: в функции сказуемого они могут употребляться только в одном структурном типе предложения — в двусоставных предложениях с координацией главных членов, между тем как краткие предикативные формы достаточно широко функционируют в разных структурных типах предложения (см. ч. I, гл. 1). Это обстоятельство не может не отразиться на соотносительной частоте употребления полных и кратких форм, и оно отчасти, по-видимому, объясняет показанное в табл. 1 их соотношение.

Для того чтобы выявить, существуют ли другие синтаксические условия, которыми предопределяется выбор полной формы, мы должны сравнить между собой употребление кратких и полных

форм в предложениях одинаковой структурной схемы, т. е. в двусоставных предложениях с координацией главных членов. Такое сравнение мы произведем на материале ограниченной группы говоров, а именно — онежских, для которых решение вопроса о координации главных членов предложения со сказуемым — краткой причастной формой не осложняется явлениями заударного вокализма.

Выше говорилось о том, что в предложениях, распространенных сочетанием предлога *у* и р̄од. падежа имени — субъекта действия, которое вызвало состояние, обозначенное причастной формой (далее для краткости — сочетание «*у* + род. падеж субъекта»), указанное сочетание подчеркивает связь причастной формы с глаголом, с действием предмета, отодвигая на задний план значение качественной характеристики предмета, более свойственное полным формам — сказуемым нераспространенных предложений. Для того, чтобы выяснить, существует ли между полными и краткими формами принципиальная разница по употреблению их в предложениях, распространенных сочетанием «*у* + род. падеж субъекта», мы и сравним между собой соответствующие материалы по трем населенным пунктам, относящимся к севернорусским говорам. Сначала мы представим данные для кратких форм по употреблению их в двусоставных предложениях с координацией главных членов, затем — для полных форм.

Таблица 2

а) Краткие формы

Населенный пункт	Общее колич. указанных предложений	Из них распространенных сочетанием «*у* + род. п. субъекта»	Доля распространенных предложений в общем колич. примеров (в %)
Гимрека	81	10	≈12
Красный Бор	65	14	≈22
Типиницы	194	39	≈20

б) Полные формы

Населенный пункт	Общее колич. указанных предложений	Из них распространенных сочетанием «*у* + род. п. субъекта»	Доля распространенных предложений в общем колич. примеров (в %)
Гимрека	25	4	≈16
Красный Бор	27	10	≈37
Типиницы	34	4	≈12

Если суммировать приведенные данные и вывести среднюю величину, показывающую соотношение распространенных и нераспространенных предложений для кратких и полных форм, то мы получим следующую картину:

краткие формы — $\approx$ 26% (63 распростр. предложения из общего числа 240)

полные формы — $\approx$ 21% (18 из 86).

Проведенное сравнение показало, как нам представляется, что между полными и краткими формами в указанном отношении принципиальной разницы нет.

Глагольные свойства полных форм подчеркиваются также характером их распространения в предложении (что наблюдается и у кратких форм), ср., напр.: *зарытый да забитый гвоздям* (тв. п.); *он был председателем месткома положеный*; *сарай был — весь обделаный на комнату* Красный Бор; *сынок-то увезеный от ей?*; *а мне был даный паспорт* Гимрека; *тот взятый, на клуб купленый; один сын в солдаты взятый* Типиницы; *к вам здесь посланый был старичок*; *а он в войну роженый* Шамокша; *стог с сарая выкинутый*; *костюм-то суконный, ему подарёный* Чидово; *он куда-то теперь переведёный* Колоколово; *в колхоз не был зачтеный* Ямок; *я не расписаный с ней был* Счастливка.

Укажем еще на один факт как на такой, который является общим в синтаксисе полных и кратких причастных форм,— на употребление их в предложениях со значением прош. времени, т. е. со связкой *был*. Нам представляется, что здесь можно было бы провести некоторую аналогию с употреблением полных и кратких форм прилагательных в составе сказуемого со связкой *был* в современном русском литературном языке: мы имеем в виду вывод Н. Ю. Шведовой о том, что в указанном употреблении полные формы сравнительно часто выражают признак временный, но при этом «определительные оттенки постоянно присутствуют в предикативных полных прилагательных» [10]. Помимо приведенных нами примеров (см. выше), укажем еще на некоторые: *а этот-то ще не купленый был дом у нас* Красный Бор; *... был старик-то взятый*; *йейный муж тоже взятый был* Типиницы; *я с 15 лет была отданая, в людях жила* Колоколово.

Из проведенного сравнения кратких и полных форм можно, по всей вероятности, заключить, что они в говорах являются функциональными дублетами [11], различаясь при этом оттенками основного грамматического значения: полные формы предпочитаются, по-видимому, тогда, когда в значение состояния, выражаемое причастной формой, необходимо внести дополнительный оттенок определительности, некоторого окачествления этого состояния.

[10] Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 110.

[11] О понятии функционального дублета см. в ч. I, гл. 1 настоящей работы.

Употребление полных причастных форм в предложениях, распространенных сочетанием «*у* + род. падеж субъекта», а также детерминантами с обстоятельственным значением — ср.: *он недавно и похороненый*; *в эту войну убитый* Типиницы; *в каждой деревне свой праздник взятый*; *да сюда привезёный один* (о внуке); *в Олеховщине похороненый* Ефремково; *у меня чайник там поставленый*; *был на рыбзавод нашим рыболовам* (тв. п. мн. ч.) *пойманый сом* Колоколово,— распространение самих причастных форм — все это усиливает в них глагольные свойства.

В тех же случаях, когда формы на *-ный*, *-тый* употребляются как единственный предикат нераспространенного предложения и особенно — когда они сами не имеют при себе зависимых слов (именно такие структуры и являются самыми употребительными в диалектной речи), значение качественной характеристики, вневременного признака оказывается преобладающим, и, следовательно, более отчетливо обнаруживается близость причастных форм к прилагательным.

В литературном языке соотношение именных и глагольных свойств у страдательных причастий прош. времени ставится в зависимость от их синтаксических функций [12]. В диалектном языке, как нам представляется, такой непосредственной зависимости нет. Но к этому вопросу мы обратимся в связи с определением общего грамматического значения полных причастных форм — после обзора полупредикативного и непредикативного их употребления.

Особый интерес представляет употребление в говорах полных форм, образованных от непереходных глаголов, а также — от глаголов переходных, но с непереходным значением. Мы не будем здесь выяснять причины, которые вызвали данное явление,— представляется целесообразным сделать это после рассмотрения всех синтаксических функций форм на *-ный*, *-тый*. Укажем лишь на то, что в грамматической семантике сказуемостных форм могут быть выделены, с нашей точки зрения, две группы фактов: а) когда признак предмета, обозначенный предикативной формой, хотя и предстает как «окачествленный», но при этом связь причастной формы с глаголом не утрачена; б) когда причастная форма обозначает признак предмета как его постоянное свойство, не обнаруживая никакой связи с глаголом. Приведем имеющиеся у нас примеры:

а) *у вас нервы разойдёные* Кириловское Рыбинск. Яр.; *все спички погореные* Кулаги Суражск. Брян.; (он) *чуть только не колéтый* Спасское Корсаковск. Орл.; *они улежатые* (о грушах, которые долго лежали); (о человеке, не погибшем на фронте): *он не был, наверно, прогрешóный* Счастливка; *руки сгоретые* Байдино Арсеньевск. Тул.; *должен быть выеханый* Логиновка Краснокутск. Сар.;

[12] См.: Н. Н. Прокопович. Категория вида в страдательных причастиях. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. XLII. Кафедра русск. языка. М., 1947.

сердцевины выгнитые Канаевка Городищенск. Пенз.; *хутор обгоретый* Салтынск Урюпинск. Волг.; *утюг разгоретый* Нехочи Хвастовичск. Калуж.; *коровы заболеватые* Казачья Лисица Грайворонск. Белг.;

б) (они) *старые — не так пожитые* (т. е. пожилые) Ефремково; *я кака расстроеная — всех жалею* (т. е. жалостливая) Красный Бор; *стол оперированый* (т. е. операционный) Ямок; *все мы загоретые* Арнеево Серпуховск. Моск.; (она) *престаретая* Кирейково Ульяновск. Калуж.; *экзема простуженая* (т. е. простудная) Счастливка; *корова колотая* (т. е. бодливая) Увелье Красногорск. Брян.

Отметим также единичные факты употребления причастных форм переходных глаголов со значением образований от непереходных глаголов: *я был трактор взятый* Деревянное Прионежск. Карел.; *он выпитый был* Третьяки Борисоглебск. Вор.; *я выпитый* Луковская Нехаевск. Волг. Объяснение этого явления, тесно связанного, на наш взгляд, с возможностью образования форм на *-ный, -тый* от непереходных глаголов, мы попытаемся дать ниже, после описания полупредикативного употребления полных причастных форм.

ПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ С СУФФИКСОМ *-ш-*

Формы типа *высохший, пропавший* — в целом для диалектного языка не типичные — отмечаются в предикативной функции, по данным диалектологических атласов, все же чаще в тех говорах, которые употребляют в этой функции и формы на *-ши*. Этот факт представляется нам не случайным: по-видимому, полные формы в ряде говоров являются образованиями вторичного порядка — от форм на *-ши*, а не заимствованиями из литературного языка, как полагают некоторые исследователи. Так, например, Р. И. Аванесов, характеризуя глагольную систему некоторых говоров рязанской мещеры, пишет следующее: «Причастий действительных в говоре нет, если не считать нескольких заимствованных слов на *шаі* — книжного происхождения и в литературном языке (*зав'éдушаі, нъстajáшаі*) и не имеющих обычно значения причастия» [13]. Но кроме указанных двух автором приводятся и другие примеры, в том числе с предикативной формой — *нбн'ца т'ел'éγа ръзламáфшъіа*,— по отношению к которой также высказывается предположение о заимствовании ее из литературного языка [14].

[13] Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.— Л., 1949, стр. 199.

[14] Там же.

Предикативные формы на *-ший*, как и полные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*, употребляются в некоторых говорах как сказуемые двусоставных предложений. При иллюстрации их употребления принят следующий порядок расположения примеров (весьма незначительных по количеству): а) нераспространенные предложения со значением наст. времени (с нулевой связкой или со связкой *есть*); б) предложения со значением прош. времени (со связкой *был*); в) предложения, распространенные детермичантами с обстоятельственным значением, ср.:

а) *я не выспавшая* Взвад Старорусск. Новг.; *жена записавшая* Заполек Маловишерск. Новг.; *ветки нагнувшие* Яковлево Угличск. Яр.; *и муж и сын — оба погибшие* Кириловское Рыбинск. Яр.; *он заболемший* Монастырское Калининск. Сар.; *он выпимший* Александровка Гремяченск. Вор.; *это когда-то говорёно, это уж забывшее* Средн. Карачан Верхне-Карачанск. Вор.; *чтой-то вы не емш[а]й* Кузминские Отвержки Липецк. Лип.; *ты одевш[а]й; я не евш[е]й* Евсюковка Усманск. Лип.; *у многих сена есть сгнившие* Кихита Тартумаск. Эст.; *в огороде у нас цветы есть выросшие* Ямно Поддорск. Новг.;

б) *он не поспевший был* Михайловка Федоровск. Сар.; *от как я вчерась был загулямший, со вчерашнева чердак трещить* Стригово Новоржевск. у. Пушк. в. [15];

в) *она еще вчерась прибывшая* Засово Залучск. Новг.; *он с самой весны высохший* Замежничье; *первый давно помёрший* (наряду с *первая дочь давно помёрши*) Княжицы Новосельск. Пск.; *здесь всё снаряды павшие* Немоево Сошихинск. Пск.; *никто нигде не бывший* Калласте (Красные Горы) Тартуск. Эст.; *мы не свыкшие к тому* Горожанка Суземск. Брян.; *сын пропавший в августе месяце сорок первого года* Новая Пятина Белинск. Пенз. Кроме предложений с детерминирующими обстоятельствами есть одно предложение, распространенное сочетанием *у вас*, однако из контекста неясно, выступает оно с объектным или субъектным значением, ср.: *у вас большой самовар согревший* Бурмакино Капшинск. Лен.

Не останавливаясь сейчас специально на характеристике грамматического значения рассматриваемых форм,— как и для форм с суффиксами *-н-*, *-т-*, постараемся дать ее в заключение настоящей части работы,— мы считаем необходимым по отношению к приведенным иллюстрациям сделать три замечания.

1) Избранный нами порядок расположения иллюстраций предикативного употребления форм на *-ший* аналогичен тому, который был принят и для подачи материала с предикативными формами на *-ный*, *-тый*: для грамматического значения и тех, и других форм оказывается далеко не безразличным, употреблены ли они в предложении нераспространенном или распространенном; в последнем же

[15] «Сказки и легенды Пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева». М.— Л., 1950, стр. 96.

случае большую роль играет характер распространения предложения и те связи причастной формы с другой словоформой (или словоформами), которые она обнаруживает в предложении.

2) Большинство имеющихся у нас примеров с предикативными формами на *-ший* свидетельствует о том, что они употребляются в предложениях с координацией главных членов. Однако в части южнорусских говоров, как указывают некоторые исследователи, возможно употребление неизменяемой формы на *-шъй*, *-шай* или *-шей* [16]. Этим объясняется тот факт, что в двух случаях мы сделали отступления от принятого правила приводить формы с суффиксом *-ш-* в орфографии. (К сожалению, подлежащие в этих предложениях выражены формами личных местоимений, а контекст не позволяет определить для них категорию рода; см. материал по д. Евсюковка).

3) Связка *есть* в приведенных предложениях не лишена, по-видимому, доли значения бытийного глагола, а это, в свою очередь, повышает долю определительного значения в сочетающейся с ней причастной форме.

[16] См.: О. Г. Г е ц о в а. Говор села Катагощи. (Канд. дисс., рукопись). М., 1952, стр. 454—455; В. И. С о б и н н и к о в а. Указ. соч., стр. 60.

Глава 2

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОЕ И НЕПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

Функции разных групп причастных форм — с суффиксами *-н-*, *-т-*, с одной стороны, и с суффиксом *-ш-*, с другой — в полупредикативном употреблении оказываются несколько неоднородными: первые входят в состав сказуемого в сочетании с полузнаменательным или знаменательным глаголом-связкой [1] только как предикативный атрибут (*так и осталась недоучёная* Типиницы; *мы живем заброшеные* Рудой Ровенск. Вор.), вторые в сочетании со знаменательными глаголами выступают не только как предикативный атрибут, но также, по-видимому, и в качестве формы с обстоятельственным значением (примеры см. в п. 2).

1) Полупредикативное употребление форм на *-ный*, *-тый* по говорам территориально, по-видимому, не ограничено, но в севернорусских говорах оно отмечается редко. Как показывает материал, не ограничено в диалектном языке употребление рассматриваемых форм и с точки зрения их грамматических признаков: при более употребительных образованиях от переходных глаголов св. вида отмечаются также образования от переходных глаголов несв. вида, возможны они, очевидно, и от непереходных глаголов [2], ср., напр.: *он вышел одетый* Сапино Воротынск. Горьк.; *вот такой пойман, заеденый лежит, у кота где-то пойман* Колоколово; *а этот вот растет малыш некрещеный* Замежничье; *будут оборваные ходить*; *будешь ходить рваный* Б. Кольки (Сур-Колкья) Тартуск. Эст.; *стоит дом разбитый* Ямок; *снарядёные ходят* Журиничи Брянск. Брян.; *она убраная сидела*; *сидела засватаная* Александровка Гремяченск.

[1] Характеристику глаголов, выполняющих в диалектном языке функцию связок в сочетаниях с причастными формами, см. в ч. I, гл. 2 данной работы.

[2] К сожалению, мы не можем проиллюстрировать именно полупредикативное употребление примерами с соответствующими формами, поскольку они, по-видимому, случайно отсутствуют в наших материалах, хотя для предикативной и непредикативной функций мы располагаем материалом с образованиями от непереходных глаголов (см. соответствующие разделы настоящей части работы).

Вор.; *загоны остались не жатые* Соколово Навлинск. Брян.; *все убратые стали* Незнамовка Тамбовск. Тамб.; *осталися шкурки обвареные* Счастливка.

В говорах, где распространено предикативное употребление форм на *-ши*, последние могут выступать и в функции связки, ср.: *один оставши закрытый с веточками* Усадище Тосненск. Лен.; *суп не кушаный оставши* Мышкино Пестовск. Новг.

Употребление образований от переходных глаголов св. вида, обычно не распространяемых в предложении (см. приведенные выше примеры), как известно, создает наиболее благоприятные условия для адъективации причастных форм, имеющих определительное значение. Это касается не только тех случаев, когда они выступают в роли предикативного атрибута, но также функционирования их и в качестве непредикативного атрибута.

Изредка, однако, полупредикативные причастные формы выступают в предложении с зависимыми словами, что́ свидетельствует о сохранении ими глагольных свойств, препятствующих процессу адъективации, ср.: *стала угнетеная чем-то* Ефремково; *теперь он сидит посаженый на десять годов* Лукино Капшинск. Лен.; *идет женщина вся в черном одетая, платком повязаная* Колоколово.

Отметим также употребление образования от переходного глагола с непереходным значением как факт, хотя и единичный, но чрезвычайно важный для общей характеристики грамматического значения форм, рассматриваемых в настоящей части работы (см. об этом ниже): *они стали выпитые* Хинель Севск. Брян.

2) Формы с суффиксом *-ш-* в полупредикативном употреблении могут выступать не только как предикативный атрибут, относящийся в предложении к имени — подлежащему, но также в качестве формы с обстоятельственным значением, которая занимает, по-видимому, промежуточное положение между предикативным атрибутом и детерминирующим обстоятельством. Разное синтаксическое значение форм дифференцировано в данном случае и морфологически: а) изменяемые формы выступают как предикативный атрибут, б) неизменяемые могут функционировать и с обстоятельственным значением, ср., напр.: а) *баба одна пришла заколевшая* Загорье Порховск. Пск.; *сидит чисто одевшим* Алексино Белозерск. Вол.; *ушла ад'ёфшъ̣а, абу́фшъ̣а, разу́фшъ̣а* Кидусово и Нагорная Спасск. Ряз. [3]; б) *сгорбившай хожу* Большая Крестовая Окуловск. Новг.; *он пошел обувшъй* Александровка Гремяченск. Вор.; *легла не евшай; лег раздевшай* Кривка Молотовск. Лип.; *обувшай валяется на постели* Вишневое Ст.-Юрьевск. Тамб.

Наши материалы (как уже говорилось), неполноценные для того, чтобы исчерпывающе охарактеризовать употребление данных форм по всем говорам (поскольку в «Программе собирания сведений для

[3] Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.—Л., 1949, стр. 199.

составления диалектологического атласа русского языка» нет об этом специального вопроса, и наши примеры извлечены из ответов на вопросы об употреблении и образовании форм на *-ши*), свидетельствуют, однако, о большей распространенности неизменяемых форм в некоторых южнорусских говорах, исследователи которых специально обращали внимание на данное явление. Так, В. И. Собинникова из говоров Гремяченского р-на Воронежской обл. среди прочих примеров, аналогичных указанным выше, приводит следующие: *Пашли абуфшъй*; *А то кукурузу собирали раздефшыю*[4].

По-видимому, к полупредикативному мы должны отнести единично отмеченное употребление причастной формы с суффиксом *-ш-* в обособленном определении: *лядина — место, заросшее кустам* Кануновщина Гдовск. Пск. Это явление — абсолютно для говоров не типичное — можно рассматривать, вероятно, как результат взаимодействия с литературным языком.

НЕПРЕДИКАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

Полные причастные формы в непредикативном употреблении являются согласуемыми с именами — компонентами атрибутивных словосочетаний с определительными отношениями. С точки зрения синтаксических связей этот тип словосочетаний в диалектном языке ничем не отличается от соответствующего типа словосочетаний в литературном языке. Поэтому представляется интересным охарактеризовать только грамматические признаки причастных форм — атрибутов, выделив те из них, которые являются специфичными для диалектного языка. Рассмотрим сначала образования с суффиксами *-н-*, *-т-* (1), а затем — с суффиксом *-ш-* (2).

1) Наиболее типичным для диалектного языка, как и для литературного, является употребление в атрибутивных словосочетаниях причастных форм, образованных от глаголов св. вида, ср., напр.: *ни одного полешка нет поколоного* Выбье Кингисеппск. Лен.; *разведёных-то этих женихов много естя* Красный Бор; *на выловленыйто рубль даются талоны рыбаку* Подборовье Полновск. Пск.; *допрошеных людей обратно ведут* Сиковицы Струго-Красненск. Пск.; *было остановлено недосушеный воз* Б. Сварец Лядск. Пск.; *земля обнавоженая надо* Погребище Плюсск. Пск.; *запаханая печка* Бураково Демянск. Новг.; *купленая земля* Высоково Мышкинск. Яр.; *сламаный дом* Ширяево Кимровск. Калин.; *поставленый овин* Вязовка Тонкинск. Горьк.; *отведеные участки* Шубино Загорск. Моск.; *угнатый скот* Ветрово Кармановск. Смол.; *обтёсаное дерево* Мокрая

[4] В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах. (По материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961, стр. 61. Об этом же явлении см. также: О. Г. Гецова. Говор села Катагощи. (Канд. дисс., рукопись). М., 1952, стр. 454—455.

Орловка Грайворонск. Белг.; (дали в приданое) *юбку сшитую, полотенце расшивное* Счастливка.

Среди причастных форм, образованных от глаголов несв. вида, следует особо выделить специфичные для некоторых говоров (главным образом западных территорий) образования от приставочных глаголов, ср., напр.: *не разбива́ное сено* Афонино Дорогобужск. Смол.; *не обшива́ные полочки* Сенча Суражск. Брян.; *обдира́ное жито* Овчинец Суражск. Брян.; *накрыва́ный платок* Летошники Жуковск. Брян. Территориально не ограниченным является употребление образований от бесприставочных глаголов несв. вида, которое можно проиллюстрировать следующими примерами: *рватое платье* Копылово Нюксенск. Вол.; *крашеный дом* Ефремково; *постелем* (лен) *на кошо́ную пожню* Чидово; не *мо́лоная пшеница* Б. Тялино Кармановск. Смол.; *сеяная мука* Уткино Задонск. Лип.; (шили) *из ткатой шерсти* Бычек Октябрьск. Кур.; *где же мытое лицо* (ребенок остался грязным, хотя его мыли); *вот я была с такими дутыми ногами* Счастливка.

Приведенные примеры свидетельствуют, с нашей точки зрения, об адъективированном характере атрибутивных причастных форм. Иногда адъективация доходит до полного отождествления причастной формы с именем прилагательным — когда для первой возможно образование как бы формы сравнительной степени: *наше с а м о е з а д в и н н о е место* (задвинутое, самое глухое) Гимрека.

Особый интерес для общего грамматического значения рассматриваемых форм представляют образования от непереходных глаголов, отмеченные в некоторых южнорусских и восточных среднерусских говорах, ср.: *захудатые девчата*; *загнитые помидоры* Филатово Обоянск. Кур.; *отжитый человек* Ушаково Саженск. Белг.; *застытый борщ* Терновое Коротоякск. Вор.; *околетый гусь* Наровчат Белинск. Пенз.; *созретое поле* Алексашкино Питерск. Сар.; *онемелтая рука* Красновидовка Екатериновск. Сар.

Не менее показательным в указанном отношении является и употребление причастной формы от переходного глагола с непереходным значением: *выпитый парень* Петровский Урюпинск. Волг.; *она сама пережи́тая женщина* (т. е. много пережившая) Счастливка.

2) Формы на *-ший*, спорадически отмечаемые в атрибутивной функции, образуются только от глаголов св. вида, ср.: *оставшее поле* Волково Междуреченск. Вол.; *да, погибший он человек* Гимрека; *в прошедшие годы много грибов было* Новая Тосненск. Лен.; *крепостные ходили в Троицын день поминать умерших господ* Гверестка Гдовск. Пск.; *стоит у самой дороги развалившийся дом* Ковришкино Кульинск. Вел. Единично отмечено употребление атрибутивной формы на *-ший* глагола *быть* в предложении с предикативной формой на *-ши* этого же глагола: *былши домы бывшие* Редковцы. Изредка атрибутивные формы с суффиксом *-ш-* отмечаются

й в фольклоре, ср.: *и садилась моя волюшка на могилушку умершую* [5]; *Кабы знала, не ломала Виноград не вызревший; Кабы знала, не любила Я цветка не вызнавши; ...Распашу я уголки, Поставлю табуреточки, К нам мальчишечки идут Заплеснившие жилеточки* [6].

Наш материал, хотя и весьма незначительный по количеству, позволяет предположить, что образования на *-ший*, выступающие в функции атрибута, представляют собой адъективированные формы. Существенным при этом является тот факт, что все это — образования от глаголов св. вида: наблюдения над процессом адъективации действительных причастий прош. времени в литературном языке свидетельствуют о том, что «адъективироваться могут только действительные причастия прошедшего времени совершенного вида» [7]. Особенно показательно для адъективного значения формы на *-ший* такое употребление, как *умершее платье* (Ямок; о платье, приготовленном на смерть), или в примере, записанном А. А. Шахматовым (см. выше).

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ПОЛНЫХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

В итоге описания синтаксических функций полных причастных форм представилось целесообразным остановиться на одном вопросе, с которым тесно связано определение их грамматического значения. Мы имеем в виду вопрос о проявлении в данных формах категории залога — одной из важнейших грамматических категорий, которыми характеризуются глагольные формы.

На отсутствие в русском языке четких залоговых разграничений у причастий, относимых в нормативной грамматике к формам страдательного и действительного залога, мы имеем указания в литературе еще середины прошлого века [8]. Так, Н. П. Некрасов, определив формы на *-ный*, *-тый* как отглагольные прилагательные со значением качества, отвлеченного от действия [9], употребление одной и той же формы с разным залоговым значением (напр., словоформ *спасенная*, *порожденная* со значением *спасающая*, *породив-*

[5] А. А. Шахматов. Фольклорные записи в Петрозаводском и Повенецком уездах Олонецкой губернии. (Рукопись), 1884. Архив Акад. наук, ф. 134, оп. 1, № 80.

[6] «Частушки, народные припевки, собранные и записанные в Псковской губернии И. К. Копаневичем». Псков, 1904, стр. 28, 46.

[7] Л. П. Калакуцкая. К вопросу об адъективации причастий. (Категория вида действительных причастий прошедшего времени в ее отношении к адъективации этих причастий). «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», т. 73. Грамматика современного русского языка. М., 1959, стр. 157.

[8] См. , напр.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 108, 352; Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 252 и след., 281 и след.

[9] Н. Некрасов. Указ. соч., стр. 277 и след.

шая [10]) объясняет следующим образом: «Действие, понятое в смысле отвлеченного качества, может войти по смыслу речи и в страдательное и в действительное отношение с тем предметом, которому послужит определением» [11]. Другое объяснение залоговых отношений, а именно — как взаимодействие диалектных форм с соответствующими формами литературного языка — на материале некоторых говоров рязанской мещеры предлагается Р. И. Аванесовым [12]. Сопоставляя между собой употребление двух разных причастных форм, автор пишет: «В примере *гар'ётъ̨а м'ёста* причастие не имеет страдательного значения. Напротив, в примере *нбн'ца т'ел'ега ръзлама́фшъ̨а* причастие не имеет действительного значения» [13].

Нам представляется, что отсутствие в диалектном языке в ряде случаев четких залоговых противопоставлений между формально разграниченными причастными образованиями — это явление имеет место и в предикативном употреблении кратких причастных форм, образованных от основы глаголов прош. времени (см. ч. I, гл. 1) — для разных групп форм может иметь, по-видимому, разное объяснение. Попытаемся объяснить данное явление для полных причастных форм.

Принимая тот факт, что в глагольной системе диалектного языка в целом отсутствует разряд форм, который в литературном языке составляют причастия прош. времени действительного залога (*приехавший*, *ушедший*) [14], мы рассматриваем отдельные образования форм на *-ший* в отдельных говорах как вторичные, которые в зависимости от их синтаксических отношений в пределах словосочетания или предложения получают либо определительно-адъективное, либо определительно-обстоятельственное значение (см. выше в соответствующих разделах). Утрата ими такого залогового показателя как частица *-ся* (примеры см. выше) способствует их адъективации [15]; в этом же облике, т. е. без частицы *-ся*, они и субстантивируются, ср.: *о случившем и говорить нечего* Осцы Холмск. Вел.

Отсутствие в диалектном языке особого разряда в системе глагольных форм — причастий действительного залога — ставит в особое положение причастные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*: они

[10] Там же, стр. 253.
[11] Там же, стр. 285.
[12] Р. И. А в а н е с о в. Указ. соч., стр. 199.
[13] Там же.
[14] На значительное отличие говоров от литературных языков по употреблению полных причастий действительного залога во всех славянских языках, не только в русском, указывает В. Барнет в работе, посвященной развитию данных причастий в русском языке. См.: V. B a r n e t. Vývoj systému participií aktivních v ruštině. Praha, 1965, стр. 76 и 80.
[15] См.: В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 187—188.

значительно более свободно, чем в литературном языке, образуются от непереходных глаголов, беря на себя тем самым функции причастий действительного залога. Этим, по всей вероятности, объясняется употребление ряда словоформ — образований от непереходных глаголов — в структурах, где они выполняют разные синтаксические функции, типа: *нервы разойдёные*; *вы у меня приобретёные* (Кроксово; фраза, сказанная отцом перед смертью детям: смысл ее заключается в том, что отец оставляет детям наследство — он приобрел для них дом); *они спали выпитые; созретое поле*; *выпитый парень* (см. выше). Возможно, что то же обстоятельство, а именно — отсутствие соотносительности по залоговому признаку,— усиливает в формах на *-ный, -тый* общее значение «отвлеченного качества», о котором говорил Н. П. Некрасов, и они свободнее вовлекаются в процесс адъективации, которому подвержены страдательные причастия и в литературном языке[16]. Входя в систему глагольных форм, они не представляют собой, однако, разряда, вполне однородного по грамматическому значению: признаки глагола и прилагательного, которые, как известно, совмещают в себе формы на *-ный, -тый*, в разных условиях получают возможность для разного их проявления. Однако главным для полных причастных форм с суффиксами *-н-, -т-* является, по-видимому, употребление их для передачи значения состояния предмета как следствия действия другого предмета, поскольку в большинстве своем эти формы образуются от переходных глаголов св. вида.

Для того, чтобы дать некоторое представление о сравнительной свободе диалектного языка в образовании полных форм как от глаголов *переходных несовершенного* вида (1), так и от глаголов *непереходных* — любого вида (2), приведем отмеченные по говорам словоформы — образования с суффиксами *-н-, -т-*:

1) *бáлованый, белёный, битый, бранётый* (гл. *бранить*), *браный, бритый, валя́тый, венча́тый, веяный, витый, вожóный, вышива́ный, вязаный, глаженый, гнатый, гнутый, гребёный, гретый, даный, деланый, держаный, долблёный, дратый, дутый* (*не*)*еденый, жатый, жгатый, жеченый, завáриваный, (не)званый, квашеный, кладеный, клятый, колоченый, кóпаный* (*копáтый*), *копнёный, кормлёный, кóшеный* (*кошóный*), *краси́тый, крашóный, крещёный, кручёный, крытый, кушаный, легчёный, лечёный, ломаный, мазаный, масленый, меня́тый, меряный, метёный, молóтый, молочёный, мóченый, мытый, мятый, набира́ный, надева́ный, накрыва́ный, нашива́ный, обдира́ный, (не)обува́тый, обшива́ный, (не)открыва́ный, па́харный, пéченый, пóленый, пи́саный, пла́станый, плéтеный, подбира́ный, пóеный, покупáтый* (от гл. *покупать* — несв. вида к гл. *купить*), *поliва́ный, пóлóтый, полоска́тый, помы́каный, пóротый, прибива́ный, пришива́ный, разбива́ный, раскра́шиваный, расшива́ный,*

[16] См.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 187.

ращёный, рваный, резаный, рубленый, сажóный, сбивáный, сеяный, синёный, сóленый (солóтый), сортирóванный, стёганый, стúранный, стреляный, строгáный, судёный, сушóный, сшивáный, сымáтый, тертый, тканый, толченый, топлёный, точёный, трáвленый, трепаный, трéсканый, трóганый, убúрáный, умывáный, ýченый и учёный, хлёбаный, цежоный, ценúтый, чинёный, чищеный, шитый;

2) *(не)болетый, выгнитый, выеханый, горетый, дожданый, доспетый, заболеватый, загнитый, загоретый, заплытый, запьяневтый, застытый, захудатый, колетый, намы́каный, обгоретый, обмолцтвеный, (о)колетый, онемелтый, отелёная, отжитый, отступлёный, повяный, погоретый, пожитый, помы́каный, поспетый, приехатый, прогрешоный, простытый, разгоретый, разойдёный, сгоретый, созретый, улежатый.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя употребление в современных русских говорах тех форм, которые являются по происхождению причастными, мы пришли к выводу, что данные формы составляют один грамматический разряд. Именно из такого понимания места причастных форм в грамматической системе мы и исходили при написании настоящей работы. Попробуем теперь обосновать свой подход к материалу, опираясь на всю сумму изложенных выше фактов. Существенным представляется охарактеризовать здесь два момента: 1. соотносительность форм, составляющих в литературном языке два грамматических разряда причастий и деепричастий, и 2. роль причастных образований в конструкциях типа *он* (*есть*, *был*, *будет*) *поставлен*, *он* (*есть*, *был*, *будет*) *вставши*.

1. Мы видели, что причастные формы русских говоров могут употребляться предикативно, полупредикативно (в качестве предикативного атрибута и предикативного обстоятельства) и непредикативно (в качестве атрибута и обстоятельства). Одни функции известны всем причастным формам, другие — только их части. В общем виде характер употребления причастных форм можно представить в таблице, где знаками + и — соответственно показано наличие или отсутствие у каждой группы той или иной функции.

Причастные формы	Предикативное употребление	Полупредикативное употребление		Непредикативное употребление	
		предикативный атрибут	предикативное обстоятельство	атрибут	обстоятельство
Краткие формы с суффиксами *-н-*, *-т-*	+	+	—	+	—
Полные формы с суффиксами *-н-*, *-т-*	+	+	—	+	—
Формы на *-ши*	+	+	+	+	+
Формы на *-ший*	+	+	—	+	—
Формы на *-а*	+	+	+	—	+
Формы на *-учи*	+	+	+	—	+

Из таблицы ясно, что весь круг выделенных здесь функций свойствен только одной группе причастных образований — формам на *-ши*. Остальные пять групп распадаются на две части: 1) краткие и полные формы с суффиксами *-н-*, *-т-* и формы на *-ший* — они не знают обстоятельственного употребления; 2) формы на *-а* и формы на *-учи* — у них отсутствует собственно атрибутивная функция. В соответствии с общей грамматической традицией причастиями называется разряд глагольных форм, определяющих имя — на основе предикативной или непредикативной связи. Что же касается обстоятельственного употребления, то оно, как известно, является признаком деепричастий. Если с этих позиций подойти к рассматриваемым формам русских говоров, то можно сказать, что причастные функции в той или иной мере свойственны всем данным формам, но для форм с суффиксами *-н-*, *-т-* — кратких и полных — и форм на *-ший* причастные функции являются единственными, три же другие группы форм — на *-ши*, на *-а* и на *-учи* характеризуются наличием, наряду с ними, и функции деепричастий. Существенно при этом заметить, что наиболее характерная причастная функция — собственно атрибутивная оказывается для этих последних форм редкой (формы на *-ши*) или совсем неизвестной (формы на *-а* и на *-учи*). На основании приведенных фактов можно сказать, что круг причастных образований, составляющих в литературном языке два разряда форм — причастий и деепричастий,— в говорах характеризуется тенденцией к разделению на две части, однако процесс расщепления данного круга форм еще весьма далек от завершения. К этому следует прибавить, что наиболее обычной как для форм на *-ши*, так и для форм на *-а* в говорах является не чисто обстоятельственная или предикативно-обстоятельственная функция, как в литературном языке, а функция определительно-обстоятельственная. Существенно также напомнить, что формальный признак, на основании которого выделяются деепричастия в литературном языке,— неизменяемость — не может считаться специфической чертой образований на *-ши*, на *-а* и на *-учи* применительно к говорам, поскольку здесь употребительны и неизменяемые формы с суффиксами *-н-*, *-т-* (формы на *-но*, *-то*; на *-нось*, *-тось* и на *-н*, *-т*). Таким образом, получается, что два признака деепричастий — обстоятельственная функция и неизменяемость — оказываются связанными в говорах с несколько разными группами форм. В силу всего сказанного мы и не сочли возможным применительно к современным русским говорам разбить именные глагольные формы на два разряда, а рассматривали их как один разряд, стараясь в то же время показать как формальные, так и функциональные различия между входящими в данный разряд группами форм.

§ 2. По отношению к формам на *-ши*, употребляющимся в конструкциях типа *он (есть, был) вставши* в литературе употребляются, наряду с термином «причастие», термины «(предикативное)

деепричастие» и «отпричастная форма». Очевидно, что определение образований типа *вставши*, *поспевши* как деепричастий основано на их структуре и идет от терминологической системы, выработанной на материале русского литературного языка. Введение же термина «отпричастная форма» связано, наоборот, со стремлением подчеркнуть специфику значения и употребления образований на *-ши* в говорах. Так, Ф. П. Филин пишет: «... Однако современное причастие в роли сказуемого никак нельзя назвать деепричастием, поскольку оно по своему синтаксическому значению решительным образом отличается от последнего. Лучше называть это причастие отпричастной формой (чтобы не смешивать с действительным деепричастием), а предложение типа «он ушетшы» — отпричастным оборотом или отпричастной конструкцией» [1].

Безусловно соглашаясь с Ф. П. Филиным и другими исследователями в том, что предикативно употребляющиеся образования типа *вставши* не могут быть определены как деепричастия, мы возразили бы и против применения термина «отпричастная форма» — вернее, считали бы его лишним. Употребляясь предикативно, т. е. выступая в сочетании с формами глагола *быть*, образования на *-ши* не выходят, как нам представляется, из тех границ, которые определены общей грамматической традицией для форм, относящихся к числу причастных (ср. аналогичное употребление форм с суффиксами *-н-*, *-т-* в русском языке). Данное положение остается справедливым при любом понимании места сочетаний типа (*есть*, *был*) *вставши* в грамматической системе — как форм именного сказуемого, перфекта или прошедшего времени.

[1] Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», вып. 4. М.—Л., 1948, стр. 29.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ

Арх. — Архангельская обл.
Бал. — Балашовская обл.
Белг. — Белгородская обл.
Брян. — Брянская обл.
Вел. — Великолукская обл.
Волг. — Волгоградская обл.
Вол. — Вологодская обл.
Вор. — Воронежская обл.
Горьк. — Горьковская обл.
Ив. — Ивановская обл.
Калин. — Калининская обл.
Калуж. — Калужская обл.
Карел. — Карельская АССР
Кир. — Кировская обл.
Костр. — Костромская обл.
Кур. — Курская обл.
Латв. — Латвийская ССР
Лен. — Ленинградская обл.
Лип. — Липецкая обл.
Мар. — Марийская АССР
Морд. — Мордовская АССР
Моск. — Московская обл.
Нижег. — Нижегородская губ.
Новг. — Новгородская обл.
Олон. — Олонецкая губ.
Орл. — Орловская обл.
Пенз. — Пензенская обл.
Пск. — Псковская обл.
Пушк. — Пушкинская волость
Ряз. — Рязанская обл.
Сар. — Саратовская обл.
Симб. — Симбирская губ.
Смол. — Смоленская обл.
Тамб. — Тамбовская обл.
Твер. — Тверская губ.
Тат. — Татарская АССР
Тул. — Тульская обл.
Ульян. — Ульяновская обл.
Чув. — Чувашская АССР
Эст. — Эстонская ССР
Яр. — Ярославская обл.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Замечания об образовании причастных форм (*Е. В. Немченко*) 10

Часть I. Употребление кратких причастных форм, образованных от основы глаголов прошедшего времени 16

Глава 1. Предикативное употребление причастных форм (*И. Б. Кузьмина*) 16

Глава 2. Полупредикативное и непредикативное употребление причастных форм (*Е. В. Немченко*) 224

Часть II. Употребление кратких причастных форм, образованных от основы глаголов настоящего времени (*Е. В. Немченко*) 253

Глава 1. Предикативное употребление причастных форм 260

Глава 2. Полупредикативное и непредикативное употребление причастных форм 264

Часть III. Употребление полных причастных форм, образованных от основы глаголов прошедшего времени (*Е. В. Немченко*) 282

Глава 1. Предикативное употребление причастных форм 284

Глава 2. Полупредикативное и непредикативное употребление причастных форм 298

Заключение 306

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

Карта-схема 1. Среднее количество примеров с предикативными формами на *-ши*, приходящееся на один населенный пункт.

Карта-схема 2. Среднее количество примеров с вин. падежом объекта (типа *она разбивши чашку*), приходящееся на 100 случаев употребления предикативных форм на *-ши*.

Карта-схема 3. Среднее количество примеров со словоформами ряда *выпивши... спавши*, приходящееся на 100 случаев предикативного употребления форм на *-ши*.

Карта-схема 4. Доля примеров с полными формами в общем количестве случаев предикативного употребления форм с суффиксами *-н-*, *-т-*.

Кувьмина Ирина Борисовна,
Немченко Елена Васильевна

**СИНТАКСИС ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ
В РУССКИХ ГОВОРАХ**

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Н. Н. Барская*
Художник *О. В. Камаев*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Т. В. Алексеева*

Сдано в набор 3/IX 1970 г. Подписано к печ. 18/XII 1970 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 21,2.
Тираж 2800 экз. Тип. зак. 1154.
Цена 1 р. 49 к.

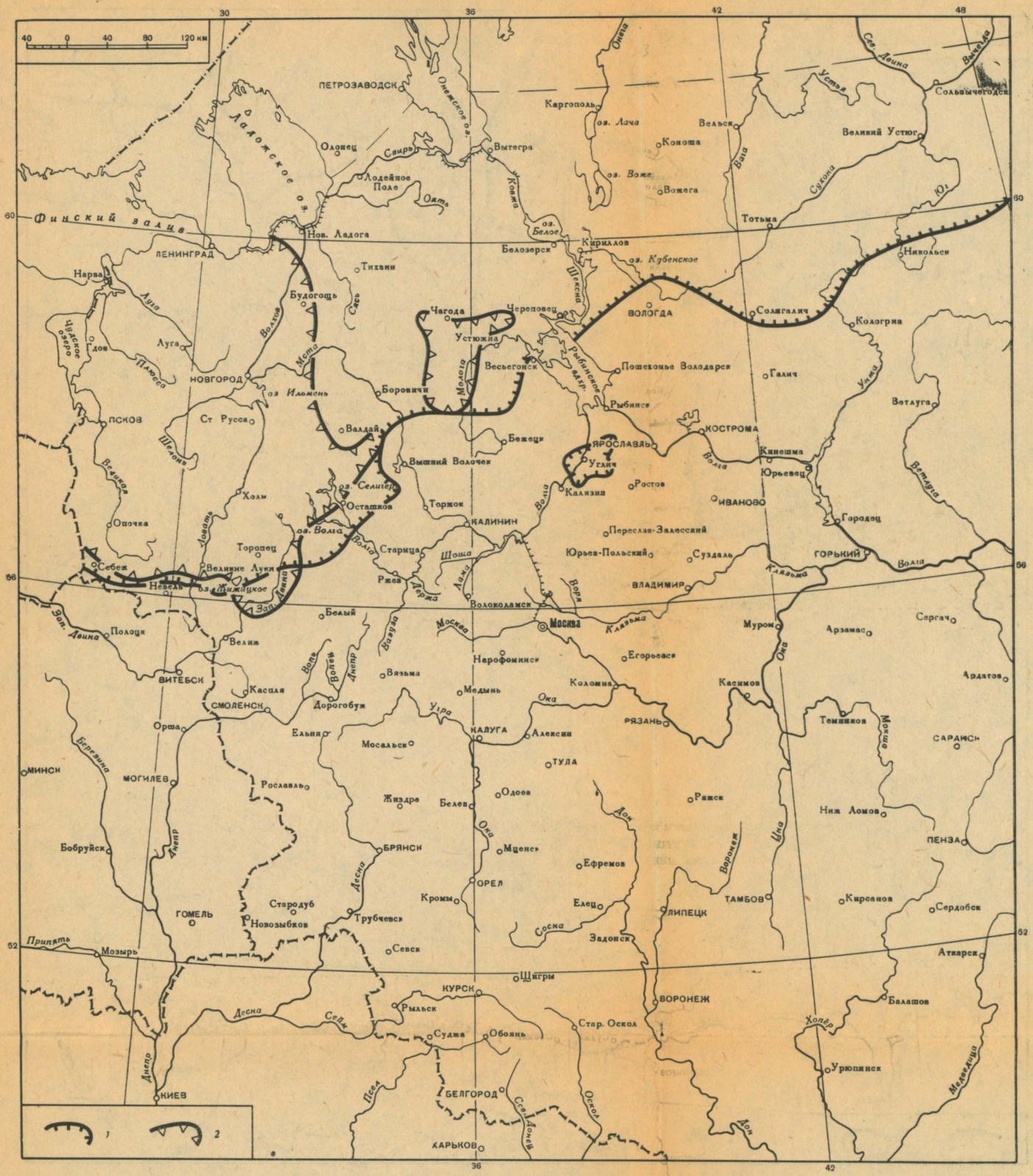
Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательство «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
21	1 сн.	см. стр. 68	см. стр. 86
66	7 св.	Башкинск.	Вашкинск.
129	15 св.	332	322
148	15 сн.	*затравеневши* 2	*затравевши* 7; *затравеневши* 2;
155	20 сн.	*припортиєшись*	*приподнявши* 2; *припортившись*
159	21 сн.	*утопивши* 6 (3)	*утопивши* 5 (3)
164	Табл. 9	$\frac{13}{13}$ помещено в 7-й графе справа, должно быть в 6-й графе справа	
238	4 сн.	стр. 20	стр. 240

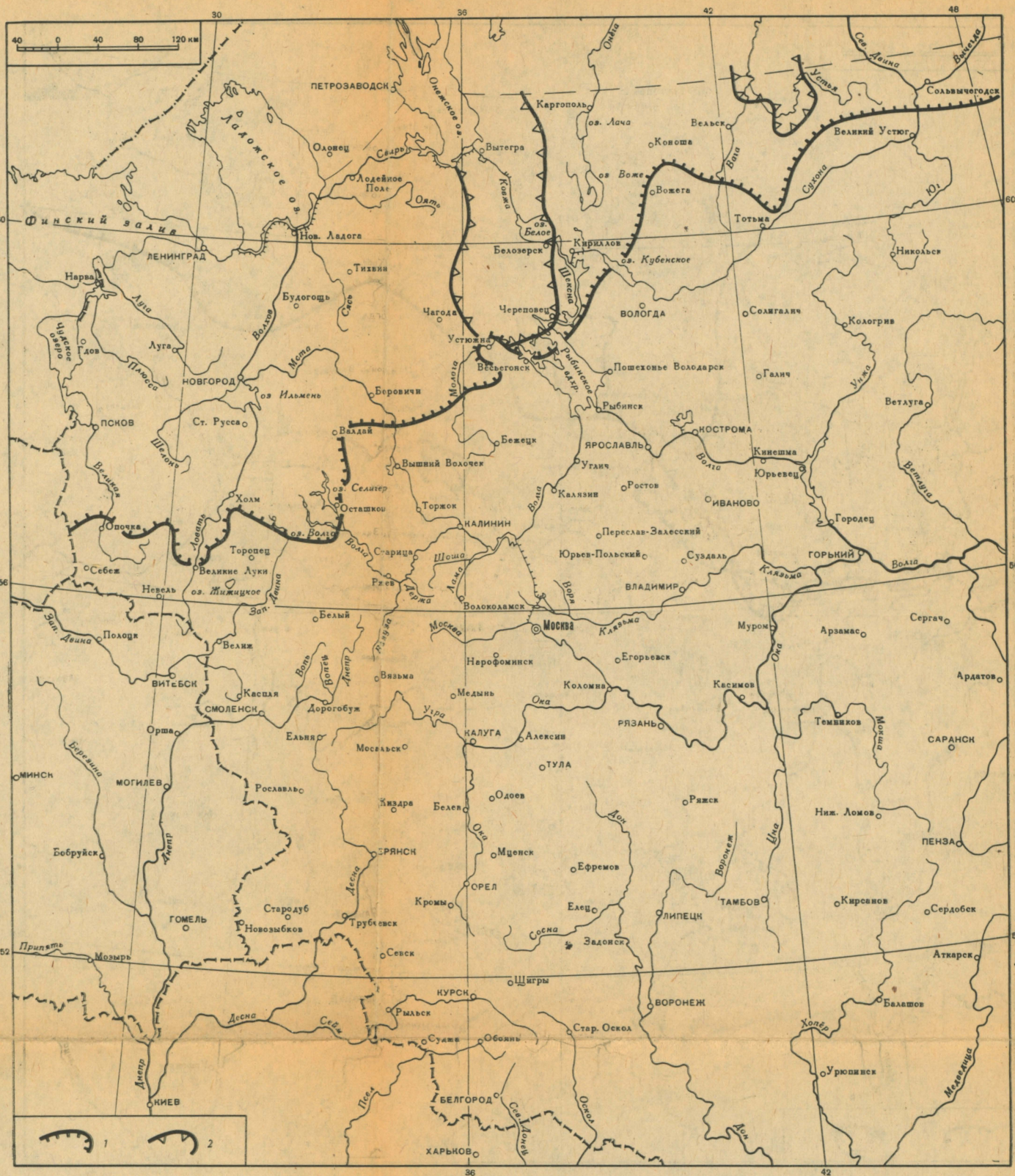
И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко

Карта 1

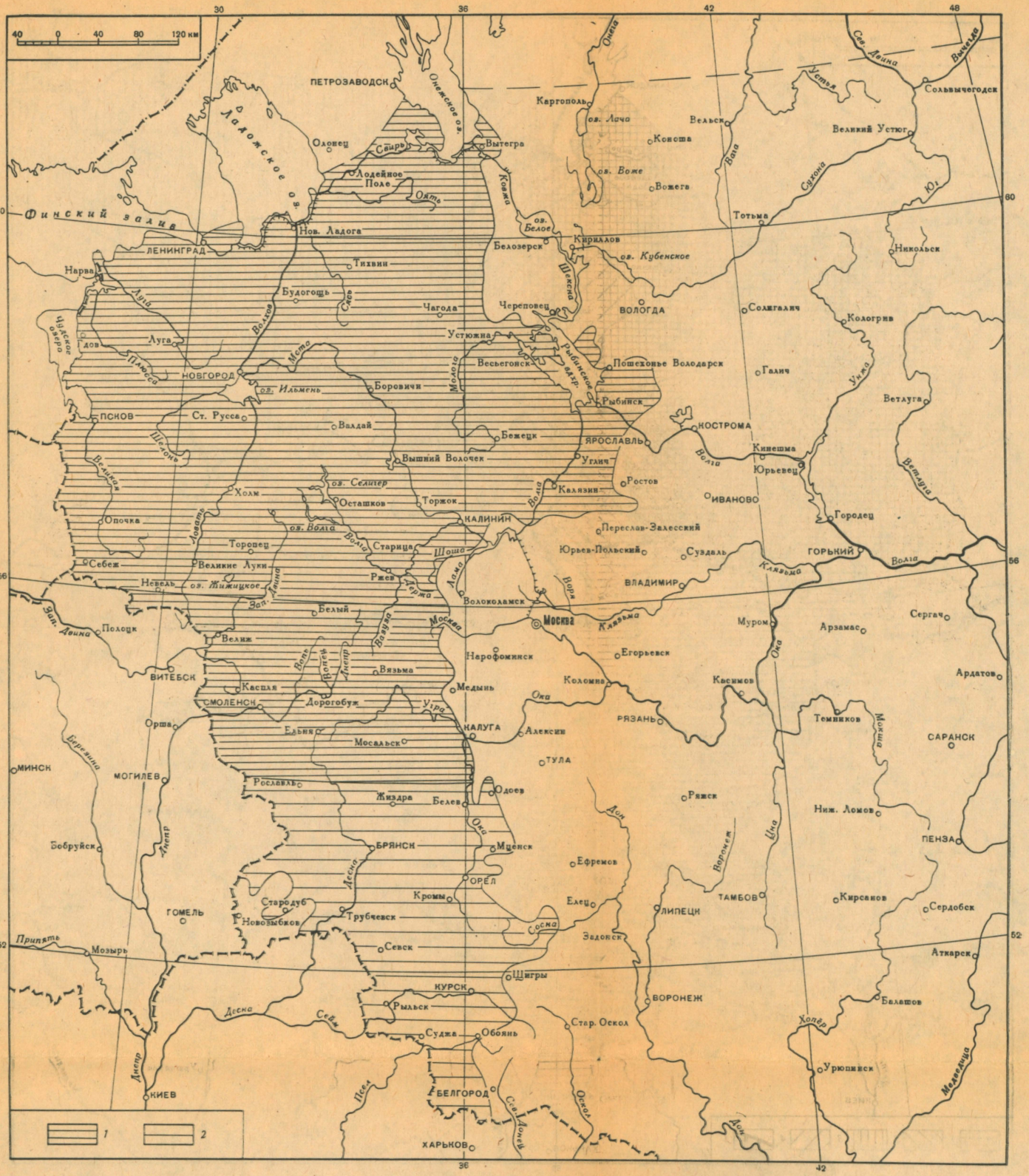
1 — распространение конструкций, предикативная основа которых состоит из причастных форм на *-но, -то*, образованных от основ переходных глаголов, и имен в форме им.-вин. падежей (типа *изба поставлено, избу поставлено, дом поставлено*); *2* — распространение конструкций, предикативная основа которых состоит из причастных форм на *-н, -т*, образованных от основ переходных глаголов, и имени в форме им. падежа (типа *изба поставлен, ягоды принесен*)

И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко

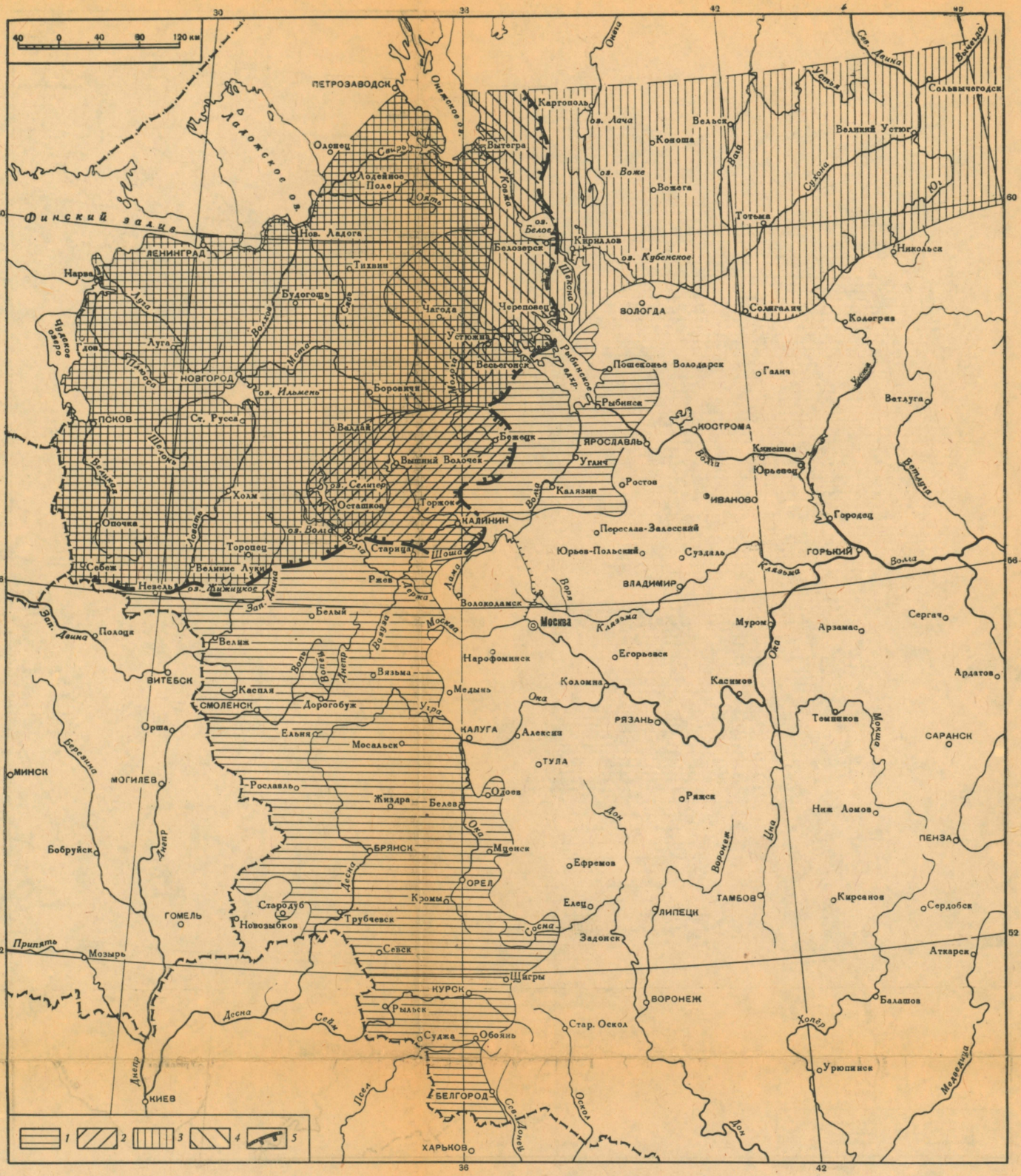
Карта 2

1 — распространение конструкций, организующим центром которых являются причастные формы на *-но, -то*, образованные от основ непереходных невозвратных глаголов (типа *у пса убежено, так было жито*); *2* — распространение конструкций, организующим центром которых являются причастные формы на *-нось, -тось* (типа *у хозяйки отстряпанось*)

Карта 3

1— территория, в пределах которой предикативное употребление форм на *-ши* отмечается во всех населенных пунктах; *2* — территория, в пределах которой предикативное употребление форм на *-ши* отмечается в большинстве населенных пунктов

Карта 4

1 — регулярное употребление конструкций с предикативными формами на *-ши* (типа *девушка уехавши*; *2* — широкое употребление страдательных (в том числе страдательно-безличных) конструкций с формами на *-ши* (типа *миска помывши*, *у него положивши*); *3* — сравнительно широкое употребление конструкций с формами на *-но*, *-то*, образованными от основ переходных глаголов (типа *изба поставлено*, *избу поставлено*, *воды принесено*, *у него положено*); *4* — широкое употребление конструкций с формами на *-но*, *-то* (*-нось*, *-тось*), образованными от основ непереходных глаголов; *5* — приблизительная граница широкого употребления конструкций с предикативными причастными формами, образованными от основ как переходных, так и непереходных глаголов